К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ДЖОРДАНО БРУНО

Джордано Бруно
Избранное

Самара
Издательский дом «Агни»
2000

Бруно Д.

Б89 Избранное. — Самара: Агни, 2000. — 592 с: ил.

ISBN 5-89850-021-9

Книга, приуроченная к 400-летию со дня смерти Джордано Бруно, включает его основные мировоззренческие работы: «Пир на пепле», «О бесконечности, вселенной и мирах» и др. Открывает ее очерк А.Н. Веселовского, ярко обрисовывающий жизненный путь великого Ноланца. В книгу также включены извлечения из «Краткого изложения следственного дела» и текст обвинительного приговора, вынесенного инквизицией Джордано Бруно.

ББК 87.3

Литературно-художественное издание

Джордано Бруно
Избранное

Редактор *С.Н. Воробьева*
Художник-оформитель *П.В. Шумков*
Технический редактор *М.Н. Волкова*
Компьютерная верстка *Л.И. Агрофенина*
Корректоры *Р.М. Землянская, О.Н. Зызлаева*

ЛР № 071592 от 10.02.98
Подписано в печать 17.01.2000. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 34,52. Уч.-изд. л. 34,2
Тираж 3000 экз. Заказ 22

Издательский дом «Агни»
Для писем: 443110, г. Самара, а/я 10468
Тел.: (8462) 70-32-87, 70-32-89, факс 35-86-08
e-mail: cdk@transit.samara.ru
www.agni.samara.ru

Отпечатано в типографии Издательского дома «Агни»
443110, г. Самара, ул. Мичурина, 23

От оцифровщика. Отличия от оригинала:
1) Концевые сноски (примечания) преобразованы в обычные (перемещены на текущую страницу);
2) Перемещено с конца книги в начало «Содержание»

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ 4

А.Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ ДЖОРДАНО БРУНО БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК..... 6

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖОРДАНО БРУНО 29

Пир на пепле 30
О причине, начале и едином 89
О бесконечности, вселенной и мирах 151
О безмерном и неисчислимом. *Выдержки из поэмы* 222
Прощальная речь ..... **Error! Bookmark not defined.**
О тройном наименьшем и мере. *Выдержки* 228
Высказывания Джордано Бруно об обществе и человеке 230

ПРИЛОЖЕНИЕ 233

Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно (Извлечения) 233
Приговор 261
Даты жизни Джордано Бруно 263

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня, спустя четыре столетия с того дня, когда костер на римской Площади Цветов поглотил Джордано Бруно, мы не перестаем преклоняться перед его мужеством и силой его мысли, предвосхитившей многие открытия современной науки. И все же значение вклада Джордано Бруно в развитие философии, его роль в духовном самоосознании человечества еще недостаточно оценены, а личность его остается малоизвестной, особенно среди молодых. Личность одного из величайших мыслителей человечества, потрясающая своей силой духа и цельностью, своей преданностью истине.

Именно к тем, кто стремится открыть для себя мир человеческой мысли, и обращена эта книга, приуроченная к памятной дате. Мы хотели, прежде всего, показать читателю Джордано Бруно живым человеком: сложным и цельным, мятущимся, сомневающимся и уверенным в своей правоте, идущим в своей вере до конца, и представить в «Избранном» взгляды великого философа на мироздание и на человеческое общество как часть его. Поэтому основную часть книги составили три диалога: «Пир на пепле» (пер. Я.Г. Емельянова), «О причине, начале и едином» (пер. М.А. Дынника) и «О бесконечности, вселенной и мирах» (пер. А.И. Рубина), которые публикуются по изданию: Джордано Бруно. Диалоги. М.: Госполитиздат, 1949. Кроме того, в книгу вошли небольшие фрагменты из других малоизвестных русскому читателю работ Джордано Бруно — «О безмерном и неисчислимом», «О тройном наименьшем и мере», «Прощальная речь» (произнесенная в Виттенберге 15 сентября 1588 года), а также отдельные высказывания Бруно об обществе и человеке из разных трактатов, никогда на русский язык полностью не переводившихся.

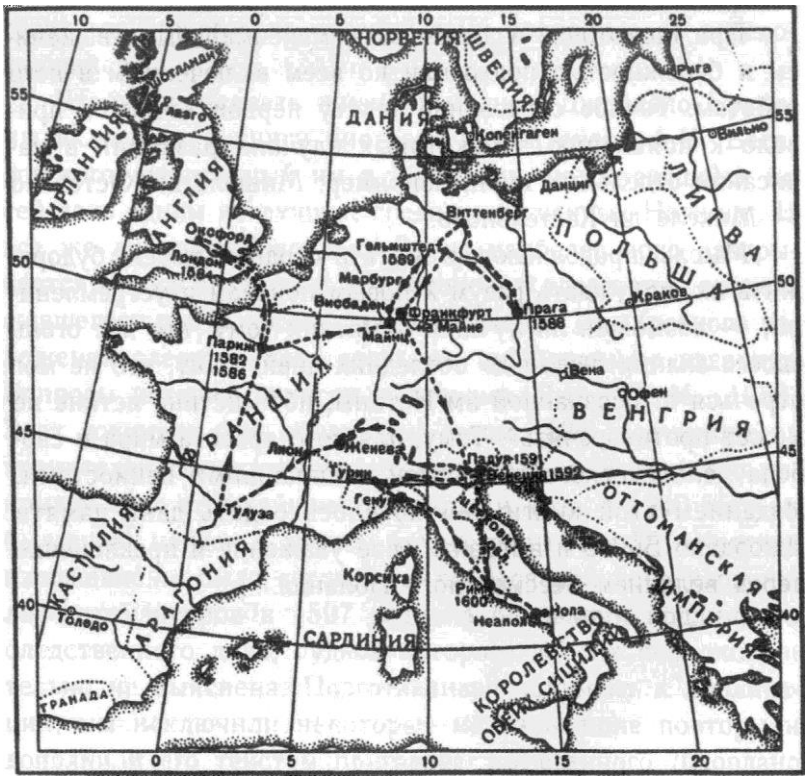
Чтобы обрисовать жизненный путь Джордано Бруно, мы включили в книгу биографический очерк А.Н. Веселовского, написанный им в 1871 году, но остающийся по сей день одним из лучших среди посвященных Ноланцу. И все же личность Джордано Бруно наиболее ярко раскрывается перед читателем в протоколах следствия, продолжавшегося почти восемь лет. Извлечения из «Краткого изложения следственного дела» мы публикуем по изданию: Вопросы истории религии и атеизма. Вып. VI. М., 1958. Этот документ был обнаружен летом 1886 года одним из хранителей Ватиканского архива. Но самый факт его открытия стал строжайшим секретом, и лишь в 1940 году он был вновь найден в личном архиве папы Пия IX. «Краткое изложение...» было составлено по распоряжению кардиналов-инквизиторов в 1597 году на основании подлинного следственного дела, судьба которого до сих пор окончательно не выяснена. Подготавливая документ к публикации, мы исключили некоторые малозначащие повторы и дополнили его текстом приговора, вынесенного Джордано Бруно 25 января 1600 года.

Книгу завершает хронология жизни гениального Ноланца, составленная в помощь читателю специально для этого издания и наиболее полная из существующих на русском языке.

Открывая книгу, вы видите непривычный и малоизвестный портрет Джордано Бруно. И все же эта гравюра на меди, изображающая немолодого и внешне не очень красивого человека, — единственный достоверно установленный прижизненный портрет великого Ноланца. Это работа неизвестного немецкого мастера, выполненная между 1586 и 1592 годами, во время пребывания Джордано Бруно в Германии.

При подготовке издания мы с максимальным уважением и бережностью подходили ко всем включенным в него работам. Точное следование тексту первоисточников привело к появлению в некоторых случаях различий в написании отдельных имен, например: Мишель де Кастельно — Микеле ди Кастельново.

Мысль, продолжающая жить в сердцах людей, будоражить их, побуждать разум к новым поискам и устремлениям, — возможен ли лучший памятник тому, кто нес огонь своего знания людям до последних дней. Тому, кто не мог отречься от осознанной им Истины, ибо «истина истине не может противоречить». Тому, для кого красота мира и свобода человеческого духа были величайшими ценностями. Изданием этой книги нам хотелось отдать дань памяти Джордано Бруно и выразить свое уважение и преклонение перед величием бессмертного Ноланца.



Карта странствий Джордано Бруно

А.Н. Веселовский

ДЖОРДАНО БРУНО

Биографический очерк

I

Попытки [Джордано Бруно] просветить современников и вывести их из заблуждений кончились, как часто кончались подобные попытки — костром. Но иначе и не могло быть в те времена великой общественной переработки, которую мы привыкли называть эпохой Возрождения. Когда старые общественные идеалы, по-видимому, стоят еще крепко, а новые едва намечены в сознании масс, как нечто готовящееся, возможное, без особой цены и значения, — только немногие выдающиеся личности переживают их сознательно, открывают их жизненный смысл и обновляющую силу. Такие личности обыкновенно являются одиноко: за ними нейдет толпа последователей, они не добиваются признания; чем уединеннее их подвиг, тем исключительнее их вера в стоимость новых идей, они предаются им без контроля и общественной поддержки, со страстностью легендарного анахорета, увлеченного в лес пением райской птички. Чем далее они сами от общества, тем более крайне вырабатываются их одинокие убеждения, тем смелее жизненные выводы, которые они делают из них, в смысле социального и религиозного обновления. Тогда между ними и обществом происходит разрыв. Нельзя сказать, чтоб они явились слишком рано: они только слишком рано высказались, хотели сделать обязательным то, что еще смутно покоилось в сознании масс, как невыясненное, далекое от всякого житейского приложения. На всем этом они настаивали и слишком быстро переходили к заключениям, иногда фантастическим, редко оправдываемым, исходя из посылок, которые, в сущности, всякий готов был им уступить, но которым предстояло дозреть до осязательных выводов целым рядом поколений. Они — голос зовущего ночью, когда нерадивые девы спят и не зажжены еще светильники. Их сторожевой оклик нарушает обычный покой и слишком рано зовет проснуться. Оттого их удаляют. Осуждая их на казнь, толпа не дает себе отчета, что она обрекает в зародыше свою собственную мысль, свое будущее, на дорогу которого они первые вступили, приняв едва брезжущие лучи за близость рассвета. Есть что-то роковое в этом самоубийстве общественной мысли.

В истории знания имя [Джордано Бруно] не особенно подчеркнуто. Поэт и пантеист по природе, он более интересовался общими построениями, широкими идеями космоса и мироздания. С высоты его мысли, в этой бесконечной жизни земля должна была представляться ему ничтожной, ее история эфемерною и страшно мелочною эта блестящая мишура, которую люди называют цивилизацией. Зато какой простор для прогресса и развития в этих бесчисленных центрах жизни, наполняющих вселенную! Поле будущего не ограничено одной землею — ему нет предела; и Бруно верит в эту бесконечность прогресса, совершенствования, как верит в свое учение.

«Этой философией мой дух расширяется и возвышается ум»,— говорит он («Il Candelajo»[1]). Эта вера — краеугольный камень его учения.

Таков Бруно-мыслитель — но здесь начинается человек. С этой верой он проходит всю жизнь, он счастлив ею и благодарит бога, сподобившего его так неутомимо стремиться к свету. Эта вера поддерживает его среди постоянных лишений, искупая его минутные слабости; вместе с ним она всходит на костер, когда бессмысленная толпа глазела на него, не зная, что творит, и некому было напутствовать его в безграничность космоса. «Ступай, мой друг, под сень той интеллектуальной сферы, которой средоточие всюду и нигде нет окружности, которую мы называем богом».

Джордано Бруно родился в 1548 году в Ноле, от бедных родителей. Бедность провожает его потом всю жизнь, он не устает бороться с ней, вечно ищет работы в типографиях, в частных уроках. Ему было 38 лет от роду, когда написано было его письмо к совету Виттенбергского университета, где он, с глубоким чувством, благодарит за то, что ему, бедному изгнаннику, позволили преподавать приватно, чтобы удалить гнетущую нищету. Была только одна светлая полоса в его жизни, когда он мог забыться на время и работать свободно: это было время его двухлетнего пребывания в Англии. Зато он и произвел там лучшее, что вышло из-под его пера; зато каким хвалебным гимном звучат его слова к Мишель-де-Кастельно, французскому посланнику в Лондоне, в доме которого он жил: «Ты обратил для меня Англию в Италию, Лондон в Нолу, в мой блуждающий кров поселил пенатов». Нола, Италия, Неаполь — старые воспоминания не оставляют его ни на минуту; как ни отрывают его от них обстоятельства, он всегда возвращается к ним с гордым самосознанием итальянца. «Италия, Неаполь, Нола! Страна, благословенная небом, глава и десница земного шара, правительница и победительница других поколений — ты всегда представлялась мне матерью и наставницей добродетелей, наук и всякого гуманного развития».

Нола, городок Счастливой Кампаньи, лежит в небольшом расстоянии между Неаполем и Казертой, в долине, которую окаймляют высоты Сан-Эльмо, Сан-Паоло и Казамарчьяно. К югу от нее виден Везувий, на север горы Авеллы и Роккарайнола, на востоке плодоносные холмы Чикала, покрытые виноградником.

У подножия этих холмов стоял домик, где родился наш Джордано. Впечатления родного пейзажа не покидают его потом никогда: всюду он носит с собой образ своей милой Нолы, он любит называть себя ноланцем, свою философию — ноланскою, выводит в своих философских разговорах действующими лицами своих знакомых из Нолы. Если б не заглавные листки того или другого из его изданий, легко бы поверить, что все они писаны и печатались в Ноле: так много в них местных указаний, как будто обличающих близость почвы и непосредственное впечатление. Мы как будто перед собою видим силуэт Везувия и Монте-Чикала, ощущаем приятную терпкость местного испанского вина и читаем вместе с Бруно забавную вывеску аптекаря: «Non qualitas, sed quantitas» — «Не качеством, а количеством»!

Бруно не только ноланец, он прежде всего истый сын итальянского юга. Документы венецианского процесса изображают его среднего роста, с бородой каштанового цвета. Если он сам себя обрисовал в антипрологе к своей комедии «Il Candelajo», то мы почти можем дописать себе его физиономию: глаза задумчивые, потерянные, как будто ушедшие внутрь, в созерцание мук ада; смех сквозь слезы (in tristitia hilaris, in hilaritate tristis); отсутствие тела; характер раздражительный, полный упрямства и эксцентрических выходок. Портрет относится к более позднему времени, и краски наложены преднамеренно ярко: во всяком случае перед нами совершенно южная натура, сотканная из одних нервов и беспокойства, способная увлечься в надзвездную область в поисках отвлеченной мысли, способная уверовать в нее со страстностью юноши, чтобы вслед за тем неожиданно окунуться в житейскую грязь и разразиться гомерическим хохотом над какой-нибудь шутовской проделкой. Этой подвижности мысли отвечает капризное движение речи: она то звучит где-то в небе полным аккордом органа, победой и провозвестием, то врывается в комнату прямо с площади, вторя нескромным кривляньям паяца.

---

[1] «Il Candelajo» («Подсвечник») — комедия Джордано Бруно. — *Примеч. ред.*

То она не угонится за мыслью и тогда догоняет ее скачками, дробясь на тысячи брызг, разливаясь морем слов: слово за словом, эпитет за эпитетом, так что вы устаете от общего движения.

«Кому поднесу я мой Candelajo? — говорит он в посвящении своей комедии. — Кому, о великий рок, хочешь ты, чтоб посвятил я моего паранимфа, моего доброго корифея? Кому пошлю я, что в самые жаркие дни каникул пролили на меня дождем неподвижные звезды, что просеяли на меня огоньки, бегущие по небу, чем выстрелило мне в голову старшее созвездие зодиака, что моему внутреннему слуху нашептали семь блуждающих светил? К кому обратиться мне?.. К его святейшеству? Нет. К его императорскому величеству? Тоже нет. К его светлости, его высочеству? Нет и нет!» Он посвящает, наконец, свой труд Фате-моргане, шаловливой фее, которая на берегах Мессинского пролива пугает жителей причудливыми миражами. Это как нельзя более кстати, и читателям Бруно не раз приходится вспомнить Рабле, этого другого сына романского юга: та же гривуазность и рядом с беззастенчивой площадной шуткой такое определение божества, что Монтень и Паскаль взяли бы его, не обинуясь, для себя.

Об отрочестве Бруно мы почти ничего не знаем. Оно было неприглядное. Таким, по крайней мере, он поминает его позже. Ему было 10 или 11 лет от роду, когда его отдали из Нолы в Неаполь учиться диалектике, логике и всем наукам, какие входили тогда в круг школьного обучения.

Он слушал также на стороне философские чтения; к сожалению, мы не знаем, в чем они состояли и как отразились на уме молодого Бруно. Что могло побудить пятнадцатилетнего мальчика вступить в монастырь? Желание ли продолжать занятия в среде, которая в это время казалась всего более к тому удобной; или внезапный прилив религиозного чувства повлек его к шагу, к которому по своей живой, впечатлительной природе он всего менее был способен?

Монастырь Сан Доменико Маджори, куда Бруно вступил послушником, принадлежит к числу замечательных церковных построек Неаполя. Среди палаццо и шумной жизни города он хранил в себе следы сурового VIII века. Под его молчаливыми сводами когда-то раздавался голос Фомы Аквинского, который читал здесь богословие. Еще все полно его памятью: вот келья, где он задумал самую грандиозную систему религиозной философии, какую видели средние века; распятие, с которого, по легенде, Спаситель сошел для беседы с «ангелическим» доктором. Внутри монастыря сады, полные зелени и аромата; дворы, обведенные крытыми ходами на арках. Все располагает к покою и религиозной созерцательности. Под этими ходами Бруно встречался не раз с другим, таким же молодым послушником, как и он сам, погруженным в чтение книги. Книга эта была аскетическая и называлась «Семь блаженств богородицы». Бруно посоветовал ему бросить ее: гораздо полезнее, говорил он, почитать жития святых отцов.

Это было непристойно и возбудило толки. Вспомнили, как в один прекрасный день тот же Бруно роздал образки святых, оставив для себя простое распятие: могли вспомнить и о многом другом. Такого рода начало обещало худой конец. У наставника послушников уже была в руках черновая обвинительного акта, из которого мог выйти для Бруно целый религиозный процесс. Но монах передумал, может быть, взяв в расчет молодые лета обвиненного, — и процесса не вышло.

Бруно был тогда восемнадцатый год.

Перенесемся через десять лет. Он уже четыре года как посвящен в священники, служил первую обедню в монастыре Сан Бартоломмео в Читта-ди-Кампанья, странствовал по обителям неаполитанской области и теперь снова в Неаполе — накануне нового процесса. Десять лет прошли недаром: капризные выходки молодого причетника грозят разрастись до чего-то похожего на целую систему протеста. В комедии «Il Candelajo», которую он позже напечатает в Париже и написал теперь, в первые годы священства, он не только смеется над ослиным хвостом, которому генуэзцы поклоняются как святыне, над водой св. Петра Мартира, семенем св. Иоанна, манной св. Андрея и т.п. — все его миросозерцание какое-то отрицательное, напоминающее «Похвалу Глупости» Эразма. Преславные плоды этой глупости (gloriosi frutti di pazzia) — вот что думает он показать в своей комедии, где осмеяны педант-любовник, педантизм алхимика и ученый педантизм.

Типы не новые в итальянской комедии XVI века, но во всяком случае ново и непривычно в устах молодого монаха это представление жизни с точки зрения педантизма, глупости, ханжества и лицемерия, невежества и тупой сносливости. В «Ноевом ковчеге», другом поэтическом капризе Бруно, относящемся к тому же времени, но, к сожалению, потерянном, это представление должно было достигать высшей степени юмора. «Ноев ковчег» — это человеческое общество: звери изображают людей, и всем правит осел, которому сами боги вручили кормило спасительного судна. «О святая глупость, святое невежество (O sant'asinita, sant'ignoranza)! О достопочтенная тупость и благочестивая набожность! Вы делаете души людей столь добродетельными, что перед вами ничто ум и всякое знание».

От критического отношения к образкам и благочестивым книжкам до такого грустного взгляда на жизнь вообще — расстояние огромное. Должна была пройти целая история внутреннего развития и борьбы; сомнения, томившие молодого послушника, выработались в душе монаха в целую систему отрицаний. И в самом деле: такой фактический протест, с каким он теперь выступает, не мог обойтись без теоретического протеста, который служил ему подкладкой, без глубокого поворота в мыслях и в нравственной оценке вещей. Став монахом, Бруно перестал быть христианином. Он так сам показывает о себе позже, в ответах венецианским инквизиторам. С восемнадцати лет, то есть со времени его первого процесса, как мы видели, несостоявшегося, он начал сомневаться в основных догматах церкви, в учении о троичности и воплощении; по крайней мере, он понимал их не по-христиански, своеобразно. Так ипостась сына он толковал как разум бога-отца, дух святой был для него любовью, душою вселенной, источником жизни в ней разлитой; она так же бессмертна, как материя; от нее исходит жизнь и одушевление всему, что только обладает жизнью и одарено душою. Такое философское толкование догматов сразу выводило Бруно не только за пределы христианства, но и вообще всякой исторической, положительной религии: ему казалось, что все они только убивают рассудочную деятельность, не принося человечеству желанного покоя, не исправляя нравы. Полный восторженной надежды на будущее, он видел впереди возможность какой-то философской религии, которая сменит все положительные культы, изгонит в преисподнюю обветшалых богов, избавляя нас от страха вечных мучений. Отсюда понятно его негодование на религиозное воспитание его времени: оно наполняло детские умы небылицами, отчего мог только задержаться религиозный прогресс, к которому он так страстно стремился.

Так представлял себе сам Бруно, много лет спустя, свой первый разрыв с традицией. Нет сомнения, что здесь примешалось, бессознательно для него самого, множество позднейших черт: нет ничего труднее, как восстановить в памяти точную историю своего собственного развития. В сущности, разрыв, о котором он поминает лет двадцать пять спустя, может быть, не имел той теоретической прозрачности, с какой он представляется нам из его слов, как должен был представиться ему самому, когда он принялся подводить итоги своей деятельности. Несомненно, во всяком случае, что основание было положено, и тогда же сделаны были все посылки для дальнейших построений; надо было выработаться прочному критическому взгляду на значение исторических религий вообще и христианства в особенности, чтобы сделать возможным то отношение к арианству, которое повело к его вторичному процессу. Однажды он разговаривал с Монтальчино, монахом его же ордена, родом из Ломбардии. Дело шло об арианах, которых Монтальчино называл неучами, потому что свое учение они не умеют выразить условным языком школы. Бруно ответил ему на это, что ариане, если и не говорят языком схоластики, всё же выражают свою доктрину с большой ясностью — и он в нескольких словах формулировал сущность их учения. За эту косвенную защиту их догмата он был обвинен, и на этот раз процесс обещал быть серьезным: обвинителем должен был выступить не начальник послушников, а сам отец-провинциал. Бруно был уже священником — тем строже будет суд: его подозревают в ереси, в отрицании главных догматов христианской религии; собираются сведения о его прошлом, о его речах и мнениях, о процессе, который он чуть было не навлек на себя еще будучи послушником. Гроза собиралась не на шутку. Бруно решился скрыться из Неаполя, чтобы избежать тюрьмы и, может быть, чего-нибудь худшего. Он бежал в Рим [1576 г.].

Бруно в первый раз увидал тогда вечный город. На улицах был праздник: праздновалась свадьба Джьякомо Буонкампаньи из семейства тогдашнего папы Григория XIII с графиней Ди Сантафиоре. Бруно постучался у ворот монастыря делла Минерва, принадлежавшего его ордену, где и был принят. Не прошло нескольких дней, как его неаполитанские друзья извещали его письменно, что следственное дело, наряженное над ним, препровождено из Неаполя в Рим, что после него найдены запрещенные книги, которые он забросил ввиду поднимавшегося против него обвинения. Это были творения св. Иеронима с комментариями Эразма и некоторые труды Иоанна Златоуста в переводе того же Эразма. Бруно пользовался ими тайком, потому что комментарии издателя претили католическому пуризму; он не только постарался их вымарать, но и припрятать самые книги. Но теперь они найдены, обвинение следовало за ним по пятам, процесс может начаться завтра же. Бруно решился бежать еще раз: улучив минуту, он выбрался из Рима один и тайком, сбросив рясу и приняв прежнее имя Филиппа, пошел куда глаза глядят. Так началось его долгое одинокое странствование по свету.

Как выработалась в нем та система убеждений, которая оставляла далеко за собой и протест комедии, поднимавшийся против мелочей жизни, и тот внешний религиозный протест, характеризующий реформационное движение и не покидавший вопросов догмата и внешних исторических отношений? Как объяснить себе ту высоту развития, с которой все это представлялось лишь преходящими формами жизни, ввиду какой-то необъятной возможности будущего? Монастырская школа и монастырские библиотеки не в состоянии объяснить это развитие; материал, который они давали Бруно, был беден и его выбор исключителен: отрывочные сведения из разных областей знания, остановившегося на старой схеме семи свободных искусств и не обновлявшегося веками; Аристотель и схоластики, с которыми Бруно тотчас же покончил; богословская космогония Фомы Аквинского, которой Бруно противопоставил свое собственное поэтическое учение о космосе. В построении этого космоса участвовало все, что ему удавалось читать урывками под бдительным монашеским оком, и к изучению чего он мог обратиться свободно лишь по выходе из монастыря. Тут было большое разнообразие, но вместе с тем и понятное отсутствие системы: вместе с комментариями Эразма — Лютер, Меланхтон и Кальвин; Платон и александрийские неоплатоники; отцы церкви и философы итальянского Возрождения: Фичино, Пико делла Мирандола, Кардан и Телезий. Сочинения кардинала Кузанского имели на него значительное влияние: он нашел в них зародыши того рационализма, в котором он сам пошел так далеко; они приготовили его к принятию нового в то время астрономического учения, за которым осталось имя Коперника. Последнему он отдается всецело, после того как долгое время колебался относительно его состоятельности: оно не только открыло ему целый новый мир, но и заставило его усомниться в научности старой системы мироздания, которой опыт перечил, но с которой богословы еще продолжали носиться, опираясь на тексты библии. Он должен был не только освободить науку от служебного отношения к богословию, в каком она до тех пор находилась, но, пойдя далее, подвергнуть критике богословскую теорию, закрывавшуюся от науки, если ее результаты не укладывались в установленные рамки. Таково было отрицательное влияние Коперниковой системы на миросозерцание Бруно, как оно отразилось на его трудах. Положительное влияние совсем другого рода. Натура Бруно была поэтическая; не то чтобы он писал стихи; он писал их, но мало, он плохой стилист и вообще не обращает внимания на форму. Ему даже противны были мелкие идеалы, которыми пробавлялась современная ему школа петраркистов: «в апреле месяце влюбился Петрарка, в апреле же ослы обращаются к созерцанию» («Il Candelajo»). Его любимая женщина — София, т.е. мудрость, идеальный образ его собственной философии; он как будто возвращается к строгим привязанностям старого Данте, когда Беатриче-женщина стала для него теологией. Одним словом, он поэт-мыслитель; он поэтически мыслит. «И меня любили нимфы» (Peramarunt me Nymphae),— говорит он о себе в одном месте, и, действительно, едва ли кто имел на это большее право[2].

[2] «Philosophi sunt quodam-modo pictores atque poetae,— говорит он при другом случае, — non est philosophus, nisi fingit et pingit»; т.е. философы — живописцы и поэты, и не философ тот, кто не творит и не изображает.

Такому уму система Коперника представлялась целым поэтическим откровением. Открывалась масса новых фактов, они манили к новым выводам, и выводы становились в свою очередь фактами, вызывая к дальнейшим построениям. Ничто не проверялось, аналитическому исследованию почти не было места; выводы и факты укладывались как-то сразу в одну стройную систему, полную поэзии и произвола, назначенную заменить старое, богословское созерцание о мире и его начале. Множество миров наполняло необъятность вселенной; среди них роль Земли, когда-то стоявшей в центре создания, сводилась к микроскопическим размерам. Вместе с тем падала и первенствующая роль человека; его падение и искупление, о котором учило христианство и другие религии, переставали быть мировым фактом; его история, его вековое развитие — что это, как не атом общей жизни, который так долго делало центром всего людское самолюбие и исключительность богослова? С этой точки зрения не только стушевывалось значение христианства, но и предполагался молчаливый разрыв с господствующим миросозерцанием, вытекавшим преимущественно из христианских основ. Такова сущность того поэтического космоса, которого Бруно был демиургом; это вместе с тем и самая существенная часть его философии.

На эту поэтическую сторону его характера, на эту способность быстро переноситься от фактов к самым фантастическим построениям целого, должно было повлиять его знакомство с учением Платона и неоплатоников, с видениями аббата Джоаккино, в особенности с Раймундом Луллием. Ничем другим нельзя объяснить, почему он так страстно к нему привержен. Он, должно быть, довольно рано познакомился с его учением, может быть, в монастыре, и оно впервые вывело его из заключенности схоластической доктрины на мистический простор мысли, который мог показаться ему освобождением. Оттого он не покидает его и впоследствии, когда его собственное развитие уже завело его далеко за пределы мистического протеста; он как будто дорожит памятью о том, кто первый помог ему выйти на этот путь, и, связывая свое настоящее с прошедшим, думает осмыслить учение католического монаха всем богатством своего позднейшего миросозерцания. Собственно говоря, в учениях Луллия он не нашел ничего такого, что бы не встречалось ему в других мыслителях того же рода более ясным, определеннее формулированным; но в нравственной физиономии, Луллия он узнавал самого себя. Это было поэтическое провидение; оно объяснит нам иначе непонятную симпатию. Луллий такой же поэт и утопист, как и Бруно; если б Бруно родился тремя столетиями ранее, он был бы Луллием; еще ранее — христианским мучеником, а позже — чем-нибудь вроде Фурье.

Раймунд Луллий родился в 1235 году на острове Майорке. Его юность протекла шумно: он наслаждался жизнью и ничему не учился. На тридцать втором году с ним произошла внезапная перемена: он раздает свое имение нищим и, распрощавшись с женою, удаляется на пустынную высоту Ранды. Здесь он проводит девять лет в шалаше, построенном его же руками, одетый во власяницу и погруженный в молитву и созерцание. Он готовился к подвижничеству и вышел преображенный. Отсюда начинается его долгая скитальческая жизнь, в которой он поспорит с Бруно: он посещает не только европейские страны, но Африку и Азию, проповедуя одну и ту же идею, на служение которой он посвятил себя. Разумеется, это идея его века: как Бруно провозгласит пришествие новой философии, которая должна прийти на смену старому религиозному строю, так у Луллия одна неотвязная мысль: проповедь христианства язычникам и религиозное нашествие Запада на Восток в целях пропаганды. Для этого необходимо, чтобы соединить в одно все военные ордена христианской Европы, чтобы из школ была изгнана ересь аверроизма и для восточной миссии приготовлены деятели, закаленные в богословских боях, искусные в языках Востока. С этой целью сам он без всякой помощи научился латинскому и греческому языку. Он считал себя избранным божьим сосудом, пропаганду — своим призванием; он даже кончает мученическою смертью.

У него была другая любимая идея, которую он представлял себе в услужении христианской и потому проповедовал, хотя в сущности отношения между ними могут быть поняты обратно. Так по крайней мере поняла их церковь, и этого было достаточно, чтобы осудить временно самое учение. Я говорю о новой науке, о которой мечтал Луллий, о его диалектике, которую он эмфатически называл Великим Искусством — Ars Magna.

Он говорил, что с ее помощью можно в самое короткое время овладеть всем знаемым и научиться говорить хорошо и без всякого приготовления о каком бы то ни было предмете, извлекая из одного положения бесчисленное множество других по тому принципу, что все заключается в одном и одно во всем. Это, как известно, один из любимых афоризмов Бруно. В сравнении с этой наукой все другие ничто, она назначена небом устранить все предшествовавшие, между тем как не предвиделось опасности, чтобы ее устранила какая-нибудь другая. Так думали поклонники Луллия, открыто утверждая, что богословы ничего не понимали в богословии, что доктрина Луллия возвышеннее и лучше учения блаженного Августина, что она — дар божества, и приобретается не наукой, а откровением; что она универсальна, и ей подчинены даже таинства христианской религии. Таким образом, христианство оказалось в служебном отношении к Великому Искусству, которое назначено содействовать его проповеди. На это непозволительное самозабвение философской мысли указали впоследствии противники Луллия. Они указали и на многие другие еретические положения, между прочим на то, что вера необходима для людей необразованных, не обладающих высоким умом и потому не могущих познать рассудком, тогда как на человека, развитого более действуют доводы ума, чем уверения религии. У Бруно эта догадка развилась, мы видели, в противоположение всех исторических религий вообще — той философской религии, которую сулило ему будущее.

Таковы точки соприкосновения между Луллием и Бруно, более сходство нравственных образов и фантастических стремлений, чем сходство учений, между которыми, чувствуется, прошли целые века. Бруно оставил нам отличную характеристику Луллия: он называл его «грубым анахоретом, полным божественного духа». Мы понимаем, что в этом определении притягивало его к себе, и где он начинал чувствовать себя далеко ушедшим вперед от средневекового строя мысли, так типично выразившегося в «грубом анахорете».

И при всем том нам все же остается в Бруно загадкой: каким образом, при всей симпатии к оригинальному образу каталонского философа, к туманной широте его взглядов, мог он всю жизнь ошибаться насчет состоятельности того условного грубого механизма, который зовется Великим Искусством? С ним он не устает возиться, он постоянно говорит о нем, вменяя себе в особую заслугу, что он вывел его снова из долгого забвения, упростил его и усовершенствовал. Он пишет и печатает о нем; в Париже и Цюрихе, во Франкфурте и Венеции, он толкует его с кафедры, делает его предметом объяснений в частных беседах. Правда, он сплошь да рядом пользуется его формулами, чтобы провести свое собственное философское учение, так что может казаться, что делает он это с понятным расчетом, как и теперь приобретается привычка писать так, чтобы публика читала между строками. Ведь философия Бруно была делом новым, неслыханным с официальной кафедры, она могла поразить смелостью выводов и беззастенчивым устранением укоренившихся взглядов; между тем к диалектике Луллия успели привыкнуть в школах, и она деятельно возделывалась, несмотря на временное запрещение, наложенное на нее церковью. К тому же Бруно мог наивно уверять себя, что его собственная система не что иное, как дальнейшая, более полная выработка луллиевых положений. Но вообще мы ничего не поймем в людях Возрождения, если не сделаем над собой усилия мысли и не перенесемся к тем особым условиям развития, в какие они были поставлены. Представьте себе массу, живущую по Домострою, верующую по преданию, думающую по рутине; среди нее начала нового миросозерцания, более рационального отношения к религии, принципы новой науки, свободы вырабатываются в немногих личностях, в которых сознательное отношение к наличному материалу знания, к его новым реальным приобретениям, и недовольство существующим строем мысли вызвало потребность новых построений. Эти люди стоят особняком, работают на далеких расстояниях; им не столько недостает взаимного контроля, сколько точной науки, на результаты которой они могли бы опереться в своем стремлении — привести свое миросозерцание к единству какой-нибудь органической системы. Мы понимаем естественность этого стремления, и почему при данных условиях оно могло быть удовлетворено лишь субъективным, поэтическим путем, тайну которого эти люди унесли с собой в могилу. Они успевали мирить луллиевскую диалектику с самыми крайними порывами философской мысли, критику социальных и церковных порядков с уважением к преданию, рационализм — с верой в астрологические бредни.

Каким образом создавалось из этого нечто целое, мы не знаем, не знали иногда и современники, и сами они едва ли были в силах доказать его; но они чувствовали это целое, потому что они одни ощущали потребность противопоставить отходящему миросозерцанию что-нибудь равносильное ему, не ряды сомнений и протестов, а такую же систему, которая объяснила бы всю совокупность жизни, чего старые системы не могли более объяснить. Чем более личного элемента в этих новых системах, чем капризнее они обходятся с фактами, чем более в них непонятного нам самообольщения, и чем отрицательнее относится к ним толпа — тем страстнее эти люди им отданы, тем громче высказывается в них чувство самосознания. В письме к вице-канцлеру Оксфордского университета Бруно называет себя доктором более совершенного богословия, профессором более невинной мудрости, чем какая преподается обыкновенно. Его знают везде, не знают только варвары. Он будит спящих, поражает кичливое и упрямое невежество; он гражданин и житель всего мира, пред которым равен британец и итальянец, мужчина и женщина, епископ и князь, монах и лаик [мирянин]. Он сын отца-неба и матери-земли. В другом месте он не прочь причислить себя к тем «меркурьяльным» людям, тем божественным Меркуриям, которых Провидение время от времени посылает на помощь людям. Сам он «ничего не предпринимает вульгарного, ничего такого, что бы сделано было другими». Это как будто напоминает зазывание шарлатана: таким по крайней мере оно может показаться иной раз, но это торжествующий крик людей, успевших выбраться на вершину и увидеть с нее обетованную землю истины, когда внизу все забыло об обещании.

В Генуе карьера Бруно только что начиналась, и еще предстояло выясниться многим чертам его характера, его учения, из которых мы попытались вперед собрать его нравственный образ. Но таковы условия биографии и отрывочность биографического материала, что мы редко в состоянии уследить в истории внешних фактов историю внутреннего развития.

В Генуе Бруно оставался недолго. Ему там не было работы: ни больших типографий, ни значительной торговли книгами, ни знаменитой школы. К тому же в городе; боролись партии и снова показалась чума, обошедшая в прошлом году всю Италию. Оттого на третий день он выехал морем в Ноли, живописный городок в Генуэзском заливе, неподалеку от Генуи. Здесь магистрат и епископ города поручили ему обучение грамоте мальчиков за небольшую плату; предложение было плохое, но он его принял, побуждаемый нуждою. Рядом с этим он вздумал частным образом толковать нескольким туземным аристократам основания космографии, или то, что называлось тогда Сферой и обнимало самые разнообразные вопросы, например, имеет ли небо сферический вид или нет, какова природа его вращения, представляют ли земля и вода фигуру совершенного шара, и какова идея мира в божественном разуме. В преподавании Бруно все эти излюбленные положения школы должны были преобразиться под влиянием Коперниковой доктрины, которой он посвятит впоследствии один из самых поэтических своих трудов.

Но Бруно в Ноли не сиделось. Или не по нему были школьные занятия, и он искал более производительной работы, или он отдался своей страсти — видеть все новые лица, другие местности — только через пять месяцев мы уже встречаем его в Савоне; спустя две недели в Турине; отсюда он спускается по течению По до Венеции; затем он в Падуе, Брешии, Бергамо, в Милане, где в первый раз знакомится с Филиппом Сиднеем, бывшим в тот год посланником королевы Елизаветы при императоре. Отсюда он снова возвращается в Турин. Он блуждает как-то лихорадочно, как будто ищет установиться и не находит деятельности. В Венеции школы закрыты и типографии едва работают по случаю чумы, унесшей половину населения. Бруно нанял комнату у одного служившего в арсенале и, чтобы заработать сколько-нибудь денег, написал книгу «Dei Segni dei tempi» («О знамениях времени»). Она была напечатана анонимно или, быть может, с именем Филиппа Бруно; я говорю: быть может, потому, что до сих пор не нашлось ни одного экземпляра книги. Между тем в показаниях перед венецианской инквизицией Бруно очень ясно говорит об ее издании; он сообщает также, что, написав ее и прежде чем сдать в печать, он показал рукопись доминиканцу, отцу Ремигию из Флоренции, и что тот дал одобрительный отзыв. Книга, стало быть, была написана в католическом духе, если католический монах мог ее одобрить. Стало быть, Бруно еще не порешил со своим прошлым и колеблется.

Или он не отдавал себе отчета сущности разрыва, который уже произошел в его сознании, и не знает, что он должен сказаться столь же резко и в практических отношениях жизни, под страхом быть непонятым. На эту высоко-наивную черту в характере Бруно я укажу еще не раз; она обусловлена всею сущностью этого философского миросозерцания.

В Падуе он встретился с несколькими знакомыми монахами. Они начали убеждать его снова облечь монашескую одежду, хотя бы он и не имел намерения опять вступить в монастырь. Это было в порядке вещей в Италии XVI века, когда более 40 000 монахов жило вне монастырских стен. Позднее, в Бергамо, Бруно последовал их совету.

В конце 1576 года, месяцев восемь спустя после бегства из Рима, Бруно в первый раз перешел границу Италии. Он направлялся в Женеву. Знал ли он в эту минуту, какое долгое изгнание его ожидает, и в каких грустных обстоятельствах ему придется увидать снова родимый край, к которому он относился с такой горячей любовью?

В Женеву он прибыл один, одетый доминиканцем, и остановился в гостинице. Как только узнали в городе о прибытии итальянского монаха, к нему явился один из вождей итальянских протестантов, Галлеаццо Караччьоло, маркиз Вико. Между ними завязался интересный разговор. Маркиз стал его спрашивать о причинах, побудивших его оставить Италию, и не имеет ли он намерения принять вероисповедание Кальвина. Бруно отвечал ему на первую половину вопроса; что до второй, то у него нет намерения, говорил он, принять религию города, потому что не знает, какова она; если он сюда прибыл, то не для чего-либо другого, как для того, чтобы жить на свободе и в безопасности. Такого рода ответ не мог удовлетворить его собеседника; они очевидно не понимали друг друга.

Женева в то время была полна итальянскими протестантами. Движение северной Реформации захватило и Италию, куда проникало урывками и контрабандой: луккские купцы, торговавшие в Лионе, посылали оттуда своим соотечественникам книги французских и немецких реформаторов, запрятав их в тюки с товарами. Новое учение распространялось в небольших кружках в городах, как, например, в Лукке, Ферраре, Риме и Неаполе; при дворах оно было делом моды. Когда начали образовываться небольшие паствы, и некоторые духовные сановники, из недовольных или энтузиастов, начали преклонять слух к увещаниям протестантизма, тогда предержащие власти, вначале довольно равнодушные, ощутили возможность скандала — и начались гонения. Многие из итальянских сектаторов попали на костер, другие принуждены были к торжественному отречению; иные предпочли бегство за границу, где, отрешенные от неблагоприятных условий среды, они тем безогляднее отдались новому религиозному движению. В самой Италии это движение было изолированным фактом, им увлеклись немногие личности; в общество, в широком смысле этого слова, оно не проникло, тем менее в народ — потому что самая природа итальянского миросозерцания шла вразрез с тем закалом мысли, который обусловил северную реформу. Религиозный протест севера не только оставался всецело в пределах христианства, но он никогда и не покидал вопросов, поставленных его историческим развитием: не только вопросов догмата, но и вопросов иерархии. Он только думал возвратить то и другое к более простым формам их первобытного установления; его рационализм не выходит из этого заколдованного круга; если он действует паллиативно, то поступает как антикварий, для которого всякое развитие есть упадок.

Другого характера итальянский протест. Чаще всего он не затрагивает вовсе вопросов догмата и культа, обходя существенное и беззастенчиво глумясь над уродствами приложения, над скромною жизнью духовенства, проповедующего чистую нравственность, над кровавою проповедью веры, проповедующей милосердие; одним словом, над противоположностью системы, перед которой все благоговеют, и в которую никто не верит, и жизни, которая принимает систему, чтобы жить себе поодаль, ее не спросясь. Система сама по себе, и жизнь также, это не логично, но положение существует, оно узаконено давностью, и вся задача в том, чтобы сделать его удобнее. Таково общее выражение итальянского религиозного протеста: религиозный индифферентизм, так ярко выразившийся в упитанных прелато-эпикурейцах, глазевших на комедии Теренция, называвших Христа — Юпитером Optimus Maximus (Наилучшим Величайшим) и воспрещавших себе чтение латинского молитвенника, из боязни испортить свой цицероновский слог.

Присоедините к этому ленивому индифферентизму более логики, более теории, дайте ему критическую подкладку — и религиозный протест итальянца сразу перейдет не только за границы догмата, но и христианства, на такую логическую высоту, с которой и христианство, и все религиозные системы должны были представиться индифферентными, переходящими формами. На этой точке зрения стоило только явиться философскому уму, чтобы теоретическое отрицание очутилось положением, требованием совершенно нового религиозного строя, новой философской догмой. На этой точке зрения стояли в Италии многие, ею объясняется все положительное учение Бруно. Сличите книги Бруно с массой книг и памфлетов, вышедших из протестантского лагеря, — разница бросится в глаза. Там вы имеете дело с сектаторами: на первом плане догмат и католичество, папа и монахи; все полно страстных пререканий, видно, что ведется борьба за существование, что она сосредоточена вокруг очень определенных интересов, общих той и другой партии, но только понимаются они различно. Здесь ничего подобного: нет нападок на внешние формы христианского вероучения и церковного устройства, вокруг которых кипели тогда такие споры: Бруно не сектатор, эти вопросы его не интересовали; но нет нигде и открытой критики христианства, тем менее — его отрицания. Бруно имел полное право утверждать это и утверждал не один раз в показаниях перед венецианской инквизицией. Он нигде не говорил и не писал против религии, он всегда ставил вопросы философским образом, стараясь подойти к ним со стороны рассудка и природной логики, и вина его разве в том, что таким путем получались иногда результаты, противоречащие учениям христианства. Таким образом, последнее становилось для него в каком-то подчинении его философии; он не ратует против него, относится к нему если не безучастно, то с бесстрастием человека, которому предстоит выбор между различными формами, равно подлежащими отмене. Он стоит бесконечно высоко над этим требованием и равнодушен к этим формам, а выбор все же надо сделать. И он делает его не раз. Когда, читая процесс Бруно, вы замечаете, что он ищет оправдания, просит извинить невольные увлечения, как будто колеблется, — вы легко припишете это минутной слабости, тюрьме, нравственной пытке. Но задолго до тюрьмы, когда он был на свободе и в самом разгаре своей философской работы, он вдруг начинает советоваться то с тем, то с другим — каким бы образом вернуться ему снова под сень своего ордена, к католической пастве? В Тулузе он толкует об этом с одним иезуитом; толкует в Париже. «По-видимому, ничто его к тому не принуждает, и его философские убеждения, казалось, должны были отдалять его от этого шага; с другой стороны, мы не можем допустить, что в католичестве он искал только удобную маску, чтобы прикрыть некатолическое содержание», — говорил же он сам так ясно, что «если во всем обращать внимание на опасности и дурные последствия — вовек не сделаешь ни одного хорошего, превосходного труда». И здесь мы находим объяснение в той наивности философской мысли, не ведающей практики, относящейся одинаково благодушно к «таинствам пифагорейцев, к вероучению платоников, к доказательствам перипатетической школы». А тут еще неотвязные стремления мистической натуры, которая так сильна была в Бруно — стремление привязаться к какой-нибудь видимой форме, к каким-нибудь осязательным отношениям. Пока собственная система еще на воздухе, и ничто в мире не отвечает тем грезам нового мироустройства, новых исторических и религиозных отношений, а человек уже устал в поисках, — ему снится домашний очаг, ровный обиход семейной жизни, где все так гармонично устроено, приноровлено к идее целого. Ему и представлялся домашний кров, море вокруг Неаполя, вид из окон отцовского домика в Ноле, первая обедня. Его позднейшие отношения к католичеству объясняются не переходом к христианству — иначе почему бы ему не избрать протестантизм, — а воспоминаниями детства и манившими из него призраками какого-то внешнего покоя. И здесь его философия ему не перечила. Его отношения к католичеству какие-то поэтически-детские: он запрещает себе ходить к католической обедне — потому что состоит под церковным отлучением.

Таков был человек, стоявший перед Караччьоло, этим представителем той другой идеи реформы, какая создалась на севере — черствой, узко исключительной, без тени поэзии, противопоставлявшей догмат развитию.

II

К несчастию Бруно, его первые шаги в протестантскую область привели его не к лютеранам, а к кальвинистам — в Женеву, самое жерло кальвинизма. Правда, самого Кальвина уже двенадцать лет как не было в живых, но Бруно мог еще ощущать во всем его тайное везде-присутствие; он мог сравнивать Женеву с Римом и найти многое такое, от чего он бежал, а многое и того худшим: христианского бога обращенным в библейского Иегову, с десницей, поднятой чаще на кару, чем на милость; вместо папской империи — диктатуру кальвинского богослова: ту же неподвижность догмата и нетерпимость свободной мысли, приведшую к господству такой же инквизиционной системы. В Женеве еретиков жгли так же искусно, как и в Риме, — и костры зажигал сам реформатор. Особенно плохо приходилось тем итальянским протестантам, которых судьба загнала в Женеву, а итальянское Возрождение приучило к известной свободе философского мышления. Кальвин желал быть спокоен относительно последнего пункта и настоял на том, чтобы они подписали нарочно изготовленную формулу вероисповедания. Большинство не ужилось и бежало из Женевы — в Польшу, Швейцарию и Германию. Бруно могло прийтись тем хуже, что он заявил с самого начала о своем нежелании приступить к женевскому исповеданию. Вначале ему помогали; когда в монашеской рясе ему нельзя было оставаться и он отдал ее переделать, итальянские эмигранты снабдили его шляпой, плащом и другими необходимыми вещами. Он нашел себе место корректора в одной из типографий; но так как его сближение с протестантским кружком ограничивалось изредка посещением проповедей, его скоро оставили помощью, и он предпочел удалиться.

Его путь лежал через Лион в Тулузу, куда он прибыл в начале 1577 года. Здесь ему открывалось другое поприще деятельности, более блестящее, чем должность корректора, которой он до тех пор пробавлялся. Тулузский университет считался вторым во Франции; его посещали десять тысяч студентов, он славился своими профессорами. Бруно начал здесь с частных уроков и с толкования Сферы, как прежде в Ноли, но услышав, что свободна кафедра философии, и что она открыта конкурсу, поспешил запастись докторским дипломом и получил кафедру. Это было месяцев шесть спустя по его прибытии в Тулузу. Следуют затем два года публичного преподавания. В первый раз Бруно находился в родственной ему сфере: он читал в университете. На публичных диспутах вызывался защищать целый ряд вопросов, им выставленных, против всякого, кто бы явился преломить с ним копье. Такого рода диалектические турниры были обыкновенным делом в средневековых школах и давали повод спорящим выказывать разносторонность своего знания и свою логическую изворотливость. О науке, об успокоении мысли возможно точными решениями большею частью не было речи: вопросы отделялись от земли и решались на отвлеченной почве силлогистической практики. Оставался победителем не тот, кто лучше сумел выяснить сущность дела, а чей силлогизм отточен так, что к нему не было возможности подойти ни с какой стороны. Споры были бескровные, как те декоративные битвы итальянских кондотьеров, где с обеих сторон тратилось много пороху и ловкости, а в результате не оказалось ни одного убитого, и сражение оставалось нерешенным. В XVI веке эти школьные поединки еще оставались в моде; но Бруно мог находить в них удобное орудие для деятельности пропагандиста, которая всегда его отличала. Он не довольствуется уединенным подвигом мысли, он не успокоится, пока не научит ей других.

Льюис очень удачно назвал его проповедником нового крестового похода, рапсодистом философии. Он не только проповедует словами: в Тулузе начал он разрабатывать литературно и сводить в целое основные положения своей философии; ни один из этих трудов не дошел до нас, но многое было написано и еще более наготовлено материала — иначе мы не умеем объяснить последующую плодовитость Бруно и ту поражающую быстроту, с какой выходят друг за другом его парижские издания. Тулуза была для него лишь приготовлением к Парижу. Там он как будто пытал свои силы, а сюда привлекало его, что впоследствии будет привлекать целые поколения и, ранее его, привело Данте и Брунетто Латини. В Париже была какая-то притягательная сила; в XVI веке он не утратил значения интеллектуального центра, каким был в средние века, каким остается и поныне.

Обстоятельства, среди которых Бруно увидел Париж в начале 1579 года, были грустные. Варфоломеевская ночь пронеслась, но не пронеслись вместе с нею ночные тени, и положение дел нисколько не выяснилось. Те же партии стояли друг против друга, готовые схватиться по первому вызову: партия Гизов, Генриха III и Наваррская. Долгие усобицы, среди которых критерий права являлся поочередно на стороне победителя, водворили полное бесправие и ожесточили народ; его истощали налогами, а в государстве никогда не было денег. Из этого темного царства насилия и фантастического отупения выдавалось несколько светлых имен: еще живы были Монтень и Скаррон, Боден и Лопиталь; но они как-то случайно пережили эпоху, которая их создала, они коренятся всеми живыми сторонами в цветущей поре французского Возрождения и не связаны необходимо с его настоящим. Мы страшно ошибемся, если в памятниках философской мысли и поэтических восторгов станем искать совместности с тем или другим прогрессом общества, с фактами его внешней истории. События обыкновенно опережают философский и поэтический синтез, который подводит итоги прошлому, вдохновляется сложившимися идеалами, формулирует приобретенное, прожитое. Между тем история может уйти вперед, общество повернуть в сторону и даже стать вразрез с современной ему философией и поэзией. Человечество живет быстрее, чем думает, и сводит итоги, когда жизнь уже успела опередить только что изготовленную формулу и готовит материалы для нового обобщения, которое опоздает в свою очередь. Так объясняется внутреннее противоречие эпох неустройства, социального упадка — и величавого расцвета литературы и искусства, как с другой стороны эпохи, полные движения и общественной работы, нередко сопровождаются в высшей степени бедными проявлениями в области интеллектуальной деятельности.

В этой-то среде, полной религиозного фанатизма и политической нетерпимости, пришлось действовать Бруно. Кругом него кипела борьба религиозных партий — а его философия игнорировала религию и чуждалась интересов, которые защищались тогда ценою крови. Понять его могли немногие: во всяком случае непонятны были возможные последствия, вытекавшие из его учения, потому что глаза приучены были к обсуждению более мелких исторических отношений, а страстность партий исключала широту взгляда. Этим непониманием, и ничем другим, объясняем мы себе, каким образом мог он семь лет спустя после Варфоломеевской ночи проповедовать свою философию, и никто не помешал ему. Он не касался животрепещущих вопросов, которые волновали всех и каждого, не сторонился ни католиков, ни гугенотов — и этого было достаточно.

В Париже он выступил сначала в роли свободного лектора, как позже выступит в Лондоне, Оксфорде, Виттенберге, Праге и Цюрихе. Он лучший представитель свободного профессора того времени. Он странствует из одного университета в другой и, куда ни придет, начинает читать, никого не спросясь, не заискивая ничьей протекции. Там, где он встретит препятствие, как случилось в Марбурге, он удаляется в негодовании и странствует далее. То было счастливое время, когда университеты не были охраняемы, опекаемы, закрепощаемы немногими: Бруно и его сверстники свободно вступали в них, вызывали преподавателей на ученый поединок и сами читали и спорили перед глазами ученого люда всей Европы. Эти споры и это соревнование создало тех могучих гладиаторов науки, от которых ведется наше научное и литературное возрождение.

На первый раз Бруно выбрал предметом своего преподавания тридцать божественных свойств; но особенное внимание привлекли его следующие лекции, которые он посвятил мнемонике и философии Луллия. Множество слушателей сходилось к нему, привлеченные его легкою, энергическою речью и новостью идей. Законы Луллия служили ему для того, чтобы высказать свое собственное учение, указать на какое-нибудь остроумное приложение; он быстро переносился от частного к общему и из запутанного лабиринта мнемоники в область отвлечения, метафизики и астрономии. Он любил импровизацию и читал страстно, оттого увлекал других. Его речь, ясная, изящная, то блестела метафорами, остроумными сравнениями, любопытными цитатами, то являлась загроможденной непонятными отвлеченными словами: он сулил раскрытие великих истин, и обещание сопровождалось такими неопределенными, таинственными словами, которые болезненно поджигали любопытство слушателей.

В его книгах мы находим как будто отголоски этого капризного изложения: он толкует просто и ясно о самых абстрактных истинах, часто о таких, о которых ему полезно было молчать, и затем принимается говорить с таинственным видом о таких вещах, о которых он мог бы кричать на площадях, и, несмотря на это, одевается в какую-то непроницаемость, останавливается на полуслове: имеющий уши да слышит, желающий уразуметь да уразумеет!

Чтения Бруно обратили внимание Генриха III, и он пожелал его видеть. При свидании король обратился к нему с вопросом: приобретается ли естественным путем или дело магии — мнемоника, искусство памяти, которому он обучает? Бруно отвечал, что память — плод науки, и в беседе, завязавшейся по этому поводу, говорил так убедительно, что король пожелал испытать на себе состоятельность рекомендуемого метода. Так завязались сношения Бруно с королем, приведшие, между прочим, к тому, что Генрих предложил ему экстраординарную профессуру в Парижском университете. Еще ранее этого ему предлагали в той же Сорбонне ординарную кафедру, но он отказался по наивному соображению: ординарные профессора Сорбонны обязаны были ходить к обедне, а Бруно не мог обещать этого, потому что считал себя состоящим под отлучением церкви, своевольно покинув монастырь и сбросив рясу.

Похвалы, которые Бруно расточал Генриху III, и некоторые показания венецианских посланников представляют нам последнего Валуа в несколько ином свете, чем рисует его история. Легко представить себе, из какого источника произошли эти похвалы и чем объяснить эти показания. Последние Валуа были наполовину итальянцы, их политика внушена была политическими теориями Италии; при дворе был слышен итальянский язык и в моде тамошние обычаи, а это открывало в нижних слоях общества доступ самой широкой эксплуатации. Париж наполнялся из Италии искателями приключений всех цветов, медиками, учителями фехтования и верховой езды, купцами и откупщиками государственных доходов. В январе 1579 года одна итальянская компания вела большую игру в Лувре и выиграла у короля 3000 экю; драматическая труппа, выписанная из Венеции, давала представления при дворе и в городе, привлекая такую многочисленную публику, какую не в состоянии были собрать четыре любимых городских проповедника. После этого понятно, что, издавая в Париже свою комедию «Il Candelajo», задуманную еще в Италии, Бруно мог рассчитывать не только на итальянскую колонию, но и на более широкий круг читателей; понятно также, почему итальянская колония должна была смотреть на Генриха III совершенно иными глазами и открывать в нем светлые стороны, исчезающие для нас в его общей нравственной характеристике. У Бруно ко всему этому присоединялись еще отношения совершенно личного характера: в Генрихе он видел не столько короля, сколько ученика, жаждавшего знания, и его подкупило доверие, которое он к нему обнаружил. Эта точка зрения исключала все другие, оттого и суд становился невозможным, и мы узнаем о Генрихе III, как о «великодушном, великом и могущественном, чья слава разносится по окраинам земли из благородного сердца Европы». Бруно так называл Францию.

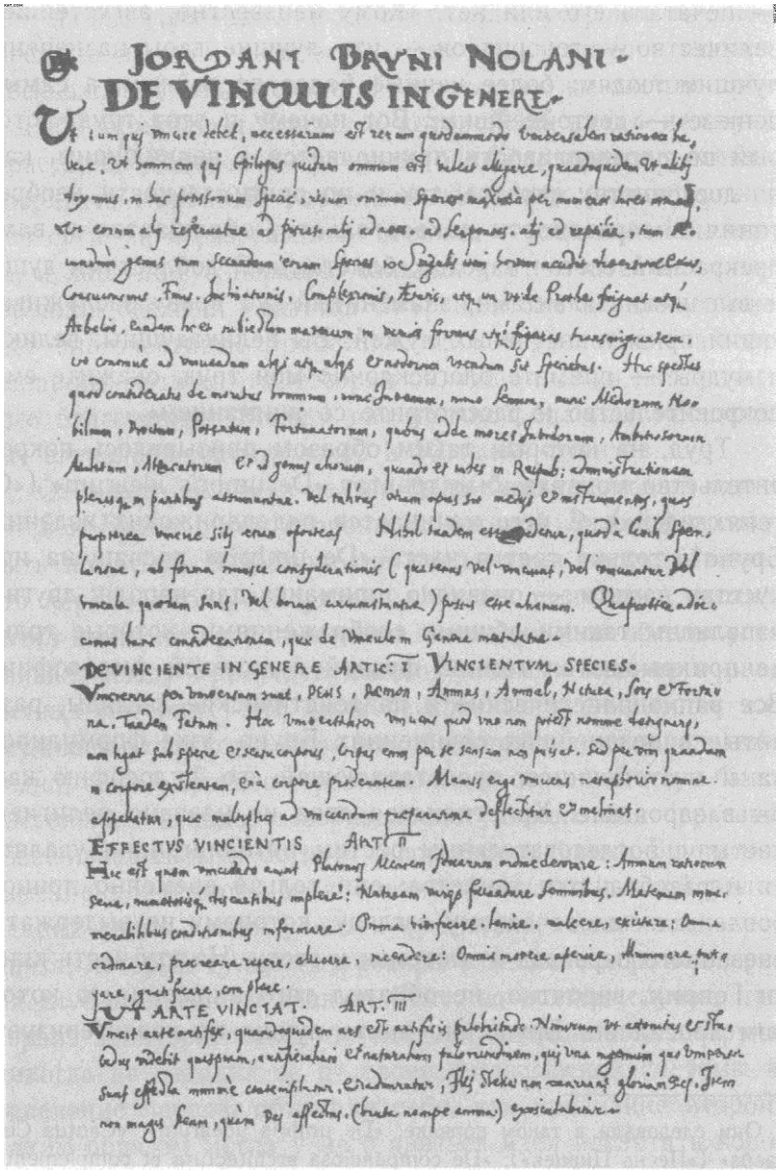
Между тем в Генрихе не было ни величия, ни могущества, а о великодушии не могло быть и речи. Если вымирают расы и вырождаются семьи, то Генрих был именно таким выродком. Это была в корне испорченная натура, без всякого нравственного удержу, без нравственного критерия, без познания добра и зла; оттого в нем такие капризные противоречия, такие болезненные переходы. Убранный, как женщина, в кружевах и безделушках, он носил на шее двойную цепь из золота и душистой амбры: в ушах у него были серьги из трех колец; и видом, и в поступи, и в манерах он напоминал женщину. Он чуждался воинского дела и тех занятий, которые образуют энергичных деятелей, — и, наоборот, способен был к удару из-за угла, как обнаружилось при убийстве Гиза. Его общество состояло из молодых людей, веселых и распущенных; с ними он коротал время, расточая им милости, неприличные его сану и возбуждавшие в обществе скандальные толки. Когда умер один из его любимцев, он не постыдился устроить ему похороны с царской пышностью, сам надел траур и остриг себе волосы в знак печали. Точно так же по смерти прекрасной принцессы Конде, к которой он питал нежную страсть, он облекся в траурные одежды, вышитые миниатюрными мертвыми головками.

И затем новые оргии, а за оргиями и разгульными песнями — псалмы, и молитвы, и хождение в церковь: бальный костюм сменяется похоронной одеждой Братства Смерти, и сам король учреждает благочестивые процессии, из которых исключаются женщины, потому что, говорил он, где они, там нет истинного благочестия. Между тем на иной бал или маскарад ему случалось тратить до 40 и 50 тысяч франков.

От такого человека нельзя было ожидать, что он отнесется к Бруно с той стороны, с которой философ желал быть понятым. Венецианские посланники рассказывают, что король любил говорить и слушать разговоры, охотно читал книги по нравственности и истории и за обедом устраивал между присутствующими учеными прения о различных материях. Это были бескровные турниры, так же служившие царской забаве, как и настоящие; потешал, очевидно, самый процесс стравливания, и серьезного тут было настолько, насколько любитель петушиного боя серьезно взвешивает силы и остроту шпор своего бойца. Бруно незаметно для самого себя очутился именно в этой роли: Генрих видел в нем ученого оригинала, какого-то некроманта, который сулил ему раскрыть в самое короткое время глубины всякого знания. Ясно, во всяком случае, что король заинтересовался бруновской мнемоникой; а Бруно никогда не отделял ее от своей философской системы и увлечение первою объяснял себе, как признание второй. Таким образом могла у него явиться идея посвятить королю труд, которому он придавал столь важное значение в своем философском развитии, что долгое время колебался — печатать его или нет. «Кому неизвестно, августейшее величество», — говорит он, — что лучшие дары назначены лучшим людям; более ценные более достойным, а самые ценные — достойнейшим? Вот почему и этот труд, который по справедливости причисляется к величайшим, как по достоинству сюжета, так и по оригинальности изобретения и серьезности доказательств, обращается к вам, прекрасный светоч народов, блистающий доблестями души и высокими талантами, знаменитый, по праву заслуживающий признания ученых мужей. Вы великодушны, велики и мудры — примите благосклонно мой труд, окажите ему покровительство и рассмотрите со вниманием».

Труд, на который таким образом призывалось покровительство монарха, был трактат «De umbris idearum» («О тенях идей»). С него начинается ряд парижских изданий Бруно[3]; только третья часть «De umbris» посвящена искусству памяти — очевидно, приманка для короля; другие наполнены такими общими соображениями, которые только прикрываются темной фразой луллиевой философии. Все рационалистические и пантеистические взгляды, развитые в позднейших сочинениях Бруно, уже формулированы в этой книге, представляющей его философию как бы в зародыше. Христианство едва не названо религией касты: с последовательным ростом интеллигенции удалятся и разоблачатся таинства; они только временно приноровлены к человеческому взгляду, которому не выдержать внезапного перехода от потемок к свету. На эту часть книги Генрих, вероятно, не обратил того внимания, о котором просил его Бруно: но ничто лучше не характеризует тогдашнее состояние умов во Франции, занятых узкой религиозной распрей, как появление именно этой книги, посвященной королю, стало быть главе католической партии. Мы понимаем яснее, почему никто не потревожил его лекций — где все эти мнения выработались, передаваясь прямо с кафедры в народ; и если Бруно покидает Францию, то вовсе не из-за вражды, какую могли ощутить к нему богословы, поклонники Аристотеля, а по мотивам, наполовину определившим его странствования. Как истый пропагандист, он любил бродить. И теперь мы последуем за ним в Англию, в Лондон, куда он прибыл в конце 1583 года с письмом короля к Мишель-де-Кастельно;′ де-Мовиссьер, французскому посланнику при королеве Елизавете.

[3] Они следовали в таком порядке: «De umbris udearum»; «Cantus Circaeus» («Песнь Цирцеи»); «De compendiosa architectura et complemento artis Lulli» («О сжатом построении и дополнении искусства Луллия»); «Il Candelajo» — все вышли в 1582 году.


IORDANI BRVNI NOLANI
DE VINCULIS IN GENERE

DE VINCIENTE IN GENERE ARTIC: I VINCIENTVM SPECIES.

EFFECTVS VINCIENTIS ART. II

VT ARTE VINCIAT. ART. III

Это была самая счастливая, если и не самая покойная пора в его жизни. После долгого плутания по свету и в ожидании других мытарств, в Лондоне он как будто отдохнул на перепутье. В доме Кастельно;′, где он поселился, он встретил семью, приютившую его, как одного из своих, и познакомившую его, бездомного, с прелестями домашнего очага. В первый раз он обеспечен, доволен, у себя дома, в таких интимных, дружеских отношениях с людьми, в какие до тех пор никогда не становился. Это было для него новостью, и сам он как будто растворяется, и в серьезном тоне его речи, никогда не спускавшейся ниже культа богини Софии, начинает звенеть незнакомая дотоле сердечная струнка. Он теперь даже сентиментальничает: супруга Кастельно;′, Мария Бошетел, является у него не только одаренной телесной красотой, облекающей ее душу, но скромностью и приветливостью, которыми она приковала к себе мужа и привлекает всякого, ее знающего. У нее дочь Мария, по шестому году: она уже болтает по-итальянски, по-французски и по-английски, так что не узнаешь, откуда она. Она добрая, грациозная девочка и играет на музыкальных инструментах так искусно, что поневоле себя спросишь, не сошла ли она с неба. Она крестница Марии Стюарт, которую отец ее проводил по смерти Франциска II в Шотландию, которой приверженцем остался и после, когда Мария Стюарт уже была пленницей в Шеффилде, откуда посылала в подарок ко дню рождения крестницы разные собственноручно сработанные безделушки. О замечательном политическом такте Кастельно;′ свидетельствует то обстоятельство, что эти явные симпатии не возбудили опасений в бдительной и недоверчивой Елизавете.

Он, впрочем, человек бывалый: в молодости живал в Италии, в Риме, сражался при Дрё, Жарнаке и Монконтуре, ходил в разные посольства.

Он интересовался литературой, перевел один латинский трактат Рамуса, и вероятно в то самое время, когда Бруно жил у него в Лондоне, писал свои мемуары в поучение старшему сыну Якову.

Ревностный католик, он был недоволен богословскими сходками, которые тогда часто устраивались во Франции для решения религиозного вопроса; он говорил, что религия внушается смирением и верой, а не диспутами; и в то же время у себя дома он не только не претендовал на Бруно, что тот не являлся к обедне, где ежедневно присутствовало все его семейство, но и не мешал ему свободно толковать о религии. За эту свободу Бруно отблагодарил его посвящением четырех сочинений, из числа изданных им в Лондоне. «Здесь Бруно говорит по-своему и пишет о своем пребывании в Англии, все существующее в природе называя настоящим именем: хлеб он зовет хлебом, вино — вином; чудеса для него чудеса, геройские подвиги он принимает за геройские подвиги, обман за обман, огонь и меч — за огонь и меч. Философов он считает философами, монахов — монахами, а негодяев, шарлатанов, менял и паяцев тем, чем сами они себя заявляют и оказываются на деле» ...

Лондонская жизнь Бруно отразилась в его сочинениях богатым запасом культурно-исторического материала. Он видел Англию с разных сторон и со многими приходил в столкновение. Прежде всего — Англия народа: старый Лондон, темные, грязные улицы, так что из них не вытащишь ног; дома, лишенные всех тех удобств, какие в то время имелись в Италии. На Темзе лодочники, напоминающие Харона, перевозят в лодочках, кое-как склеенных и скрипящих при взмахе весла. Население англосаксов с животными инстинктами расы и вожделениями боксера. Бруно упоминает о мастеровых и лавочниках, грубых и неотесанных, «которые смеются тебе в лицо, если узнают, что ты иностранец, и на своем языке назовут тебя собакой. Если, на твою беду, ты кого из них заденешь, тебя тотчас окружит толпа, будто из земли вырастут люди, и ты не увидишь света из-за леса палок, пик, алебард и заржавленных вил. Если им случится не пустить в дело это дозволенное оружие, от этого не легче: тогда идут в ход кулаки и пинки такие здоровые, что лучше было бы, если б вас лягнул мул или осел». Сам Бруно испытал однажды крепость англосаксонского бокса, а другому итальянцу, Алессандро Читолино, переломили таким образом руку к вящему удовольствию толпы. Рядом с народом ремесленников — целая масса бродячего люда, без хлеба и определенных занятий, живущая на свой страх и чужой счет, под покровительством сильной руки. Здесь были обедневшие дворяне, разорившиеся купцы, бродяги и острожники. С ними житье было еще хуже.

Такова Англия простонародья, Англия будущего. А за ней Англия прошедшего и старых схоластических порядков представлялась Бруно в образе оксфордского доктора, неподвижно драпированного в бархат, с золотой цепью на шее, с двенадцатью кольцами на двух пальцах, точно золотых дел мастер; неуклюжий и угловатый, он настолько же монументален в одежде, как и в своей науке, которую не понимает далее раз навсегда установленных формул. С этим людом он не замедлил столкнуться. Тотчас по прибытии в Лондон он напечатал труд, вероятно бывший у него наготове: «Explicatio triginta sigillorum» («Объяснение тридцати печатей»). Он предпослал ему письмо к вице-канцлеру и докторам Оксфордского университета — это была его рекомендация в Оксфорд. Не прошло много времени, как мы его уже встречаем там на кафедре: кругом толпы слушателей, торжественный сонм профессоров, отупелых в предании, а над ними маленькая фигурка волнуется и жестикулирует, и увлекается, и говорит каким-то своеобразным латинским языком, и говорит такие вещи, от которых краснеют стены богословской аудитории. Он толкует о бессмертии души — и тела; как последнее разлагается и видоизменяется, так душа, покинув плоть, кристаллизует вокруг себя, долгим процессом, атом за атомом, образуя новые тела. Природа души одинакова в человеке и насекомом, у устриц и растений, и разница проявлений определяется большим или меньшим совершенством тех орудий, которыми она располагает в каждом случае. Представьте себе, говорит Бруно, что головка змеи преобразилась в человеческую голову, и сообразно тому изменился бюст, язык сделался толще и развились плечи, что по бокам выросли руки и из хвоста расчленились ноги — она стала бы мыслить, дышать, говорить и действовать, как человек, она стала бы человеком. Обратная метаморфоза привела бы к противоположным результатам. Очень возможно, что многие животные обладают более светлым умом и понятливостью, чем человек, но они стоят ниже его, потому что обладают менее совершенными орудиями.

Подумайте в самом деле, что бы стало с человеком, будь у него хоть вдвое больше ума, если бы руки очутились парой ног. Не только изменилась бы мера безопасности, но самый строй семьи, общества, государства; немыслимы были бы науки и искусства, и все то, что, свидетельствуя о величии человека, становит его безусловным властелином над всем живущим — и все это не столько в силу какого-то интеллектуального преимущества, сколько потому, что одни мы владеем руками — этим органом из всех органов.

Таких странностей, и много других все в том же роде, еще никогда не приходилось слышать благочестивым оксфордцам. Враги не замедлили явиться: лекции и публичные диспуты Бруно прекратились через три месяца. В последний раз он до пятнадцати раз загонял завязшего в пятнадцати силлогизмах бедного доктора Ли;ґсона (Leyson). Это было во время торжественного приема, сделанного университетом польскому воеводе Альберту Ласкому. Мы знакомимся по этому поводу с праздничной стороной Оксфорда, с ее торжественной скукой и обрядностью, не выходящей из накрахмаленного жабо. Богатый польский пан приехал в Англию себя показать; его привлекала слава Елизаветы. В Оксфорде положено отпраздновать с помпой его посещение. Доктора университета вышли к нему навстречу за город, и один из них, Герберт Вестфалинг, говорил ему латинскую речь, на которую Лаский отвечал тем же. Изгнанный из университета, Бруно обратился к тому кружку, с которым свел его Кастельно;ґ. Он не только представил его Елизавете, но и познакомил с теми государственными деятелями, поэтами и литераторами, которые ее окружали и были ее сотрудниками в деле поднятия национальной культуры. Здесь был Сидней и Фолько Грэвиль — с ними Бруно был особенно близок, и первому даже посвятил две из своих книг; здесь были приятели Сиднея: Дейер, Гарвэ, поэт Спенсер и Вильгельм Темпль. Бруно знал Уольсингема, Лэстера, Бёрлэ; он мог видеть молодого Бэкона, который уже показался при дворе; Шекспир только что прибыл в Лондон и если не познакомился лично с Бруно, то читал его книги: философские монологи Гамлета полны бруновских идей. Одним словом, это был цвет тогдашней интеллигенции: после Англии боксеров и схоластиков — Англия Елизаветы. Когда Бруно величает Елизавету богиней Дианой и Амфитритой — это может показаться отголоском стереотипных эпитетов, обыкновенных во всякой придворной литературе; но кружком, в котором он теперь вращается, он положительно очарован. Это прямые, рыцарственные люди, полные утонченной вежливости, так что поспорят с итальянцами; гуманно образованные, открытые всей широте мысли, какою веяло тогда в Европе, далекие от религиозной нетерпимости и предубеждений старой науки. Бруно мог свободно развивать им свои любимые теории, не нашедшие приюта в стенах университета; на вечерах у Сиднея, Грэвиля или у Кастельно;ґ затевались споры. Об одном из таких споров он рассказывает сам. Дело было на обеде, в первый день поста (giorno delle ceneri); народу было много, все англичане, из итальянцев только Флорио, учитель итальянского языка королевы Елизаветы, и Бруно. Он вздумал развивать свою любимую астрономическую теорию. Он сидел по правую сторону Флорио, по левую Грэвиль, а напротив него доктор Нундиний, поклонник Аристотеля и Птолемея: ему-то поручено было от общества возражать на доводы Бруно. Доктор Нундиний приосанился, покачнулся два раза на кресле, протянул на стол обе руки и обвел глазами собрание: затем устремил их в потолок, пожевал губами и, сплюнув на сторону, начал с вопроса, приправленного тонкой улыбкой: понимает ли Бруно по-английски? Бруно отвечал, что знает всего два-три слова, да и те не умеет произносить, хотя он уже год как в Лондоне; но ведь почтенные джентльмены, с которыми ему случалось говорить, большею частью разумеют по-латыни или по-французски, по-итальянски или по-испански. Разговор начался по-латыни. Бруно стал толковать о движении Земли, о множестве миров и светил, вращающихся вокруг своей оси, о том, что на них должны быть жители; говорил, между прочим, о своей теории понижения гор и увлекался бесконечной перспективой вселенной. Знайте, повторял он, что мир бесконечен, что это громадное эфирное пространство; в его лоне находятся светила без числа, точно так же как наша Земля, Луна и Солнце; помимо его нет другой тверди, на которую бы опирались эти великие животные, сошедшиеся в гармонии мира — единственной цели и материала, в котором творит божественная сила. Все это не только доказывает точное размышление, но и поведают божественные глаголы, когда говорят, что у всевышних слуг несть числа, что перед лицом его предстоят тысячи тысяч и сотни тысяч служат ему.

Оппонент Бруно никак не мог согласиться с этим толкованием. Завязался разговор. Один из собеседников Бруно, доктор Смит, даже поставил ему категорический вопрос: каким образом думает он согласить свою теорию с тем, чему учит нас священное писание? Бруно отвечал, как лет пятьдесят спустя ответит Галилей: если б боги заблагорассудили научить нас теории вещей, законам творения, мне бы в голову не пришло мудрствовать лукаво, отступая от откровения; но боги предпочли научить нас, к нашему благу, практике нравственности, как отличать добро от зла, а искать причины и законы предоставили мудрым людям. И, не довольствуясь этой выходкой, он принимался трунить над ветхозаветной мудростью оксфордских книжников, над педантами и неумелыми меценатами; сыпал остроты и меткие замечания, изумлял какой-нибудь ученейшей цитатой и рисовал в юмористическом виде картину лондонской уличной жизни. Это прямо кололо в глаза, особенно оксфордцам, и они подняли шум, когда диалоги появились в печати «La Cena della Ceneri» («Пир на пепле»), так что Бруно нашелся в необходимости если не взять назад свою критику, по крайней мере дать ей более мягкое уклончивое толкование[4]. Пересуды, однако, не прекратились: с другой стороны, и сам Бруно расходился, в нем проснулся тот итальянский brio (жар), который до тех пор слишком часто сдерживала не своя, латинская фраза. В Лондоне он почувствовал себя свободным, поэтому он и пишет по-своему, по-итальянски (in volgare); он особенно налегает на это обстоятельство: в итальянской фразе он у себя дома, он творит в ней, и она послушно вторит причудливым движениям его мысли. Потому же и в области мысли он свободнее: он совсем забыл о Луллие, в Лондоне он ничего о нем не печатает и весь отдался своему собственному философскому творчеству.

Ничто лучше не выражает этот период деятельности Бруно, как его книга «Spaccio della bestia trionfante» («Изгнание торжествующего зверя»). Это целая философская поэма в прозе, но поэма в стиле Ариосто, полная такого же юмора, такого же капризного движения; только на месте героев и героинь карловингского романа являются боги: Юпитер и Марс, Венера и Юнона; юмор основан на более глубокой философской подкладке, и критика религиозных и общественных порядков разрешается не хохотом, а грустным мотивом и серьезным, хотя часто парадоксальным, требованием обновления. Оттого Бруно является здесь не только проповедником мормонизма, но и тех социальных теорий, которые отрицают право личной собственности, и все религии, не выключая и христианскую, приводятся им перед суд разума и оказываются несостоятельными. Сами боги пришли к этому сознанию. Недавно, в годовщину своей победы над гигантами, они собрались торжественно отобедать на Олимпе — на Олимпе также привыкли выражать обедами всякие общественные радости. После пиршества Венера, по обыкновению, подошла к Юпитеру, чтобы вместе с ним открыть бал, — такая грациозная, что в нее влюбился бы Харон. В старые годы Юпитер брал ее левой рукой за талию, сжимал двумя пальцами правой розовые ее губки и целовал. На этот раз какая перемена! Он протянул руку и не подпустил к себе Венеру, будто хотел сказать: не тронь меня. Лицо старого бога стало какое-то мрачное, исполнилось какой-то елейности. «Венера, Венера! — говорит он своей дочери. — Неужели тебе никогда не приходит на ум наше положение и твое собственное в особенности? Неужели ты так же думаешь, как воображают о нас люди, что у нас старцы всегда остаются старцами, юноши не стареются, и так до бесконечности с тех пор, как мы были приняты на небо? Сегодня, по случаю празднества, во мне обновляется память о том, каким я был, когда громил гигантов, осмелившихся нагромоздить Оссу на Пелион и Олимп на Оссу: а теперь у меня нет даже силы бороться с какими-то полулюдьми, и я принужден предоставить мир случаю и фортуне: кто первый добежит, тот и победитель, кто захватит, тот и вправе. Я — как дряхлый лев в эзоповской басне, которого безнаказанно лягает осел и над которым издевается обезьяна. Мои оракулы, алтари и храмы низвергнуты, и на их месте воздвигнуты алтари и статуи каким-то другим богам, которых я и назвать стыжусь, потому что они хуже наших фавнов и сатиров, и других помесей человека с животным. Уничтожены мои законы, жертвоприношения и обряды, и учреждены другие, столь недостойные и безобразные, что с ними люди становятся зверьми, тогда как мы делали их героями.

[4] См. его трактат «De la causa, principio et uno» («О причине, начале и едином»).

До нашего носа не достигает более жертвенный дым и, если у нас бывает аппетит, нам остается только бродить по кухням, как паразитам; наконец, никто не поручится нам, что со временем исчезнут и эти последние следы наших святых установлений. Я знаю по опыту, — заключает Юпитер, — что мир — как ретивый конь, который хорошо чувствует, когда им правит слабая рука, и, презирая неумелого всадника, старается сбросить его и наградить ударами копыта». Одним словом, боги положительно состарились; если они хотят удержаться и не испытать участи всадника, им необходимо преобразиться, влить новое содержание в старые меха, возвести алтари единственному божеству, которое не стареется и не знает смерти: Разуму. Боги это поняли, и на генеральной перекличке начинают удалять с неба все, что между ними было более скандального, напоминающего плотские грешки и амурные шашни, что сами они возводили когда-то в достоинство полубогов и помещали в ряду созвездий. Геркулес и Персей, Кассиопея и Орион, Кефей и Горгона, и вместе с ними целый сонм обоготворенных животных принуждены оставить свои посты после того, как в общем собрании Олимпа суд, выслушав речи защитников и обвинителей, признал их недостойными. На место каждого удаленного призывается какая-нибудь разумная сила или аллегорическая добродетель. В этом проходит все действие трактата: оно представляется то совершающимся в небе, то в каком-то неопределенном пространстве, где богиня Разума, мадонна София, беседует со своим Саулино, в котором скрывается сам автор. Иногда разговор завязывается между ней и Меркурием, который только что составил собственноручно реестр всему, что положено Юпитером совершиться сегодня в свете. Что же такое? — спрашивает его София. «Он положил, чтобы сегодня к полудню поспели две дыни в огороде Франсино, но чтобы сняли их лишь три дня спустя, когда они никуда не будут годны; чтобы в то же время Наста, жена Альбенцио, завиваясь, сожгла пятьдесят семь волос, но не обожгла бы головы и на этот раз не выбранилась, а перенесла бы терпеливо; чтобы в то же время из комнаты слышно было пение кукушки и прокуковала бы она 12 раз, ни более ни менее, а затем полетела бы к развалинам замка Чикала; чтобы у Паолино, когда он нагнется поднять обломок иглы, одежда лопнула от натуги: если он скажет по этому поводу крепкое слово, то в наказание его вечерняя похлебка окажется пересоленной и будет пахнуть дымом, и разобьется фиаско, полный вина; как быть, если он и на этот раз выругается — решим после». Ты никогда не кончишь, если станешь пересказывать мне все решения отца Зевса, замечает Меркурию София. Недаром говорят мои философы, что ему некогда вздохнуть от множества забот. А сколько случаев действия и решения должны были пройти даром, пока он затевал и предрешал все, что ты порассказал мне? Сколько ушло жизни, пока ты болтаешь со мною о том, что суждено случиться в одной только деревушке, где только всего три-четыре дома. А Нола, а Неаполь, Италия, Европа, а земной шар и множество миров, состоящих под верховным руководством Зевса? Меркурий вступает тогда с Софией в философский разговор, который должен рассеять ее сомнения.

III

Пока мы распространяемся о лондонской жизни Бруно, когда, казалось, он был в самом цвете сил и деятельности, Зевс уже решил о нем иначе. Это был, без сомнения, тот самый старый Зевс, еще не познавший обновления, о котором уже Геродот говорит, что он косо смотрит на людское счастье. Мы во всяком случае уже близки к катастрофе, и я пройду быстро те пять—шесть лет, которые нас от нее отделяют.

В конце 1585 года Бруно вернулся в Париж с семейством Кастельно;′. Здесь он жил и читал недолго; мы не знаем, какого характера были волнения, побудившие его оставить город: школьные ли дрязги или борьба политических партий. С июня 1586 года по февраль 1591 года он в Германии, и мы можем здесь проследить его маршрут. В Марбурге академический совет, по важным соображениям, как он выразился, не допустил его до публичного чтения; зато Виттенберг оказал ему такую философскую терпимость, какою лютеранская партия всегда отличалась перед сторонниками Кальвина. Оттого Бруно зовет Виттенберг германскими Афинами и читает здесь два года, пока и в правительстве, и в университете не взяла перевес кальвинистская партия, от которой Бруно не ждал себе поддержки. В апреле 1588 года он в Праге, без средств и определенных занятий; печатает «160 положений против математиков и философов своего времени», с посвящением императору Рудольфу II. В то время посвящения были прибыльной статьей дохода: император дал ему 300 талеров. С этими деньгами он двинулся далее: несколько месяцев оставался в Гельмштедте, откуда его изгнала ссора с протестантскими богословами; один из них, суперинтендант Боэциус, даже произнес над ним церковное отлучение, — так, должно быть, поразили его нехристианские взгляды Бруно, высказанные с кафедры или в разговоре. Затем мы встречаем его во Франкфурте, где, за исключением короткой поездки в Цюрих, он и остается до своего возвращения в Италию.

Это блуждание по свету раскрывало ему новые горизонты, знакомило с самыми разнообразными общественными порядками, требованиями, людьми. Оно было одним из главных внешних элементов, определивших широту его взгляда, его общечеловеческие симпатии и то объективное спокойствие, с которым он относится ко всем явлениям жизни. Практичнее он от этого не стал, и вся масса знания и опыта давала пищу той способности его ума, которая развита в нем до какой-то болезненной исключительности. Он вечно стоит где-то над землею, в области отвлеченных идей, где поневоле мирились все противоречия практической жизни, отрешенные от своей почвы. Его интересует абстракция, обобщение, широкие взгляды. Он, например, верно оценил относительное культурное значение кальвинистов и лютеран; он понял, что было прогрессивного, освобождающего в деятельности Лютера, и за узкими религиозными интересами, занимавшими современную ему Германию, предвидел возможность другого будущего, развитие философии и подъем научной деятельности. И вместе с тем он не научился узнавать людей: видел в Генрихе III послушного ученика, а в посвящении Рудольфу II толкует о свободе философской мысли, которой он сам всегда искал; о том, что несовместно с достоинством человека подчинять свой разум чужому, что наша святая обязанность — протестовать против этой тирании старших, а императору Рудольфу до всего этого не было дела.

Франкфурт представлял в то время удобную почву для свободной работы мысли. Международный по своему положению, он был в XVI веке одним из важных центров торговли и интеллектуального общения. На его ярмарки ежегодно съезжался народ со всех концов Европы, и торговля книгами занимала не последнее место: привозились книги из Италии и Франции и обменивались на произведения немецкой прессы. Таким образом не только устанавливался обмен мыслей, но интересы торговли приводили с собою то взаимное признание, которое в области идеи отражалось известной терпимостью. Нет ничего терпимее типографов-издателей XVI века: сами — люди большею частью образованные, иногда специалисты по какой-нибудь науке, они охотно принимали у себя всякого ученого, какой бы он ни был религиозной окраски и философского убеждения; помогали ему деньгами и давали работу. Мы не узнаем их в современном ремесленном типе.

К одному из таких типографов попал Бруно; он пристрастился к издательской фирме Вехель, которая поместила его в монастыре кармелитов, взяв на себя все расходы по его содержанию. Бруно тотчас же принялся работать, почти не выходя из комнаты; таким видел его кармелитский приор: целый день, рассказывал он, сидит и пишет, фантазируя и выдумывая небылицы; хороший человек, с большим образованием, но ни во что не верит. Сам я слышал, как он хвастался, что ему только захотеть, — и все человечество будет одной религии. Иногда, впрочем, этот оригинал показывался на улице, заходил в книжные лавки — тогдашние литературные салоны; там он пересматривал новые книги, знакомился с приезжими учеными и книгопродавцами, заводил ученые разговоры и развивал свою теорию. Так сблизился он с двумя книгопродавцами из Венеции, остановившимися в том же монастыре: Джьям-баттиста Чьотто и Джьякомо Британно. В один прекрасный день Чьотто передал ему письмо от венецианца Джьованни Мочениго. Молодому патрицию попалась в руки какая-то книга Бруно о мнемонике Луллия; он увлекся ею и теперь приглашал Бруно приехать в Венецию — научить его этой премудрости. Только что передано первое письмо, как пришло второе: его по-прежнему звали. Бруно жадно схватился за предложение: давно не видел он Италии, а теперь обстоятельства являются такие, при которых, казалось, можно было вернуться без боязни: Венецианская республика была всегда либеральна в деле религии; с другой стороны, была надежда на покровительство сильного дома Мочениго. Наконец Бруно просто устал бродить. В одном из своих франкфуртских трудов он говорит о тех немногих идеалистах, которые всю свою жизнь ищут мудрости, покидают для нее свою страну и родимый кров, переплывают океаны, переходят горы и пустыни, среди голода и лишений и бессонных ночей. Он изобразил самого себя.

В Венеции он поселился в гостинице, откуда тотчас же перешел в дом Мочениго. Начались занятия; Бруно вошел в литературные кружки, показывался в книжных лавках, ездил иногда в соседнюю Падую, где поучал нескольких немецких студентов. О нем стали говорить. Но дома у него не ладилось. Ученик его, Джьованни Мочениго, был человек лет 34, недалекий, скрытная и настолько же подозрительная натура, совершенная противоположность Бруно. Склонный ко всякому суеверию, он только и был способен отнестись к Бруно с той стороны, которая была в нем самая несущественная, хотя именно здесь он любил драпироваться в непроницаемую тайну и глубокомысленно говорил о мнемонике. Мочениго только это и видел: Бруно был для него волшебником, он научит его чудесному искусству памяти, чему-то вроде натуральной магии; а Бруно передавал ему лишь кое-какие внешние приемы, что сам знал, т.е. очень немногое; взамен того он, по обычаю, пересыпал мнемонические правила общими соображениями своей собственной философии. Мочениго не был к этому приготовлен, он ждал, что ему раскроют совсем другие тайны, а Бруно никаких тайн ему не раскрывал и возвращался к чтению между строками, проводя свои заветные мысли о религии, о христианстве и новой системе мира. У бедного Мочениго от всего этого волосы становились дыбом; он схватывал одни вершки, пробовал спорить, говорил о ереси и кощунстве — Бруно отвечал, переходил к насмешкам над староверством своего ученика и пророчил своему учению победу в близком будущем. Страх начинал разбирать Мочениго; в нем родилось убеждение, что гость, которого он приютил у себя — страшный гость, что он в связи с темной силой, обладает могучими чарами. Он только не хочет объявить их; надо бы пристать к нему, попытаться выведать. С другой стороны, поднимался другой голос: Мочениго не вправе это сделать, церковь запрещает всякую связь с демоном; надо порвать ее, подумать о спасении души, очистить совесть на исповеди — объявить обо всем инквизиции, чтобы и другие не подверглись опасности умереть духовно. Мочениго долго колебался между двумя решениями; видно, что идея доноса явилась у него не вдруг; он начинает собирать сведения о своем учителе, просит Чьотто разузнать во Франкфурте, не говорилось ли о нем что-нибудь такое, что может подтвердить его подозрения. Он как будто ищет доказательств. И в Бруно происходит в то же время такая же нравственная борьба. Он видит, что ему с Мочениго делать нечего, что им не ужиться; он то собирается ехать назад в Германию, то совещается с доминиканцем Доменико да Ночера: он приготовил большой труд о семи свободных искусствах, где полагал выяснить свое учение, приведя его к единству системы; думает повергнуть его к стопам его святейшества папы — он любит ученых людей, извинит его увлечения и позволит носить рясу, не вступая в орден.

Это, может быть, старое колебание, или в самом деле случай с Мочениго открыл ему глаза на возможность столкновения с католическими властями, если не на возможность доноса? И затем он снова думает ехать. Эти колебания еще более раздражали подозрительность Мочениго. Он решился действовать. 21 мая Бруно объявил ему, что едет во Франкфурт; произошел крупный разговор, со стороны Мочениго были угрозы. На следующий день, ночью, он вошел в сопровождении своего слуги и нескольких гондольеров в комнату Бруно, когда тот уже спал, и, под предлогом каких-то переговоров, повели его в горницу в верхней части дома, где он и провел ночь взаперти. Между тем дано было знать инквизиции. Утром 23-го числа она послала в дом Мочениго своего капитана, который переместил заключенного в нижний этаж, откуда ночью того же дня его перевели в тюрьму инквизиции.

Начался процесс. Спрошены были свидетели, какие были налицо; но дальнейшее следствие основалось почти исключительно на словесных и письменных показаниях Мочениго. Эти показания интересны: они убеждают нас, как мало он был способен понять общие принципы бруновского учения; его поразили одни факты, отдельные отзывы о христианстве, значении чудес и т.п. частные положения, которые система, может быть, слишком нецеремонно освещала, но которые имели смысл только в среде самой системы. В эту связь он никогда не проникал и потому делает выборку только этих фактов, отзывов и положений. В таком голом перечне они не только должны были поразить судей, но поразили самого Бруно. Он никогда не представлял их себе в этой связи и потому ищет теперь поставить их на то место, какое они имели в его теории. Таким образом, он смягчает резкость иных обвинений, другие положительно отвергает; чаще всего он винится в том, что приходил к антихристианским выводам, не вследствие неверия или предвзятости, а потому что слишком безраздельно доверял логике, отдавался свободному развитию своей философии. В этом его грех: он никогда не думал разрывать с христианством, с церковью; он несколько раз, еще в Венеции, помышлял о возвращении в лоно католичества. Он даже кончает чем-то вроде торжественного покаяния, готов смириться, исправиться, показать на себе пример обновления — если ему будет оставлена жизнь.

Он еще хотел жить и надеялся на милостивый вердикт венецианского суда. Может быть, это было только внешнее признание, а внутренне творилось другое, и готовилась знаменитая фраза, оставшаяся за Галилеем — eppur si muove (а все-таки вертится)! Зато, когда в течение процесса ему приходилось говорить о своей философии, он не знает двойственности и ничего не скрывает: напротив того, он настаивает, повторяется, развивает, что могло показаться неясным, хочет быть определеннее, вразумительнее, как будто перед ним не отцы-инквизиторы, а студенты Оксфорда или Сорбонны. Он увлекся, до забвения всей обстановки, тем, что было делом всей его жизни, чем поступиться было для него немыслимо. Он так прост и спокоен, что иногда становится страшно. В XVI веке нет другой такой философской исповеди; это вместе с тем и исповедь целой жизни.

Неизвестно, чем бы кончилось это дело в Венеции, если бы папа и римская инквизиция, которой следствие передавалось по мере того, как собирались показания, не потребовали Бруно в Рим. Венецианское правительство отнеслось было к этому требованию, как нарушающему его верховные права; но в Риме настаивали: Бруно не венецианский подданный; он — монах и ересиарх и потому подлежит ведению папы; еще ранее того он судился в Неаполе и Риме; указано было на несколько прецедентов, когда подсудимые в подобных случаях были переданы Венецией в руки римского трибунала. Коллегия Прегадов собиралась несколько раз для обсуждения этого вопроса; спрошен был прокурор Контарини. Он отвечал, что проступки Бруно по отношению к ереси — очень важные, хотя в других отношениях это — один из самых редких и светлых умов, какие можно встретить. Тем не менее он заключал, что следует исполнить желание его святейшества, как делалось в других подобных случаях. Согласно этому в январе 1593 года Бруно был переведен из венецианской тюрьмы в тюрьму римской инквизиции.

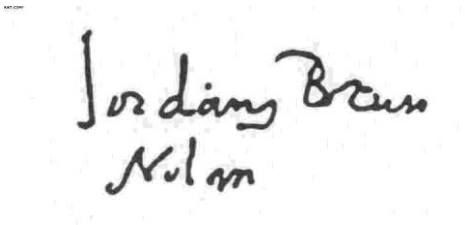
Здесь мы теряем его из виду на семь лет. Что делалось с ним в этот долгий промежуток — неизвестно, и только можем представить себе на основании общих сведений, какие имеем об обыкновенном ходе инквизиционного делопроизводства.

Он должен был подвергнуться новому, более подробному допросу; надо было собрать сведения о его жизни за границей, его сношениях с протестантами, наконец, о его книгах, особенно итальянских, которые в Италию почти не проникали. Все это требовало много времени, даже при обычном ходе дела; случалось также, что о преступнике забывали. За допросом следовали увещания, имевшие целью привести виновного к добровольному сознанию своей греховности; затем его оставляли одного с самим собой, чтобы услышать его отречение, присутствовать при его колебаниях и, в сомнительном случае, снова начать допросы. Все это повторялось не раз; должно было повториться и над Бруно. Мы узнаем, что и здесь он так же колеблется и не ровен себе, как в Венеции: он то просит отсрочки и обещает покаяться, то, когда срок прошел, выходит с той же непоколебимой верой в свое философское учение; и затем он снова обещает, чтобы снова возвратиться к самому себе. Только когда страх неминуемой смерти предстал перед ним, он стал спокоен и все колебания исчезли. Когда ему объявили смертный приговор, он произнес с уверенным видом и угрожающим движением памятные слова к своим судьям: «Вы испытываете более страха, произнося приговор, чем я, слушая его».

Семнадцатое февраля 1600 года было днем его казни. Во второй раз Бруно увидел Рим, и снова он был такой же праздничный, как и в первый. Праздновался юбилей: пятьдесят кардиналов съехались в город, по улицам движется пестрая толпа паломников, сошедшихся ко гробу апостолов искать внутреннего мира и отпущения грехов. На этом празднике христианской любви и всепрощения сожжен был на площади человек, толковавший о мировой любви, движущей всем созданием. Он умер на костре спокойно, не проронив ни одного стона.

Из толпы смотрел на эту казнь немецкий ученый Шопп, известный под именем Scioppius: один из тех тупых, задорных эрудитов, каких много встречалось между хористами Возрождения. Вернувшись домой, он тотчас же отписал обо всем своему приятелю, Конраду Риттерсгаузену, такому же, как он, ученому мужу. Сюжет представлялся блестящий, и Шопп не мог воздержаться от риторических вожделений: он так и трактует его, без тени участия, без доли понимания. Письмо, напечатанное в 1621 году, долгое время служило единственным документом о последних годах и казни Бруно. Лишь в недавнее время обратили внимание на письмо Бренгера к Кеплеру и на ответ Кеплера, от 1608 года, где встречаются указания на последнее обстоятельство. Между 1608 годом и 1600-м, т.е. годом казни, о ней не говорится ни полслова, так что естественно могло родиться сомнение — точно ли Бруно был сожжен? Иные даже утверждали, что он сожжен in effigie (заочно), что казнь была совершена только над его изображением. На вопросы, недавно обращенные по этому поводу к хранителям ватиканского архива, последовал ответ в таком смысле, что Бруно был действительно судим, как значится в актах; но какой приговор над ним произнесен — о том ничего неизвестно; еще менее известно — был ли этот приговор приведен в исполнение. Такой человек, как Бруно, мог умереть на площади, среди белого дня, в городе, куда, как нарочно, сошлись на этот раз люди со всех концов Европы, — и о его смерти не сохранилось ни одного современного известия, кроме случайного письма Шоппа, и прошло целых восемь лет, когда появилось первое, столь же случайное указание!

Произведения Джордано Бруно



Пир на пепле

(LA CENA DE LE CENERI)

ПИР НА ПЕПЛЕ[5],
описанный в пяти диалогах
четырех собеседников с тремя соображениями
относительно двух вопросов

* * *

Единственному покровителю муз, знаменитейшему
МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО[6],
синьору Ди Мовисьеро, Конкресальто и Жонвиля,
кавалеру ордена христианнейшего короля
и советнику его тайного совета,
капитану 50 солдат, правителю и капитану
Св. Дезидерия и послу у светлейшей
королевы Англии

МОЕМУ НЕНАВИСТНИКУ

Если больно ты зубом укушен собачьим,
О себе пожалей ты, пес грубый и жалкий!
Ты напрасно грозил мне кинжалом и палкой,
Если силой моей так теперь озадачен.

В грозной битве с неправдой ищу я удачи И тебя
поражаю, чтоб бросить на свалку...
Если жизнь оборвет мне небесная прялка.

---

[5] ПРИМЕЧАНИЯ К ДИАЛОГАМ «ПИР НА ПЕПЛЕ» составлены кандидатом философских наук Я.Г. Емельяновым.

«Пир на пепле» — Джордано Бруно имел в виду традиционный ужин, устраиваемый католическими монахами в первый день великого поста, перед церковным пасхальным праздником в воспоминание о «тайной вечере» Христа с учениками. *Церковному* «ужину на пепле» противостоит у Бруно *философский и антирелигиозный «пир»* — празднество передовых научных идей.

Участники диспута — не реальные исторические лица, а художественные типы.

Теофил («любящий бога») — как бы отождествляется с Бруно;

Смит — председатель, ведущий собрание;

доктор *Нундиний* и доктор *Торквато* — враги учений Коперника и Бруно, представители аристотелевско-птолемеевской геоцентрической астрономии и теологического мировоззрения;

Пруденций — гуманист периода Возрождения, филолог; сперва противник Бруно, он в конце диспута становится его горячим сторонником. Диалог «Пир на пепле» посвящен прежде всего пропаганде и защите астрономических идей Коперника. Не ограничиваясь этим, Бруно излагает здесь свои новые, передовые идеи и догадки о бесконечности вселенной, бесчисленности миров, о движении Земли и других планет вокруг Солнца. Бруно высказывает и мысль о том, что «неподвижные» звезды подобны Солнцу и имеют своих спутников и т.п. В дальнейшем Бруно развил и углубил свои астрономические взгляды главным образом в книгах «О бесконечности, вселенной и мирах» (1584) и «О безмерном и неисчислимом» (1591).

[6] *Микель ди Кастельново* (по-французски — Мишель де Кастельно) — французский дипломат, военный и государственный деятель XVI в. Перевел на французский язык латинское сочинение Петра Рамуса о нравах древних галлов, оставил после себя мемуары. В 1575 г. был назначен послом в Англию. В его семье, вероятно в качестве секретаря, Бруно прожил, быть может, счастливейшее время в своей жизни: с лета 1583 г. до октября 1585 г. Ему Бруно и посвятил свои итальянские диалоги «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах» и одно латинское сочинение.

Твой навеки пребудет позор обозначен.

Не ходи обнаженным за медом пчелиным;
Не кусай, не узнав, где гранит, где горбушка;
Не ходи босиком, раз колючки ты сеешь;

Если муха ты, бойся тогда паутины;
Если — мышь, то не прыгай вослед за лягушкой;
Эй, петух, от лисы убегать ты умеешь?

Верь святому завету,
Что твердит всему свету:
Лишь на поле смиренья
Не взрастут заблужденья[7].

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО,

НАПИСАННОЕ ЗНАМЕНИТЕЙШЕМУ И ПРЕВОСХОДНЕЙШЕМУ
СИНЬОРУ ДИ МОВИСЬЕРО,
КАВАЛЕРУ ОРДЕНА КОРОЛЯ И СОВЕТНИКУ ЕГО ТАЙНОГО СОВЕТА,
КАПИТАНУ 50 СОЛДАТ,
ГЛАВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ Св. ДЕЗИДЕРИЯ И ФРАНЦУЗСКОМУ
ПОСЛУ в Англии

Вот вам, синьор, пир в моем присутствии, не нектарный пир Громовержца — ради величия; не пир потомков первозданного Адама — из-за отчаяния; не пир Артаксеркса из-за тайны; не Лукулла — из-за богатства; не Ликаона из-за святотатства; не Фиеста[8] — ради трагедии; не Тантала — из-за страдания; не Платона — ради философии; не Диогена — из-за нищеты; не пиявки — из-за пустяка; не протопопа из Повильяно[9] — ради шутки; не Бонифация[10] из «Подсвечника» — ради комедии. Нет, это пир столь же великий, сколь и малый; столь же поучительный, сколь ученический; так же кощунственный, как и религиозный; такой же веселый, как и злой; настолько же горестный, насколько радостный; по-флорентийски тощий, по-болонски жирный; столь же кинический, сколь сарданапаловский; такой же пустяковый, как и серьезный; настолько строгий, насколько шутовской; так же трагичный, как и комичный. Так что я с уверенностью полагаю, что у вас будет здесь немало случаев сделаться героическим — растерянным; учителем — учеником; верующим — неверующим; радостным — печальным; меланхолическим — веселым; легким — тяжелым; жадным — щедрым; бессильным — всемогущим; софистом с Аристотелем, философом с Пифагором; смеющимся с Демокритом, плачущим с Гераклитом. Я хочу сказать: после того как вы обоняли с перипатетиками, вкушали с пифагорейцами, пили со стоиками, вы сможете еще воспринимать и с тем, кто, ощерив зубы, имеет приятную улыбку до ушей. Поэтому, разгрызая кость и извлекая от туда мозг, вы найдете здесь кое-что, способное разложить святого Коломбина, одного из патриархов иезуитов[11], умилить любой базар, вывихнуть челюсти и прервать молчание на каком угодно кладбище.

---

[7] Итальянские и латинские стихи Бруно (за исключением трех его сонетов), а также цитируемые Бруно стихи Тансилло переведены М.А. Дынником; три сонета (из вступительной части диалогов «О бесконечности, вселенной и мирах») даны в переводе В.А. Ещина.

[8] *Ликаон* и *Фиест* — мифические древнегреческие цари.

[9] *Повильяно* — город Веронской области, в Италии.

[10] *Бонифаций* — персонаж из комедии Бруно «Подсвечник» (см. сокращенный перевод на русский язык Я.Г. Емельянова под названием «Неаполитанская улица», М.: Искусство, 1940).

[11] Католический орден, проповедовавший аскетизм (основан в 1367 г.).

Вы спрашиваете меня: что это за симпосион, какой это пир? Это ужин. Какой ужин? На пепле. Что значит ужин на пепле? Разве может быть перед вами поставлено такое кушанье? Разве можно сказать: я ел пепел как хлеб? Нет, это ужин после солнечного заката, в первый день великого поста, называемый нашими попами днем пепла, а иногда — днем воспоминания. В чем же состоит этот пир, этот ужин? Конечно, не в том, чтобы выразить уважение к духу и делам высокородного и благовоспитанного господина Фулка Гривелла[12], в почтенной квартире которого мы собирались; не по поводу почтенных нравов культурнейших господ, которые присутствовали там в качестве зрителей и слушателей, но из-за желания увидать, что может сделать при рода, создавая две фантастические куклы, два сновидения, две тени, две перемежающиеся четырехдневные лихорадки. На этом основании, после того как смысл истории будет про сеян, а затем испробован и разжеван, будут высказаны топографические соображения, а также географические, кроме того рассудочные, а также моральные, да еще умозрения: метафизические, математические и естествоведческие.

Вы будете удивлены, как при такой краткости совершены столь великие дела. Но не смущайтесь, если увидите здесь иногда некоторые менее важные положения; порою казалось, что угрожает опасность очутиться перед строгой цензурой Катона: ведь эти Катоны слишком слепы и глупы, чтобы открыть то, что скрыто за этими Силенами[13]. Если здесь соединено столько различных положений, то пусть не кажется, что в одном месте наука, в другом — диалог, здесь комедия, там трагедия, здесь поэзия, там риторика; здесь хвалят, там порицают, там доказывают или обучают; здесь нечто из физики, а там из математики, здесь из морали, там из логики; и в итоге — нет ни одной отрасли науки, не представленной в отрывках. Подумайте, синьор, ведь это исторический диалог, где, в то время как докладывается о поводах, о движениях, о прохождениях, о встречах, о действиях, о страстях, о речах, о рассуждениях, об ответах, о положениях и неудачных тезисах, — все излагается для строгого суждения этих четырех собеседников, и нет ничего, что не могло бы появиться здесь кстати, с тем или иным основанием. Подумайте и о том, что здесь нет праздного слова, так как во всех частях приходится выяснять и очищать немаловажные вещи и, может быть, больше всего там, где это казалось менее нужным. Что касается находящегося на поверхности, то те люди, которые дали повод создать диалог и, может быть, сатиру и комедию, эти люди имеют возможность стать более осмотрительными и не мерить людей той палочкой, которой измеряют бархат, а души не взвешивать на металлической чашке весов. Те, которые будут зрителями или читателями и увидят, каким образом задеваются другие, научатся быть осторожными и обучатся за счет других. У тех, кто здесь уязвлен и упорствует, откроются, может быть, глаза, и, увидав свою нищету, наготу и непристойность, они, если не из любви, то, по крайней мере, от стыда смогут исправиться или прикрыться, если признают свою вину. Если вам покажется, что наш Теофил или Фрулла слишком глубоко и строго затрагивают основы некоторых положений, то примите, синьор, во внимание, что у многих животных не слишком нежная кожа и что если бы толчки были во сто раз сильнее, то и тогда они ничего не заметили бы или восприняли бы это как детское прикосновение. Я не хочу, чтобы вы считали меня заслуживающим упрека за то, что по поводу такой глупости и на таком недостойном фоне, который представляют эти доктора, я решился защищать столь важные и достойные положения; ведь я уверен, что вы понимаете различие между тем, когда берутся за дело по существу и когда — по случайному поводу. Верно, что основания должны быть пропорциональны величию, условиям и благородству здания; но ведь могут быть всякого рода результаты вследствие разных поводов, так что мелкие и грязные вещи бывают семенами больших и прекрасных дел; глупости и безумства обыкновенно вызывают большие мысли, суждения и открытия. Не говорю уже о том, что ясно: ошибки и преступления много раз давали повод для важнейших норм справедливости и добра.

---

[12] *Фулк Гривелл* — английский аристократ, друг поэта Филиппа Сиднея (см. примеч. 52), участник его кружка и сам поэт, впоследствии государственный деятель. После выхода «Пира на пепле» Гривелл прекратил знакомство с Бруно.

[13] У Платона в «Пире» Алкивиад сравнивает Сократа со статуей грубого и некрасивого Силена, внутри которой были скрыты статуи богов. Этот образ у Бруно встречается неоднократно.

Если вам покажется, что краски портрета не вполне соответствуют жизни и рисунок представится не вполне отвечающим действительности, то знайте, что недостаток происходит оттого, что живописец не смог справиться с портретом из-за отсутствия пространств и расстояний, какие приняты у мастеров искусств; ведь кроме того, что стол или фон были слишком близки к лицу и глазам, нельзя было отступить назад на самый маленький шажок или отодвинуться в тот или другой угол из боязни сделать прыжок, который совершил сын знаменитого защитника Трои.

Поэтому возьмите этот портрет таким, какой он есть, где даны эти двое, эти сто, эта тысяча, эти все; ведь посылается это не для того, чтобы сообщить вам известное, и не для того, чтобы добавить воды к быстрому потоку вашего суждения и ума, но, как мне известно, хотя обычно мы лучше познаем вещи в натуре, мы все же не имеем обыкновения пренебрегать портретом и представленным на нем. Кроме того, несомненно, что ваше великодушие обратит внимание скорее на чувство благодарности, с которым это предлагается, чем на дар подносящей руки.

Это адресовано вам как человеку более близкому, показавшему себя более благосклонным и более расположенным к нашему Ноланцу, и поэтому мы предполагаем, что вы наиболее достойны нашего почтения в этом климате, где торговцы без совести и веры легко делаются Крезами, а добродетельные люди, не имеющие золота, — Диогенами. Вам, который с такой щедростью принял Ноланца под свой кров, в самый высокий этаж вашего дома, куда эта страна, вместо того чтобы послать за границу тысячи свирепых гигантов и создавать там столько же Александров Великих, послала, как вы видели, более пятисот гигантов, чтобы они составили кортеж вашему Диогену[14]. А между тем он по милости звезд имеет только вас, приходящего к нему впустить луч солнца, если только (чтобы не сделать его беднее названного оборванца-циника) оно бросит несколько прямых или отраженных лучей через известное вам окошко.

Посвящается вам, представляющему здесь в Британии мощь столь щедрого, столь великого и столь сильного короля, который из самой великодушной груди в Европе голосом своей славы ошеломляет последние основания земли; когда он кричит в гневе, как лев в глубокой пещере, то наводит ужас и смертельный страх на мощных хищников лесов, а когда отдыхает и спокоен, то шлет такой жар щедрой и учтивой любви, что воспламеняет соседний тропик, согревает ледяную Медведицу и растворяет суровость арктической пустыни, которая вращается под вечной охраной свирепой Малой Медведицы.

Будьте здоровы!

[14] Вероятно, намек на попытку арестовать Бруно в Англии и на защиту, оказанную ему при этом Кастельно.

Диалог первый

СОБЕСЕДНИКИ:
Смит, философ Теофил, педант Пруденций[15]*,*
Фрулла[16]

С м и т . Хорошо говорят по-латыни?

Т е о ф и л . Да.

С м и т . Джентльмены?

Т е о ф и л . Да.

С м и т . С хорошей репутацией?

Т е о ф и л . Да.

С м и т . Ученые?

Т е о ф и л . Довольно компетентные.

С м и т . Благовоспитанные, вежливые, культурные?

Т е о ф и л . В известной степени.

С м и т . Доктора?

Т е о ф и л . Да, сударь. Да, господи, да, матерь божия. Да, да. Я думаю, что они из Оксфордского университета.

С м и т . Квалифицированные?

Т е о ф и л . Ну как же нет? Избранные люди, в длинных мантиях, облаченные в бархат. У одного — две блестящие золотые цепи[17] вокруг шеи. У другого — боже ты мой! — драгоценная рука с дюжиной колец на двух пальцах, которые ослепляют глаза и душу, если любуешься ими. Похож на богатейшего ювелира.

С м и т . Выказывают познания и в греческом языке?

Т е о ф и л . И к тому же еще и в пиве.

П р у д е н ц и й . Отбросьте слова «и к тому же еще», так как это затасканное и устарелое выражение.

Ф р у л л а . Помолчите, маэстро, пока никто с вами не говорит.

С м и т . А какой у них вид?

Т е о ф и л . Один похож на стража великанши и Оркуса[18], другой на привратника богини тщеславия.

С м и т . Так что их двое?

Т е о ф и л . Да, потому что это число таинственное.

П р у д е н ц и й . Как и надлежит присутствовать именно двум свидетелям.

Ф р у л л а . Что вы понимаете под этими свидетелями?

П р у д е н ц и й . Свидетели — это экзаменаторы ноланской полноценности. Но, клянусь Геркулесом! почему вы, Теофил, сказали, что число *два* таинственно?

Т е о ф и л . Потому что два есть первая координация, как говорит Пифагор, конечное и бесконечное, кривое и прямое, правое и левое и так далее. Два вида чисел: четное и нечетное, из которых одно — мужчина, другое — женщина. Два Эроса: высший — божественный, низший — вульгарный. Два дела в жизни: познание и действие. Две цели в них: истина и добро. Два вида движения: прямолинейное, в котором тела стремятся к сохранению, и кругообразное, в котором они сохраняются. Два существенных начала вещей: материя и форма. Два специфических различия субстанции: разреженная и плотная, простая и смешанная. Два первых противоположных и активных начала: тепло и холод. Двое первых родителей предметов природы: Солнце и Земля.

Ф р у л л а . Сообразно этим вышеупомянутым двоицам я предлагаю другую лестницу двойственности. Животные входят в ковчег по паре, выходят оттуда также парами.

---

[15] Слово *пруденций* означает мудрый, разумный, благоразумный.

[16] Смысл слова *фрулла* — мелкий человек, болтун.

[17] Имеется в виду доктор Торквато. *Торквато* — от слова *цепь;* он носит золотую цепь на шее.

[18] *Оркус* — подземное царство бога Плутона — местопребывание умерших.

Два корифея небесных знаков: Баран и Бык[19]. Два вида упомянуты в псалме: конь и мул. Двое животных по образу и подобию человека: обезьяна на земле и сыч на небе. Две поддельные и почитаемые флорентийские реликвии в вашем отечестве: зубы Сассетто и борода Петруччо[20]. Двух животных называет пророк, как имеющих больше ума, чем народ Израиля: быка, потому что он знает своего владельца, и осла, так как он умеет найти хозяйские ясли. Двое было таинственных животных, годных для верховой езды нашего искупителя: ослица и молодой осел, которые означают древнееврейское верование и новое, языческое. От них произошли два имени, обычные прозвища секретаря императора Августа: Ослицын и Осленкин. Две породы ослов: домашние и дикие. Два наиболее обычных цвета их: серый и черный. Две пирамиды, на которых должны быть записаны и посвящены вечности имена двух этих и им подобных докторов: правое ухо Силенова коня и левое — антагониста бога садов.

Пруденций. Весьма изрядное остроумие. Перечнем сим ни в коем случае не подобает пренебрегать.

Фрулла. Я горжусь тем, мессер Пруденций, что вы одобряете мою речь, что вы благоразумнее самого благоразумия, что вы богиня благоразумия мужского рода.

Пруденций. А ведь сие не лишено изящества и юмора! Но оставим эти взаимные славословия. Сядем, ибо, по словам князя перипатетиков, когда мы спокойно сидим, то становимся мудрыми; и, таким образом, до самого солнечного заката проведем наше четверобеседование относительно результата разговора Ноланца с доктором Торквато и доктором Нундинием.

Фрулла. Хотелось бы знать, что вы подразумеваете под этим четверобеседованием?

Пруденций. Четверобеседование, сказал я, — это беседа четырех, как диалог — беседа двух, трилог — беседа трех, и так же дальше — пенталог, гепталог и прочее, что противозаконно называется диалогами, в смысле собеседования многих. Ведь неправдоподобно, чтобы греки, изобретатели слова *диалог,* употребляли первый его слог «ди» в смысле начала латинского выражения «диверсус», то есть в смысле «многих».

Смит. Прошу вас, господин маэстро, оставим эти грамматические тонкости и перейдем к нашей теме.

Пруденций. О времена! Вы, кажется мне, мало считаетесь с изящным стилем. Как мы сможем вести хорошее четверобеседование, если не знаем, что означает выражение «четверобеседование», и, что еще хуже, если мы думаем, что это есть диалог. Разве надо начинать не с определения и не с объяснения понятий, как этому учит наш Арпинат?[21]

Теофил. Вы, мессер Пруденций, слишком благоразумны! Прекратите, пожалуйста, эти грамматические разговоры и считайте, что это наше рассуждение будет диалогом: хотя нас четверо, но обязанность спрашивать и отвечать, рассуждать и выслушивать будут выполнять лишь двое. Однако, чтобы приступить и вести дело с начала, придите и вдохновите меня, о Музы! Не призываю вас, говорящих напыщенными и гордыми стихами на Геликоне, потому что опасаюсь, что вы будете жаловаться на меня в конце, когда, после долгого и трудного путешествия, после переезда опасных морей, после того как вы увидите свирепые нравы, вам придется босыми и голыми вернуться в свое отечество, так как здесь нет рыбы для ломбардцев. Оставляю в стороне то, что вы не только иностранки для меня, но вдобавок из той расы, о которой поэт говорит:

Я не был никогда лукавым греком.

Кроме того, не могу влюбиться в то, чего не вижу.

---

[19] *Баран* (Овен) и Бык (Телец) — названия созвездий зодиака.

[20] *Томмазо ди Винченцио Сассетто* — военный; Петручо Убалдини — военный, учитель итальянского языка, писатель. Оба — итальянцы из Флоренции, жили в Англии.

[21] *Арпинат,* т.е. Цицерон (род. в Арпине).

Другие, другие сковали мою душу. И этим-то говорю я: грациозные, милые, мягкие, нежные, молодые, прекрасные, деликатные, светловолосые, белолицые, краснощекие, с сочными губами, божественными глазами, эмалевой грудью и бриллиантовым сердцем, благодаря вам я столько мыслей порождаю в уме, столько страстей храню в душе, столько чувств черпаю в жизни, столько слез лью из глаз, столько вздохов испускаю из груди и столько пламени изливаю из сердца. О вы, музы Англии, говорю я: вдохновляйте, внушайте, согревайте, воспламеняйте, очищайте и растворяйте меня; дайте мне сок жизни и заставьте выступить не с маленькой, изящной, урезанной и краткой эпиграммой, но с обильным и широким потоком прозы долгой, текучей, большой и стойкой, чтобы мои берега образовались не пишущим пером, а широким руслом канала. И ты, моя Мнемозина, скрытая под тридцатью печатями и заключенная в мрачной темнице теней идей, спой мне немного на ухо![22]

Как-то пришли к Ноланцу от имени королевского шталмейстера два человека и сообщили, что пославший их желает иметь разговор с Ноланцем, чтобы уразуметь коперниковские и прочие парадоксы его новой философии. Ноланец на это ответил, что он не смотрит ни глазами Коперника, ни Птолемея, но своими собственными, что касается суждения и определения. Что же касается наблюдений, то он считает себя очень обязанным этим и другим старательным математикам, прибавлявшим постепенно, с течением времени, одно объяснение к другому, давшие ему достаточные основания, благодаря которым он пришел к такому суждению, которое могло созреть только после многих нелегких занятий. Ноланец добавил, что фактически они — как бы посредники, переводящие слова с одного языка на другой; но затем другие вникают в смысл, а не они сами. Они же подобны тем простым людям, которые сообщают отсутствующему полководцу о том, в какой форме протекала битва и каков был результат ее. но сами-то они не понимают дела, причины и искусства, благодаря которым вот эти победили; понимает же тот, кто имеет опыт и лучше разбирается в военном искусстве. Так, обращаясь к фиванской Манто, которая видела, но не понимала, слепой, но божественный толкователь Тирезий[23] говорил:

Большая доля истины бывает
Сокрыта от слепого. Но куда
Меня зовут отечество и Феб,
Последую ……
Ты, дочка, поводырь отца слепого,
Передавай о знаменьях святых[24].

Подобно этому какое суждение могли бы мы вынести, если бы не были предъявлены нам и не поставлены перед глазами разума многоразличные проверенные данные относительно небесных или близких нам тел? Конечно, никакого. Однако, воздав благодарность богам, подателям блага, происходящим от первого и бесконечно всемогущего света, и восславив усердие названных великодушных умов, мы утверждаем самым ясным образом, что должны открыть глаза на то, что они наблюдали и видели, но мы не обязаны соглашаться с их понятиями, мнениями и определениями.

С м и т. Прошу вас, дайте мне возможность узнать ваше мнение о Копернике.

Т е о ф и л. У него было серьезное, разработанное, живое и зрелое дарование. Этот человек не ниже ни одного из астрономов, бывших до него, если не говорить о последовательности во времени, человек, по прирожденной рассудительности стоявший много выше Птолемея, Гиппарха, Евдокса и всех других, шедших по их следам. Ему мы обязаны освобождением от некоторых ложных предположений общей вульгарной философии, если не сказать, от слепоты.

---

[22] Бруно намекает на два своих латинских мнемонических сочинения: «Объяснение 30 печатей», Лондон, 1583, и «О тенях идей», Париж, 1582.

[23] Слепой прорицатель Тирезий из Фив и его дочь Манто (древнегреческая мифология).

[24] *Сенека.* Эдип, 332-335, 341-342.

Однако он недалеко от нее ушел, так как, зная математику больше, чем природу, не мог настолько углубиться и проникнуть в последнюю, чтобы уничтожить корни затруднений и ложных принципов, чем совершенно разрешил бы все противодействующие трудности, избавил бы себя и других от многих бесполезных исследований и фиксировал бы внимание на делах постоянных и определенных. При всем том кто может вполне восхвалить великий дух его, который, обращая мало внимания на глупую массу, крепко стоял против потока противоположной веры и, хотя почти не был вооружен живыми доводами, все же, подбирая ничтожные и заржавевшие обломки, которые можно получить из рук древности, заново их обработал, соединил и настолько спаял своей более математической, чем естественно-научной речью, что превратил дело, бывшее смешным, низким и презираемым, в дело почтенное, ценимое, более вероятное, чем другое, противостоящее ему, и несомненнейшим образом в более удобное и необходимое для теории вычисления? Хотя он и не имел достаточно средств, с помощью которых смог бы не только сопротивляться, но полностью покорить, победить и уничтожить ложь, все же он мог найти твердую почву для себя и совершенно открыто признать следующее: в конце концов необходимо считать более вероятным, что наш шар движется по отношению ко вселенной, чем допустить, что совокупность неисчислимых тел, из которых многие признаны более великолепными и более крупными, имеет вопреки природе и разуму основой и центром своих круговых движений наш шар, хотя они самым чувствительным образом своими движениями доказывают обратное. Кто же будет настолько подлым и невежливым по отношению к труду этого человека, который, даже если забыть то, что было им сделано, был послан богами, как заря, которая должна предшествовать восходу солнца истинной античной философии, в течение веков погребенной в темных пещерах слепоты и злого, бесстыдного, завистливого невежества; кто пожелает, обращая внимание на то, чего он не мог сделать, скорее поместить его в ряды стадной массы, бегущей, ведомой и падающей вследствие послушания грубой и низкой вере, чем включить в число тех, которые могли восстать благодаря своему счастливому уму и подняться благодаря вернейшему сопровождению ока божественного понимания?

Но что скажу я о Ноланце? Может быть, мне не следовало бы хвалить его, потому что он так же мне близок, как я сам себе? Конечно, не найдется рассудительного человека, который упрекнул бы меня в этом, принимая во внимание, что оно иной раз не только пристойно, но и необходимо, как об этом удачно говорит изящный и культурный Тансилло:

Кто славы ищет, чуждый лицемерья,
Не должен говорить про самого себя,
Ведь наш язык не заслужил доверья,
Где сердце увлекается, любя;
И лучше подождать — не вижу в том потерь я,—
Чтоб человек другой стал прославлять тебя,
Когда одно из двух свершить способно слово:
Упреки устранить — обрадовать другого[25].

Все же если найдется человек, столь гордый, что не захочет допустить ни по какому поводу собственной или почти собственной похвалы, то пусть он знает, что ее иной раз нельзя отделить от отчета о своих настоящих действиях. Кто упрекнет Апеллеса, который, показывая свое произведение хотевшему узнать о нем, говорил, что это творение его рук? Кто станет порицать Фидия, который на вопрос об авторе его великолепной статуи ответил, что это он? Следовательно, чтобы вы поняли данное произведение и его важность, я предлагаю в виде заключения то, что очень скоро легчайшим и самым ясным образом будет доказано. Если получил похвалы античный Тифис за то, что первым изобрел корабль и прошел с аргонавтами море:

Храбрость безмерна того, кто первым чрез море неверное
На корабле столь непрочном путь далеко проложил

[25] *Тансилло.* Виноградарь.

И, позади оставляя родимые земли,
Жизнь вероломному ветру доверил свою[26];

если в наши времена возвеличен Колумб за то, что стал тем, о ком было задолго предсказано:

Настанет день в столетиях грядущих,
Когда расторгнет океан вещей оковы,
И Тифис новый мир откроет и не будет больше
Последним местом Фула на земле[27];

то как же надо отнестись к тому, кто нашел средство подняться на небо, пробежать по сфере звезд и оставить за собой выпуклую поверхность небесного свода?

Потомки Тифиса нашли средство поколебать покой других, оскорбить местных духов предков, смешать то, что заботливая природа разделила, удвоить ради торговли недостатки, к порокам одного племени присоединить пороки другого, насильно распространять новые глупости и насаждать неслыханные сумасбродства там, где их не было, объявляя себя, наконец, как самых сильных, самыми умными; показывать новые ухищрения, приемы и способы тиранствовать и убивать друг друга. Но вследствие этих деяний придет время, когда те люди, обученные столь дурным средствам, в силу превратности вещей смогут воздать им подобными и еще худшими плодами столь пагубных изобретений.

Отцы наши видели светлый век,
Невинный, не ведавший козней злых,
И все, не касаясь чужих берегов
И спокойно старея на отчих полях,
Довольны немногим, не знали богатств,
Кроме тех, что рождает родная земля...
……
Хорошо разделенные мира концы
Воедино связал фессалийский корабль,
И морю удары терпеть приказал.
И к прежним страхам прибавился страх
Пред пучиной морской[28].

Ноланец же, чтобы достигнуть результатов совершенно противоположных, освободил человеческий дух и познание, которые были заключены в теснейшей тюрьме мятущегося воздуха, откуда с трудом, как через несколько отверстий, можно было всматриваться в отдаленнейшие звезды; при этом крылья у человеческого духа были обрезаны, чтобы не мог он взлететь, раздвинуть завесу этих туч, увидеть то, что за ними действительно скрывается, и освободиться от тех химер, которые, выйдя из болот и пещер земли, подобно Меркуриям и Аполлонам, якобы спустившимся с неба, заполнили весь мир множеством обманов, бесчисленными сумасбродствами, грубостями и пороками под видом добродетелей, божеств и учений; эти химеры, одобряя и утверждая туманный мрак софистов и ослов, потушили свет, делавший божественными и героическими души наших древних отцов. Поэтому-то столь давно уже подавленный человеческий разум иногда, в моменты просветления, обращается, оплакивая свое низкое состояние, к божественной и предусмотрительной мысли с такими словами:

Кто, о мадонна, поднимется ради меня в небеса,
Чтобы принесть мне сюда мой потерянный разум?[29]

---

[26] *Сенека.* Медея, 367-370.
[27] *Сенека.* Медея, 440-444.
[28] *Сенека.* Медея, 374-379, 398-402.
[29] *Ариосто.* Неистовый Роланд, XXXV, 1.

И вот Ноланец, пересекший воздушное пространство, проникнув в небо, пройдя меж звездами за границы мира, заставил исчезнуть фантастические стены первой, восьмой, Девятой, десятой и прочих, каких бы еще ни прибавили, сфер, согласно рассказам суетных математиков и слепых вульгарных философов.

Так перед лицом здравого смысла он ключом тщательнейших исследований открыл те убежища истины, которые могут быть нами обнаружены, обнажил скрытую под покровом природу, раскрыл глаза у кротов, излечил слепых, которые не могли поднять глаза, чтобы поглядеть на свой образ в зеркалах, со всех сторон окружавших их, развязал язык у немых, не умевших и не осмеливавшихся объяснять смутные чувства, излечил хромых, которые не могли совершить то движение духа вперед, к которому не способен человек, состоящий из неблагородной и разложимой материи; это он заставил людей находиться на Солнце, Луне и других названных светилах, как если бы люди были их первоначальными обитателями; он показал, насколько схожи и не схожи, больше или хуже тела, видимые как отдаленные от того тела, на котором находимся мы сами и с которым мы соединены; он открыл наши глаза, чтобы мы увидели это божество, эту нашу мать, которая на своем хребте кормит и питает нас, после того как произвела из своего лона, и куда снова принимает нас; он не позволяет думать, что она есть тело без души и без жизни или даже какой-то отброс среди телесных субстанций.

Таким образом мы узнаем, что если бы мы были на Луне или на другой звезде, мы были бы в месте, не очень отличающемся от Земли, или, может быть, даже в худшем месте; мы узнаем, что могут быть другие тела, столь же хорошие и даже лучшие сами по себе и способные дать больше счастья своим обитателям.

Так мы узнаем, что есть столько планет, столько звезд, столько божеств, сколько сот тысяч их присутствует на службе — в созерцании первого, всеобщего, бесконечного и вечно действующего начала. Наш разум не скован больше кандалами фантастических восьми, девяти или десяти двигателей. Мы знаем, что есть только одно небо, одна бесконечная эфирная область, где эти великолепные светочи сохраняют свои расстояния ради удобства участия в постоянной жизни. Эти пылающие тела суть посланники, извещающие о превосходстве славы и величия божия. Так мы продвинулись к открытию бесконечного следствия бесконечной причины, истинного и живого следа бесконечной силы; мы обладаем учением, которое не заставляет нас искать божество вдали от нас, если мы имеем его вблизи нас, даже внутри, более чем мы сами внутри нас, так же как жители других миров не должны искать его в нас, имея его близ и внутри себя; ведь Луна есть не больше небо для нас, чем мы для Луны. Так можно найти в какой-то мере лучшее применение тому, о чем говорит Тансилло как бы для развлечения:

Коль не берете вы добра, что с вами рядом,
То как же взять вам то, что видно вдалеке?
Пренебрегать своим, мне кажется, не надо,
Как и мечтать о том, что есть в чужой руке.
Вы — тот, кто сам себя покинул, — тщетно
взглядом
Подобия себе вы ищете в тоске.
Совсем, как вы, в ручей так падает борзая,
Своей поноски тень схватить в воде желая.
Ищите истину и позабудьте тени!
Ведь то, что есть сейчас, ценней грядущих благ.
Я знаю, жизнь дана для лучших достижений,
Но, чтоб беспечно жить, с улыбкой на устах,
Я рад тому, что есть, и новых жду мгновений,
С двойною радостью в сияющих очах[30].

[30] *Тансилло.* Виноградарь.

При этом один, хотя бы и один, может и должен победить, и в конце концов, даже побежденный, он восторжествует над общим невежеством. И нет сомнения, что дело должно быть решено не массой слепых и глупых свидетелей, ругательств и пустых слов, но силою управляемого чувства, которое даст в конце необходимое заключение; ведь фактически все слепые не стоят одного зрячего и все глупые не заменят одного умного.

Пруденций.

Если в делах и словах нет того, что было в них прежде,
Ты довольствуйся тем, что время ныне приносит.
И не дерзай презирать общепринятых взглядов народа,
Ибо унизится тот, кто толпу презирать пожелает[31].

Теофил. В высшей степени разумно сказано относительно приглашенных на пир, общего порядка и практики культурного обращения, но не относительно познания истины и правила для умозрения, о котором говорит тот же мудрец:

Обучайся, но у ученых: неученых должен сам научить.

Еще о том, что ты сказал относительно учения, подходящего для многих; ведь есть совет, касающийся массы: чтобы, не возлагали на плечи всякого эту тяжесть, но поручали ее тем, кто сможет нести ее, как Ноланец, или, по крайней мере, двигать ее к своей цели, не натыкаясь на непосильные трудности, что умел делать Коперник. Кроме того, те, кто владеют этой истиной, не должны сообщать ее лицам всякого сорта, если не желают, как говорится, мыть голову ослу и не хотят видеть то, что делают с бисером свиньи, и собирать такие плоды своего усердия и утомления, какие обычно производит дерзкое и глупое невежество вместе с самомнением и некультурностью — своими постоянными верными спутниками. Итак, лишь для тех неученых мы можем быть учителями и для тех слепых исцелителями, которые называются слепыми не по прирожденному бессилию или не из-за отсутствия способности и дисциплинированности, но по их неосмотрительности или невнимательности, что бывает еще и по недостатку активности, а не способности. Из этих некоторые настолько криводушны и злы, что вследствие какой-то смутной зависти гордятся и гневаются на тех, кто, как им кажется, хочет их обучать; будучи, как их считают, и, что хуже, как они сами себя считают, учеными и докторами, они осмеливаются показывать знание того, чего они не знают. Вы видите здесь, как они вспыхивают и приходят в ярость.

Фрулла. Как это случилось с теми двумя грубыми докторами, о которых мы говорили; один из них, не зная, как отвечать и аргументировать дальше, поднялся, желая закончить разговор принятием мер согласно пословицам Эразма, то есть кулаками, и закричал: «Как? Разве ты не поплывешь в Антициру?[32] Ты хочешь быть основателем новой философии, который не уступал бы своим величием ни Птолемею, ни многим другим великим философам и астрономам? Может быть, ты ищешь узлов у тростника?» Он употреблял и другие выражения, достойные того, чтобы на них ответить ударами палок, которыми погонщики дубасят по спинам ослов.

Теофил. Это пока оставим. Есть и такие доктора, которые из-за легковерного безумства, боясь, что в деле познания нельзя шутить, упрямо желают оставаться в том тумане, который когда-то плохо усвоили. Но есть и другие, счастливые прирожденные таланты, у которых никакое почтенное знание не пропадает: они не рассуждают опрометчиво; обладают свободным умом, ясным взглядом и являются произведением неба, — если и не изобретателями, то все же исследователями, искателями, судьями и свидетелями истины. У этих Ноланец пользовался, пользуется и будет пользоваться одобрением и любовью. Они — благороднейшие умы, способные слушать его и диспутировать с ним.

---

[31] Так называемые дистихи Катона, распространенные в средние века.

[32] Выражение «плавание в Анциру» — намек на безумие.

Потому что в действительности никто не достоин противостоять ему в этих вопросах и должен или фактически удовлетвориться согласием с ним, не будучи столь способным, или же, по меньшей мере, должен подписаться под многим, более важным и главным, и согласиться, что если оно не может быть признано самым верным, то, во всяком случае, наиболее вероятным.

Пруденций. Как хотите, но я не могу отказаться от мнения древних, поелику, говорит мудрец, знание находится у древних.

Теофил. И он добавляет, что благоразумие — в длительности времени. Если бы вы понимали хорошенько то, что сказали, то увидели бы, что из вашего изречения вытекает совсем противоположное тому, что вы думаете: я хочу сказать, что мы старше и имеем более зрелый возраст, чем наши предшественники. Я имею в виду некоторые суждения, как, например, рассматриваемые нами. У Евдокса[33], жившего вскоре после рождения астрономии (хотя сам он не тогда родился), не могло быть столь зрелого суждения, как у жившего через тридцать лет после смерти Александра Великого Калиппа[34], который с каждым годом мог прибавлять наблюдение к наблюдению. Гиппарх[35] на том же основании должен был знать об этом больше, чем Калипп, потому что видел перемены, происшедшие через сто девяносто семь лет после смерти Александра. Менелай[36], римский геометр, видевший разницу в движении спустя четыреста шестьдесят два года после смерти Александра, естественно, смог понять в этом больше, чем Гиппарх. Больше в этом должен был видеть Махомет Гараценский[37] через тысячу двести два года. Больше его видел Коперник почти в наше время, после того как протекло тысяча восемьсот сорок девять лет. Но если некоторые из живущих позже все-таки не проницательнее живших ранее и масса живущих ныне имеет, однако, не больше понимания, то это происходит оттого, что те не жили и эти не живут в иные годы, и, что хуже, оттого, что те и другие живут мертвецами в свои собственные годы.

Пруденций. Говорите, что хотите, излагайте, как вам угодно, а я остаюсь другом древности; а что касается ваших мнений и парадоксов, то я не верю, чтобы столько таких выдающихся мудрецов оставались невеждами, как думаете вы и прочие друзья новизны.

Теофил. Хорошо, маэстро Пруденций; если это ваше и общераспространенное мнение верно, то, поскольку оно древнее, оно, конечно, было ложным, когда было новым. Прежде чем эта философия стала приноровленной к вашему мозгу, иная философия халдеев, египтян, магов, орфиков, пифагорейцев и прочих древних соответствовала нашему пониманию, и из них первыми восстали против нее эти безумные и пустые логики и математики, не столько враждебные древности, сколько чуждые истине. Так что отложим в сторону рассуждения о древности и новизне, имея в виду, что нет ничего нового, что не может стать старым, и нет ничего старого, что не было новым, как хорошо заметил ваш Аристотель.

Фрулла. Если я не выскажусь, то, несомненно, взорвусь и лопну. Вы говорите «ваш Аристотель», обращаясь к маэстро Пруденцию. Знаете, как я понимаю, это «ваш Аристотель», то есть, что он — аристотелик-перипатетик? (Пожалуйста, сделаем это отступление для сравнения). У архиепископских ворот в Неаполе стояли двое нищих слепцов, из которых один называл себя гвельфом, а другой гибеллином. Из-за этого они начали так жестоко бить друг друга палками, бывшими у них в руках, что, если бы их не разняли, не знаю, чем бы это кончилось. И вот один джентльмен подошел к ним и говорит: «Идите-ка сюда, слепые оборванцы: что такое гвельф? что такое гибеллин? что значит быть гвельфом и быть гибеллином?» И действительно. Один не знал, что отвечать и что говорить. Другой разрешился словами: «Синьор Пиетро Костанцо[38], мой покровитель, которому я желаю всякого добра, есть гибеллин».

---

[33] *Евдокс* из Книда — ученик Платона.

[34] *Калипп* (IV в. до н. э.) — ученик Полемарха, который, в свою очередь, был учеником Евдокса.

[35] *Гиппарх* из Никеи (II в. до н. э.).

[36] *Менелай* из Александрии (I в. н. э.).

[37] *Махомет Гараценский* — арабский ученый Ал-Баттани (858-929).

[38] *Пиетро Костанцо* — итальянский историк XVI в.

Именно так многие являются перипатетиками, гневаются, горячатся и пускают в ход кулаки из-за Аристотеля, хотят защищать учение Аристотеля, являются врагами недругов Аристотеля, хотят жить и умереть ради Аристотеля, а сами не знают даже, что означают заглавия книг Аристотеля. Если хотите, чтобы я вам показал такого, вот один, которому вы сказали «ваш Аристотель» и который время от времени выражается: «наш Аристотель», «князь перипатетиков», «наш Платон» и т.д.

Пруденций. Я низкого мнения о вашем мнении и нисколько не уважаю вашего уважения.

Теофил. Пожалуйста, не прерывайте больше нашего разговора.

Смит. Продолжайте, синьор Теофил.

Теофил. Я говорю: ваш Аристотель отмечает, что как существует изменяемость всех вещей, так и в такой же мере изменяемость мнений и разных следствий; поэтому уважать философские учения по их древности это все равно что решать, что было раньше: день или ночь. Все же мы должны устремить глаз разума на то, находимся ли мы среди белого дня и сияет ли над нашим горизонтом свет истины, или же он у наших антиподов, мы ли в потемках или они; и в заключение: полагая начало обновлению античной философии, живем ли мы в утреннее время, чтобы закончить ночь, или в вечернее, чтобы покончить с днем. И это, конечно, не трудно определить, судя также по количеству плодов созерцания того и другого вида.

Но ведь мы видим разницу между этими и теми. Эти в жизни умеренны, в медицине опытны, рассудительны в созерцаниях, исключительны в предвидении, удивительны в магии, предусмотрительны в суевериях, исполнительны в отношении законов, безупречны в морали, божественны в теологии, героичны во всех проявлениях, как это доказывает их продолжительная жизнь, закаленные тела, их возвышенные изобретения, исполнившиеся предсказания, преобразованные их трудом субстанции, мирное сожительство тех народов, их ненарушимые обряды, справедливейшие взыскания, близость добрых и покровительствующих умов и длящиеся еще следы их чудесной производительности. Я предоставляю другим судить о тех, которые противоположны им.

Смит. А что вы скажете о том, что в наши времена большая часть думает наоборот, особенно в области учений?

Теофил. Не удивляюсь, потому что обыкновенно те, у кого не хватает понимания, думают, что знают больше, а те, которые вовсе лишены ума, думают, что знают все.

Смит. Скажи мне, каким образом можно исправить этих?

Фрулла. Сняв прочь голову и поставив другую.

Теофил. Сняв прочь каким-либо способом аргументации их оценку знания и остроумными убеждениями освободив их, поскольку это возможно, от их глупого мнения, для того чтобы они стали начинающими слушателями, — это возможно в том случае, если обучающий заметит, что их умы способны и искусны. По обычаю, пифагорейской и нашей школы, они не должны заниматься расспросами и диспутами, прежде чем не прослушают полный курс философии, потому что если само учение совершенно и ими понято в совершенстве, то оно вытеснит все сомнения и разрешит все противоречия. Кроме того, если случайно найдется более развитой ум, то он сможет тогда увидеть, что надо добавить, убрать, исправить и изменить. Тогда можно сравнить эти принципы и эти выводы с другими, противоположными принципами и заключениями и таким образом рассудительно соглашаться или не соглашаться, спрашивать и отвечать; ведь иначе нельзя познавать искусства и науки, нельзя сомневаться и спрашивать по поводу их и в нужном порядке, если сперва не выслушал. Никогда нельзя быть хорошим следователем и судьей в Деле, если сперва не был информирован о нем. Но где учение развивается по определенным ступеням, проходя от установленных и подтвержденных принципов и оснований к построению и усовершенствованию теорий, которые благодаря этому можно понять, там слушатель должен быть молчалив и, прежде чем все не выслушал и не понял, обязан считать, что с прогрессом учения все трудности прекратятся.

Другого обыкновения держатся эффектики и пирронисты[39], которые, делая заявление, что ничего нельзя познать, все время исследуют, спрашивая и отыскивая, чтобы в результате ничего не найти.

Не менее несчастны те умы, которые хотят оспаривать яснейшие вещи, теряя больше времени, чем можно себе представить, и те, которые, чтобы казаться учеными и ради других недостойных обстоятельств, не хотят ни обучать, ни учиться, но только отрицать и оспаривать истину.

Смит. Меня смущает в сказанном вами вот что. Ведь существует бесчисленная масса таких людей, которые заранее полагают, что они обладают знаниями, и считают себя достойными, чтобы их постоянно выслушивали; как вы видите, все университеты и академии полны этими Аристархами, которые не уступят даже пустяка самому Зевсу Громовержцу. Те, которые учатся у них, приобретут лишь то, что поднимутся от незнания, которое есть отсутствие истины, к тому, что станут считать себя знающими, а это было бы безумием и прикрытием лжи. Посмотри же, что выиграли бы эти слушатели: отойдя от невежества простого отсутствия знаний, они пришли бы к невежеству дурного обладания ими, как говорится. И вот, кто даст мне гарантию в том, что, после затраты значительного времени и труда и с упущением лучшего учения и занятий, со мной не случится того, что происходит большею частью, а именно, что вместо овладения знаниями я не заражу свою мысль пагубным безумством? Как я, ничего не знающий, могу узнать разницу между достоинствами и недостатками, бедностью и богатством тех, которые считают себя знающими! Я хорошо вижу, что все мы рождаемся невеждами, легко доверяем, будучи невежественными, растем и воспитываемся в послушании и привычках нашего дома и слышим, что наши порицают законы, обряды, верования и нравы наших противников и чужих не меньше, чем противники порицают нас и наши дела. В нас вырастают в силу определенного естественного питания корни рвения к нашим делам не меньше, чем у многих других — к их делам. Затем легко может стать привычкой, что наши начнут считать жертвоприношением богам то, что подавляются, завоевываются и убиваются враги нашей веры; это встречается в не меньшей мере и у всех других, когда они действуют подобно нам. И с не меньшим жаром уверенности и убежденности они благодарят бога за обладание тем светочем, за который обещана вечная жизнь, как и мы воздаем благодарность, что не находимся в той слепоте и тьме, как они. К этой предубежденности религии и веры прибавляется предубежденность в науке. Так, по избранию ли воспитавших меня родителей и педагогов, или по моему капризу и фантазии, или из-за привязанности к славе ученого я буду с не меньшей душевной удовлетворенностью считать себя более счастливым под руководством наглого и преуспевающего в невежестве осла, чем всякий другой под руководством знающего и даже ученого человека. Разве ты не знаешь, какую силу имеет привычка верить и с детства воспитываться в определенных убеждениях: из-за этого становятся недоступными для понимания самые явные вещи; не иначе происходит с теми, кто привык употреблять яд: тело их в конце концов не только не чувствует от этого вреда, но даже превращает яд в естественную пищу, так что само противоядие стало для них смертельным. И вот, скажи мне, каким образом согласовал бы ты эти нашептывания, ты, а не кто-нибудь иной, поскольку в его душе, может быть, меньше склонности принимать предложения от тебя, чем от тысячи других?

Теофил. Это дар богов, если они ведут тебя и позволяют судье вести навстречу тебе человека, который не столько имеет репутацию настоящего руководителя, сколько является таковым в действительности, и если боги освещают твой дух для выбора того, кто лучший.

Смит. И все же обыкновенно придерживаются общепринятого мнения, — согласно ему, когда делается ошибка, она пользуется благоволением общества.

Теофил. Вот мысль, самая недостойная человека! Поэтому-то так мало людей мудрых и божественных и воля богов такова, что не заслуживает уважения и высокой оценки то, что обычно и общепринято.

---

[39] *Эффектики и пирронисты* — последователи древнегреческого скептика (агностика) Пиррона (IV - III вв. до н. э.).

Смит. Я вполне уверен в том, что истина известна немногим, а самым ценным обладает самое малое число лиц; но меня смущает, что много вещей находится у очень немногих и, может быть, почти что у одного, — у людей, которые не заслуживают уважения, ничего не стоят и могут быть чрезвычайно глупы и порочны.

Теофил. Хорошо, но в конце концов более надежно и более подходяще искать истину не у толпы, потому что она никогда не приносит драгоценного и достойного; совершенное же и ценное всегда находится у немногих. И если такое встречается редко или довольно редко, все же всякий, хотя и не смог бы найти его, по меньшей мере, должен о нем знать; но оно не делается таким драгоценным через познание, как через обладание.

Смит. Однако оставим эти речи и остановимся немного, чтобы послушать и понаблюдать за мыслями Ноланца. Ибо пора, наконец, признать принимаемое пока на веру достойным того, чтобы оно было выслушано.

Теофил. Ему этого, конечно, достаточно. Но обратите внимание, насколько его философия сильна, чтобы удержаться, защищаться, обнаружить заблуждения и вскрыть обманы софистов и слепоту толпы и вульгарной философии.

Смит. Так как теперь ночь, то с этой целью вернемся завтра сюда в этот же час и выскажемся тогда относительно встреч и учения Ноланца.

Пруденций. «Луга увлажнились досыта». «Вот ведь уж влажная ночь с небосклона мчится...»[40].

Конец первого диалога

[40] *Вергилий.* Буколики, эклога III, 111**;** Энеида, II, 8-9.

Т е о ф и л . Тогда сэр Фулк Гривелл сказал ему: «Прошу вас, синьор Ноланец, позвольте мне выслушать соображения, по которым вы считаете Землю движущейся». Тот ответил, что не может высказать ему никаких соображений, не зная его способностей, а не зная, как это могло бы им быть воспринято, он опасается, что поступил бы подобно тем людям, которые высказывают свои соображения статуе и собираются говорить с мертвыми. Поэтому ему приятно было бы сперва ознакомиться с теми соображениями, которые убеждали бы его в противоположном мнении; потому что соответственно свету и силе ума, которые тот выкажет, излагая свои соображения, им будут приняты определенные решения. К этому Ноланец прибавил, что у него имеется желание показать бессмысленность противоположных мнений на основании тех же самых принципов, которыми их хотят обосновать, если ему выпадет немалое удовольствие найти лиц, признанных подходящими для такого занятия. Он же всегда подготовлен и готов отвечать. Таким образом, тем лучше можно увидеть силу оснований этой его философии, направленной против вульгарной философии, чем больше случаев представилось бы ему для ответов и заявлений. Сэру Фулку очень понравился этот ответ. Он сказал: «Вы оказываете мне приятнейшую услугу. Я принимаю ваше предложение и хочу назначить день, когда могли бы собраться лица, которые, может быть, не преминут дать вам достаточно материала, чтобы выступить с вашими идеями во всеоружии. В среду, через восемь дней, что будет в день пепла, вы будете приглашены вместе со многими джентльменами и учеными для того, чтобы после ужина провести дискуссию о прекрасных и различных предметах»[41]. ««Обещаю вам», — сказал Ноланец, — что я не упущу возможности явиться как тогда, так и всякий раз, когда мне представится подобный случай, потому что не найдется столь крупного дела, которое удержало бы меня по моей собственной воле от усердного желания понять и узнать. Но, прошу вас, не заставляйте меня выступать перед особами непорядочными, плохо воспитанными и мало понимающими в подобных умозрениях. (И он, конечно, имел основание для такого опасения, так как в поведении многих ученых этой страны, с которыми он рассуждал о литературе, он нашел больше грубости, чем иного, чего можно было бы желать). Сэр Фулк ответил, что он может не сомневаться, так как предлагаемые им — самые благовоспитанные и самые ученые. Так и условились. А когда наступил назначенный день, — о том да помогут мне рассказать музы!

П р у д е н ц и й . По обычаю, поэтов: обращение, пафос, призыв с мольбою.

С м и т . Слушайте же, маэстро Пруденций.

П р у д е н ц и й . С превеликим удовольствием.

Т е о ф и л . Ноланец, прождав до условленного дня ужина и не имея о нем никаких новых вестей, решил, что упомянутый джентльмен, занятый другими делами, забыл о нем или не мог позаботиться об этом. Перестав думать об этом, он пошел прогуляться и навестить некоторых Друзей итальянцев; вернулся домой поздно, когда зашло солнце...

П р у д е н ц и й . Уже сверкающий Феб повернул к нашему полушарию спину, чтобы осветить сияющей главой антиподов...

Ф р у л л а . Болтайте, пожалуйста, маэстро, про себя, тогда ваша манера декламации вполне удовлетворит меня.

П р у д е н ц и й . О если бы я знал эту историю!

Ф р у л л а . Ну так и помолчите, черт возьми.

Т е о ф и л . Поздно вечером, подойдя к дому, Ноланец застал у дверей господина Флорио[42] и маэстро Гвинна[43], очень усталых от поисков его. Увидев его, они воскликнули: «Пожалуйста, идемте поскорее, немедленно, вас ожидает много кавалеров, джентльменов и докторов и среди них — один из собирающихся спорить с вами, ваш тезка».

---

[41] Бруно был приглашен на диспут 7 феврали 1584 г.; выступил он 14 февраля; закончился диспут 21 или 22 февраля.

[42] Возможно, что здесь были следующие итальянские приятели Бруно: Джованни Флорио — учитель итальянского языка в Англии, литератор, позже приятель Бен Джонсона и Шекспира; Альберико Джентиле — юрист, оксфордский профессор; Алессандро Читолини — поэт и философ.

[43] *Гвинн* — врач, философ, поэт.

«А мы ему не сделаем ничего плохого», — сказал Ноланец. — Но одно мне кажется промахом: я ведь рассчитывал провести дискуссию при свете солнца, а вижу, что спор будет при свечах». Маэстро Гвинн извинился за некоторых кавалеров, которые желали присутствовать, но не могли явиться на обед и пришли к ужину. ««Ну, так идемте», — сказал Ноланец, — и будем просить бога, чтобы он сопровождал нас в долгом пути в темный вечер, по ненадежным улицам».

И вот, хотя мы находились на прямой улице, но, рассчитывая сделать лучше, мы для сокращения пути направились к реке Темзе, надеясь найти лодку, которая доставила бы нас прямо к дворцу. Мы подошли к мосту дворца лорда Бекгерста. Там мы потеряли столько времени, крича и призывая лодочников, что успели бы скорее добраться пешком к назначенному месту, да еще выполнить какое-нибудь небольшое дело. В конце концов издали откликнулись двое лодочников. Медленно, медленно, как будто их ждала виселица, они подплыли к берегу. Здесь, после долгих расспросов и ответов — откуда, куда, зачем, и как, и сколько, — они коснулись кормой нижней ступеньки моста. И вот один из двух, похожий на античного кормчего из царства Тартара, подал руку Ноланцу, а другой, — думаю, сын первого, хотя и был лет около шестидесяти пяти, — помог прочим из нас. И вот, хотя сюда не вошел ни Геркулес, ни Эней или один из королей Сарца, Родомонт,

Большая ладья застонала под грузом
И зачерпнула болотного ила обильно[44].

Услышав эту музыку, Ноланец сказал: «Да будет угодно богу, чтобы она не стала лодкой Харона; думаю, что эта лодка названа соперницей вечного света». Она безусловно могла соревноваться по древности с Ноевым ковчегом и, честное слово, определенно казалась обломком от всемирного потопа. Части этой барки отвечали вам всюду, где бы вы ни тронули ее, и при каждом малейшем движении вовсю скрипели. ««Думаю, что это не басня», — сказал Ноланец, — что фиванские, если не ошибаюсь, стены обладали голосом и иной раз пели песни. Если не верите, послушайте скрипы этой лодки, кажущейся мне дудочкой, которую волны заставляют издавать свист, когда они входят в ее отверстия и щели с обеих сторон». Мы смеялись, но лишь бог знает, как.

Ганнибал, увидавши, что опечаленному государству
Выпал столь тягостный жребий на долю,
Стал улыбаться средь плачущих и потрясенных людей[45].

П р у д е н ц и й . Сардонический смех.

Т е о ф и л . Возбуждаемые этой сладкой гармонией, как любовью, негодованием, погодой и подходящим сезоном, мы стали аккомпанировать этим звукам своими песнями. Мессер Флорио, как бы вспоминая о своих любовных увлечениях, запел: «Где ты без меня, моя сладкая радость?» Ноланец подхватил: «О страдающий Сарацин, о женственная душа» и так далее[46]. Так мало-помалу двигались мы, насколько допускала лодка, которая (доведенная червоточинами и временем до того, что могла бы служить пробкой) казалась свинцовой из-за своей медленной спешки, а руки обоих лодочников походили на обломки кораблекрушения; и хотя оба гребца показывали широкие размахи тела, тем не менее веслами делали короткие движения.

П р у д е н ц и й . Отлично описана эта «спешка» при помощи проворной спины матросов «с медленностью» в употреблении весел[47], если сравнивать с непристойными действиями бога садов.

Т е о ф и л . Продвигаясь таким образом долго по времени, но мало по расстоянию, не сделав даже трети пути, недалеко от места, называемого Тамплем, наши мучители, вместо того чтобы торопиться, уперлись кормой в берег. Ноланец спросил: «Что они хотят делать?

---

[44] *Вергилий.* Энеида, VI, 413-414.
[45] Трехстишие из сонета *Петрарки.*
[46] *Ариосто.* Неистовый Роланд, VIII, 76 и XXVII, 117.
[47] Поспешай медленно (festina lente) — латинская поговорка

Может быть, немного перевести дыхание?» Ему перевели ответ, что они не собираются ехать дальше, так как здесь их стоянка. Начались уговоры и упрашивания. Но это лишь ухудшило дело: ведь это порода грубиянов, о грудь которых притупил все свои стрелы бог любви простых людей.

Пруденций. Всей этой породе грубиянов природа уделила в качестве принципа: ничего не делать из любви к добродетели и лишь что-нибудь — из страха перед наказанием.

Фрулла. А вот другая поговорка относительно каждого простолюдина:

Упрашиваемый — важничает,
Ударенный — почитает,
Избитый — преклоняется.

Теофил. В конце концов мы бросили их, расплатившись и поблагодарив (так как здесь нельзя поступать иначе, чтобы не получить неприятности от подобных каналий), а они показали нам прямую дорогу для выхода на улицу. И вот здесь-то я вспомнил тебя, добрая Мафелина[48], бывшая музой Мерлино Кокайо. Эта дорога начиналась грязной лужей, которая не могла послужить пристанищем ни в обычное время, ни в счастливый удачный момент. Ноланец, который обучался в школе и имел там большую практику, чем мы, сказал[49]: «Кажется, я вижу брод для свиней; поэтому идите за мной». Но не успел он кончить своих слов, как увяз в такой грязи, что не мог вытянуть оттуда своих ног. И так, помогая друг другу, мы пошли через середину болота в надежде, что это чистилище будет недолгим. Но вот волею несправедливой и жестокой судьбы все мы погрузились в болотистый проход, который, как охраняемое поле ревности или сад наслаждений, ограждался там и здесь хорошей стеной; и так как не было никакого освещения, чтобы помочь нам, то мы не знали, сколько уже прошли и сколько еще предстоит идти. После каждого шага мы ждали окончания пути, но всякий раз снова погружались в жидкую грязь и увязали почти до колен в глубоком и мрачном Аверне[50]. Никто не мог дать другому совета, мы не знали, что сказать, и шли в глубоком молчании. Кто шипел от ярости, кто шептал, кто фыркал, кто вздыхал и на миг приостанавливался, кто тихо богохульствовал. И так как глаза не могли нам служить, то ноги сопровождались другими ногами, и слепой был в смущении, становясь поводырем другого слепого.

Больной, в страданиях на ложе распростертый,
Со стонами клянет ленивый ход часов
И исцеленья ждет от разных порошков,
Пилюль или микстур — лекарств любого сорта.
Но боли не прошли, его дыханье сперто,
Не видит толку он в советах докторов,
И вот, отчаявшись, он умереть готов, —
А лекарей своих он посылает к черту[51].

Так и мы, делая все новые и новые попытки и не находя лекарства против нашей болезни, придя в отчаяние, прекратив дальнейшие поиски и не ломая себе напрасно головы, решительно пошли вброд через открытое море жидкой грязи, которая медленно текла от глубин Темзы до берегов.

Пруденций. Прекрасный конец!

Теофил. Каждый из нас принял решение трагического слепца из М. А. Эпикура[52]:

Ах, не мешай идти, куда меня влечет
Суровый рок, куда ведут слепого ноги;

---

[48] *Мафелина* — литературный персонаж, воровка и распутница.

[49] Горькая шутка, намекающая на годы юности, проведенные Бруно в монастырской школе.

[50] *Аверн* — озеро близ Кум в Италии; иносказательно — подземное царство.

[51] Из сонета *Тансилло.*

[52] Неаполитанский поэт *Марк Антоний Эпикур* (1472—1555).

И жалость пусть тебя за мною не ведет...
Пещеру или ров, наполненный водой,
Быть может, я найду и, выйдя из сраженья,
Там — в бездне, в пустоте свой обрету покой.

Но, слава богу, так как, по словам Аристотеля, бесконечность не дана в действительности, то, не встретив худшего зла, мы очутились у конца болота. И хоть берег был слишком узок, чтоб стать дорогой, все же он принял нас более любезно, не слишком связывая наши ноги; так, поднимаясь все выше по тропинке, мы отдали себя на милость текущего по ней ручейка, который с одной стороны имел каменистые выступы, что позволяло ставить ноги на сухое и на каждом шагу принуждало нас качаться, как пьяных, не без опасности разбить себе голову или сломать ногу.

П р у д е н ц и й . Заключение, заключение!

Т е о ф и л . В заключение «мы добрались до радостных полей», и хотя они не оказались Елисейскими полями, все же мы вышли на обыкновенную большую улицу. Здесь, обсудив характер района, в который завел нас проклятый переулок, мы увидели, что находимся примерно в двух десятках шагов от места, откуда мы отправились на поиски лодочников, по соседству с квартирой Ноланца. О диалектические перемены, о раздвоенные сомнения, о докучливые софизмы, о придирчивые хитрости, о темные загадки, о запутанные лабиринты, о неистовствующий сфинкс, разгадайте нас или дайте разгадать вас!

На этом распутье, в этом сомнительном месте,
Что мне, несчастному, делать? Что говорить?

Отсюда нас призывала наша квартира, потому что мы так натоптали синьору Грязь и маэстро Болото, что с трудом могли двигать ногами. Кроме того, нюх, обонятельная интуиция и обыкновенные приметы назойливо советовали нам не следовать по этому пути.

Звезды, покрытые мантией темноты, и туманный воздух принуждали нас к возвращению домой. Позднее время отговаривало нас идти вперед и дальше и побуждало вернуться назад. Близость квартиры благосклонно манила нас. Случай, который одной рукой толкнул нас сюда, теперь двумя более сильными толчками выполнял более крупное дело. Наконец, усталость, подобно камню, по своему внутреннему принципу и по природе тяготеющему к центру, подсказывала нам этот же путь и заставляла нас склоняться вправо. С другой же стороны, нам угрожали многие утомления, тягости, беспокойства, которые, казалось, будут затраченными понапрасну. А червь сознания говорил: если вам столько стоил этот кусочек пути, меньше двадцати пяти шагов, во что же обойдется длинная оставшаяся улица. «Лучше потерять что-нибудь, чем потерять много». Туда нас призывало имевшееся у нас общее желание не обмануть ожиданий кавалеров и знатных лиц; с другой стороны, этому сопротивлялось суровое сознание, подсказывавшее, что те, кто не позаботился о нас и не подумал послать лошадь или лодку за нами в такое время, и в этих обстоятельствах также не проявит щепетильности в случае нашей неявки. Поэтому в конце концов мы будем обвинены в невежливости людьми, которые либо большое значение придают мелочам, либо измеряют дела заслугами и должностями и заняты тем, чтобы больше получать знаков вежливости, чем выказывать их другим, и, подобно простолюдинам и неблагородным, предпочитают скорее быть побежденными, чем побеждать. Поэтому нам пришлось уступить, так как где сила, там нет рассудка. К этому нас привлек особый интерес Ноланца, который дал обещание прийти и которому могли бы приписать неведомо что в случае его отсутствия; кроме того, у него была большая охота увидеть, если представится случай, нравы, познакомиться с талантами, узнать, если можно, какую-нибудь новую истину, поддержать добрую привычку к познанию, усвоить вещи, которых ему не хватает. Поэтому мы были удержаны от общего разложения и, не знаю, от какого духа, который шептал нам некоторые основания, скорее правильные, чем достойные упоминания. Кому следовало разрешить это противоречие? Кто должен восторжествовать над свободной волей? Кого послушает разум? Что сделал рок?

И вот этот рок, посредством рассудка открывая дверь интеллекту, действует внутри и диктует выбор, который посылает согласие на продолжение путешествия. «О самые тяжелые шаги», сказано об этом, о трусливые, о легковесные, непостоянные и малодушные люди...

Пруденций. Трескучее преувеличение!

Теофил. Нет, это предприятие было хотя и трудным, но не невозможным. Трудность его в том, что оно заставляет отступить низких людей. Дела обычные и легкие — для толпы и обыкновенных людей; люди же редкостные, героические и божественные идут на трудности, чтобы необходимость вынуждена была уступить им пальму бессмертия. К этому надо добавить, что если даже и невозможно достигнуть цели для получения приза, все же бегите и напрягайте усилия в деле такой важности и сопротивляйтесь до последнего вздоха. Не только тот получает славу, кто побеждает, но также и тот, кто не умирает трусом и подлецом: он бросает упрек в своей гибели и в смерти судьбе и показывает миру, что он не по своей вине, а вследствие несправедливости судьбы пришел к такому концу. Достоин чести не только тот, кто заслужил награду, но и другие, которые бежали так хорошо, что тоже признаны достойными и заслуживающими ее получения, хотя и не получили ее. И заслуживают позора те, кто в середине бега останавливаются, потеряв надежду, но не бегут для того, чтобы хотя бы последними достигнуть цели с той бодростью и силой, какая для них возможна. Так что побеждает настойчивость; ведь если велика усталость, то и награда не будет посредственной. Все драгоценные вещи достигаются с трудом. Узок и тернист путь к блаженству; великие дела, быть может, сулит нам небо.

> ... Отец пожелал сам,
> Чтоб земледельческий путь был нелегок, он первый искусно
> Землю встревожил, нуждой сердца возбуждая у смертных,
> Не потерпев, чтоб его коснело в сонливости царство[53].

Пруденций. Это отступление в диалоге слишком торжественное; оно подобало бы более важному делу.

Фрулла. Законно и входит в компетенцию государей возвышать низких, которые, сделавшись высокопоставленными, будут признаны достойными и вероятно станут достойными; и в этом случае действия государей становятся более славными и замечательными, чем если бы они возвеличивали знатных: ведь нет таких, которые не считали бы заслугой свою знатность; если же возвеличивали бы лиц и без того знатных, то они говорили бы, что это полагается им не по милости и не из любезности и не по великодушию государя, но по справедливости и по заслугам. Поэтому-то обыкновенно не возвышают достойных и добродетельных людей, так как государю кажется, что эти люди не будут иметь случая так отблагодарить его, как получивший возвышение низкий человек или плут, принадлежащий к подонкам общества. Кроме того, благоразумно дают понять, что счастье, слепому величию которого столь много обязаны, выше, чем добродетель. Если иной раз возвышают благородного или почтенного человека, то не часто позволяют ему удержаться на посту; ему предпочитают менее достойного, для того чтобы доказать, насколько власть выше заслуг и что заслуги ценятся только тогда, когда они дозволены и допущены властью. Вы видите теперь, при помощи каких сравнений вы сможете понять, почему Теофил так превозносит свою тематику. Какой бы она ни казалась вам простой, все же в этом есть нечто иное, чем в превознесении соуса, овощей, комара, мухи, ореха и тому подобного, следуя за античными авторитетами; а следуя за современными — в воспевании шеста, стека, веера, редьки, наемного солдата, свечки, грелки для постели, винной ягоды, перемежающейся пятидневной лихорадки и других вещей, из которых многие следует признать не только неблагородными, но и тошнотворными.

Но теперь надо пойти на поиски двух субъектов, которые сами по себе имеют значение некоего блага, обещанного нам небом. Разве вы не знаете, что сын Киса, по имени Саул, удостоен был сана царя израильского народа именно в то время, когда он пошел разыскивать ослов. Прочитайте первую книгу Самуила, и вы увидите, что этот персонаж считал во всяком случае более важным делом найти своих ослов, чем быть помазанным в цари.

---

[53] *Вергилий.* Георгики, I, 121-124.

Поэтому всякий раз, когда Самуил заговаривал с ним об его короновании, он отвечал: «А где же наши ослы? Ослы-то где? Отец послал меня на поиски ослов, а вы не хотите, чтобы я нашел своих ослов?» И он никак не мог успокоиться до тех пор, пока пророк не сказал ему, что ослы найдены; этим он хотел, может быть, намекнуть ему, что он получает царство, благодаря чему станет вполне удовлетворенным, так как оно стоило его ослов и даже большего. Вот, значит, какие иной раз бывают дела, когда идут на поиски и эти поиски оказываются преддверием царства. Великие обещания дает небо. Однако, Теофил, продолжай твой рассказ. Расскажи об успехах поисков, которые совершил Ноланец, дай послушать остальное о событиях этого путешествия.

П р у д е н ц и й . Хорошо, ради хорошего надо продолжать, Теофил!

С м и т . Спешите, так как приближается время ужина. Расскажи кратко, что с вами произошло после того, как вы предпочли возвращению домой идти дальше по долгому и скучному пути.

Т е о ф и л . Расправь крылья и настрой себя, Теофил, и знай, что в настоящий момент не представляется случая докладывать о самых важных в мире вопросах. В твою тему не входит говорить здесь о том земном божестве, о той единственной и редчайшей даме, которая с этого холодного неба, близкого к полярной параллели, проливает ясный свет на весь земной шар. Я говорю о Елизавете, которая по титулу и королевскому достоинству не уступает ни одному королю на свете. По рассудительности, мудрости, благоразумию и по управлению с ней не легко может быть сопоставлен кто-либо другой на земле, владеющий скипетром. По ее пониманию искусств, по ее научным знаниям, по ее уму и владению языками, на которых говорят как простые люди, так и ученые лица в Европе, предоставляю судить всему свету, какое место занимает она среди других государей. Конечно, если бы власть фортуны соответствовала и была равна власти великодушия и ума, следовало бы, чтобы эта великая Амфитрита расширила границы и настолько увеличила периферию своей страны, чтобы она, как ныне включает Британию и Ирландию, так включила бы другое полушарие мира, чтобы уравновесить весь земной шар, благодаря чему ее мощная длань полностью подлинно поддерживала бы на всей земле всеобщую и цельную монархию.

В твою тему не входит говорить о той зрелой, благоразумной и предусмотрительной рассудительности, с которой эта героическая душа уже двадцать пять с лишком лет взглядом своих очей посреди бурь целого моря противоречий дала восторжествовать миру и покою, прочно удержавшись среди столь сильных морских валов и шумных волн от разных штормов, с которыми на все готовый нападал на нее этот гордый и буйный Океан, со всех сторон ее окружающий. Здесь же, хотя я лично не знаком с ними и не имею в виду познакомиться, осмеливаюсь назвать знаменитейших и превосходнейших кавалеров: главного королевского казначея[54], а также Роберта Дедли[55], графа Лейстерского, великодушнейшая гуманность которого, столь известная всему свету, упоминается вместе со славой королевы и королевства и восхваляется в соседних странах за исключительно благожелательный прием тех из иностранцев, которые способны к благодарности и почтительности.

Они, вместе с превосходнейшим синьором Френсисом Уолсингемом[56], главным секретарем Королевского Совета, как восседающие близ солнца королевского сияния, в свете своей высокой цивилизованности вполне способны рассеять и уничтожить тьму и теплом дружелюбной вежливости загладить и очистить всякую грубость и неотесанность, которую можно найти не только между британцами, но и среди скифов, арабов, татар, каннибалов и антропофагов.

---

[54] *Вильям Сесиль,* лорд Берлей (1520—1598).

[55] *Роберт Дедли,* граф Лейстерский (1532—1588) — приближенный королевы Елизаветы.

[56] *Френсис Уолсингем* (1536—1590).

Тебе не нужно по этому поводу говорить о достойном обращении, культурности и благовоспитанности многих кавалеров и многих знатных лиц в королевстве; среди них так известен, и нам в особенности, своей лучшей репутацией, когда мы были в Милане и во Франции, и затем по личному общению теперь, когда мы оказались в его отечестве, блестящий и превосходный кавалер сэр Филипп Сидней[57]. Его изящный ум и, кроме того, достойные хвалы нравы так редки и исключительны, что подобного ему мы с трудом найдем среди самых редких и исключительных особ как вне, так и внутри Италии.

Но вот перед нашими глазами с крайней назойливостью выступает значительная часть черни, являющаяся такого рода клоакой, что не будь она основательно сдерживаемой другими, то издавала бы вонь и столь дурные испарения, что могла бы очернить имя всего плебса и Англия могла бы похвастать плебсом, который неуважительностью, невежливостью, грубостью, неотесанностью, дикостью и невоспитанностью ничуть не уступит никому, кого питает земля. Но если оставить в стороне многих лиц этой страны, которые достойны всяческого почета, благоволения и знатности, то вот перед вашими глазами встает другая часть, которая при виде иностранца становится похожей на волков и медведей и своим свирепым видом смахивает на кабана, ощетинившегося против того, кто стал бы отнимать у него корыто. Эта неблагороднейшая часть, раз мы заговорили о ней, разделяется на два вида...

Пруденций. Всякому делению надлежит быть двучленным, либо способным быть сведенным к двучлению.

Теофил. ... из которых одни — ремесленники и лавочники, узнав в тебе по наружности иностранца, показывают искривленные морды, смеются и гримасничают, оскорбляют, обзывают тебя на своем языке собакой, предателем, чужаком, что им кажется самой большой бранью. Это навлекает на заподозренного возможность получить все бедствия мира, будь он молодым человеком или стариком, военным или ученым, знатным или просто дворянином. А если, к несчастью, ты случайно заденешь кого-нибудь из них или коснешься оружия, то в один миг увидишь перед собой длинную шеренгу грубиянов, которые выставят вооруженных людей, подобно тому как, согласно сказаниям поэтов, они выросли из зубов дракона[58], посеянных Язоном. Кажется, что они выползают из-под земли, хотя они выскакивают из лавок, образуя почетнейшую и любезнейшую улицу с лесом палок, длинных жердей, алебард, секир и заржавленных вил. (Оружие, разрешенное государем к употреблению в лучших целях, всегда у них наготове и сразу вытаскивается в таком или подобном случае). С грубой яростью они обрушиваются, не обращая внимания на кого, почему, куда, кому и как, не советуясь об этом друг с другом; каждый изливает свойственное ему негодование, которое он питает против иностранцев. И тут ты должен при помощи своей руки (если не помешает тебе толпа, охваченная подобными же чувствами и действиями) и собственной палки принять меры в защиту своего плаща, если при этом не будешь озабочен намерением поглубже нахлобучить себе шапку на голову. Если бы случайно здесь оказался какой-нибудь порядочный человек или дворянин, которому не понравилась бы подобная грубость, то, будь он хотя бы графом или князем, он все же не решился бы стать на твою сторону, без пользы для тебя и во вред себе (потому что те ни с кем не считаются, когда видят себя вооруженными), и несмотря на угрызения совести, принужден был бы выжидать исхода, стоя в стороне. И вот, наконец, когда ты думаешь, что имеешь право зайти к цирюльнику и дать отдых утомленному и помятому телу, ты вдруг находишь там полицейских и десятских, которые измышляют, что ты кого-то задел (хотя бы у тебя были как угодно разбиты ноги и спина, а одежда стала как у Меркурия, или как если бы ты совершил поездку на коне Пегасе, или подставлял спину коню Персея[59], или прокатился верхом на гиппогрифе Астольфа, или вел верблюда из Мидии, или если бы по твоему телу пробежала рысью жирафа трех магов). Люди эти толчками заставят тебя бежать вперед, помогая такими тумаками, что тебе легче было бы, если бы тебя лягали ослы, мулы и быки.

---

[57] *Филипп Сидней* (1554—1586) — английский поэт. Бруно посвятил ему свои сочинения «Изгнание торжествующего зверя» и «О героическом энтузиазме».

[58] *Овидий.* Метаморфозы, VII, 121-122.

[59] *Овидий.* Метаморфозы, IV, 665-666.

И эти люди не оставят тебя, пока не впихнут в тюрьму, а там — пожелают тебе всего хорошего!

П р у д е н ц и й . От бури и молнии, от гнева и негодования, от коварства, искушения и от ярости грубиянов...

Ф р у л л а . Господи, помилуй!

Т е о ф и л . Кроме того, имеется еще разряд служащих. Я не говорю о первой категории их: это дворяне на службе у баронов; они обыкновенно не носят их гербов или значков, если нет большой амбиции у баронов и излишней угодливости у служащих; в этих рядах встречается культурность. Пруденций. Нет правила без исключения. Теофил. Однако, исключая все прочие разряды, которые могли бы заслужить меньше упреков с нашей стороны, скажу о других разрядах служащих. Одни из них — второй категории, — все они носят значки, прикрепленные к спине. Иные служащие — третьей категории, патроны которых не так знатны, чтобы дать им значки слуг, или же сами признаны недостойными или неспособными носить их. Еще иные — четвертой категории — служат со значками или без значков и являются слугами слуг.

П р у д е н ц и й . «Раб рабов божьих»[60] — не самый плохой титул.

Т е о ф и л . Служащие первой категории — это бедные и нуждающиеся джентльмены, которые, имея потребность в одежде и покровительстве, отдаются под власть вельмож. Эти служащие обычно не отрываются от своих домов; они не без достоинства состоят в свите своих лордов, пользуясь их уважением и покровительством.

Служащие второй категории — разорившиеся торговцы или ремесленники, или безуспешно учившиеся читать и писать, либо какому-нибудь ремеслу, или же отбившиеся или бежавшие из школы, из лавки, из склада или из мастерской. Служащие третьей категории — лентяи и трусы, которые, чтобы избегнуть серьезной работы, отказались от более независимой профессии. Это или лентяи-матросы, покинувшие суда, или сельские лодыри, оставившие пашни.

Служащие последней, четвертой категории — это сборище людей, потерявших надежду, впавших в немилость у своих патронов или бежавших от бедствий, бродяг, бесполезных и бездеятельных, тех, которые не могут уже воровать и которые, недавно выбравшись из тюрьмы, хотели бы обмануть кого-нибудь, кто им попадется. Эти люди предлагают свои услуги под колоннами биржи или у входных дверей собора св. Павла. Таких людей, если захотите, найдете сколько угодно в Париже у входа во Дворец, в Неаполе — на ступенях церкви св. Павла, в Венеции — на Риальто, в Риме — на Поле цветов[61]. Люди трех последних категорий не прочь показать, что они сильны в своей стране, что у них хорошие желудки, что они — хорошие солдаты и презирают весь остальной мир. Тому, кто не выказывает желания уступить им пошире дорогу, они дают такой толчок плечом, как корабль кормой, и заставляют вас лететь кувырком, показывая, как они сильны, крепки и способны, если это понадобится, к нападению. А если встретившийся им человек — иностранец, то, хоть он уступает им сколько угодно места, все же они хотят любым образом дать ему почувствовать, к чему способны Цезарь, Ганнибал, Гектор и бык, который тоже толкает. Но они не поступают, как осел, который, в особенности, когда он нагружен, самое большее — пользуется своим правом на прямую дорогу; поэтому, если ты не движешься, он также не будет двигаться и согласен на то, чтобы или ты ему, или он тебе дал толчок; люди же эти действуют, как водоносы, которые, если ты их не заметил, заставят тебя почувствовать железный кран, имеющийся у отверстия бочонка. Так же поступают и те, которые доставляют пиво и эль. Если, совершая свой путь, они заденут тебя по невнимательности, то дадут почувствовать на своем пути солидность груза, который они несут, и то, что они способны не только нести груз на плечах, но кроме того разрушить стоящий впереди дом, да еще везти подводу. Эти, в частности, благодаря праву, получаемому ими вследствие того, что несут тяжесть, достойны извинения, потому что походят больше на лошадь, мула и осла, чем на человека.

---

[60] *Раб рабов божьих* — титул римских пап.

[61] *Поле цветов* — площадь в Риме. Здесь 17 февраля 1600 г. был сожжен Джордано Бруно.

Но я обвиняю всех прочих, которые имеют немного рассудка и больше, чем только что упомянутые, обладают образом и подобием человека; и вместо того, чтобы сказать вам: доброе утро или добрый вечер, сделав приятное лицо, как если бы они знали вас и собрались приветствовать вас, они дают вам зверский толчок.

Я говорю, что обвиняю и других, которые, делая иногда вид, что убегают или за кем-то гонятся или якобы бегут по нужному делу, выскакивают из лавки и с яростью набрасываются на тебя сзади или сбоку, чтобы толкнуть, подобно раздраженному быку.

Это случилось несколько месяцев тому назад с бедным мессером Алессандро Читолино, которому подобным образом при смехе и одобрении всех на площади была сломана рука с раздроблением кости. В результате его жалобы начальник не мог не признать, что такое происшествие действительно возможно на этой площади. Так что когда тебе захочется выйти из дому, то прежде всего остерегайся сделать это без крайней необходимости и не думай, что ты идешь прогуляться по городу. Затем, перекрестившись, вооружись мужеством и терпением, так как можешь стать объектом для испытания стрельбы из аркебуза, и приготовься перенести меньшее зло добровольно, если не хочешь перенести худшее насильственно. Но на кого ты жалуешься, несчастный? Тебе кажется низостью быть бодающимся животным? Разве ты не помнишь, Ноланец, что писал в своей книге «Ноев ковчег»[62]? Когда там должны были расставить животных по порядку и покончить спор о лучшем месте, то в какую опасность попал осел, потеряв свое преимущество — занимать место на корме корабля, будучи животным скорее лягающим, чем бодающим? Какими животными представлено будет благородство человеческого рода в день страшного суда, если не ягнятами и козлятами? Но они-то и есть те мужественные, неустрашимые и смелые, из которых одни не будут отделены от других, как овцы от козлищ, а более взрослые, жестокие, толкающиеся и бодающиеся будут отделены друг от друга, как отцы ягнят от отцов козлят. Из этих, однако, первые при небесном дворе имеют почет, какого не имеют вторые; а если не верите, поднимите немного глаза и посмотрите, кто поставлен в авангарде небесных знаков, кто тот, который своим мощным толчком открывает год?

П р у д е н ц и й. Овен — первый; после него — Телец.

Т е о ф и л. Рядом с этим великим предводителем и первым принцем стада кто достоин быть ему равным и сопутствующим, если не великий князь стад, к которому присоединяются, как два пажа или два Ганимеда, прекрасные мальчики Близнецы? Итак, подумайте, какова и насколько обширна порода лиц, которые владеют первенством в ином месте, чем в старом ковчеге.

Ф р у л л а. Конечно, я не смог бы найти никакой разницы между той и этой породой животных, за исключением того, что те толкают головой, а эти еще и плечом. Но бросьте эти отступления и вернитесь к тому, что произошло с вами в конце путешествия в тот вечер.

Т е о ф и л. После того как Ноланец получил около двадцати толчков, в дополнение к этому у пирамиды близ дворца среди трех улиц он еще встретил шесть джентльменов, из которых один дал ему любезный и ловкий удар, стоящий десяти, а другой так его толкнул о стену, что это можно было счесть за другие десять ударов. «Благодарю, мистер», — сказал Ноланец. Я полагаю, что поблагодарил он его за то, что его ударили в плечо, а не в середину живота или не по макушке.

Это была последняя северная буря, так как немного спустя по милости святого Фортуния, после того как были пройдены столь плохие тропинки, оставлены позади столь сомнительные переулки, перейдены быстрые реки, пересечены песчаные берега, побеждены грязные лужи и болотные топи, пройдены каменистые лавы, пересечены скользкие улицы, преодолены неровные камни и прекратились толчки об опасные скалы, — мы живыми добрались, по милости неба, до гавани, то есть до двери. Как только мы ее толкнули, она открылась. Входим, находим внизу много различных лиц, много всяких слуг, которые, стоя на пути, не кивнув головой и без всякого знака почтения, выказывая пренебрежение своим видом, делают нам милость, указывая на дверь. Входим внутрь, поднимаемся вверх и обнаруживаем, что здесь после долгого ожидания, потеряв надежду, уселись за стол. После этого начались взаимные приветствия...

---

[62] *«Ноев ковчег»* — не дошедшее до нас сочинение Бруно, о котором он не раз упоминает; написано в студенческие годы.

П р у д е н ц и й . ...попеременно, с сей и с оной стороны...

Т е о ф и л . ...и прочие мелкие церемонии. Из них одно заставило посмеяться. Одному из нас было предоставлено последнее место; он же, вообразив, что это главное место, из скромности захотел пойти и сесть там, где сидело самое важное лицо. И здесь произошло маленькое разногласие между людьми, которые гостеприимно хотели посадить его последним, и тем, кто будучи скромным, хотел сесть первым. Наконец мессер Флорио сел против кавалера, который сидел во главе стола; синьор Фулк Гривелл — справа от мессера Флорио; я и Ноланец — слева от мессера Флорио; доктор Торквато — слева от Ноланца; доктор Нундиний — против Ноланца. Здесь, слава богу, он не видел церемонии с тем рогом или кубком, который обыкновенно переходит за столом из рук в руки, от края до края, слева направо и в другие стороны без соблюдения иного порядка, а лишь по знакомству и из вежливости простых горцев: тот, кто руководит пирушкой, касается бокала ртом и, оставив на нем жирный отпечаток, который мог бы послужить клеем, пьет, роняя туда крошку хлеба; затем пьет кто-нибудь другой, приклеивая к краю кусочек мяса; пьет следующий, вытряхнув в бокал волосок из бороды; и так в добром беспорядке, по мере того как напиток отведывается всеми, не находится ни одного настолько невоспитанного человека, который не оставил бы там следа своей вежливости в виде соринок из-под усов. Но если кому-либо, у кого не выносит желудок или кто изображает из себя вельможу, не захочется пить, то ему достаточно лишь прикоснуться к бокалу настолько, чтобы там немного отпечатался след его губ. Это делается вот с какой целью: так же, как все гости согласились сделать из себя единого плотоядного волка для съедения одного и того же ягненка, козленка, барана или поросенка, так, прикладывая рты к одному и тому же бокалу, все сошлись на том, чтобы сделать из себя единую пиявку, в знак взаимной вежливости, братства, общей заразы, единодушия, единого желудка, единого горла и единого рта. И это выражается в виде некоторой вежливости и знаков уважения, что является лучшей на свете комедией, если на нее смотришь, и самой грубой и неприятной трагедией для находящегося в этой среде джентльмена, когда он считает себя обязанным делать, как делают другие, боясь, что его сочтут некультурным, невежливым: ведь это означает здесь верх культуры и вежливости. Но так как этот почетный обычай соблюдался за последними столами, а за другими уже не применялся (разве только как обычай, заслуживающий некоторого снисхождения), то поэтому, не обращая внимания на других, предоставим им ужинать, а завтра после ужина будем говорить о том, о чем нужно.

С м и т . До свидания.

Ф р у л л а . С богом.

П р у д е н ц и й . Будьте здоровы.

Конец второго диалога

Т е о ф и л . И вот доктор Нундиний, занявший позицию человека, как бы выведенного на сцену, положил обе руки на стол, слегка огляделся вокруг, пожевал немного язык, поглядел вверх, блеснул зубами в тонкой улыбке и, плюнув, начал так...

П р у д е н ц и й . В сем слове, в сем самом, проглядывает мысль.

ПЕРВОЕ РАССУЖДЕНИЕ НУНДИНИЯ

Т е о ф и л . Понимаете ли, вы, синьор, о чем мы говорим? (Он спрашивает у Бруно, понимает ли тот по-английски. Ноланец отвечает отрицательно, говоря правду).

Ф р у л л а . Тем лучше для него, иначе он услыхал бы больше неприятного и недостойного, чем наоборот. Лучше быть глухим по необходимости там, где нельзя стать глухим добровольно. Правда, я легко мог бы убедиться, что он понимает; но, чтобы ему легче было выходить из затруднительных положений при невежливых выпадах и чтоб легче было философствовать о нравах лиц, находящихся перед ним, пусть притворяется непонимающим.

П р у д е н ц и й . Есть глухие от рождения, есть — от несчастного случая и есть глухие по обдуманному намерению.

Т е о ф и л . Не думайте так о нем; хотя он живет в этой стране около года, но знает не больше двух или трех обыкновенных слов, знает, что это приветствия, но не знает точнее, что они означают, и если бы он хотел использовать их, то не сумел бы.

С м и т . Значит, у него так мало охоты научиться нашему языку?

Т е о ф и л . Нет поводов, которые вынуждали или склоняли бы его к этому; ведь знатные или джентльмены, с которыми ему обычно приходится разговаривать, все умеют говорить по-латыни, или по-французски, или по-испански, либо по-итальянски; они, зная, что английский язык употребляется только на этом острове, считали бы себя некультурными, если бы не знали другого языка кроме родного.

С м и т . Совершенно верно. Недостойно не только природного англичанина, но и лица любой национальности уметь говорить лишь на одном языке. Однако в Англии, как, несомненно, и в Италии, и во Франции, есть много джентльменов, с которыми лица, не владеющие местным языком, не могут говорить без затруднений, испытываемых при пользовании переводчиком.

Т е о ф и л . Действительно, существует еще много джентльменов лишь по своему происхождению, которых к большому их и нашему удовольствию лучше было бы не слышать и не видеть.

ВТОРОЕ РАССУЖДЕНИЕ НУНДИНИЯ

С м и т . Что добавил доктор Нундиний?

Т е о ф и л . Итак, я, сказал он по-латыни, хочу разъяснить вам то, о чем мы говорили, а именно: следует считать, что Коперник не держался того мнения, что Земля движется, так как это неприемлемо и невозможно; но что он приписал движение ей, а не восьмому небу, ради удобства исчисления.

Ноланец ответил, что если бы Коперник признавал движение Земли лишь по этой причине, а не по какой-то еще иной, то он плохо и недостаточно понимал бы это. Однако несомненно, что Коперник понимал дело так, как он об этом говорил, и со всей силою доказал это.

С м и т . Значит, напрасно выдвигают это суждение о мнении Коперника, если не могут почерпнуть его из какого-либо его выражения?

Т е о ф и л . Будь уверен, что это высказывание рождено доктором Торквато. Из всего Коперника (хотя можно верить, что он вертел его книгу в руках) он удержал в памяти лишь имя автора, издателя, название книги, место и год напечатания, число листов и карт. И, не будучи несведущ в грамматике, он понял некое сверхвступительное предисловие, приложенное не знаю уж каким невежественным и самонадеянным ослом; этот осел, как бы желая извинить автора и оказать ему покровительство или даже ставя своей целью, чтобы и другие ослы, найдя в этой книге и для себя салат и плоды, не остались голодными, следующим образом предупреждает их, раньше, чем они начнут читать книгу и рассматривать ее суждения:

«Не сомневаюсь, что некоторые ученые (сказано некоторые, потому что одним из таковых может быть сам он), поскольку разошлась молва о новых предположениях этого произведения о том, что земля подвижна, а солнце прочно стоит среди вселенной, — чувствуют себя сильно оскорбленными, полагая, что этот принцип принят, чтобы поколебать науки, уже давно и хорошо приведенные в порядок. Но если они захотят лучше рассмотреть дело, то найдут, что этот автор не заслуживает упрека. Ибо астрономам собственно надо только внимательно и умело рассматривать историю небесных движений; затем, не имея возможности по разным основаниям найти истинные причины этих движений, им дозволительно выдумывать и образовывать их по-своему, согласно теоремам геометрии, посредством которых можно вычислять движение как для прошлого, так и для будущего; поэтому не только не необходимо, чтобы такие предположения были верными, но даже чтоб они были только правдоподобными. Таковыми следует считать гипотезы этого человека, разве что найдется такой невежда в оптике и в геометрии, который считает, что расстояние в сорок градусов и более, образуемое при отдалении Венеры от солнца то с одной, то с другой стороны, происходит от ее движения по эпициклу. Если бы это было правильно, то кто настолько слеп, чтоб не видеть, что отсюда следует вопреки всякому опыту: что диаметр звезды казался бы в четыре раза, а тело звезды в шестнадцать с лишком раз больше, когда она ближе всего к земле, то есть противоположна перигею, чем когда она дальше всего от земли, или, как говорят, находится в перигее. Имеются еще и другие, не менее неудачные, чем это, предположения, которые нет нужды излагать». И он делает в конце заключение: «Примем же сокровище этих предположений только ради чудесной и искусной легкости вычислений; потому что если кто примет некоторые из этих выдуманных вещей за истину, то после изучения этой дисциплины он станет более глупым, чем тогда, когда приступал к изучению ее»[63].

Так что видите, какой это хороший привратник! Смотрите, как хорошо он открывает вам дверь, чтобы вы вошли внутрь для приобщения к этому почтеннейшему знанию; без этого привратника умение считать и измерять, изучение геометрии и перспективы есть лишь пустое препровождение времени изобретательных безумцев. Смотрите, как он верно служит хозяину дома!

---

[63] Цитата, приведенная у Бруно, взята у лютеранского теолога Андрея Осиандера, автора анонимного вступления «К читателю», предпосланного труду Коперника «Об обращении небесных сфер». Бруно разоблачает Осиандера как фальсификатора идей Коперника.

Коперник не ограничился утверждением, что Земля движется[64]; он еще заявляет и подтверждает это, когда пишет папе, что мнения философов очень далеки от мнений толпы, мнений недостойных, чтоб за ними следовали, а скорее достойных того, чтоб от них бежали, как противных истине и верности. И много других явных подтверждений его мнения высказано им, несмотря на то, что в конце концов кажется, что он некоторым образом держится обычного мнения как тех, кто принимает его философию, так и других, чистых математиков, которым по кажущимся неудобствам не нравится такое предположение; он хочет, чтобы и ему также предоставлена была свобода признавать движение Земли и приводить доказательства более прочные, чем выдвигавшиеся древними авторами, которые были вольны выдумывать много родов и образцов кругов для того, чтобы объяснить движение звезд. Но из этих слов нельзя заключить, что он сомневается в том, что он постоянно признавал и достаточно доказал в первой книге, убедительно опровергая аргументы тех, кто придерживался противоположного мнения, причем он выполнял должность не только математика, который предполагает, но и физика, который доказывает движение Земли.

Но, конечно, Ноланцу кажется недостаточным то, что Коперник, пифагореец Никита Сиракузский, Филолай, Гераклид Понтийский, пифагореец Экфант, Платон в «Тимее» (хотя робко и неуверенно, принимая это больше на веру, чем в форме знания), божественный Кузанец во второй книге «Об ученом незнании» и другие в своем роде редкие умы говорили, учили и утверждали то же самое ранее его. Потому что Ноланец устанавливает это на других, собственных и более прочных принципах, которые опираются не на веру в авторитеты, но на живое чувство и рассуждение; из них вытекает, что это так же верно, как всякое иное Дело, которое можно считать верным.

Смит. Это хорошо. Но скажите, пожалуйста, какой же аргумент выдвигает этот человек, написавший сверхпредисловие к Копернику и считающий более чем вероятным и даже истинным, что звезда Венера должна в такой же степени изменяться в величине, в какой она меняет свое расстояние от Земли.

Теофил. Этот глупец опасается и старается, чтобы другие не поглупели от учения Коперника, а сам вносит в него, быть может, больше недостатков, чем в нем имеется, и, выступая с такой торжественностью, считает это достаточным для того, чтобы убедить, что так думать было бы делом человека, очень невежественного в оптике и в геометрии. Хотел бы я знать, какую оптику и геометрию имеет в виду это животное, которое слишком ясно показывает, насколько несведущи в настоящей оптике и геометрии он и те, у кого он учился. Хотел бы я знать, как по величине светящихся тел можно судить о степени близости и отдаленности их; и обратно: как по расстоянию и близости подобных тел можно умозаключить о некоем пропорциональном изменении их величины. Хотел бы я знать, по какому принципу перспективы или оптики мы от всякого изменения диаметра можем окончательно вывести правильное расстояние или большее, или меньшее различие. Хотел бы я понять, совершаем ли мы ошибку, делая такое заключение: от видимой величины светящегося тела мы не можем делать вывода ни об его истинной величине, ни о его расстоянии; ибо, подобно тому, как темное тело находится не в одинаковом отношении к светящемуся телу, так существует разное отношение между менее светящимся телом и другим, более светящимся, и третьим, самым светящимся; поэтому по величине светящихся тел мы не можем судить о величине и об истинном расстоянии их. Размер человеческой головы за две мили не виден. Лампа много меньшего размера или другая подобная вещь с огнем видна почти совсем без изменений или же с очень малыми изменениями за шестьдесят миль; так, например, из Тарента (Апулия) часто видны огни в Валоне[65], а между этими местами находится значительная часть Ионийского моря.

---

[64] Вопреки ложному утверждению Осиандера Коперник писал в начале посвящения папе Павлу III о том, что Земля действительно движется // Николай Коперник /АН СССР. 1947. С. 189.

[65] *Валона* — городок и порт на берегу Албании, находящийся напротив итальянского полуострова Апулии.

Всякий, обладающий чувством и рассудком, знает, что если бы фонари имели свет, более яркий в два раза, чем свет тех фонарей, которые ныне видны на расстоянии семи десяти миль, то они без изменения величины были бы видны на расстоянии ста сорока миль; при тройной яркости — на двести десять миль; при четверной — на двести во семьдесят; и так надо рассчитывать всегда при других увеличениях пропорций и расстояний, ибо скорее от качества и силы света, чем от размера горящего тела, обычно зависит значение того же диаметра и объема тела. А вы, значит, считаете, о мудрые оптики и искусные перспективисты, что если я вижу на расстоянии сотни стадий огонь, имеющий диаметр в 4 пяди, то было бы основание утверждать, что на расстоянии пятидесяти стадий его диаметр стал бы в 8 пядей, двадцати пяти стадий — в 16 пядей, двенадцати с половиной — в 32 пяди, а на самом близком расстоянии он стал бы сколь угодно большим?

Смит. Так что, по вашим словам, хотя и ложно, но не может быть порицаемо по геометрическим соображениям мнение Гераклита Эфесского, который говорит, что Солнце имеет те размеры, какие оно представляет нашим глазам, под чем подписывается и Эпикур, как это видно из его письма к Пифоклу[66]. В одиннадцатой книге «О природе» он, по словам Диогена Лаэрция, утверждает, что, поскольку он может судить, величина Солнца, Луны и других звезд такая, какой она представляется нашим чувствам, потому что, говорит он, если бы из-за расстояния предметы теряли в величине, то они тем более теряли бы в цвете; и, конечно, говорит он, не иначе мы должны судить об этих светилах, как и о тех, что возле нас.

Пруденций. Это подтверждается также эпикурейцем Лукрецием в пятой книге «О природе вещей»[67]:

Пламенный солнечный диск, пылающий жаром, не может
Больше значительно быть или меньше, чем кажется чувствам.
Ибо, с какого огни расстояния свет ни бросали б
И ни вдыхали бы жар раскаленный во все наши члены,
Пламя в составе своем ничего не теряет при этом,
И отдаленность огня не являет его уменьшенным.
……..
Да и луна, — все равно, несется ль она, озаряя
Светом присвоенным все, или собственный свет излучает, —
Что бы там ни было, — все ж и она по размерам не больше,
Чем представляется нам и является нашему взору.
……..
Также эфира огни, наконец, что ты видишь отсюда,
Могут на деле совсем незначительно быть или меньше,
Или же больше того, чем кажется нашему глазу,
Раз и земные огни, которые всюду мы видим,
Ежели явственно их трепетанье, коль пламя их видно,
Кажутся лишь иногда измененными самую малость
В сторону ту иль другую, поскольку они отдаленны.

Теофил. Конечно, вы правильно говорите, что напрасно перспективисты и геометры, пользуясь обычными и своими собственными аргументами, будут спорить с эпикурейцами; я говорю не о глупцах, как этот разъяснитель книги Коперника, но о других, более разумных; мы увидим, можно ли умозаключать, что на основании такого расстояния, как диаметр эпицикла Венеры, можно сделать вывод о таком-то диаметре тела планеты и тому подобные вещи.

Но сперва я хотел бы обратить ваше внимание на другое. Вы видите, насколько велико тело Земли? Вы знаете, что из него мы можем видеть лишь то, что позволит нам искусственный горизонт.

---

[66] Бруно цитирует, очевидно, полагаясь на память, «Письмо к Пифоклу» Эпикура (см. Диоген Лаэрций, X, 91).

[67] *Лукреций Кар.* О природе вещей /АН СССР. 1946, кн. V, стихи 564-589.

С м и т . Это так.

Т е о ф и л . Так вот, считаете ли вы, что если б вам можно было выйти за пределы земного шара в какой-либо пункт эфирной области, куда угодно, то могло бы произойти когда-нибудь, чтобы Земля показалась вам больше?

С м и т . Не думаю; нет никакого основания, по которому, с моей точки зрения, видимая линия стала бы большей и удлинила свой полудиаметр, который измеряет диаметр горизонта.

Т е о ф и л . Вы рассуждаете правильно. Скорее надо считать, что чем больше удаляется горизонт, тем более полудиаметр уменьшается. Но заметьте, что к этому уменьшению горизонта надо добавить смутный вид того, что находится по ту сторону уже включенного в горизонт; это можно показать на следующем изображении (рис. 1), где искусственный горизонт — 1 — 1, которому соответствует дуга глобуса AA; горизонт первого уменьшения — 2 — 2, которому соответствует дуга глобуса BB; горизонт второго уменьшения — 3 — 3, которому соответствует дуга CC, горизонт третьего уменьшения — 4 — 4, которому соответствует дуга DD, и так да- лее, причем по мере уменьшения горизонта все возрастает охват дуги вплоть до линии полушария и за нее. Поставленные на таком расстоянии или около того, мы увидим Землю с такими же подробностями, с какими видим Луну, имеющую светлые и темные части, соответственно тому, водная это или земная поверхность ее. Так что чем больше уменьшается угол зрения, тем большую основную линию дуги полушария включает он и тем еще меньшим будет горизонт, который мы продолжаем называть горизонтом, хотя, по принятому, слово это имеет свое собственное значение. Итак, по мере нашего удаления все возрастает охват полушария и света, который, чем больше диаметр уменьшается, тем более стремится к слиянию; так что, если бы мы были дальше от Луны, ее пятна становились бы все меньшими, а Луна показалась бы только маленьким и сплошь светящимся телом.

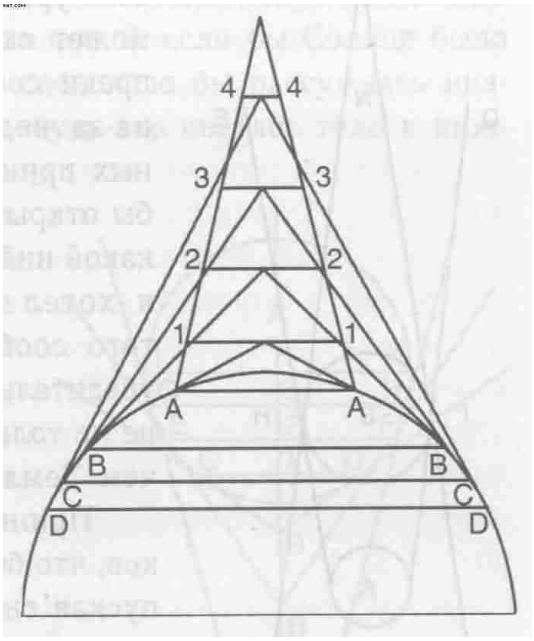


Рис. 1

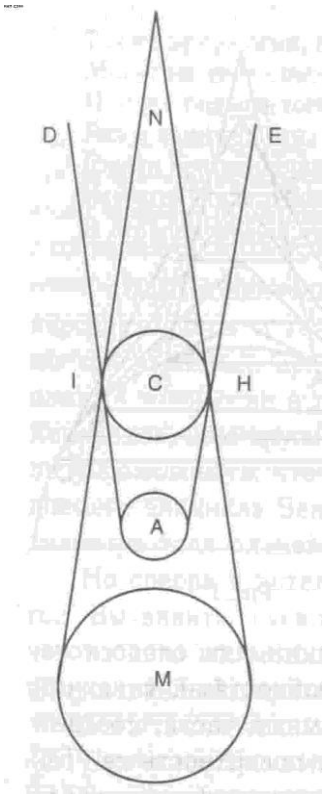


Рис. 2

С м и т . Мне кажется, что это рассуждение имеет не простое и немаловажное значение. Однако же, прошу вас, перейдем к мнению Гераклита и Эпикура, которое, по вашим словам, может оказаться непоколебимым, вопреки соображениям о перспективе, из-за недостатков уже установленных принципов этой науки. Но, чтобы открыть эти недостатки и увидеть какой-нибудь плод вашего открытия, я хотел бы услышать разрешение того соображения, которым весьма убедительно показывается, что Солнце не только велико, но даже больше, чем Земля.

Принцип этого рассуждения таков, что большее светящееся тело, испуская свой свет на меньшее темное тело, конусообразной тенью образует базу на поверхности этого темного тела и, кроме того, конусовидную тень в противоположной части, как изображено на следующем рисунке (рис. 2).

M — светлое тело базы C, которая, будучи образованной посредством HI, посылает конус тени в точку N.

Меньшее светящееся тело, образуя конус в большем темном теле, не будет иметь определенного места, где могла бы обозначиться, воображаемая линия его базы; кажется, что она идет на образование конусовидной бесконечности, как та же самая фигура A, изображающая светлое тело, от конуса тени, которая имеется в C, темном теле, посылает две линии CD, CE, которые, все более и более расширяя темную конусовидность, скорее бегут в бесконечность, чем ищут базу, которая могла бы их приостановить.

Вывод из этого рассуждения таков: Солнце есть тело большее, чем Земля, потому что посылает конус ее тени до сферы Меркурия и не идет за нее. А если бы Солнце было светлым телом меньшим, то следовало бы рассуждать иначе, откуда вытекало бы, что, будь это светлое тело в нижнем полушарии, наше небо было бы в большей части затемнено, а не освещено, раз дано или условленно, что все небесные тела получают свет от Солнца.

Т е о ф и л . Вот, смотрите, как меньшее светящееся тело может освещать больше половины большего темного тела. Вы должны увидеть это на опыте. Имеются два тела: одно — темное, большое A, другое — малое, светящееся B. Если поместить светящееся тело на самом малом и первом расстоянии, как это видно из следующего чертежа (рис. 3), то темное тело осветится соответственно радиусу малой дуги CD, причем вытягивается линия B1. Если светящееся тело будет помещено на втором, большем расстоянии, то станет освещать соответственно радиусу большей дуги EF, причем вытягивается линия B2. Если оно будет на третьем и самом большом расстоянии, то в конечном итоге освещение будет соответствовать радиусу самой большой дуги GH, причем образуется наиболее удлиненная линия B3.

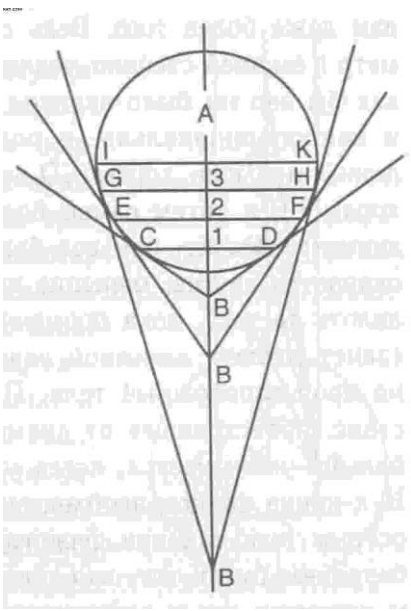


Рис. 3

Следовательно, может случиться, что светлое тело B, используя силу такого света, который проникал бы настолько в пространство, насколько потребуется для этого эффекта, сможет, значительно отдалившись, включить, наконец, дугу большую, чем полукруг; имеется в виду, что нет основания, чтобы эта отдаленность, которая довела светящееся тело до положения, включающего полукруг, не смогла бы сверх того заставить его охватить больше. Скажу вам даже более того. Ведь светлое тело теряет свой диаметр в высшей степени медленно и с трудом, а темное тело, как бы оно ни было велико, теряет его чрезвычайно легко и непропорционально, и поэтому благодаря увеличению длины меньшей хорды CD мы придем к границе большей хорды EF и затем самой большой хорды IK, которая есть диаметр. Значит, при все большем увеличении расстояния окончатся другие, меньшие хорды по ту сторону диаметра, вплоть до того, пока промежуточное темное тело не перестанет мешать взаимной возможности видеть диаметрально противоположные тела. Причина этого та, что препятствие, происходящее от диаметра, вместе с диаметром все больше уменьшается, когда угол B становится все острее. И в конце концов необходимо, чтобы угол сделался столь острым (так как при физическом делении конечного тела безумцем будет тот, кто поверит в бесконечный прогресс и признает его в действительности или в возможности), что перестал бы быть углом и сделался бы линией, по которой два видимых противоположных тела могли бы быть видны одно другому, без того чтобы в какой-либо точке темное тело, помещенное между ними, могло бы помешать этому; ибо темное тело теряет всякую пропорциональность и разницу своего диаметра по отношению к диаметрам светлых тел, которые остаются постоянными. Поэтому требуется, чтобы темное тело, находящееся в промежутке, сохраняло такое расстояние от одного и другого, чтобы оно потеряло пропорцию и разницу своего диаметра, как это видно и наблюдается на Земле, диаметр которой не мешает тому, чтобы две диаметрально противоположные звезды видны были одна другой, так же как глаз безразлично может видеть одно и другое из центра полушария N и из точек окружности ANO. В этом случае ты воображаешь, что Земля через центр делится на две равные части, для того чтобы каждая перспективная линия сохранила свое место.

Это ясно показано на рисунке (рис. 4); на нем луч, линия AN, будучи полудиаметром, образует прямой угол по окружности; на втором месте — делает его острым; на третьем — более острым; необходимо, чтобы в пределе угол стал самым острым и в конце этого предела больше не был бы углом, но линией; следовательно, разрушены отношение и деферент полудиаметра; путем такого же рассуждения становится ясным, что разрушается деферент целого диаметра AO. Отсюда, наконец, неизбежно следует, что два более светлых тела, которые не так скоро теряют диаметр, не могут помешать одно другому взаимно видеть друг друга, раз их диаметр не исчез, в противоположность диаметру не светлого и менее светлого промежуточного тела.

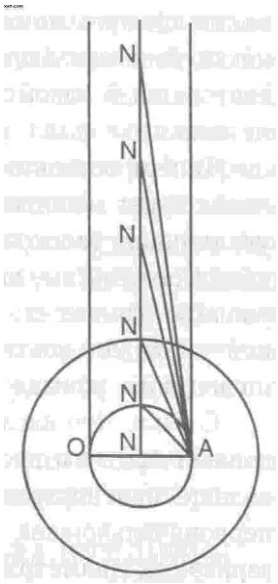


Рис. 4

Итак, заключаем, что большее тело, более способное терять свой диаметр, хотя бы оно стояло посередине самой прямой линии, не помешает перспективе двух сколько угодно меньших тел, лишь бы они сохранили диаметр своей видимости, который в более крупном теле теряется. Здесь с целью развития ума не слишком возвышенного, чтобы он мог легче подготовить себя к пониманию настоящего рассуждения и возможно облегчить трудность восприятия, заставьте человека проделать следующий опыт. Пусть он поставит палку близко к глазу, так, чтобы она помешала ему видеть свет свечи, поставленной на некотором расстоянии; чем больше палка будет приближаться к свету, отдаляясь от глаза, тем меньше она будет мешать видеть свет, вплоть до того момента, когда, став к свету так же близко, как близко она была раньше у глаза, она помешает видеть свет лишь в такой степени, которая соответствует толщине палки.

Теперь оставьте палку на месте и отдаляйте свет: тогда палка будет мешать гораздо меньше. Так, все более и более увеличивая расстояние между палкой и глазом и между нею и светом, вы, наконец, не обращая внимания на палку, увидите один свет. Обдумав это, всякий сколь угодно тупой ум может достигнуть понимания того, что было сказано немного раньше.

Смит. Что касается этого рассуждения, то я, кажется, должен быть им вполне удовлетворен, хотя у меня остается еще неясность относительно того, о чем вы говорили первоначально: как мы, поднимаясь от Земли и теряя вид горизонта, диаметр которого все более и более уменьшается, увидим, что это тело есть звезда. Я хотел бы, чтобы к тому, что вами сказано, вы добавили кое-что о том, считаете ли вы, что существуют многие земли, подобные этой, и к тому же неисчислимые. И я вспоминаю, что читал у Кузанца, мнения которого, как я знаю, вы не отвергаете, что даже Солнце имеет несхожие части, как Луна и Земля; поэтому, говорит он, если мы внимательно устремим глаз на тело Солнца, то увидим внутри его сияния значительнейшую матовость, более в периферии, чем в ином месте[68].

Теофил. Это божественно сказано и понято им, а вами весьма похвально применено. Как мне припоминается, недавно я сказал: поскольку темное тело легче теряет диаметр, а светлое с трудом, то вследствие отдаленности уничтожается и исчезает видимость темного, а видимость прозрачного, освещенного или иным образом светлого тела идет, как бы к слиянию, и из его светлых разбросанных частей образуется видимый сплошной свет. Так что если бы Луна была дальше и Солнце не имело бы затемнений, то всякий человек, способный в этом деле разбираться, легко мог бы понять, что такая более удаленная Луна была бы также более светлой; но если бы мы были на ней, то она не была бы светлее для наших глаз; так, живя на нашей Земле, мы не видим того ее света, который передается тем, кто находится на Луне, и который, может быть, сильнее лунного света, причиняемого лучами Солнца, рассеянными в ее жидком хрустале. В частности, я не знаю в настоящий момент, должен ли я таким же образом или иначе судить о свете Солнца. Однако смотрите, до чего мы дошли по этому случаю; мне кажется, пора вернуться к другим частям нашего обсуждения.

Смит. Хорошо будет выслушать другие требования, которые могут быть предъявлены Ноланцу.

---

[68] Ср. *Николай Кузанский.* «Об ученом незнании», кн. II, глава 12.

ТРЕТЬЕ РАССУЖДЕНИЕ ДОКТОРА НУНДИНИЯ

Теофил. Немного спустя Нундиний сказал, что неправдоподобно, чтобы Земля двигалась, раз она середина и центр вселенной, в которой занимает место фиксированной постоянной основы всякого движения.

Ноланец ответил, что-то же самое может сказать тот, кто считает Солнце неподвижным и фиксированным центром вселенной; такого взгляда придерживаются Коперник и многие другие, которые признают ограниченность периферии вселенной; отсюда вытекает, что этот его довод (если даже это довод) есть ничто против других доводов и предполагает собственные принципы. И он ничто также против доводов Ноланца, который считает мир бесконечным и поэтому не признает в нем никакого тела, которому абсолютно необходимо было бы находиться в середине, или в конце, или между этими двумя пределами; всякому телу свойственно быть лишь в некоторых отношениях с другими телами и пределом, взятым произвольно.

Смит. Что вы об этом думаете?

Теофил. Глубокомысленные выражения! Ведь как ни об одном из природных тел не было доказано, что оно абсолютно кругло и, следовательно, безусловно имеет центр, так нет ни одного движения, видимого нами чувственно и физически в некоторых природных телах, которое в течение долгого времени не отклонилось бы от простого кругового и правильного движения вокруг какого-либо центра; и напрасны доказательства тех, кто выдумывает рытвины и преткновения в неровных кругах, различие диаметров и прочие пластыри и сборники рецептов для лечения природы до такой степени, чтоб она пошла в услужение к маэстро Аристотелю и другим; и все это с той целью, чтобы умозаключить, что всякое движение есть беспрерывное и правильное вокруг центра. Но мы, смотрящие не на фантастические тени, а на самые вещи, мы, видящие тело воздушное, эфирное, одухотворенное, жидкое, способное к местному движению и покою, вплоть до безмерности и бесконечности, что должны во всяком случае утверждать, так как не видим какого-нибудь конца ни чувственно, ни умозрительно, — мы знаем определенно, что, будучи следствием и бесконечной причины, и бесконечного начала, оно должно, согласно своей телесной способности и своему модусу, быть бесконечно бесконечным. И я уверен, что не только Нундиний, но и все профессора при всей своей учености не смогут никогда отыскать сколько-нибудь вероятного довода, по которому существовал бы предел этому телесному миру и по которому, следовательно, также и звезды, находящиеся в пространстве, имелись бы в определенном числе и кроме того естественно определялся бы центр и середина его.

Смит. Не добавит ли Нундиний что-нибудь к этому? Пусть он приведет несколько доказательств или высказываний о вероятности и в пользу заключения, что, во-первых, вселенная конечна, во-вторых, что она имеет своей серединой Землю, в-третьих, что эта середина совершенно неподвижна в смысле местного движения.

Теофил. Нундиний подобен тому, кто говорит вследствие веры и привычки и отрицает какое-либо явление вследствие его необычности и новизны, что обычно для тех, кто мало соображает и не стоит выше своих поступков как рассудочного, так и природного порядка. Нундиний стоит глупый и пораженный, как тот, перед кем вдруг появился неожиданный кошмар. Наконец, будучи несколько более сдержанным, менее хвастливым и менее злобным, чем его коллега, Нундиний молчит и не добавляет слов там, где не может добавить доводов.

Фрулла. Не таков доктор Торквато, который, прав ли или виноват, ради бога или ради черта, всегда хочет драться, даже когда выронил щит в обороне и шпагу при нападении. Когда у него нет больше ни ответов, ни доводов, он от ярости топает ногами, заостряет ногти клеветы, злобно скалит зубы брани и разверзает глотку для криков, чтобы не Дать другим высказать свои возражения, и чтобы они не дошли до ушей окружающих, что мне самому приходилось наблюдать.

Смит. Так что он ничего больше не сказал?

Теофил. Ничего больше не сказал по этому поводу, но перешел к другому рассуждению.

ЧЕТВЕРТОЕ РАССУЖДЕНИЕ НУНДИНИЯ

Так как Ноланец мимоходом сказал, что существуют неисчислимые земли, подобные нашей, то доктор Нундиний, как хороший диспутант, не имея чего-нибудь добавить к своему возражению, начал задавать не относящиеся к делу вопросы о том, что мы скажем о подвижности и неподвижности земного шара, спрашивал о свойствах других небесных шаров, хотел знать, из какого вещества должны быть шары, которые считаются состоящими из квинтэссенции, то есть из неизменяемой и не подверженной порче материи, более плотные части которой составляют звезды.

Ф р у л л а. Эти вопросы, мне кажется, не относятся к обсуждаемому вопросу, хотя, впрочем, я не понимаю логики.

Т е о ф и л. Ноланец из вежливости не хотел упрекать в этом Нундиния, но, указав, что было бы лучше, если бы Нундиний держался главной темы или задавал вопросы поближе к ней, ответил ему, что другие небесные шары суть Земли и ничем не отличаются от нашей Земли по своему виду, лишь за исключением того, что они больше или меньше ее, как у иных видов животных замечаются индивидуальные отличия. Но те шары, которые состоят из огня, как Солнце, предварительно утверждает он, отличаются своим видом от других, как горячее от холодного, как самосветящееся от светящего отраженным светом.

С м и т. Почему он говорит об этом предварительно, а не утверждает абсолютно?

Т е о ф и л. Из боязни, чтобы Нундиний не задал еще вопроса, на который снова получил бы отпор, чтобы вцепиться и привязаться к ответу. Оставляя в стороне то, что Земля есть животное и, следовательно, тело неоднородное, не надо считать ее холодным телом в разных частях, а самое большее лишь во внешних, проветриваемых воздухом; но в других членах, больших по числу и по величине, Земля должна считаться горячей и очень горячей. Оставляю также в стороне, что Ноланец отчасти признает принципы противника, который требует к себе уважения и считает себя перипатетиком; с другой стороны, Ноланец выставляет свои собственные принципы, которые не просто принимаются, но доказываются и согласно которым Земля могла бы быть в некотором отношении такой же горячей, как Солнце.

С м и т. Как это?

Т е о ф и л. Ведь уже было сказано, что от исчезновения темных и мутных частей шара и от объединения частей кристаллических и светлых в пространствах, более и более отдаленных, происходит все большее и большее слияние светлого. Вместе с Аристотелем многие утверждают, что и Луна, и другие звезды, благодаря большему или меньшему наличию света, более или менее теплы; поэтому, когда некоторые планеты называются холодными, то это надо понимать сравнительно и относительно. А если свет есть причина тепла, то и должно произойти, что Земля с лучами, которые она шлет в отдаленные части эфирной области, соответственно силе света передает столько же теплоты. Но для нас не имеет значения, насколько вещь светлая должна быть и теплой, так как мы видим возле нас много вещей светлых, но не теплых.

Однако вернемся к Нундинию; он начинает скалить зубы, раскрывать челюсти, прищуривать глаза, морщить брови, раздувать ноздри и выражать беспокойство каплуна перед кукареканием, чтобы благодаря этим насмешкам окружающие почтительно подумали, что он хорошо понимает, что именно он прав, а его противник говорит смешные вещи.

Ф р у л л а. А это была сама истина. Видите, как он над ней смеялся?

Т е о ф и л. Это бывает с теми, кто дает свиньям конфеты.

Спрошенный, почему он смеется, Нундиний отвечал, что эти образы и речи о существовании других земель, имеющих те же свойства и акциденции, заимствованы из «Истинных историй» Лукиана[69].

Ноланец ответил, что когда Лукиан называл Луну другой Землей, тоже населенной и возделываемой, как наша, то он делал это с той целью, чтобы посмеяться над философами, утверждавшими существование многих земель (в частности — сходство Луны с нашим земным шаром, которое тем чувствительнее, чем ближе она к нам); в таком случае он был не прав и показал, что разделяет общее невежество и слепоту.

---

[69] См. кн. I.

Ведь если мы хорошенько подумаем, то найдем, что и Земля и столько других тел, называемых звездами, суть главные члены вселенной и что они, подобно тому как дают жизнь и питание вещам, которые от них получают материю и им же возвращают ее, так и еще много больше имеют жизни в себе и благодаря ей, вследствие упорядоченного и природного влечения по внутреннему своему началу, движутся через соответствующие пространства к вещам. И нет иных внешних двигателей, которые с помощью фантастических движений сфер переносили бы эти тела как пригвожденные к ним, а если бы это было истиной, то движение было бы насильственным, находящимся вне природы движущегося тела, двигатель же был бы весьма несовершенным, а движение и двигатель были бы связаны с трудом и заботами, к чему прибавились бы многие другие неудобства.

К тому же примите во внимание, что, подобно тому как мужчина стремится к женщине и женщина к мужчине, так и каждая травинка, и животное — одно более, другое менее выразительно — движется к своему жизненному началу, каковым являются Солнце и другие звезды; магнит движется к железу, соломинка к янтарю, и, в конце концов, каждая вещь отыскивает подобное и избегает противного.

Все происходит от достаточного внутреннего начала, благодаря чему, естественно, находится в самодвижении, а не в движении от внешнего начала, что, как мы видим, всегда бывает с теми телами, причиной движения которых является противоположная или внешняя им природа.

Таким образом, Земля и другие звезды движутся согласно собственным местным отличительным свойствам внутреннего начала, которое есть своеобразная душа.

Вы считаете, сказал Нундиний, что она чувствительна, эта душа?

Не только чувствительна, ответил Ноланец, но еще и умственна, не только умственна, как наша, но, может быть, даже больше.

Тут Нундиний замолчал и не улыбнулся.

Пруденций. Мне кажется, что земля, будучи одушевленной, не должна испытывать удовольствия, когда в ее хребте делают пещеры и полости, как и нам причиняет неудовольствие и боль, когда в спину вонзается зуб или продырявливается мясо.

Теофил. Нундиний не настолько Пруденций[70], чтобы признать этот аргумент достойным появления на свет, хотя бы для этого ему представлялся случай. Ведь он не настолько невежественный философ, чтобы не знать, что если земля имеет чувствительность, то последняя не похожа на нашу; если земля имеет члены, они не подобны нашим; если имеет мясо, кровь, кости и вены, то они не схожи с нашими; если имеет сердце, то оно не подобно нашему; так же и все прочие части, имеющие отношение к разным существам, которых мы называем животными и которые обычно считаются только животными. И почтенный Пруденций не настолько плохой медик, чтобы не знать, что при большом размере земли это самые незаметные для нее случаи, которые только для нашего организма столь чувствительны. И, я думаю, он понимает, что как у животных, которых мы признаем за животных, их части находятся в беспрерывном изменении и движении и имеют некоторый прилив и отлив, все время принимая нечто извне и отправляя кое-что изнутри наружу, от чего удлиняются ногти, питаются волосы, пух и шерсть, укрепляется кожа, грубеет шкура, так и у земли имеется изменение и приток в частях, благодаря чему и многие животные, признаваемые нами за таковых, обнаруживают явственно свою жизнь. Более чем правдоподобно, раз все участвует в жизни, что многие и бесчисленные животные живут не только в нас, но и во всех сложных вещах[71], и когда мы видим нечто, как говорится, умирающим, то мы должны верить не столько в его смерть, сколько в изменение и в прекращение его случайного состава и построения, так как вещества, которые в него входят, всегда остаются бессмертными: и в большей мере те, которые называются духовными, чем называемые телесными и материальными, как мы покажем в другой раз.

Но вернемся к Ноланцу. Когда он увидал, что Нундиний молчит, то снова почувствовал на момент насмешку Нундиния, сравнивавшего позицию Ноланца с «Истинными историями» Лукиана. Ноланец пустил немного желчи, сказав, что в честном споре не надо смеяться и издеваться над тем, чего не понимаешь.

---

[70] Игра слов, основанная на том, что «пруденций» значит по-итальянски «благоразумный».

[71] Бруно, возможно, предугадывал существование микроорганизмов.

««Как я», — сказал Ноланец, — не смеюсь над вашими фантазиями, так и вы не должны смеяться над моими мнениями. Если я диспутирую с вами вежливо и с уважением, тем же во всяком случае и вы должны отвечать мне. Ведь я знаю, что вы настолько умны, что, если б я захотел защищать как истинные упомянутые рассказы Лукиана, вы не сумели бы опровергнуть это». Так с некоторым раздражением ответил Ноланец на насмешку после своих более рассудительных ответов на вопросы.

ПЯТОЕ РАССУЖДЕНИЕ НУНДИНИЯ

Нундиний так был раздосадован на Ноланца и на других, что прекратил дальнейшие вопросы посредством «почему», да «отчего», да «как так» ...

Пруденций. Посредством «как» и «почему» любой осел умеет участвовать в диспуте.

Теофил. С той целью делает, с какой заполняются бумагами все папки. Если бы, дескать, Земля действительно двигалась в сторону, называемую востоком, то тучи в воздухе всегда явственно бежали бы к западу вследствие чрезвычайно быстрого движения этого шара, который за двадцать четыре часа должен проделать в пространстве такой большой круг.

На это Ноланец ответил, что воздух, через который пробегают тучи и ветры, есть часть земли, так как под словом *земля,* по его мнению (да так и должно быть в самом деле), надо понимать всю эту машину и весь организм в целом, который состоит из частей; поэтому реки, камни, моря, весь влажный и бурлящий воздух, заключающийся между высочайшими горами, принадлежат земле, как ее члены или же как воздух в легких и в других пустотах животных, благодаря которому они дышат, расширяются артерии и выполняются прочие необходимые для жизни действия. Значит, облака движутся от обстоятельств, имеющихся в теле земли, и находятся как бы в ее внутренностях, так же, как и воды. Это понимает Аристотель, который в первой книге «Метеоров» говорит, что «воздух, находящийся непосредственно вокруг земли, влажный и теплый благодаря испарениям, имеет над собой иной воздух, теплый и сухой, в котором нет облаков, и этот воздух находится вне сферы самой земли и этой поверхности, ограничивающей ее и делающей ее совершенно круглой, — и зарождение ветров происходит только в помещениях и недрах земли»; поэтому над высокими горами не появляются ни тучи, ни ветры, и там «воздух движется правильно, по кругу»[72], как вселенское тело. Это, может быть, понимает Платон[73], говорящий, что мы обитаем в углублении и в темной части земли и что мы находимся в таком отношении к животным, живущим над землей, в каком к нам находятся рыбы, живущие в более грубой влаге. Он хочет сказать, что этот влажный воздух есть как бы вода, а чистый воздух, вмещающий более счастливых животных, находится над землей, поэтому, подобно тому как эта Амфитрита есть вода для нас, так наш воздух есть вода для них. Вот, следовательно, как можно ответить на аргумент, изложенный Нундинием: ведь море находится не на поверхности, но во внутренностях земли, как печень, источник органических соков, — внутри нас; и этот бурлящий воздух находится не вне, но как бы в легких у животных.

Смит. Но как это происходит, что мы видим целое полушарие, если мы живем во внутренностях земли?

Теофил. Из-за грандиозной шарообразности Земли не только во внешних плоскостях, но даже и во внутренних происходит то, что при виде горизонта одна выпуклость сменяет другую, так что не может быть такого препятствия, которое мы видели бы, когда между нашими глазами и частью неба находится гора, которая, даже будучи нам близкой, могла бы помешать совершенному виду горизонта. Итак, расстояние таких гор, которые следуют за выпуклостью земли, не плоской, но шаровидной, приводит к тому, что в ней не чувствуется препятствия между впадинами земли. Это можно до некоторой степени видеть на данном рисунке (рис. 5), где истинная поверхность Земли — ABC, на каковой поверхности имеется много отдельных морей и разных континентов, например, M, а из этой точки M мы видим целый горизонт не хуже, чем из точки A и из любых пунктов поверхности. Поэтому объяснение состоит в двух моментах: в огромности Земли и в шарообразной выпуклости ее; благодаря этому точка M не является загороженной в такой степени препятствиями, чтоб нельзя было видеть полушарие; поэтому высочайшие горы не представляются препятствием для наблюдения из точки M, как если бы она лежала на линии MB (что, считаю, произошло бы, если б

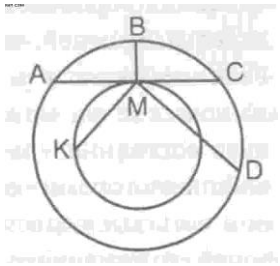


Рис. 5

[72] *Аристотель.* Метеорология, I, 3,15-17.
[73] *Платон.* Федон, 109 C-E.

поверхность земли была плоской), но также если бы она лежала на линии MC и MD, то она не могла бы иметь такое препятствие, как видим, в силу округлой выпуклости дуги. Особенно заметьте, что как M относится к C и M к D, так же K относится к M; поэтому не следует считать басней то, что рассказывает Платон об огромнейших впадинах в лоне земли.

Смит. Хотел бы я знать, мешает ли это находящимся близ высочайших гор.

Теофил. Нет, они мешают лишь тем, кто находится поблизости от меньших гор, так как нет высочайших гор, которые не были бы в то же время настолько огромнейшими, чтобы их величина не воспринималась нашим взглядом; последним, таким образом, охватываются большие и многие искусственные горизонты, в которых подробности одних не могут помешать другим. Поэтому высочайшими мы не считаем, например, Альпы, Пиренеи и им подобные горы, но всю Францию, как находящуюся между двумя морями: Северным океаном и Южным, то есть Средиземным морем, из которых она по направлению к Оверни все поднимается, как и между Альпами и Пиренеями, которые были когда-то гребнем высочайшей горы. Последняя же, разрушаясь в ходе времени в силу изменений обновляемой части земли, производит в ней другие части и образует ряд отдельных цепей, которые мы называем горами. Что касается имеющихся у Нундиния мнений о размерах гор Шотландии, где он, может быть, и бывал, то он показывает, что не в состоянии уразуметь, что следует понимать под высочайшими горами; ведь поистине весь этот остров Британия есть высящаяся над волнами океана гора, вершина которой должна находиться в наиболее высоком месте острова; и вершина эта соединяется с неподвижной частью воздуха и показывает, что это одна из тех высочайших гор, где находится область, может быть, более счастливых животных. Александр Афродизийский[74], рассуждая о горе Олимп, на основании исследования пепла от жертвоприношений показывает, что у нее положение высочайшей горы, а ее воздух находится над границами и членами земли.

Смит. Вы меня достаточно удовлетворили и глубоко вскрыли много тайн природы, которые таились под этим замком. Из того, как вы ответили на соображение о ветрах и тучах, получается ответ также на другой вопрос, который выдвигается Аристотелем во второй книге «О небе и мире»[75]. Он считает невозможным, чтобы брошенный вверх камень мог вернуться вниз по той же перпендикулярной прямой, и необходимым, чтобы очень быстрое движение Земли оставило его далеко позади — на западе. Ведь если это метание происходит на земле, то необходимо, чтобы с ее движением менялось всякое соотношение между прямизной и кривизной, так как есть разница между движением корабля и движением вещей на корабле. Если бы это не было правильным, то отсюда вытекало бы, что когда корабль плывет по морю, то никогда и никто не смог бы тянуть что-нибудь по прямой с одного его конца до другого и невозможно было бы сделать прыжок вверх и опять стать ногами на то место, откуда подпрыгнули. Значит, с землей движутся все вещи, находящиеся на земле. Значит, если с места вне земли что-нибудь было бы брошено на землю, то из-за ее движения оно потеряло бы прямизну. Это видно на примере корабля, переплывающего поперек реки: если бы кто-нибудь, находясь на ее берегу, бросил камень прямо, то он не попал бы в корабль, поскольку корабль сносится быстротой течения. Но если кто-либо находится на мачте названного корабля, плывущего с любой быстротой, то он нисколько не ошибется в движении камня, так как от прямой из точки на верхушке мачты или в мачтовой клетке до точки в основании мачты или другой части трюма или корпуса указанного корабля ни камень, ни другой брошенный тяжелый предмет не отойдет. Так же если от точки, находящейся в основании мачты, кто-нибудь на корабле бросит камень прямо вверх, то последний по той же линии вернется вниз, как бы ни двигался корабль, лишь бы он не качался.

---

[74] Псевдоаристотелевские «Проблемы», XXVI, 39; Бруно ошибочно приписывает это сочинение Александру Афродизийскому.

[75] Вопрос о существовании других миров разбирается в сочинении Аристотеля «О небе» (кн. I, гл. 8-9). Небольшое сочинение «О мире», печатавшееся в старых латинских переводах вместе с сочинением «О небе», не принадлежит Аристотелю. В нем во множестве рассеяны мысли стоиков; оно, вероятно, вышло в I в. н. э. Бруно вместе со всеми своими современниками и средневековыми писателями считал, что это сочинение принадлежит Аристотелю.

Смит. Из соображения об этом различии открывается дверь ко многим важнейшим тайнам природы и глубокой философии; ведь представляет частое явление, о котором, однако, мало думают, а именно — разница между тем, когда лечишь себя сам и когда лечит тебя другой. Достаточно ясно, что мы получаем больше наслаждения и удовлетворения, если принимаем пищу из своих рук, а не из других. Дети, когда могут пользоваться своей посудой, чтобы брать пищу, неохотно пользуются чужой. Кажется, что сама природа как-то обучает их тому, что когда нет такого наслаждения, нет и такой пользы. Вы видите, как сосущие дети хватаются рукою за грудь? И я действительно не страшусь так никакого воровства, как со стороны домашнего слуги, ибо не знаю, чего больше — смуты или изумления вносит домашний вор, поступая как чужой человек и проявляя себя одновременно как злой гений и ужасное предзнаменование.

Теофил. Все же вернемся к поставленной теме; один из двух человек находится на плывущем корабле, а другой — вне его; у каждого из них рука находится почти в одной и той же точке в воздухе, и из этого места в то же самое время первый пускает камень, а второй — другой камень, без всякого толчка; камень первого, не теряя ни мгновения и не уклоняясь от своей линии, упадет в назначенное место на корабле, а камень второго останется позади. И это попадание произойдет по той причине, что камень, который падает из вытянутой руки на корабле и, следовательно, движется, следуя его движению, имеет сообщенную ему силу, которой не имеет другой камень, выпадающий из руки, находящейся вне корабля; и все это происходит, несмотря на то, что у камней та же тяжесть и такое же промежуточное пространство, что движутся они (предполагая это возможным) из той же точки и испытывают тот же толчок. В этом различии мы можем увидеть лишь тот смысл, что вещи, которые фиксированы или же имеют подобное отношение к кораблю, движутся с ним и что один камень несет в себе силу двигателя, движущегося с кораблем, а другой камень не участвует в ней указанным образом. Из этого ясно видно, что не от отправной точки движения, откуда исходят, не от конечной точки, к которой идут, не от среды, через которую проходят, берется сила прямого движения, но от действенности силы, первоначально перенятой, от которой зависит все различие. И это мне кажется достаточным для рассмотрения рассуждения Нундиния.

Смит. Ну завтра снова увидимся и выслушаем рассуждения, которые добавит Торквато.

Фрулла. Да будет так.

Конец третьего диалога

С м и т . Хотите, чтобы я указал вам причину этого?

Т е о ф и л . Укажите.

С м и т . Потому что священное писание (смысл его нельзя переоценить, так как оно исходит от высших, не ошибающихся интеллектов) во многих местах намекает и предлагает противоположное.

Т е о ф и л . Ну что касается этого, поверьте мне, что если бы боги снизошли до обучения нас теории естествознания, подобно тому как они милостиво руководят нами в вопросах нравственности, то я скорее присоединился бы к вере в их откровения, чем позволил бы себе на миг довериться своим рассуждениям и собственным чувствам. Но, как всякий самым ясным образом может видеть, божественные книги не обсуждают в целях обслуживания нашего интеллекта опыты и умозрения относительно природных вещей, чем занимается философия, но, снисходя к нашему уму и чувству, посредством законов предписывают практику моральных действий. Так что божественный законодатель, имея перед собой эту цель, в остальном не заботится говорить согласно с той истиной, которой не могут воспользоваться простые люди, чтоб уклониться от зла и принять благо; размышление об этом он предоставил людям созерцательным, а толпе он говорит таким образом, чтобы, согласно ее способу понимания и речи, дошло до ее сознания главное.

С м и т . Конечно, когда кто-нибудь хочет писать историю и издавать законы, то следует говорить соответственно общему разумению и не беспокоиться о делах безразличных для этого. Неразумным был бы историк, который, занимаясь своим материалом, хотел бы пользоваться словами, считающимися новыми, и.… заменить ими старые, действуя таким образом, что читатель должен был бы скорее наблюдать и толковать его как грамматик, чем понимать его как историк. Тем более был бы глупцом тот, кто, желая дать всем простым людям законы и формы жизни, пользовался бы терминами, понятными лишь ему и очень немногим, и стал бы приводить соображения и случаи из материалов, безразличных для целей, с которыми предписываются законы; он показал бы, что направляет свое учение не для всех, не для массы, для которой они устанавливаются, а для мудрецов и широких умов и тех, которые поистине люди и делают без законов то. что следует. Потому что, как говорит Аль-Газали[76], философ, верховный жрец и магометанский теолог, цель законов не столько нахождение истины в вещах и умозрениях, сколько доброта нравов, польза цивилизации, сожительство народов и деятельность ради удобства человеческих сношений, поддержания мира и роста общественных дел. Так что во многих случаях глупо и нецелесообразно приводить много рассуждений скорее в соответствии с истиной, чем соответственно данному случаю и удобству. Например, если бы вместо слов: «Солнце рождается и поднимается, переваливает через полдень и склоняется к Аквилону» — мудрец сказал: «Земля идет по кругу к востоку и, покидая солнце, которое закатывается, склоняется к двум тропикам, от Рака к Югу, от Козерога к Аквилону», — то слушатели стали бы раздумывать: «Как? Он говорит, что Земля движется? Что это за новости?» В конце концов они его сочли бы за глупца, и он действительно был бы глупцом. Все же, чтобы удовлетворить назойливость какого-либо нетерпеливого и строгого раввина, я хотел бы знать, можно ли самым легким образом при помощи этого самого священного писания подтвердить то, что вы говорите.

Т е о ф и л . Так как Моисей говорит, что среди других светил бог сотворил два больших: Солнце и Луну, то, может быть, эти достопочтенные раввины хотят понимать эти выражения в безусловном смысле, — что все звезды меньше Луны, — или же в согласии с простым, обычным способом восприятия и разговора? Но разве многие звезды не больше Луны? И разве они не могут быть больше Солнца? Чего не хватает Земле, чтобы она могла быть более красивым и более крупным светилом, чем Луна? Получая подобным же образом на океан и на другие средиземные моря яркий блеск от Солнца, она может быть сравниваема своим чрезвычайно светлым телом с другими мирами, называемыми звездами, которые показывают множество блестящих своих фаз.

---

[76] *Аль-Газали* (1058—1111) — мусульманский теолог.

Конечно, Моисей не назвал Землю большим или малым светилом, как он назвал Солнце и Луну, и сказал в известном смысле хорошо и правильно: он хотел, чтобы его поняли соответственно обычному значению слов и чувств, и поступил мудро, а не как дурак, не как безумец, выражающийся умственно и учено.

Говорить терминами истины там, где этого не нужно, значит хотеть, чтобы простой народ и глупая масса, от которой требуется практическая деятельность, имели специальное понимание: это все равно что хотеть, чтобы рука имела глаз, хотя она природой создана не для того, чтоб видеть, но чтобы делать и содействовать зрению. Таким образом, хотя он понимал природу духовных сущностей, но он к ним обращался лишь в тех случаях, когда некоторые из них обладали пригодностью и способностью служить людям, когда становились посредницами. Конечно, ему известно было, что Луне и другим телам мира, видимым и невидимым для нас, свойственно то, что свойственно этому нашему миру, или, по крайней мере, подобное, но разве вам кажется, что долгом законодателя было ставить себе и создавать людям эти затруднения? Что общего имеет с этими рассуждениями практика наших законов и упражнение в добродетелях?

Итак, если божественные люди говорят, предполагая в делах природы общепринятый смысл, то не надо это признавать авторитетным; в тех же случаях, когда говорят скорее безразлично и о том, о чем народ не имеет определенного мнения, я хотел бы, чтобы обращали внимание на слова божественных людей, как и на вдохновения поэтов, которые высказывались об этом, озаренные высшим светом, причем не следует принимать за метафору то, что не сказано как метафора, и, наоборот, не следует принимать за истину то, что сказано для сравнения.

Но это различение образного и истинного не дается всем желающим понять его, как не дано всякому суметь понять это. Так, например, если обратимся от нашего рассуждения к книге созерцательной, натуралистической, нравственной и божественной, то найдем в ней много благоприятного этой философии. Я говорю о «Книге Иова», одной из самых замечательных, какие приходится читать, полной хорошей теологии, описаний природы, морали, переполненной мудрейшими речами. Моисей присоединил ее как священную к книгам своего закона. В этой книге одно из действующих лиц, желая описать провидение божье, говорит, что оно создало согласие среди своих выдающихся и возвышенных сынов, то есть звезд, богов, из которых одни были огнями, другие — водами (как мы говорили: одни — солнцами, другие — землями); и они находятся в согласованности, потому что хотя они и противоположны, все же каждый из них живет, питается и растет благодаря другому, они не мешают друг другу, но на определенном расстоянии движутся один вокруг другого.

Так, во вселенной различаются огонь и вода, сущности двух первых начал: формального и активного, холодного и горячего. Тела, испускающие теплоту, — это солнца, сами по себе светящиеся и горячие; тела, испускающие холод, — это земли, которые, будучи также разнородными, часто называются водами, принимая во внимание, что такие тела видимы благодаря водам, отчего обоснованно их называем водами, благодаря той области, посредством которой они воспринимаются; воспринимаются, говорю я, не сами по себе, но благодаря свету Солнца, рассеянному по их поверхности.

С этим учением находится в согласии Моисей, называющий воздух небесной твердью, в которой все эти тела имеют устойчивость и положение и через пространства которой идут низшие воды, находящиеся на нашем шаре, различаясь и отделяясь от высших вод других шаров, где все же, как сказано, отделяются одни воды от других вод. И если хорошенько рассмотрите многие отрывки священного писания, то увидите, что богами и служителями всевышнего называются воды, бездны, земли и пылающие огни; и оно запретило, чтоб ими называли нейтральные тела, непортящиеся, неизменные, квинтэссенции, более твердые части сфер, бериллы[77], карбункулы и прочие фантазии, которыми тем не менее толпа не упустила бы случая питаться.

[77] *Берилл* — драгоценный камень, который употребляли как увеличительное стекло.

Смит. Я, например, очень уважаю авторитет книг Иова и Моисея и легко могу признать эти реальные мысли, скорее, чем образные и абстрактные; однако некоторые попугаи Аристотеля, Платона и Аверроэса, от философии которых они затем отошли, чтобы стать теологами, говорят, что эти мысли метафоричны; и так в силу их метафоричности заставляют их обозначать все, что им нравится из усердия к философии, в которой они воспитаны.

Теофил. А насколько устойчивы эти метафоры, можете судить по тому, что то же писание находится в руках иудеев, христиан и магометан — столь различных и противоположных сект, что они порождают бесчисленные другие секты, самые противоположные и самые различные; все они умеют находить там такое мнение, которое им нравится и лучше им подходит: не только мнение различное и отличающееся, но еще и совершенно противоположное, делая из «да» — «нет» и из «нет» — «да»; так, например, находят, что в некоторых отрывках бог говорит иронически.

Смит. Пусть судят, как хотят. Я уверен, что им безразлично, метафоры это или нет; однако мы легко можем примирить это с нашей философией.

Теофил. Не приходится опасаться порицаний почтенных душ, истинно религиозных и, естественно, людей благонамеренных, друзей вежливого обращения и хороших учений. Ведь когда они хорошо обсудят, то найдут, что наша философия не только заключает истину, но и благоприятствует религии больше, чем всякий другой род философии, вроде той, что признает следующие положения: мир конечен; результат и действующая сила божественного могущества ограниченны; имеется только восемь или десять интеллигенций и умственных сущностей; субстанция вещей разложима: душа смертна, так как она состоит, скорее, из случайного расположения и следствия состава, одновременно и разложимого и гармоничного; не существует, следовательно, никакой божественной справедливости, которая управляла бы человеческими действиями; они признают, что познание частных предметов не связано с первоначальными и универсальными причинами, и принимают другие неправильные учения, которые не только, как фальшивые, ослепляют свет интеллекта, но еще, как смутные и нечестивые, глушат рвение к хорошим действиям.

Смит. Я очень доволен, получив это сообщение о философии Ноланца. Но вернемся ненадолго к речам доктора Торквато, который, я уверен, не может быть настолько невежественнее Нундиния, насколько он самонадеяннее, дерзновеннее и наглее.

Фрулла. Невежество и наглость — это две нераздельные сестры в едином теле и в единой душе.

Теофил. Он с важным видом, как отец богов, описанный в «Метаморфозах» сидящим на совете богов и готовым метнуть молнии — как строжайшее наказание — в нечестивца Ликаона[78], он, Торквато, посмотрев на свою золотую цепь...

Пруденций. Златая цепь, златое украшенье[79].

Теофил. ...затем взглянув на грудь Ноланца, где часто могло недоставать какой-нибудь пуговицы, поднявшись, убрав руки со стола, выпрямив немного фигуру, брызнув на кого-то слюной, поправив бархатный берет на голове, подкрутив усы, придал желательное выражение надушенному лицу, нахмурив брови, раздув ноздри, занял позу, оглянувшись назад, положил на свой левый бок левую руку, как для начала фехтования, сложил вместе три первых пальца правой руки и начал, жестикулируя, говорить: «Итак, вы тот самый учитель философов?»

Но тут Ноланец, подозревая, что может произойти переход к совсем другим выражениям, вместо диспута, прервал его, сказав: «Камо грядеши, учитель? Что же, если я — учитель философов? Что, если я не уступаю Аристотелю или кому-либо другому больше, чем они уступают мне? Следует ли отсюда, что Земля есть неподвижный центр мира?» Приводя эти и тому подобные доводы, Ноланец, с каким только мог терпеньем, увещевал Торквато выставить положения, при помощи которых можно было бы делать доказательные или предположительные выводы в пользу других учителей, против этого нового учителя.

---

[78] *Овидий.* Метаморфозы, I, 177-180.

[79] Имеется в виду доктор Торквато. *Торквато* — от слова *цепь;* он носит золотую цепь на шее.

И, обращаясь к окружающим, Ноланец сказал, улыбаясь: «Торквато пришел вооруженный не столько рассуждениями, сколько словами и шутками, которые подыхают от холода и голода». И когда все стали просить Торквато перейти к аргументам, тот изрек: «Итак, почему звезда Марс кажется то больше, то меньше, ежели Земля движется?»

Смит. О счастливая Аркадия, возможно ли в природе вещей, чтобы некто с титулом философа и медика...

Фрулла. ...и доктора, и с цепью — Торквато...

Смит. ...мог вывести это следствие? А что ответил Ноланец?

Теофил. Он не растерялся в этом случае и ответил, что одна из главных причин, по которым планета Марс кажется время от времени больше или меньше, это движение Земли и Марса еще по собственным окружностям, отчего происходит, что они то приближаются, то отдаляются.

Смит. Что добавил Торквато?

Теофил. Он тотчас же спросил об отношении движений планет и Земли.

Смит. Неужели Ноланец имел столько терпения, что видя это претенциозное и надутое лицо, не повернулся спиной, чтобы уйти отсюда домой, и не сказал тем, кто его знал, что?..

Теофил. Наоборот, он ответил, что пришел не для чтения лекций, не для преподавания, но чтобы отвечать, и что симметрия, порядок и мера небесных движений предполагаются и такими, какие имеются и были известны древним и нашим современникам, и что он не диспутирует относительно этого и не собирается вступать в тяжбу с математиками, чтобы отнять у них их меры и теории, под которыми подписывается и которые он признает, но что его цель направлена на природу и на определение предмета этих движений.

Дальше Ноланец сказал: «Если я потрачу свое время на то, чтобы ответить на эту просьбу, то мы пробудем здесь всю ночь, не дискутируя, и никогда не выясним основ наших возражений против обычной философии, поэтому как одни, так и другие выскажем все предположения, чтобы сделать вывод об истинном смысле количества и качества движений, с чем мы согласны». Итак, зачем выклевывать мозги, выходя за пределы предложенного? Смотрите сперва, сможете ли вы из сделанных наблюдений и допущенных определений вывести какое-нибудь заключение, которое говорило бы против нас, а затем получайте свободу выражать ваши осуждения.

Смит. Достаточно было сказать ему, чтоб он говорил на поставленную тему.

Теофил. Да здесь никто из окружающих не был таким невеждой, чтобы видом и жестами не показать, что он понимает, каким большим бараном из золотого ордена он является.

Фрулла. Сиречь ордена Золотого Руна[80].

Теофил. Однако, чтобы запутать дело, попросили Ноланца объяснить то, что он хотел защищать, чтобы упомянутый доктор Торквато мог аргументировать.

Ноланец ответил, что он слишком много объяснял и что если доводы противников были скудны, то это произошло не по недостаточности представленного материала, что должно было стать ясным всем слепцам. Все же он снова утверждал, что вселенная бесконечна и что она состоит из неизмеримой эфирной области; что существует единое небо, называемое пространством и лоном, в котором имеется много звезд; равным образом Луна, Солнце и другие бесчисленные тела держатся в этой эфирной области так же, как и Земля; и что не нужно верить в другой небосвод, в другую базу, в другое основание, на которые опирались бы эти великие животные, участвующие в составе мира, который является истинным субъектом и бесконечной материей, бесконечной божественной, действующей силой; все это хорошо доказывают как правильное мышление и рассуждение, так и божественные откровения, которые говорят, что нет числа послам всевышнего, которому тысячи тысяч помогают и у которого десятки сот тысяч управляют. Это великие животные, из коих многие, с их ярким светом, испускаемым их телами, чувствуются всем окружением. Одни из них действительно теплые, как Солнце и прочие бесчисленные светила, другие холодные, как, например, Земля, Луна, Венера и другие неисчислимые земли.

---

[80] *Золотое руно* — испанский орден.

Чтобы влиять друг на друга и сообщать одно другому жизненное начало, одни из них совершают свое движение вокруг других, в определенных пространствах, на определенных расстояниях, как это делают и эти семь светил, вращающиеся вокруг Солнца. Одним из них является Земля, которая, вращаясь вокруг себя в 24 часа в пространстве со стороны, называемой западом, к востоку, дает видимость движения вселенной вокруг нее, называемого мировым и суточным движением. Это последнее представление в высшей степени ложно, противоестественно и невозможно; возможно же, приемлемо, истинно и необходимо утверждение, что Земля вращается вокруг своего центра, чтобы иметь свет и тьму, день и ночь, тепло и холод, движется вокруг Солнца для получения весны, лета, осени, зимы, вокруг так называемых полюсов и противоположных точек полушарий для обновления веков и изменения своего лица: чтобы там, где было море, стала твердь, где было знойно — сделалось холодно, где был тропик — получился экватор, и, наконец, чтобы совершались во всех вещах перемены как на нашей, так и на других звездах, называемых древними философами не без основания мирами.

А пока Ноланец говорил это, доктор Торквато выкрикивал: «К делу, к делу, к делу!» Наконец Ноланец стал смеяться и сказал, что он ему не доказывал, не отвечал ему, но высказывал положения, и оттого «это и есть дело, дело, дело». И что теперь надо, чтобы Торквато высказал что-нибудь, относящееся «к делу».

С м и т. Так как этот осел думал, что находится среди глупцов и лентяев, он считал, что они примут его «к делу» за доказательство и определение и что таким образом простой крик, да еще при его золотой цепи, удовлетворит собрание.

Т е о ф и л. Слушайте дальше. В то время как все сидели в ожидании столь желанного рассуждения, доктор Торквато поворачивается к застольникам и из глубины своего самодовольства грубит, бормоча сквозь зубы эразмовскую поговорку: «Он плывет в Антициру».

С м и т. Осел не может говорить лучше, и нельзя услышать иных речей тому, кто общается с ослами.

Т е о ф и л. Думаю, что он предсказывал, хотя не понимал сам своего предсказания, что Ноланец запасется там чемерицей для успокоения мозга этих варварских безумцев.

С м и т. Если бы присутствующие, люди культурные, стали бы в высшей степени культурными, то вместо золотой цепи они накинули бы ему на шею веревку и заставили бы отсчитать ему сорок палочных ударов на память о первом дне великого поста.

Т е о ф и л. Ноланец сказал, что доктор Торквато не дурак, так как носит на шее цепь; но если бы он не имел ее, то, конечно, доктор Торквато стоил бы не больше, чем его одежда, цена которой, однако, очень мала; разве только при помощи палок из него выбьют что-нибудь. И с этими словами он поднялся из-за стола, жалуясь, что мистер Фулк не запасся лучшими оппонентами.

Фрулла. Таковы плоды Англии; ищите сколько хотите, вы найдете здесь только докторов грамматики в наше время, когда в этом счастливом отечестве царствует созвездие упрямейшего педантического невежества и самомнения, смешанного с деревенской невоспитанностью, которые заставили бы отступить много терпеливого Иова. А если не верите этому, поезжайте в Оксфорд и попросите рассказать, что случилось с Ноланцем, когда он публично спорил с докторами теологии на диспуте в присутствии польского князя Лаского[81] и английских дворян. Пусть вам расскажут, как умело отвечал он на их доводы, как пятнадцатью силлогизмами посадил он 15 раз, как цыпленка в паклю, одного бедного доктора, которого в качестве корифея выдвинула академия в этом затруднительном случае. Пусть вам расскажут, как некультурно и невежливо выступала эта свинья доктор и с каким терпением и воспитанностью держался его диспутант, который на деле показал, что он природный неаполитанец, воспитанный под самым благословенным небом. Справьтесь, как его заставили прекратить публичные лекции и лекции *о бессмертии души и о пятерной сфере.*

[81] *Альберт Ласкай* — польский граф. В 1583 г. посетил Англию, где в Оксфорде ему был устроен торжественный прием с диспутами, банкетами и зрелищами. Джордано Бруно выступил на диспуте против официального университетского докладчика, защищавшего идеи Аристотеля.

С м и т . Кто мечет бисер перед свиньями, не должен жаловаться, если они потопчут его. Однако следите за рассуждениями Торквато.

Т е о ф и л . Когда все встали из-за стола, то среди них нашлись такие, которые, говоря по-английски, обвиняли Ноланца в нетерпимости, вместо того чтобы обратить внимание на то, какую варварскую и дикую невежливость проявили они и Торквато. Во всяком случае Ноланец, считавший своей обязанностью побеждать вежливостью тех, кто легко мог превзойти его в обратном, смягчился и, как если бы все было им забыто, дружелюбно сказал Торквато: «Не думайте, собрат, что я могу или хочу быть вашим врагом из-за ваших мнений; напротив, я расположен к вам так же дружественно, как и вы ко мне. Поэтому я хочу сообщить вам, что я, раньше, чем стал считать нынешнюю свою позицию самою правильною, за несколько лет до того считал ее просто правильной; когда был моложе и менее разумным считал ее правдоподобной; когда же был новичком в вопросах умозрения, считал ее настолько фальшивой, что удивлялся Аристотелю, который не только снизошел, чтобы высказать по этому поводу соображения, но даже затратил больше половины второй книги «О небе и мире», стремясь доказать, что Земля не движется. Когда я был мальчиком и судил без философского умозрения, то считал, что так думать — безумие, и полагал, что это учение выдвинуто было кем-нибудь в качестве софистической и хитрой темы и использовалось праздными умами, которые хотят спорить для забавы и делают своим занятием доказательство и защиту того, что белое есть черное. Так что по этой причине я смогу ненавидеть вас так же мало, как и самого себя, когда я был моложе, более ребячливым, менее разумным и меньше разбиравшимся. Таким образом, вместо того чтобы гневаться на вас, я вас жалею и прошу бога, чтобы как он дал мне понимание этого, так (если ему не угодно будет сделать вас способным прозреть) по меньшей мере дал бы вам возможность поверить в свою слепоту. Уже и этого будет немало, если вы станете более цивилизованным и вежливым, менее невежественным и менее дерзким. И еще вы должны меня любить если не за то, что я в настоящее время благоразумнее и старше, то по крайней мере за то, что я был невежественнее и менее зрелым в своем нежном возрасте, чем вы теперь в вашей старости. Я хочу сказать, что, хотя, разговаривая и диспутируя с вами, никогда не был грубым, невоспитанным, невежливым, я, однако, был когда-то столь же невежественным, как и вы. Так что, взирая на ваше нынешнее состояние, соответствующее моему прошлому, я буду вас любить, а вы — на мое прошедшее, соответствующее вашему теперешнему, — не будете меня ненавидеть.

С м и т . Что же они ответили на это, после того как вступили в спор другого рода?

Т е о ф и л . В итоге: что они — сторонники Аристотеля, Птолемея и многих других ученейших философов. А Ноланец прибавил, что есть бесчисленное множество дураков, безумцев, глупцов и невежд, которые в этом вопросе — сторонники не только Аристотеля и Птолемея, но еще и их самих, не могущих понять того, что понимает Ноланец, с которым не согласны, да и не могут быть согласны многие, согласны же люди божественные и мудрейшие, как Пифагор, Платон и другие.

Что касается массы, которая хвалится, что имеет философов на своей стороне, то я хотел бы, чтобы она уразумела, что, поскольку эти философы соответствуют толпе, ими создана вульгарная философия, а что касается вас и того, что вы делаете под знаменем Аристотеля, то предупреждаю вас, что вы не должны хвалиться, что почти понимаете то, что понимает Аристотель, и проникаете в то, во что проникает Аристотель. Ведь есть величайшая разница между незнанием того, чего он не знал, и знанием того, что он знал; ибо в том, в чем этот философ был незнающим, он имел товарищами не только вас, но и всех вам подобных, вместе с лондонскими лодочниками и носильщиками; в том же, в чем этот благородный человек был ученым и рассудительным, я знаю и уверен, все вы вместе очень отличаетесь от него. Я очень удивляюсь одному: вы, будучи приглашены и придя, чтобы диспутировать, ни разу не изложили таких-то оснований и не выставили таких-то доводов, благодаря которым в какой-либо форме вы могли бы сделать умозаключение против меня или против Коперника; и, однако же, здесь имеется много смелых доводов и убедительности.

Торквато, как бы желая теперь выказать благородство, спросил с августейшим величием: «Где обретается апогей Солнца?»

Ноланец ответил, что пусть воображает его, где угодно, и заключает, что угодно, так как апогей меняется и не стоит на том же градусе эклиптики; и нельзя понять, с какою целью он это спрашивает.

Торквато снова спрашивает то же самое, как будто бы Ноланец не смог ответить на этот вопрос.

Ноланец отвечает: «Сколько существует таинств церкви? Бывает ли солнцестояние около созвездия Рака, а противостояние около десятого или сотого градуса Козерога, или над колокольней собора святого Павла?»

С м и т . Можно ли понять, с какой целью он это спросил?

Т е о ф и л . Чтобы показать тем, которые ничего не знают, что тот спросил без смысла и говорил, что попало, а кроме того делал попытки ставить всяческие вопросы: как, каким способом, о чем — безразлично, лишь бы найти хоть один, в ответ на который Ноланец признался бы в незнании, вплоть до того, что хотел услышать, сколько есть звезд четвертой величины. Ноланец сказал, что знает лишь то, что было намечено для обсуждения. Этот вопрос об апогее Солнца всем и всячески доказывает, что тот оказался совершенно невежественным для данного диспута. У того, кто говорит, что Земля движется вокруг Солнца, а Солнце стоит неподвижным среди этих странствующих светил, спрашивать, где апогей Солнца, все равно что спрашивать у человека, разделяющего общепринятое мнение, где высшая точка подъема Земли. Но ведь первый урок, который дается желающему овладеть умением аргументировать, это задавать вопросы не согласно собственным принципам, но тем, которые поставлены противником. Однако этому глупцу все равно, ибо он так же мало сумел бы выводить аргументы из положений, относящихся к делу, как и из положений, не имеющих никакого отношения к делу.

По окончании этой речи они начали говорить между собой по-английски, и, после того как поговорили немного все вместе, на столе появились бумага и чернильница. Доктор Торквато, разостлав лист во всю ширину и длину, взял в руку перо, провел через лист прямую линию от одного конца до другого, посредине нарисовал окружность, в которой вышеуказанная линия, проходя через центр, образовала диаметр, и внутри одного полукруга написал «Земля», а внутри другого — «Солнце». На стороне Земли начертил восемь полуокружностей, где по порядку были обозначены семь планет (рис. 6), и вокруг последней сделал надпись: «Восьмая Подвижная Сфера», а на полях «Птолемей»[82].

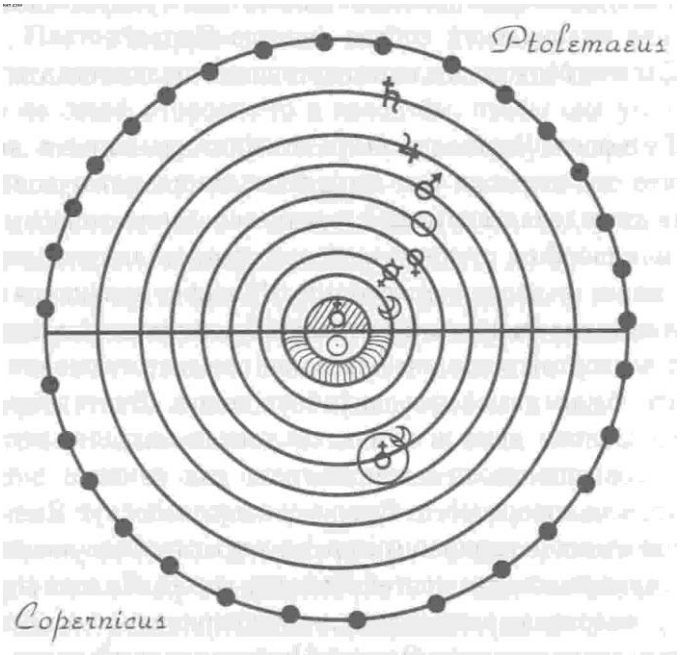


Рис.6

[82] Доктор Торквато имеет в виду чертеж, находящийся в трактате Коперника «Об обращении небесных сфер», кн. I, гл. 10.

А в это время Ноланец спросил у него: зачем он делает то, что известно всем, даже мальчикам?

Торквато ответил: «Смотри, молчи и учись: я буду обучать тебя учению Птолемея и Коперника».

Смит. Свинья иногда учит Минерву[83].

Теофил. Ноланец ответил, что, поскольку он пишет буквы алфавита, он выказывает дурное намерение обучать грамоте того, кто знает ее лучше, чем он.

Торквато продолжал делать свой чертеж и вокруг Солнца, которое находилось в середине, начертил семь полуокружностей с подобными обозначениями и вокруг последней написал: «Неподвижная сфера Фиксированных звезд», а на полях: «Коперник» (рис. 6).

Затем обратился к третьей окружности и в одной ее точке обозначил центр эпицикла, к которому пририсовал кружок, в отмеченном центре поместил земной шар и, чтобы никто не обманулся, подумав, что это не Земля, написал красивыми буквами: «Земля», а в одном месте окружности эпицикла, чрезвычайно далеко от середины, начертил знак Луны.

Видя это, Ноланец сказал: «Он хочет обучать меня такому пониманию Коперника, какого не ведал сам Коперник, который скорее дал бы перерезать себе горло, чем высказать или написать это. Ведь самый глупый на свете осел знает, что в этой части всегда виден был бы одинаковый диаметр Солнца и в таком случае вытекали бы многие другие заключения, которые нельзя проверить».

«Молчите, молчите,— сказал Торквато,— вы хотите обучать меня учению Коперника?»

««Я мало забочусь о Копернике», — сказал Ноланец, — как и мало забочусь, чтобы вы или другие понимали его; но об одном только хочу предупредить вас: прежде чем придете обучать меня в другой раз, лучше поучитесь сами».

Присутствовавшие джентльмены выказали столько внимания, что была принесена книга Коперника. Рассматривая рисунок, они увидели, что Земля там, как и Луна, не была изображена на окружности эпицикла. И все же Торквато хотел, чтобы та точка, которая была посередине эпицикла на окружности третьей сферы, означала Землю.

Смит. Причина ошибки в том, что Торквато рассматривал рисунок этой книги, но не читал глав, а если даже и читал, не понял их.

Теофил. Ноланец стал смеяться и сказал ему, что эта точка была лишь центром циркуля, когда чертился эпицикл Земли и Луны, который один и тот же. А если хотите действительно узнать, где по мнению Коперника Земля, прочитайте его слова.

Прочитали и нашли, что Коперник сказал, что Земля и Луна включены в тот же эпицикл и т. д. И они стали жевать на своем языке, пока Нундиний и Торквато, поклонившись всем, за исключением Ноланца, не ушли; а он тотчас послал к ним со своей стороны кого-то с приветом.

Кавалеры эти попросили Ноланца не волноваться из-за невежливости и дерзкого невежества их докторов и иметь снисхождение к бедности их родины, ставшей вдовой в гуманитарных науках, что в особенности относится к философии и прикладной математике, в которых, будучи слепыми, эти ослы выступают, выдавая себя за зрячих, тогда как вносят туда вместо фонарей мочевые пузыри. Затем с самыми вежливыми приветствиями оставили его, уходя своей дорогой. Мы с Ноланцем поздно вернулись домой, по другой дороге, на этот раз уже не встретив уснувших теперь грубиянов. Была глубокая ночь, и бодающие и лягающиеся не беспокоили нас при возвращении, как это было при входе в город, ибо предавались теперь глубокому отдыху, удалившись в свои загоны и хлева.

Пруденций.

> Ночь была, и вкушали тела усталых мирный
> Сон — везде на земле; леса дремали и воды
> Грозные, а в вышине вращались в склоненье светила,
> Каждое поле молчало; стада и т.д.[84]

---

[83] Греческая и латинская пословица.

[84] *Вергилий.* Энеида, IV, 522-525.

С м и т . Ну пора, мы сегодня довольно поговорили. Прошу вас, Теофил, придите завтра, так как мне хочется выслушать еще одно рассуждение по поводу учения Ноланца, потому что доктрина Коперника, хотя удобна для исчислений, все же ненадежна и неразвита в отношении естественно-научных рассуждений, которые являются главными.

Т е о ф и л . Охотно вернусь еще раз.

Ф р у л л а . И я.

П р у д е н ц и й . Равным образом и я. Будьте здоровы.

Конец четвертого диалога

Т е о ф и л . Звезды не более и не иначе поддерживаются небом, чем эта звезда, то есть Земля, а она поддерживается тем же небом, то есть эфиром. И не более достойно носить наименование восьмой сферы тому месту, где находится хвост созвездия Медведицы, чем тому, где Земля, на которой мы живем. Ведь эти различные тела, удаленные на определенные расстояния одни от других, находятся в той же самой эфирной области, как в том же огромном пространстве и поле. Посмотрите на основание, по которому судят о семи небесах для подвижных звезд и об одном — для всех прочих. Различные движения видны у семи планет[85] и одно регулярное у всех прочих звезд, которые вечно подчинены тем же равным расстояниям и правилам, и это придает всем последним видимость единого движения и единой прикрепленности к единой сфере, так что получается не больше восьми наблюдаемых сфер для всех светочей, которые как бы пригвождены к ним.

Итак, если мы придем к такому ясному пониманию и такому правильному восприятию, что признаем видимость мирового движения происходящей от вращения Земли, если положение этого тела в пространстве мы признаем подобным положению всех прочих тел, то сможем сперва проверить, а затем при помощи умозаключений доказать тезис, противоположный этому сновидению и этой фантазии, ставшей первым затруднением, которое заключает в себе и способно вновь породить бесконечно много других.

Отсюда происходит еще одна ошибка: когда мы из центра горизонта поворачиваем глаза в каждую сторону, то можем судить о большем или меньшем расстоянии до них и между ними лишь относительно тел, расположенных ближе; но после некоторого предела во всех прочих случаях все они кажутся равно отдаленными; таким образом, глядя на звезды небосвода, мы воспринимаем различие движений и расстояний некоторых более близких звезд, но более далекие и самые отдаленные нам кажутся неподвижными и находящимися на одинаковом расстоянии от нас и между собою.

Так, дерево кажется иной раз ближе к другому, оттого что приближается к тому же самому радиусу наблюдения, и тогда, когда оно станет в том же радиусе, они покажутся совершенно слившимися воедино, хотя бы при этом была большая отдаленность между ними, чем между теми, которые считаются намного более отдаленными из-за разницы радиусов наблюдений. Так же бывает, когда-такая-то звезда считается много большей, в то время как она много меньше, а другая более отдаленной, тогда как она значительно ближе.

На следующем чертеже (рис. 7) из точки О глаза звезда А кажется той же самой, что звезда В, и даже если представляется отдельной, все же кажется глазу ближайшей; а звезда С, весьма отличаясь ввиду нахождения на другом радиусе, кажется много дальше; в действительности же она значительно ближе.

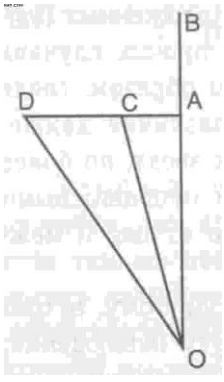


Рис.7

Итак, когда мы не видим многих движений этих звезд, то они не кажутся удаляющимися или приближающимися одна от другой или одна к другой; однако это происходит не оттого, чтобы как та, так и другие не совершали своих кругов; ведь нет никакого основания, чтобы на тех звездах не совершались такие же самые, что и на наших, события, благодаря которым тело, чтобы получить силу от другого, таким же самым образом должно двигаться вокруг другого. Поэтому их можно называть неподвижными не по тому соображению, что они в самом деле сохраняют то же самое равное расстояние от нас и между собою, но лишь потому, что их движение нечувствительно для нас. Это можно видеть на примере очень отдаленного корабля, который, если сделает передвижение на тридцать или сорок шагов, тем не менее будет казаться прочно стоящим, как если бы он не двигался вовсе. Так, сохраняя пропорцию, надо рассматривать при больших расстояниях самые большие и самые светлые тела, из которых, возможно, многие и бесчисленные столько же велики и такие же сияющие, как Солнце, и даже сильнее.

[85] Греческое слово *планета* означает *блуждающая, подвижная* (звезда).

И их орбиты, и движения, намного большие, не видны; поэтому если у некоторых из этих звезд произойдет разница в приближении, то о ней можно узнать только благодаря самым длительным наблюдениям, которые не начаты и не продолжаются, так как в такие движения никто не верил, не исследовал их и не предполагал; а мы знаем, что в начале исследования лежит знание и познание того, что вещь есть или что она возможна и нужна и что из нее извлечется польза.

Пруденций. Попал в точку.

Теофил. Но такое различие тел в эфирной области известно было Гераклиту, Демокриту, Эпикуру, Пифагору, Пармениду, Мелиссу, как это ясно из имеющихся у нас фрагментов; отсюда видно, что они знали бесконечное пространство, безграничную область, бесконечный лес, бесконечную вместимость неисчислимых миров, подобных нашему, которые так же совершают свои круговые движения, как Земля свое; и поэтому в древности они назывались *эфиром,* то есть бегунами, скороходами, посланниками и вестниками великолепия высшего единства, которые в музыкальной гармонии образуют стройный порядок и являются живым зерцалом бесконечного божества. Это название *эфир* по слепому невежеству отнято у них и присвоено неким квинтэссенциям, к которым как бы многими гвоздями прибиты эти светильники и фонари. Эти бегуны имеют собственное внутреннее начало движения, собственную природу, собственную душу, собственную интеллектуальность; поэтому для движения столь плотных и великих механизмов недостаточно жидкого и легкого воздуха. Для того чтобы это делать, им была бы необходима сила влекущая, или импульсивная, и тому подобные, которые не образуются без контакта по меньшей мере двух тел, из которых одно своим концом толкает, а другое — толкаемо. И, конечно, во всех вещах, приводимых в движение таким образом, начало их движений или противоестественно, или лежит вне их собственной природы; я называю его или насильственным, или, по крайней мере, неестественным. Следовательно, для тех вещей, которые происходят от совершеннейшей причины, естественным является движение, производимое внутренним началом и собственным импульсом без сопротивления. Это относится ко всем телам, которые движутся без ощущаемого контакта с другим побуждающим или влекущим телом. Поэтому превратно понимают это те, которые говорят, что магнит притягивает железо, янтарь — соломинку, цемент из гравия и извести — перо, солнце — гелиотроп; но в железе имеется как бы чувство, пробуждаемое духовной силой, которая изливается магнитом, каковым чувством железо движется к магниту, а соломинка к — янтарю; и вообще все то, что желает и испытывает недостаток, движется к желаемому предмету и поворачивается к нему по мере возможности, желая быть с ним в том же месте. Если мы примем в соображение, что ничто не перемещается вследствие внешнего начала, если только это не происходит вследствие более сильного контакта, преодолевающего сопротивление движимого, то мы поймем, насколько глупой и невозможной затеей было бы убедить упорядоченное чувство в том, что Луна движет морские воды, вызывая этим прилив, заставляет подыматься влагу, оплодотворяет рыб, наполняет устриц и производит другие действия, принимая во внимание, что лунное действие на все эти вещи есть собственно признак, а не причина. Это признак и примета, говорю я, ибо когда мы видим, что эти вещи совпадают с некоторыми положениями Луны, а другие противоположные и различные вещи совпадают с противоположными и различными положениями Луны, то это происходит из порядка и соответствия вещей и законов изменения, которые сообразны и соответственны законам другого изменения.

Смит. От незнания этого различия происходит, что подобными ошибками полны многие писания, проповедующие много странных воззрений: там вещи, представляющие собою признаки, обстоятельства и акциденции, называются причинами; одна из этих нелепостей — особенно распространенная — состоит в том, что перпендикулярные и прямые лучи считают причиной большей теплоты, а наклонные и косые — большего холода. Однако это есть лишь акциденция Солнца, истинная же причина в том, что в одних случаях Солнце действует на Землю более длительно, чем в других. Луч отраженный или прямой, угол острый или тупой, линия перпендикулярная, наклонная или горизонтальная, равная, большая или меньшая дуга, тот или иной аспект — это математические обстоятельства, а не природные причины. Одно дело играть с геометрией, другое — сверять с природой.

Не линии и углы нагревают больше или меньше, но близкие и далекие расстояния, долгие и короткие перерывы.

Теофил. Вы это понимаете очень хорошо; вот как одна истина освещает другую. Однако надо сделать заключение по нашей теме. Если бы эти огромные тела двигались вследствие внешней силы, а не к желанной цели и благу, то они были бы движимы насильственно и случайно, даже если бы обладали силой, которую называют несопротивляющейся, ибо воистину несопротивляющееся есть естественное, а естественное — хочешь не хочешь — начало внутреннее, которое само по себе движет вещь, куда следует. Иначе говоря, внешний двигатель не может быть принят без затруднений или даже не является необходимым, но излишним; если же вы считаете его необходимым, то должны обвинить действующую причину в том, что она недостаточно обнаруживается в своем действии и что она использует благороднейшие двигатели для движимых, значительно менее достойных. Это утверждают лица, называющие действия муравьев и пауков происходящими не от их собственного благоразумия и уменья, но от безошибочного божественного ума, дающего им, так сказать, побуждения, называемые природными инстинктами и другими вещами, которые обозначаются посредством слов, не имеющих никакого смысла. Ведь если вы спросите у этих мудрецов, что такое этот инстинкт, они только сумеют ответить, что это *инстинкт,* или скажут какое-нибудь другое слово, такое же неопределенное и глупое, как инстинкт, означающий начало побуждающее, которое есть обычнейшее слово, когда не хотят говорить о шестом чувстве, или о разумении, или даже об уме.

Пруденций. Весьма трудные проблемы. Смит. Для тех, кто не хочет их понять и упорно продолжает верить ложному. Но вернемся к нашему делу. Я хорошо сумел бы ответить тем, кто считает маловероятным движение Земли, говоря, что она большое, очень плотное и очень тяжелое тело. Однако я хотел бы ознакомиться с характером ваших ответов, так как вижу вас таким решительным в доводах.

Пруденций. Нет! Я человек довольно кроткий. Смит. Оттого, что вы крот.

Теофил. Ответить надо вот как. Вы можете говорить то же самое о Луне, Солнце и о других величайших и неисчислимых телах, которые наши противники признают столь быстро движущимися вокруг Земли по чрезвычайно большим окружностям. Но, однако же, они считают трудно допустимым, чтобы Земля двигалась в 24 часа вокруг собственного центра и в один год вокруг Солнца. Знайте же, что ни Земля, ни какое-нибудь другое тело не является ни легким, ни тяжелым в абсолютном значении. Ни одно тело на своем месте ни легкое, ни тяжелое; эти различия и качества относятся не к главным телам и особым совершенным индивидуумам вселенной, но применимы к частям, которые отделены от всего и оказываются, как странники, вне собственной основы[86]; они не менее естественно стремятся к месту своего пребывания, чем железо к магниту, который ищет его не обязательно внизу, или вверху, или справа, но во всяком направлении, где бы оно ни находилось. Части земли из воздуха идут к нам, так как здесь их сфера, но, если бы она была на противоположной стороне, они уходили бы от нас, держа к ней свой курс. Так и с водами, то же и с воздухом. Вода на своем месте не тяжела и не отягчает тех вод, что находятся в морской глубине. Рука, голова и другие члены не тяжелы на своем туловище, и никакая природно конституированная вещь не производит акта насилия на своем природном месте. Тяжесть и легкость не бывают актуально присущими вещи, обладающей своим местом и натуральным расположением, но находятся в вещах, которые имеют определенный порыв, с которым стремятся к подходящему для себя месту. Поэтому абсурдно называть какое-нибудь тело естественно тяжелым или легким; ведь эти качества не подходят к вещи в ее естественной конституции, но лишь вне ее; это никогда не происходит со сферой, но иногда с ее частями, которые не определяются известным расстоянием с нашей точки зрения, но всегда определяются тем местом, где их собственная сфера и центр их сохранения. Поэтому, если бы внутри земли оказался другой вид тела, то части земли из того же места естественно поднялись бы; и если бы какая-то искра огня оказалась, говоря обыденным языком, над углублением луны, то искра пошла бы вниз с той же быстротой, с какой с выпуклости земли поднялась бы вверх.

---

[86] Ср. *Коперник.* Об обращении небесных сфер, кн. I, гл. 8.

Так, вода в не меньшей степени спускается в лоне земли к центру, когда ей это позволяет пространство, чем от центра земли подымается к ее поверхности. Равным образом воздух движется по всякому местному расстоянию с той же легкостью. Итак, что значит тяжелое и легкое? Разве мы иногда не видим, что пламя идет вниз и в разные стороны, чтобы воспламенить тело, годное для его питания и сохранения? Значит, всякая природная вещь есть самая легкая; всякое естественное место и движение есть наиболее подходящее. С той же легкостью, с какой вещи, которые естественно не движутся, остаются прикрепленными к своему месту, другие вещи, которые естественно движутся, идут через свои пространства. И подобно тому, как для тех насильственным и противоречащим их природе было бы движение, так для этих насильственной и противоречащей их природе была бы неподвижность. Итак, несомненно, что если бы Земле естественно подходило быть неподвижной, то ее движение было бы насильственным, противоестественным и трудным. Но кто это нашел? Кто доказал? Общее невежество, отсутствие мысли и понимания.

Смит. Я хорошо понял, что Земля на своем месте не более тяжела, чем Солнце на своем, и что члены главных тел, как, например, воды, будучи удаленными из своих природных мест, двигались бы к ним из каждого места, положения и направления. Оттого, по нашему мнению, мы можем назвать их в не меньшей степени тяжелыми, чем легкими, или же тяжелыми и легкими, и индифферентными; так, мы видим в кометах разные возгорания, которые от пламенных тел иногда шлют огонь в противоположные места, отчего их называют вихристыми, иногда — к нам, отчего их называют бородатыми, иногда — в другие стороны, отчего их называют хвостатыми. Воздух, который есть самое общее вместилище и есть небосвод для сферических тел, отовсюду выходит, всюду входит, через все проникает, во всем растворяется; и поэтому тщетен выдвигаемый противниками аргумент о неподвижности Земли на том основании, что она тело тяжелое, плотное и холодное.

Теофил. Слава богу, что вы так проницательны, не утомляете меня и хорошо поняли тот принцип, исходя из которого вы можете отвечать на самые упорные доводы вульгарных философов, и пришли к многим глубоким созерцанием природы.

Смит. Прежде чем вы перейдете к другим вопросам, я теперь же хотел бы знать, как вы можете говорить, что Солнце есть элемент истинного огня и основная теплота[82] и что оно фиксировано среди блуждающих тел, к которым мы относим и Землю. Мне кажется правдоподобнее, что движется Солнце, а не другие тела, и это мы можем видеть в чувственном опыте.

Теофил. Выскажите основание.

Смит. Части земли, где бы они ни удерживались естественно или насильственно, не движутся. Так, части воды вне моря — реки и другие глубокие вместилища — стоят устойчиво. А части огня, когда у них нет способности подняться вверх, например, если их удерживают своды печей, развертываются и кружатся, и нет средства удержать их. Если, значит, мы хотим иметь некоторое доказательство и доверие в этом отношении, то движение подобает скорее Солнцу и элементу огня, чем Земле.

Теофил. На это я отвечу, во-первых, что на этом основании можно допустить, что Солнце движется вокруг собственного центра, но уж не вокруг другой середины; ведь к тому же достаточно, чтобы все окружающие тела двигались вокруг него, поскольку они имеют в нем необходимость и еще потому, что и оно, может быть, желает этого от них. Во-вторых, надо принять в соображение, что элемент огня является носителем первого жара[87] и телом столь же плотным и несхожим в частях и членах, как и земля. Поэтому то, что мы видим движущимся таким образом, есть горящий воздух, называющийся пламенем, подобно тому как тот же воздух, измененный холодом земли, называется паром.

Смит. И это, кажется мне, подтверждает то, что я говорю: ведь пар движется медленно и лениво, пламя же и испарение — в высшей степени быстро; и поэтому то, что более похоже на огонь, движется много быстрее, чем воздух, который более подобен земле.

Теофил. Причина здесь в том, что огонь больше силится убежать из этой области, которая более сродни телу противоположного качества.

---

[87] Основная теплота, или первый огонь, — это солнце, которое, согласно предположению Бруно, а до него Николая Кузанского, имеет внутри значительную плотность и не схоже в своих частях.

Так же и вода, или пар, находясь в области огня или в месте, подобном ему, уходили бы быстрее, чем испарение, которое имеет с огнем некоторую общность и большую однородность, чем противоположность или отличие. Достаточно держаться этого, потому что я не нахожу чего-либо определенного в мнении Ноланца о движении или неподвижности Солнца[88]. Итак, Движение, видимое в пламени, удерживаемом и содержащемся в сводах печи, происходит оттого, что сила огня преследует, зажигает, изменяет и превращает паровой воздух, которым хочет увеличить себя и питаться, а этот последний отступает и бежит от врага своего бытия и от своего наказания.

Смит. Вы сказали — паровой воздух; а что вы скажете о чистом или простом воздухе?

Теофил. Он не в большей степени носитель жара, чем холода; не более способен к принятию жидкости, когда она пронизана холодом, чем пара и испарения, когда вода размягчена жаром.

Смит. Принимая во внимание, что в природе не существует ничего без провидения и без целевой причины, я хотел бы снова узнать от вас (потому что благодаря сказанному вами это можно понять в совершенстве): по какой причине существует местное движение Земли?

Теофил. Причиной такого движения является обновление и возрождение этого тела, которое, согласно этому основанию, не может быть постоянным, подобно тому как вещи, которые не могут быть постоянными количественно (если говорить об общеизвестном), делаются постоянными соответственно виду; субстанции, которые не могут быть постоянными под одним обликом, существуют, меняя облики. Ибо материя и субстанция вещей не подвержены порче, вследствие чего материя принимает соответственно всеми частями все формы, для того чтобы соответственно всеми частями, насколько она способна, делаться всем, быть всем, если не в одно и то же время и момент вечности, то по меньшей мере последовательно и переменно в разные моменты вечности. Вся материя способна ко всем формам вместе, но не всякая часть материи может быть способна ко всем им вместе. Эта масса в целом, из которой состоит наш шар, эта звезда, не подвержена смерти и разложению, так как для всей природы уничтожение невозможно; поэтому время от времени в некотором порядке она обновляется, переделывая, перестраивая и изменяя все свои части, что необходимо происходит с некоторой преемственностью, так что никакая часть не занимает места остальных; в противном случае эти тела, которые разложимы, иной раз действительно разложились бы, как оно и происходит с нами, отдельными и меньшими животными[89]. Но им, как считает Платон в «Тимее», а также и мы, было сказано первым мировым началом: «Вы разложимы, но вы не разложитесь». Происходит, значит, так, что нет места в центре и в середине звезды, которое не побывало бы на окружности или вне ее; нет части вне ее и снаружи, которой не пришлось бы иной раз стать и быть внутренней и сокровенной. И этот ежедневный опыт доказывает нам, что недрами, внутренностями земли одни вещества принимаются, а другие выносятся наружу. Подобно нам и наши вещества входят и выходят, проходят и возвращаются, и нет в нас вещества, которое не стало бы нам чуждым, и нет чуждого для нас вещества, которое не сделалось бы нашим. И не существует вещества, из коего мы состоим, которое иной раз не стало бы не нашим, как нет вещества, которое является нашим, из коего мы иной раз не должны были бы состоять, если есть одна материя вещей в одном роде и если есть две материи двух родов; пока еще я не определяю, изменяется ли субстанция и материя, которую мы называем духовной, в ту, которую зовем телесной, и наоборот, или же на самом деле этого не бывает. Таким образом, все вещества в своем роде испытывают все превращения господства и рабства, счастья и несчастья, того состояния, которое называется жизнью и которое называется смертью, светом и мраком, добром и злом. И нет вещества, которому по природе подобает быть вечным, за исключением субстанции, которая есть материя, но и ей тем не менее подобает быть в вечном изменении.

---

[88] В своем латинском сочинении, поэме более позднего периода «О без мерном и неисчислимом» (1591), Бруно признает вращение звезд и Солнца вокруг оси.

[89] От этого пережитка аристотелизма Бруно позже отказался в своем сочинении «О безмерном и неисчислимом».

О субстанции сверхсубстанциальной в настоящее время я не буду говорить, но возвращусь к частному рассуждению об этом великом индивидууме, который есть наша постоянная питательница и мать, о которой вы спрашиваете, по какой причине она находится в местном движении. И я говорю, что причина местного движения, как всего в целом, так и каждой части, есть цель изменений, не только для того, чтобы все находилось во всех местах, но еще для того, чтобы таким способом все имело расположение и формы, потому что местное движение заслуженно считается началом всякого иного изменения и формы, так что не будь этого, не могло бы быть ничего другого.

Аристотель мог усматривать изменения в соответствиях и качествах, имеющихся во всех частях земли, но не понимал этого местного движения, которое есть начало тех движений. Однако в конце первой книги своих «Метеоров» он говорил, как пророчествующий и предсказывающий. Так что, хотя он сам иной раз не понимает себя, все же, как бы спотыкаясь и всегда смешивая некоторые свои собственные ошибки с божественным энтузиазмом, он говорит большею частью и в главном истину. Но изложим то, что он говорит и что правильно и заслуживает обсуждения, а затем добавим причины этого, которые он не мог познать. «Не всегда,— говорит он[90],— те же самые места земли остаются сырыми или сухими, но следуя рождению и усыханию рек, они меняются. Поэтому то, что было и есть море, не всегда останется и будет морем; то, что будет и становится землей, не есть и не всегда было землей, но следует верить, что при некоторых превращениях, в определенном круге и порядке, там, где есть одно, будет другое, и где есть другое, будет первое». И если вы спросите у Аристотеля о начале и причине этого, он ответит, что «недра земли, как и тела растений и животных, совершенствуются, а затем стареют. Но есть различия между землей и другими названными телами. Ведь эти последние одно временно всеми частями совершают движение вперед, переходят в совершенство и упадок, или, как он говорит, в состояние старения, а в земле это происходит последовательно, в части за частью, с последовательностью холода и тепла, которые причиняют расширение и сокращение, следуя за солнцем и вращением, благодаря чему части земли приобретают различный характер и силы. От этого водянистые места в определенное время увлажняются, затем снова высыхают и стареют, другие оживают и в некоторых частях наводняются. Оттого мы видим, что источники исчезают, реки то из маленьких становятся большими, то из больших делаются малыми и совсем высыхают. И оттого, что реки уменьшаются, с необходимой последовательностью исчезают пруды и меняются моря, и так как это происходит по всей земле последовательно в самые длительные периоды времени, то с большим трудом можно судить об этом в течение жизни нашей и наших отцов; ведь скорее проходят времена и теряется память всех поколений и совершаются величайшие распады и изменения вследствие бедствий и опустошений, войн, чумных эпидемий и наводнений, вследствие изменения языков и писаний, переселений народов и бесплодия местностей, чем остается возможность вспомнить об этом от начала до конца столь долгих, разных и беспокойный веков». Такие великие изменения достаточно видны в Древнем Египте, в портах Нила, которые все, за исключением Канопского мыса, сделаны руками; в жилищах города Мемфиса, где нижние места населены после верхних, и в Аргосе и Микенах, из которых во время Троянской войны первая область была болотистой и малонаселенной, а Микены, будучи более плодородными, пользовались много большим увлажнением; в наши же времена все там наоборот: Микены стали засушливыми, а Аргос обладает умеренной и довольно плодородной природой[91]. «Но как бывает в этих маленьких местах, то же самое, надо думать, происходит и в целых больших областях»[92]. Поэтому мы видим, что многие, прежде водные, места стали сушей, а по многим другим разлилось море. Мы видим, что такие перемены происходят мало-помалу, о чем уже говорили и что видно из разъедания высочайших и отдаленнейших от моря гор, которые, как будто это совершилось недавно, показывают следы неистовых волн. И это подтверждается историей ноланского мученика Феликса.

---

[90] *Аристотель.* Метеорология, I, 14, 1-10.

[91] Эти примеры взяты у *Аристотеля.* Метеорология, I, 14, 12-15.

[92] *Аристотель.* Метеорология, I, 14, 16.

В ней рассказывается, что приблизительно тысячу лет тому назад море доходило до городской стены, где и поныне храм удержал название Порта, хотя море в настоящее время находится от храма на расстоянии двенадцати тысяч шагов. А разве мы не то же самое видим по всему Провансу? Разве все камни, рассеянные по полям, не говорят о времени, когда их двигали волны? А разве температура Франции показывает нам малые изменения со времен Цезаря? Тогда нигде не было мест, пригодных для возделывания виноградных лоз. А теперь Франция рассылает столь же восхитительные вина, как и другие страны света, и виноград собирается в самых северных ее частях. И еще в этом году я ел виноград лондонских насаждений, не столь, впрочем, вкусный, как даже самый плохой французский, но все же, как утверждают, прежде никогда не произраставший на английской почве. Значит, из того, что Средиземное море, делая более сухими и теплыми Францию и части Италии, которые я видел собственными глазами, идет, склоняясь к созвездию Весов, следует, что на основании все большего и большего потепления Италии и Франции и смягчения климата Британии мы должны заключить об общем изменении характера областей, благодаря чему склонность к холоду относительно уменьшается по направлению к Северному полюсу.

Спросите у Аристотеля: отчего это происходит? Он отвечает: от Солнца и от кругового движения. Не столь ясно и обоснованно, сколь божественно, возвышенно и в высшей степени правильно сказал он это. Но как? Может быть, в качестве философа? Скорее в качестве прорицателя или же того, кто понимал и не смел этого сказать, или, может быть, того, кто видит и не верит тому, что видит, а если даже и верит, то колеблется утверждать это, боясь, чтобы кто-нибудь не стал принуждать его изложить доказательства, которых у него нет. Он излагает, но таким образом, что закрывает рот тому, кто хотел бы знать больше; или, может быть, это способ говорить, взятый у древних философов?

Итак, он говорит, что тепло, холод, сухость, сырость появляются или исчезают во всех частях земли, где все обновляется, уплотняется, стареет и уменьшается; и, желая указать причину этого, он говорит: от Солнца и круговращения[93]. Но почему он не говорит: от солнечного круговращения? Потому что им было определено, а всеми философами его времени и убеждения принималось, что Солнце своим движением не может причинить это различие: потому что, поскольку эклиптика отклоняется от экватора, Солнце вечно вращается между двумя пунктами тропиков; и поэтому невозможно, чтобы та и другая части Земли были согреты, но, чтобы зоны и климаты оставались в том же состоянии. Почему он не говорит: от циркуляции других планет? Потому что было определено уже, что все они (если даже некоторые из них немного уклоняются) движутся только в пределах широты зодиака, называемого торным путем блуждающих звезд. Почему он не говорит: от циркуляции первого, движимого? Потому что не знал иного движения, кроме дневного, и имел в свое время некоторое подозрение, что существует движение запоздания, подобное таковому планет. Почему он не говорит: из-за кругообращения неба? Потому что не мог сказать, как и каким оно может быть. Почему он не говорит: из-за кругообращения Земли? Потому что у него был как бы заранее предполагаемый принцип, что Земля неподвижна. Но почему же он это говорит? Потому что вынужден истиной, которая заставляет услышать ее голос в явлениях природы. Итак, остается, что оно происходит от Солнца и от движения. От Солнца, говорю, так как оно единственное разливает и сообщает жизненную силу, и еще от движения, так как если бы не было движения его к другим телам или других тел к нему, то как могло бы оно принять то, чего не имело, или дать то, что имело? Значит, необходимо, чтобы было движение, при этом такого рода, чтобы оно было не частичным, но такого значения, чтобы оно причиняло обновление одним частям и стремилось придать его другим, которые, будучи того же состояния и природы, имеют ту же пассивную силу, которой должна соответствовать активная сила, если природа справедлива.

Но мы находим много меньше оснований для того, чтобы Солнце и вся совокупность звезд двигалась вокруг этого нашего шара, чем, наоборот, для того, чтобы он должен был вращаться относительно вселенной, делая годовой оборот вокруг Солнца и иным образом, с некоторыми правильными последовательностями, всеми своими сторонами поворачиваясь и наклоняясь к нему, как к живому источнику огня.

---

[93] *Аристотель.* Метеорология, 1, 14, 4.

Нет никакого основания, чтобы бесцельно и без крайней причины неисчислимые звезды, являющиеся многочисленными мирами, даже большими, чем наш, имели бы столь насильственную связь единственно с нашим миром. Нет смысла в том, чтобы главным образом он заставлял говорить о колебании полюса, о качании оси мира, об основании координат вселенной; и неужели столь многочисленные, самые великие, прекраснейшие шары, какие только могут быть, должны содрогаться, поворачиваться, перевертываться, выправляться и назло природе перемещаться для того только, чтобы Земля столь дурно, как могут показать тонкие оптики и геометры, могла занимать центр как единственно тяжелое и холодное тело; и ведь нельзя доказать, что она отличается от всякого иного тела, сияющего в небе, так же по субстанции и материи, как и по способу расположения: ведь если вокруг данного тела может вращаться воздух, в котором оно фиксировано, то и вокруг них равным образом может вращаться воздух, который их окружает; и если они сами собой, как бы благодаря собственной душе и по своей природе, могут, разделяя воздух, кружиться вокруг некоторого центра, то и Земля может нисколько не меньше их.

С м и т. Прошу вас, будем пока считать этот пункт предпосылкой; сам я считаю вполне достоверным, что скорее неизбежно движение Земли, чем возможно известное прикрепление и пригвождение светил, да и для непонимающих этого лучше взять это теперь за главную тему, чем в другом рассуждении касаться этого в форме отступления. Поэтому, если хотите доставить мне удовольствие, уточните быстренько движения нашего шара.

Т е о ф и л. Весьма охотно, так как это отступление заставило меня надолго отложить желаемое мною заключение, где доказывается неизбежность того факта, что все части земли должны последовательно участвовать во всех аспектах и отношениях к солнцу, делаясь носителями всех соотношений и обычных процессов.

Итак, в этих целях достаточно и необходимо, чтобы движение Земли совершалось таким образом, чтобы благодаря известным переменам там, где было море, стал континент и наоборот; там, где было тепло, сделалось холодно и наоборот; то, что пригодно для житья и умеренно, стало бы менее подходящим для житья и не столь умеренным и наоборот; в заключение — чтобы каждая часть получила такое же положение, которым пользуются все прочие части под солнцем, чтобы всякая часть могла участвовать в любой жизни, в любом порождении, в любом счастье.

Значит, первое, необходимое для жизни нашего шара и того, что на нем содержится, — это дать ему как бы дыхание и вдохновение дневным теплом и холодом, светом и тьмой на протяжении двадцати четырех часов, равных времени вращения вокруг собственного центра Земли, подставляющей солнцу по возможности всю свою поверхность.

Второе. Для порождения существ, которые живут и разлагаются на поверхности земного шара, он со своим центром обходит вокруг светлого тела Солнца приблизительно в триста шестьдесят пять дней с четвертью, где в четырех пунктах эклиптики издается крик рождения, юности, зрелости и упадка его существ.

Третье. В смене веков Земля участвует еще в одном движении, благодаря которому отношение верхнего ее полушария ко вселенной изменяется так, что оно занимает место нижнего полушария, последнее же переходит на место верхнего полушария.

Четвертое. С изменением поворотов и соотношений Земли она необходимо получает движение, благодаря которому положение, занимаемое вершиной Земли по отношению к Арктическому полюсу, меняется на положение, которое занимает противоположная верхушка по отношению к Антарктическому полюсу.

Первое движение измеряется от точки равноденствия Земли до тех пор, пока она вернется или к ней, или близко к ней.

Второе движение измеряется от воображаемой точки эклиптики, которая есть путь Земли вокруг Солнца, до того момента, когда Земля возвратится в прежнее положение или близкое к нему.

Третье движение измеряется расположением, которое имеет линия полушария Земли, идущая через горизонт с его дифферентами во вселенной, до тех пор, пока прежняя линия или соответствующая ей не вернется к тому же расположению.

Четвертое движение измеряется продвижением полярной точки Земли, которая, посредством прямой из какого-нибудь меридиана проходя через другой полюс, обращается к тому же или около того же аспекта, где была прежде.

И относительно этого надо иметь в виду, что, хотя мы говорим о существовании четырех движений, тем не менее все они участвуют в едином сложном движении.

И имейте в виду, что из этих четырех движений первое обнаруживается из того, что в натуральный день кажется, что все движется вокруг Земли или, как говорят, вокруг полюсов мира.

Второе узнается из того, что бросается в глаза, — что Солнце в один год проходит весь круг зодиака, делая каждый день: по Птолемею в третьем издании Альмагеста — 59 минут 8 секунд 17 терций 13 кварт 12 квинт 31 секста; по Альфонсу — 59 минут 8 секунд 11 терций 37 кварт 19 квинт 13 секст 56 септ; по Копернику — 59 минут 8 секунд 11 терций.

Третье движение познается из того, что кажется, что восьмая сфера, если следовать порядку знаков, движется навстречу дневному движению над полюсами зодиака так медленно, что в двести лет не проходит больше 1 градуса и 28 минут, совершая таким образом круг в сорок девять тысяч лет, начало какового движения приписывают девятой сфере.

Четвертое движение познается из колебания, продвижения и отступления, производимыми, как считают, движением восьмой сферы над двумя равными кругами, которые представляют себе во впадине девятой сферы над началами созвездий Овна и Весов в зодиаке. Его выводят из того, что считают необходимым для эклиптики восьмой сферы пересекать экватор не всегда в той же самой точке, но иной раз в голове Овна, иной раз вне ее по ту или иную сторону эклиптики; выводят из того, что самые большие отклонения зодиака считают не всегда теми же самыми. Отсюда необходимо следует, что точки равноденствия и солнцестояния постоянно меняются, как это в действительности наблюдается с давних времен.

Имейте в виду, во-первых, что, хотя мы говорим о существовании именно четырех движений, тем не менее надо отметить, что все они соучаствуют в одном составном. Во-вторых, хотя мы их называем круговыми, однако ни одно из них не есть правильное круговое. В-третьих, хотя многие утруждают себя поисками истинного порядка таких движений, но и они, и те, кто будет этим обременять себя, будут трудиться напрасно, так как ни одно из этих движений не является в действительности правильным, пригодным к геометрической обработке.

Итак, значит, есть четыре — и не должно быть ни больше ни меньше — движения (хочу сказать: различий местных изменений земли); из них каждое иррегулярное необходимо превращает другие в иррегулярные, которые мне хотелось бы описать в движении шара, брошенного в воздух.

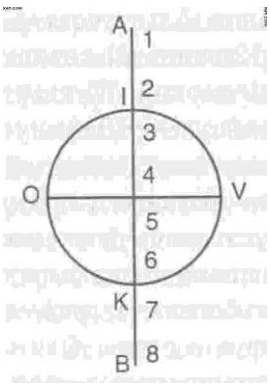


Рис.8

Во-вторых, в то время как он движется сверху вниз или снизу-вверх, он вращается вокруг собственного центра, двигая точку I к месту точки K и точку K к месту точки I. В-третьих, поворачиваясь мало-помалу, продвигаясь вперед по пути и ускоряя свое вращение или же теряя скорость и замедляя ход (как бывает с шаром, который, поднимаясь вверх, после того как сперва двигался быстрее, затем начинает двигаться медленнее, и наоборот, при возвращении вниз и в соответствующей пропорции на середине расстояний, по которым поднимается или опускается), он в то положение, которое занимает одна половина окружности, отмеченная цифрами 1, 2, 3, 4, продвинет другую половину, отмеченную цифрами 5, 6, 7, 8. В-четвертых, так как это вращение не дает прямой, принимая во внимание, что оно не идет как у колеса, движущегося с силою круга, в которую включен момент тяжести, но идет криво, так как производится шаром, который легко может склоняться во все стороны, почему точки I и K не всегда вращаются по той же прямой, то поэтому необходимо, чтобы скоро или нескоро, с перерывами или постепенно проходился путь, пока не совершится движение, благодаря которому точка O окажется там, где была точка V, и наоборот.

Из этих движений достаточно одного неправильного, чтобы сделать неправильными все прочие, достаточно одного неизвестного, чтобы сделать неизвестными все другие. Тем не менее имеется некоторый порядок, в котором движения более или менее, или приближаются или отходят от регулярности. Оттого в этом различии движений более правильное, или то,

которое ближе к самому правильному, есть движение центра. Близко к этому движение вокруг центра посредством диаметра — более быстрое. Третье есть то, которое с неправильностью второго (состоящей в ускорении и замедлении) мало-помалу меняет весь аспект полушария. Последнее, самое неправильное и самое неопределенное, есть то, которое меняет стороны, потому что иной раз, вместо того чтобы идти вперед, поворачивает назад и с величайшим непостоянством достигает того, что заменяет место одной точки местом другой, ей противоположной.

Так и Земля: во-первых, она имеет движение своего центра, годовое, более правильное, чем все, и более, чем другие, подобное самому себе; во-вторых, менее правильное, ежедневное; в-третьих, неправильное, которое назовем полу-шаровым; в-четвертых, самое неправильное, полярное, или колуральное.

Смит. Хотелось бы знать, какой порядок и какое правило дает Ноланец для познания этих движений.

Пруденций. Будет ли какой-нибудь способ? Неужели же мы до конца будем нуждаться во все новых и новых теориях?

Теофил. Не сомневайтесь, Пруденций, что ничем добрым старым вы не полакомитесь. Вам, Смит, пошлю диалог Ноланца, под названием «Чистилище ада»[94], и вы увидите там плод спасения. Вы, Фрулла, держите в тайне наши речи и постарайтесь, чтоб они не дошли до ушей тех, кого мы кусали, для того чтобы они не пошли против нас и не дали новых поводов обращаться с ними строже и применять лучшие исправительные меры. Вы, маэстро Пруденций, сделайте заключение и только моральную оценку нашего четверобеседования; ведь умозрительные выводы из нашего «пира на пепле» уже сделаны.

Пруденций. Заклинаю тебя, Ноланец, ради надежды, которую ты возлагаешь на высшее и бесконечное единство, дающее тебе жизнь и обожаемое тобой; ради высоких божеств, покровительствующих тебе и почитаемых тобою; ради твоего божественного гения, защищающего тебя и в который ты веришь, охраняй себя от подлых, низких, варварских и недостойных встреч, чтобы не пришлось тебе столкнуться с такой яростью и множеством капканов, как приходилось, может быть, насмешнику Мому среди богов и мизантропу Тимону среди людей. Оставайся надолго у знаменитейшего и великодушнейшего синьора ди Мовисьеро, под покровительством которого ты начал публиковать такую величавую философию. Может быть, найдется совершенно достаточное средство, благодаря которому звезды и могущественнейшие силы приведут тебя к тому пределу, откуда ты издали сможешь смотреть на подобные низости.

А вы, благородные люди, поклянитесь скипетром Юпитера-громовержца, прославленной любезностью потомков Приама, великодушием римского сената и народа квиритов[95] и нектарным пиром богов над кипящей Эфиопией, что если волею судьбы в другой раз случится Ноланцу оказать вам услугу, или удовольствие, или милость, если случится ему провести ночь в ваших домах, то найдете способ защитить его от подобных встреч; когда же ему придется темной ночью возвращаться к себе домой, то в случае, если вы не захотите дать ему сопровождение с пятьюдесятью или со ста факелами — в которых не будет недостатка, шагай он даже среди бела дня, если ему придется умирать в католической римской земле,— дайте ему провожатого по крайней мере с одним факелом; если же и это покажется вам лишним, то одолжите ему фонарь с сальной свечой, чтобы мы имели убедительный материал для разговора о его благополучном возвращении из вашего дома, о чем пока еще нет речи.

Заклинаю вас, доктора Нундиний и Торквато, пищей людоедов, каменным корытом циника Анаксарха, огромнейшими змеями Лаокоона и страшной язвой святого Роха, когда вы очутитесь в преисподней и должны будете явиться на страшный суд, то заявите жалобу на некультурного и невежливого педагога, обучавшего вас когда-то приличию, и на другого — архиосла и невежду, учившего вас вести диспуты, чтоб они возместили вам ненужные издержки с процентами за время и труд, которые они заставили вас потерять.

---

[94] *«Чистилище ада»* — не дошедший до нас диалог Бруно.

[95] *Народ квиритов* — римляне.

Заклинаю вас, гребущие по гордой Темзе лондонские лодочники, ради чести Эвена и Тиберина, именами которых названы две знаменитые реки, и ради прославленной обширной могилы Палинура, чтобы вы за наши деньги доставили нас в гавань.

И вы, дикие травсы и свирепые марсиды грубого люда, заклинаю вас лаской, которую выказывали стримониянки Орфею, а также последней услугой, оказанной лошадьми Диомеду и брату Семелы, и силою пращника и щитоносца Кефея, когда увидите и встретите иноземца и путешественника, если не сможете удержаться от грозных взглядов фурий, то, по крайней мере, советую вам, воздержитесь от толчков.

Обращаюсь ко всем вам и заклинаю всех вас вместе — одних щитом и копьем Минервы, других породистым потомством троянского коня, тех почтенной бородой Эскулапа, этих трезубцем Нептуна, а иных поцелуями, данными кобылицами Главку, — чтобы в другой раз в лучших диалогах вы возвестили о ваших деяниях или же, по крайней мере, молчали.

Конец диалогов «Пир на пепле»

О причине, начале и едином[96]

(DE LA CAUSA, PRINCIPIO ET UNO)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ ЗНАМЕНИТЕЙШЕМУ СИНЬОРУ МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО[97], СИНЬОРУ ДИ МОВИСЬЕРО. КОНКРЕСАЛЬТО И ДИ ЖОНВИЛЛЯ, КАВАЛЕРУ ОРДЕНА ХРИСТИАННЕЙШЕГО КОРОЛЯ, СОВЕТНИКУ ЕГО ТАЙНОГО СОВЕТА, КАПИТАНУ 50 СОЛДАТ И ПОСЛУ У СВЕТЛЕЙШЕЙ КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Знаменитейший и единственный кавалер, обращая взоры от созерцания к восхищению вашим великодушием, настойчивостью и заботливостью, при помощи которых вы, прибавляя услугу к услуге, благодеяние к благодеянию, меня победили, обязали и связали и обычно преодолеваете все трудности, избегаете любой опасности и приводите в исполнение все ваши почетнейшие намерения, я начинаю понимать, сколь удачно вам подходит тот благородный девиз, которым вы украшаете свой грозный нашлемник, где та текучая влага, что нежно ранит, капая непрерывно и часто, благодаря своей настойчивости размягчает, выбивает, растирает, ломает и утончает некий плотный, жесткий, твердый и грубый камень.

С другой стороны, вспоминая, что вы (не говоря уже об остальных ваших главных подвигах), благодаря божественному препоручению и высокому провидению и предназначению, являетесь для меня достаточным и сильным защитником от несправедливых оскорблений, какие я претерпеваю (где нужно было обладать духом поистине героическим, чтобы не опустить рук, не отчаяться и не дать себя победить столь стремительному потоку преступной лжи, при помощи которой изо всей силы меня осуждала зависть невежд, предубеждение софистов, клевета недоброжелателей, нашептывания прислужников, злословие корыстолюбцев, неприязнь челяди, подозрения глупцов, недоумения болтунов, усердие лицемеров, ненависть варваров, бешенство плебеев, неистовства людей известных, сетования побитых, вопли наказанных; где недоставало лишь грубой, глупой и коварной злобы женщины, чьи лживые слезы обычно более могущественны, чем любые вздувшиеся волны и грозные бури предубеждений, зависти, злословия, нашептываний, предательств, гнева, злобы и неистовства); вот вижу я здесь ту устойчивую, крепкую и постоянную скалу, что вновь возникает и показывает верхушку над вздымающимся морем, что ни гневным небом, ни из страха перед непогодою, ни от могучих ударов вздувшихся волн, ни стремительными воздушными бурями, ни могучим дыханием Аквилона ничуть не сталкивается, не сдвигается и не сотрясается, но тем более укрепляется и подобной субстанцией окаменевает и облекается. Вы же одарены двойной добродетелью, благодаря которой могущественными становятся текучие и нежные капли, и тщетно грозятся бурные волны, и крепкий камень становится слабым против капель, и могучая вздымается против потоков теснимая ими скала. Вы одновременно безопасная и спокойная гавань для истинных муз и губительный утес, о который разбиваются лживые снаряжения и наступательные действия враждебных им кораблей. Меня же никто никогда не мог обвинить в неблагодарности, никто не порицал за невоспитанность, и никто по справедливости не мог на меня пожаловаться. Ненавидимый глупцами, презираемый низкими людьми, хулимый неблагородными, порицаемый плутами и преследуемый зверскими отродьями, я любим людьми мудрыми; ученые мной восхищаются, меня прославляют вельможи, уважают владыки, и боги мне покровительствуют.

---

[96] ПРИМЕЧАНИЯ К ДИАЛОГАМ «О ПРИЧИНЕ, НАЧАЛЕ И ЕДИНОМ» составлены кандидатом философских наук А.И. Рубиным.

[97] *Микель ди Кастельново* (по-французски — Мишель де Кастельно) — французский дипломат, военный и государственный деятель XVI в. Перевел на французский язык латинское сочинение Петра Рамуса о нравах древних галлов, оставил после себя мемуары. В 1575 г. был назначен послом в Англию. В его семье, вероятно в качестве секретаря, Бруно прожил, быть может, счастливейшее время в своей жизни: с лета 1583 г. до октября 1585 г. Ему Бруно и посвятил свои итальянские диалоги «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах» и одно латинское сочинение.

Благодаря такому столь великому покровительству вами я был укрыт, накормлен, защищен, освобожден, помещен в безопасном месте, удержан в гавани как спасенный вами от великой и гибельной бури. Вам я посвящаю этот якорь, эти снасти, эти разорванные паруса и эти товары, самые дорогие для меня и самые драгоценные для будущего мира, с тем чтобы ваше покровительство спасло их от потопления в преступном, мятежном и враждебном мне океане. Они-то, покоясь в священном храме Славы, мощно сопротивляясь наглости невежества и прожорливости времени, вечно будут свидетельствовать о вашем победоносном покровительстве, с тем чтобы мир знал, что благородное и божественное потомство, вдохновленное возвышенной мудростью, зачатое размеренным чувством и порожденное ноланской музой, благодаря вам не умерло в завязи и надеется жить до тех пор, пока Земля будет поворачивать свою живительную поверхность к вечному зрелищу других сияющих звезд.

ДЖОРДАНО НОЛАНСКИЙ К НАЧАЛАМ ВСЕЛЕННОЙ

Вновь направляя свой бег в высоту из Летейских пределов,
Ты появись, о Титан, в круге светил, я молю.

Хоры блуждающих звезд, я к вам свой полет направляю,
К вам поднимусь, если вы верный укажете путь.

Ввысь увлекая меня, ваши смены и чередованья
Пусть вдохновляют мой взлет в бездны далеких миров.

То, что так долго от нас время скупое скрывало,
Я обнаружить хочу в темных его тайниках.

Что же мешает твоим, ум озабоченный, родам?
Следует ли эту дань грубому веку отдать?

Землю потоки теней покрывают, — однако вершину
Все же ты, о наш Олимп, к яркому солнцу вздымай.

К СВОЕМУ ДУХУ

Ты глубоко, гора, в земле залегаешь корнями,
Но неудержно стремишь к звездам вершину свою.

Ум, высочайший предел ты всех вещей постигаешь,
Солнечный свет оттенив мраком подземных глубин.

Так не теряй своих прав и понапрасну не медли
Там, где потоки свои мрачный струит Ахеронт.

Смело стремись в высоту, в отдаленные сферы природы,
Ибо вблизи божества ты запылаешь огнем.

К ВРЕМЕНИ

Старец медлительный ты, ты же быстрое.
И замыкаешь И размыкаешь. Назвать добрым тебя или злым?

Щедрость и скупость — все ты. Дары принося, их уносишь.
Если ты что породишь, ты же убийца ему.

Все, что наружу несешь, ты вновь укрываешь в глубинах.
Все, что явило на свет, жадно глотаешь опять.

Так как ты все создаешь и так как ты все разрушаешь,
Я затрудняюсь назвать добрым тебя или злым.

Там же, где грозный удар в бешенстве ты замышляешь,
Злой угрожая косой, руку свою удержи;

Где отпечатки следов Хаос угрюмый скрывает,
Добрым себя не являй и не являй себя злым.

О ЛЮБВИ

Любви доступны истины вершины.
Сквозь адамантовы проникнув огражденья,
Мой гений свет несет; для наблюденья
Рожден, живет он вечным властелином;

Земли, небес и адовой стремнины
Правдивые дает изображенья,
Врагам наносит смело пораженья,
Внедряется в сердечные глубины.

Чернь низкая, зреть истину старайся.
Прислушайся к моим словам нелживым.
Безумная, раскрой глаза со мною.

Ребенком звать любовь ты не пытайся.
Сама изменчива — ты мнишь ее пугливой,
Незрячей будучи — зовешь ее слепою.

* *
*

Единое, начало и причина,
Откуда бытие, жизнь и движенье,
Земли, небес и ада порожденья,
Все, что уходит вдаль и вширь, в глубины.

Для чувства, разума, ума — картина:
Нет действия, числа и измеренья
Для той громады, мощи, устремленья,
Что вечно превышает все вершины.

Слепой обман, миг краткий, доля злая,
Грязь зависти, пыл бешенства с враждою,
Жестокосердье, злобные желанья

Не в силах, непрерывно нападая,
Глаза мои задернуть пеленою
И солнца скрыть прекрасное сиянье.

Диалог первый[98]

СОБЕСЕДНИКИ:

Элитропий, Филотей, Армесс

Элитропий. Как узники, привыкшие к мраку, освобожденные из глубины темной башни, выходят к свету, так многие, изощрившиеся в вульгарной философии, страшатся, восхищаются и приходят в замешательство, не будучи в силах переносить новое солнце твоих ясных понятий.

Филотей. Недостаток происходит не от света, но от глаз: чем более прекрасным и ярким будет солнце само по себе, тем более ненавистным и особенно неприятным оно будет для глаз ночных сов.

Элитропий. Трудное, редкое и необычное дело предпринимаешь ты, о Филотей, поскольку ты хочешь их вывести из мрачной пропасти к открытому, спокойному и ясному виду звезд, которые мы видим рассеянными в таком прекрасном разнообразии по синему плащу неба. Хотя твое благочестивое усердие будет только полезно людям, тем не менее нападки неблагодарных по отношению к тебе будут столь же разнообразны, сколь разнообразны те животные, которых благосклонная земля порождает и взращивает в своем материнском и обильном лоне, если только верно, что человеческий род, в частности в каждом своем индивидууме, показывает разнообразие всех других, так что в каждом человеческом индивидууме целое проявляется более выразительно, чем в индивидуумах других видов. Вот почему некоторые, подобно подслеповатому кроту, лишь только почувствуют открытый воздух, как уже снова, разрывая землю, устремляются к своим родным темным тайникам. Другие, как ночные птицы, едва только увидят, что с ясного востока восходит розовая посланница солнца, как из-за слабости своих глаз стремятся скрыться в свои мрачные убежища. Все одушевленные существа, скрывающиеся от лика небесных светил и предназначенные для вечных расселин, провалов и пещер Плутона[99], призванные ужасным и мстительным зовом Алекто, раскрывают крылья[100] и быстро направляются к своим жилищам. Но все те одушевленные существа, которые рождены для того, чтобы видеть солнце, радуясь окончанию ненавистной ночи, возблагодарив благосклонность неба и приготовившись воспринять центрами шаровидных кристаллов своих глаз столь сильно желанные и долгожданные лучи, сердцем, голосом и руками поклоняются востоку. После того как прелестный Титан погнал своих пламенных коней с золотого востока, нарушая снотворное молчание влажной ночи, начинают рассуждать люди, блеять невинные, беззащитные и покрытые руном отары, мычать рогатые стада под наблюдением грубых земледельцев. Ослы Силена ревут, чтобы снова, защищая смущенных богов, устрашать глупейших гигантов[101]; поворачиваясь на своем грязном ложе, назойливым хрюканьем оглушают их здоровенные свиньи. Тигры, медведи, львы, волки и лживые лисицы, высовывая головы из своих берлог, с пустынных высот наблюдают ровное поле охоты, испуская из своих звериных глоток хрюканье, рычанье, вой, рев, рыканье и рявканье. В воздухе и под листвой ветвистых деревьев петухи, орлы, павлины, журавли, горлинки, скворцы, воробьи, соловьи, галки, сороки, вороны, кукушки и цикады, не мешкая, отвечают и удваивают свое шумливое щебетанье.

---

[98] Первый диалог не имеет непосредственной связи с содержанием четырех основных диалогов, в которых обсуждается вопрос о причине, начале и едином. Он был написан после остальных четырех диалогов и представляет собой апологию «Пира на пепле». Именем Филотея и Теофила, как и в остальных диалогах, автор обозначает самого себя. Элитропий («обращенный к солнцу») — последователь Бруно.

[99] *Плутон* (из греческой мифологии) — бог подземного царства.

[100] *Алекто* (по-гречески *петух)* — предвестник восхода солнца.

[101] Бруно здесь имеет в виду следующий миф: Юпитер, объявив войну гигантам, созвал совещание богов. Вакх, бог вина, и его провожатые, Силены, приехали на ослах. Ослы, увидев гигантов, испугались и издали такой рев, что гиганты обратились в бегство. Таким образом была обеспечена победа богов.

И еще с водной неустойчивой поверхности белые лебеди, пестрые утки, хлопотливые гагары, болотные чирки, хриплые гуси, жалобно квакающие лягушки наполняют уши своим шумом, так что жаркий свет солнца, рассеявшись в воздухе этого более счастливого полушария, будет сопровождаем приветствиями, быть может даже докучными, столь многих и столь разнообразных голосов, сколь разнообразны животные, которые их издают.

Филотей. Не только обычно, но и естественно и необходимо, чтобы каждое одушевленное существо подавало свой голос, и невозможно, чтобы животные производили членораздельные звуки и делали правильные ударения, как люди, ибо противоположны их телосложения, различны вкусы и неодинаково питание.

Армесс. Пожалуйста, дайте мне возможность сказать также и со своей стороны не относительно света, но относительно некоторых обстоятельств, не столь увеселяющих внешние чувства, сколь тревожащих внутреннее чувство того, кто видит и наблюдает. Ибо ради вашего мира и вашего покоя, которых с братской любовью я вам желаю, я не усмотрел, чтобы из этих ваших разговоров могли быть образованы комедии, трагедии, элегии и диалоги, подобные тем, которые, будучи недавно выпущены вами в свет, заставили вас замкнуться и уединиться в своем жилище.

Филотей. Говорите свободно.

Армесс. Я не буду говорить, как святой пророк, как отвлеченный созерцатель, как апокалиптический кудесник или как ангелоподобная валаамова ослица; и не буду рассуждать, как вдохновенный Вакхом, как надувшийся ветром распутных муз Парнаса, или как Сибилла, оплодотворенная Фебом, или как вещая Кассандра, как наполненный от головы до пяток аполлониевым вдохновением, как прорицатель, просветленный оракулом или дельфийским треножником, как Эдип, распутывающий хитросплетения Сфинкса, как Соломон, разгадывающий загадки царицы Савской, как Калхас, истолкователь олимпийского совета, как вдохновенный Мерлин или как человек, ушедший из грота Трофония. Но я буду говорить обычным и общераспространенным способом, как человек, который имеет совершенно другие намерения, чем дистиллировать сок большого и малого мозга, пока у него не останется в качестве сухого осадка твердая и нежная оболочка головного мозга; как человек, говорю я, который не имеет другого мозга, кроме своего собственного, которому отказывают в своем благоволении даже последние боги на Олимпе, составляющие небесную челядь (те, говорю я, которые не едят амброзии и не пьют нектара, но утоляют жажду подонками из бочки и разлитым вином, если не хотят удовольствоваться водой и нимфами; те, говорю я, которые обычно бывают более близкими к нам, более интимными и более разговорчивыми), как, например, бог Вакх или Силен — пьяный наездник на осле, Пан, Вертумн, Фавн, Приап[102], не удостаивающие уделить мне больше того, что они обычно сообщают даже своим лошадям.

Элитропий. Слишком длинное предисловие.

Армесс. Терпение, — заключение будет коротким. Выражаясь кратко, я дам вам возможность услышать слова, которые не нужно разъяснять, как бы подвергая их дистилляции, перегоняя в реторте, вываривая в ванне и сублимируя по рецепту квинтэссенции; но это будут слова, вложенные мне в голову кормилицей, которая была почти столь же толстокожа, грудаста, пузата, крутобедра и толстозада, как и та лондонка, которую я видел в Вестминстере: ее желудок согревался парой грудей, которые были равны сапогам гиганта Сан-Спарагорио и которые, если бы обработать их на кожу, наверно, образовали бы две феррарских волынки.

Элитропий. На этом следовало бы закончить предисловие.

Армесс. Сверх того, в заключение я хотел бы, чтобы вы объяснили (оставляя в стороне голоса и звуки, вызванные светом и блеском вашей философии), какими голосами хотели бы вы, чтобы мы, в частности, приветствовали тот блеск учения, который возник из книги «Пир на пепле»? Какие это животные читали «Пир на пепле»?

---

[102] *Пан, Вертумн, Фавн, Приап* — из греческой и римской мифологии.
Пан — бог лесов и полей, вид его внушает внезапный безумный ужас («панический»).
Вертумн — бог изменения, времен года.
Фавн — лесной бог.
Приап, сын Вакха, — бог плодородия.

Я спрашиваю, водные ли это или воздушные, земные или лунные? И, оставляя в стороне предложения Смита, Пруденция, Фруллы[103], я хочу знать, ошибаются ли те, кто говорит, что ты обладаешь голосом бешеной и яростной собаки, а кроме того, что ты поступаешь то как обезьяна, то как волк, то как сорока, то как попугай, то как одно животное, то как другое, перемешивая предложения трудные и серьезные, нравственные и физические, подлые и благородные, философские и комические?

Филотей. Не удивляйтесь, братец, потому что это было не что иное, как пирушка, где мозги начинают управляться чувствами, внушаемыми им действием вкусов и запахов, напитков и пищи. Каковым может быть материальный и телесный пир, таким же точно оказывается словесный и духовный. Итак, этот диалогический пир имеет свои различные и разнообразные части в той же мере, как и тот, другой, имеет различные и разнообразные свои части; равным образом первый имеет специфические условия, обстоятельства и средства, подобно тому как и второй может иметь свои.

Армесс. Пожалуйста, помогите мне понять. Филотей. Там, как это принято и как нужно, обычно находятся обыкновенная пища и салат, фрукты и домашние кушанья из кухни и из аптеки, для здоровых и для больных, холодные и горячие, в сыром виде и печеные, из животных, обитающих в воде и на земле, домашних и диких; жареное и вареное, созревшее и зеленое; вещи, которые служат только для питания, и такие, которые угождают вкусу; солидные и легкие, соленые и пресные, грубые и тонкие, горькие и сладкие! Так же и здесь с определенной последовательностью вам явились противоположности и разновидности, приспособленные к противоположным и разнообразным желудкам и вкусам тех, кому случалось присутствовать на нашем символическом пире, с тем чтобы никто не жаловался, что напрасно присоединился, а кому это не нравится, тот пусть примет участие в каком-либо другом пиршестве.

Армесс. Верно. Но что же ты скажешь, если кроме того на вашем пиру, на вашем ужине окажутся вещи, непригодные ни для салата, ни для пищи, ни для фруктов, ни для обычных кушаний, ни холодные, ни горячие, ни сырые, ни печеные; которые не удовлетворяют аппетита и не утоляют голода, непригодные ни для здорового, ни для больного и, как оказывается, не вышли ни из рук повара, ни из рук аптекаря.

Филотей. Ты увидишь, что и в этом отношении наш пир не отличается от любого другого. Так же как и там, при самом лучшем угощении или же тебя обожжет какой-нибудь слишком горячий кусок, так что необходимо снова выбросить его наружу, либо со слезами и плачем заставить его продвигаться по нёбу, пока не удастся его проглотить при помощи сильного толчка глотки; или у тебя заболит какой-нибудь зуб; или же пострадает твой язык, прикушенный благодаря хлебу; или какой-нибудь камушек поломает тебе зубы и поместится в них, заставляя тебя дышать всем ртом; или какой-нибудь кусок кожи или волос повара пристанет к твоему нёбу, вызывая у тебя рвоту; или же какая-нибудь рыбья кость остановится в твоем горле, заставляя тебя слегка кашлять; или же застрянет у тебя в глотке какая-нибудь косточка, подвергая тебя опасности задохнуться, — так и на нашем пире, благодаря общему нашему неудобству, находятся вещи, соответствующие и аналогичные этим. Все это происходит из-за прегрешения древнего прародителя Адама, из-за которого развращенная человеческая природа осуждена всегда иметь неприятности, присоединенные к приятному.

Армесс. Благочестиво и свято. Но что вы ответите тем, кто говорит, что вы взбешенный циник?

Филотей. Я легко соглашусь с этим, если не целиком, то отчасти.

Армесс. Но знаете ли вы, что не так достойно порицания получать оскорбления, как наносить их?

Филотей. Для меня достаточно, что мои могут быть названы воздаянием, другие же были нападением.

Армесс. Даже боги могут получать оскорбления, претерпевать клевету и переносить хуления, но хулить, клеветать и оскорблять свойственно людям грубым, низким, ничтожным и преступным.

---

[103] *Смит, Пруденций, Фрулла* — см. диалоги «Пир на пепле». Пруденцию в настоящем сочинении соответствует Полиинний, Фрулле — Гервазий.

Филотей. Это верно. Однако мы не оскорбляем, но, стремясь к тому, чтобы к полученным неприятностям не присоединялись еще другие, отражаем оскорбления, сделанные не столько нам, сколько пренебрегаемой философии.

Армесс. Вы желаете, следовательно, казаться кусающейся собакой, чтобы никто не решался вас беспокоить. Филотей. Это так, ибо я стремлюсь к спокойствию, и мне неприятны оскорбления.

Армесс. Так; но считают, что вы поступаете слишком решительно.

Филотей. С тем чтобы они не вернулись в другой раз, и чтобы другие научились не вступать в диспуты со мной и с другими, пользуясь для этих умозаключений подобными средними терминами.

Армесс. Оскорбление было частным, месть — публичной.

Филотей. От этого она не становится несправедливой, ибо многие ошибки, которые по справедливости наказываются публично, совершаются частным образом.

Армесс. Но благодаря этому вы портите свою репутацию и делаете себя более хулимым, чем они, ибо публично будут говорить, что вы нетерпеливы, фантастичны, странны и легкомысленны.

Филотей. Я не озабочен этим. Лишь бы только они или иные не беспокоили меня, и для этого я показываю им палку циника, чтобы они оставили в покое меня с моими делами, и если они не желают меня ласкать, то зато они воздерживаются от проявления своей невежливости по отношению ко мне.

Армесс. Кажется ли вам, что достойно философа прибегать к мести?

Филотей. Если бы те, кто меня беспокоит, были Ксантиппой[104], то я был бы Сократом.

Армесс. Разве ты не знаешь, что всем людям подобает быть великодушными и терпеливыми, благодаря чему они уподобляются богам и героям, которые, по мнению одних, мстят поздно, а по мнению других, вовсе не мстят и не гневаются.

Филотей. Ты заблуждаешься, думая, что я прибегаю к мести.

Армесс. А как же?

Филотей. Я прибегаю к исправлению, благодаря которому мы также становимся подобными богам. Ты знаешь, что бедному Вулкану[105] Юпитером было поручено работать также и в праздничные дни; и его несчастная наковальня беспрестанно получала столь многочисленные и столь яростные удары молотков, что не успевал еще один из них подняться, как другой уже опускался, для того чтобы достаточно было справедливых молний, которыми наказываются преступники.

Армесс. Есть разница между вами и кузнецом Юпитера — супругом Кипрской богини.

Филотей. Достаточно и того, что я, быть может, похож на него тем терпением и великодушием, которые я проявил в этом деле, не отпуская всей узды негодования, не возбуждая гнева самыми сильными ударами шпор.

Армесс. Не всякому подходит быть исправителем нравов, особенно же множества людей.

Филотей. Добавьте к этому: особенно когда множество его не трогает.

Армесс. Говорят, что не следует вмешиваться в дела чужой страны.

Филотей. А я скажу две вещи: во-первых, что не следует убивать иностранного врача за то, что он пытается прибегнуть к таким способам лечения, каких местные не применяют, а во-вторых, что для истинного философа всякая страна есть родина.

Армесс. Но если они тебя не признают ни за философа, ни за врача, ни за соотечественника?

Филотей. Это еще не значит, что я не являюсь ими.

Армесс. Кто вам в этом поверит?

Филотей. Божества, пославшие меня сюда, я, находящийся здесь, и те, у кого есть глаза, чтобы меня здесь видеть.

Армесс. У тебя весьма немногочисленные и малоизвестные свидетели.

---

[104] *Ксантиппа* — сварливая жена Сократа.

[105] *Вулкан* (из римской мифологии) — бог огня, готовит оружие для Зевса.

Филотей. Весьма немногочисленны и малоизвестны истинные врачи, но почти все действительно больны. Я хочу сказать, что они не имеют права прибегать к подобным средствам по отношению к тем, кто доставляет им похвальные благодеяния, независимо от того, иностранцы они или нет.

Армесс. Мало кто признает эти благодеяния. Филотей. Разве от этого жемчужины становятся менее драгоценными, и мы не должны всеми силами охранять их и заставлять охранять, освобождать их и ограждать, и защищать от того, чтобы свиньи не топтали их ногами? И столь благосклонны ко мне вышние, мой Армесс, что я никогда не обращаюсь к подобной мести из грязного самолюбия или из низменной заботы частного человека, но лишь из любви к столь возлюбленной моей матери-философии и из усердия, возбужденного оскорблением ее величия. Она изолгавшимися родственниками и сыновьями (ибо нет низкого педанта, фразистого лентяя, глупого фавна, невежественного обманщика, который бы не пожелал причислиться к ее семье, выставляя напоказ свои книги, или же отпуская длинную бороду, или же каким-либо другим способом придавая себе важность) доведена до того, что для народа слово *философ* значит обманщик, бездельник, педант, жулик, шут, шарлатан, годный для того, чтобы служить для веселого времяпрепровождения в доме и для пугания птиц в поле.

Элитропий. По правде говоря, большинство людей уважает философов еще меньше, чем священников, потому что последние, будучи самого низкого происхождения, все же не довели духовенство до такой степени презрения, до какой довели философию люди, достойные называться зверями всякого рода.

Филотей. Восхвалим же по достоинству древность, когда философы были таковы, что выдвигались в законодатели, советники и цари, когда советники и цари возвышались в священники. В наше время большинство священников таково, что их презирают, а вместе с ними презирают и божественные законы. Почти все философы, каких мы видим, таковы, что к ним относятся с презрением, а благодаря им — и к науке. Кроме того, среди них толпа негодяев, подобно тому как сорная трава заглушает рожь, своим диким бредом подавляет редкую добродетель и истину, которые доступны немногим.

Армесс. Я не нахожу философа, который бы так гневался за пренебрежение философией, и не вижу, о Элитропий, никого, кто бы так волновался за свою науку, как Теофил; что было бы, если бы все другие философы были так же настроены, т.е. столь же вспыльчивы?

Элитропий. Другие философы не открыли столько, не должны столько охранять и столько защищать. И они легко могут пренебрегать такой философией, которая ничего не стоит, или другой, которая стоит мало, или той, которой они не знают; но тот, кто нашел скрытое сокровище истины, пораженный красотой этого божественного лика, не менее ревниво заботится, чтобы она не подверглась искажению, пренебрежению и осквернению, чем кто-нибудь другой, испытывающий грязное влечение к золоту, карбункулу и бриллианту или плененный женской красотой.

Армесс. Но поразмыслим и вернемся снова к вопросу. О вас говорят, Теофил, что в своем «Пире» вы осуждаете и оскорбляете целый город, целую область, целое государство.

Филотей. Этого я никогда не предполагал, никогда не замышлял и никогда не делал; и если бы я это предполагал, замышлял или делал, я сам осудил бы себя как наихудшего и готов был бы к тысяче пересмотров, к тысяче отказов, к тысяче отступлений, не только если бы я оскорбил благородное и древнее государство, подобное этому, но любое другое, сколь бы ни считали его варварским; не только, говорю я, любой город, сколь бы его ни порицали как нецивилизованный, но и любой род, сколь бы его ни считали диким, и любую семью, сколь бы ее ни называли негостеприимной; ибо не может быть государства, города, поколения или целого дома, обитатели которого имели бы одни и те же нравы и где не встречались бы противоположные и противоречащие друг другу характеры, вследствие чего то, что нравится одному, не нравится другому.

Армесс. Верно, я все прочел, перечитал и хорошо обдумал, и хотя относительно частностей я нахожу вас, не знаю почему, немного несдержанным, но в общем я считаю ваше поведение безупречным, разумным и скромным. Все же слухи, распространившиеся о вас, носят неблагоприятный характер, как я вам сейчас говорил.

Элитропий. Подобные слухи распространяются из-за низости кое-кого из тех, кто чувствует себя затронутым: они-то из мести, видя, что им недостает собственного разума, учености, одаренности и силы, насколько умеют, измышляют обманы, которым могут доверять лишь им подобные, и ищут соучастников, чтобы упреки, направленные против частных лиц, выдать за оскорбление обществу.

Армесс. Напротив, я думаю, что имеются люди не без разумения и понимания, которые считают оскорбление общим, потому что вы приписываете подобные обычаи целому поколению.

Филотей. Таковы ли эти упомянутые обычаи, чтобы подобные им, а также худшие и гораздо более странные в роде, виде и числе не встречались в известнейших странах и областях мира? Разве вы назвали бы меня оскорбляющим родину и неблагодарным ей, если бы я сказал, что подобные и еще более преступные обычаи встречаются в Италии, в Неаполе, в Ноле? Разве этим унижена будет страна, благословленная небом, которая одновременно и в одинаковой степени может называться головой и правой рукой земного шара, правительницей и владычицей других поколений и всегда нами и другими считалась учительницей, кормилицей и матерью всех добродетелей, учений, культур, учтивостей и приличий? Преувеличена ли похвала, воспеваемая ей теми же нашими поэтами, которые в не меньшей степени называют ее учительницей всех пороков, обманов, скупостей и жестокостей?

Элитропий. Это верно согласно принципам вашей философии; вы утверждаете в них, что противоположности совпадают в принципах и в ближайших объектах, так что те же самые таланты, которые являются способнейшими для высоких, доблестных и благородных поступков, если они развращены, обращаются к крайним порокам. Кроме того, наиболее редкие и избранные таланты обычно встречаются там, где, как общее правило, люди наиболее невежественны и глупы; там же, где люди в большинстве случаев наименее культурны и воспитаны, в частных случаях встречаются наиболее воспитанные и культурные люди; поэтому кажется, что различным способом различным поколениям уделяется одна и та же мера совершенств и недостатков.

Филотей. Вы говорите истину.

Армесс. Со всем тем, Теофил, мне, как и многим другим вместе со мною, жаль, что вы встречались с такими лицами на нашей любимой родине, которые дали вам повод жаловаться при помощи «Пира», а не с многочисленными другими, которые показали бы вам ясно, насколько наша страна, хоть и названная вашим поэтом «совершенно отрезанной от всего мира»[106], склонна к всевозможным занятиям изящной литературой, военным делом, рыцарством, культурой и образованием. Во всем этом, насколько это зависит от напряжения наших сил, мы стараемся не быть ниже наших предков и не быть побежденными другими народами, особенно же теми, которые считают, что благородство, науки, военное дело и культура даны им как бы от природы.

Филотей. Уверяю вас, Армесс, что относительно сказанного вами я не должен и не мог бы противоречить вам ни словами, ни разумом, ни сознанием, ибо вы защищаете свое дело безупречно, скромно и доказательно. Поэтому благодаря вам как человеку, лишенному варварской гордости, я начинаю раскаиваться и сожалеть, что коснулся вышеупомянутых личностей, что опечалил вас и других людей честнейшего и гуманного образа мыслей; поэтому я страстно желал бы, чтобы те мои диалоги не были изданы, и, если это вам угодно, я приложу усилия, чтобы они больше не распространялись.

Армесс. Ни я, ни другие благороднейшие люди нисколько не опечалены опубликованием этих диалогов; наоборот, я скорее содействовал бы их переводу на наш язык, для того чтобы они были прочитаны теми среди нас, кто мало воспитан и придерживается плохих обычаев.

---

[106] Из первой эклоги Вергилия (стих 67).

Быть может, если они увидят, с каким отвращением восприняты и какими чертами описаны их грубые манеры и насколько они противны, то может случиться, что если они и не захотят отступить от этого пути, несмотря на хорошие поучения и хорошие примеры, увиденные ими у лучших и высших, то во всяком случае они постараются изменить свои обычаи и приспособиться к лучшим, хотя бы из-за стыда быть причисленными к худшим; тогда они убедятся, что честь и гордость личности состоит не в том, чтобы знать все способы, какими можно причинять неприятности, но, наоборот, в противоположном этому поведении.

Элитропий. Вы показываете, что вы приличный человек и заинтересованы в процветании своей родины, что вы не являетесь по отношению к заслугам других, неблагодарным и непризнательным, каковыми могут быть многие люди, бедные доказательствами и разумением. Но Филотей, кажется, не столь уж озабочен сохранением своей репутации и защитой своей личности; ибо в какой степени благородство противоречит грубости, в такой же степени противоположны и их следствия. Если бы, например, дикий скиф, оказавшийся мудрым и прославленным за удачи и успех у себя на родине, покинув берега Дуная, обратился со смелым упреком и справедливой жалобой к римскому сенату, посягнув таким образом на авторитет и величие его, то последнему эти упреки и жалобы дали бы лишь повод проявить свое благоразумие и великодушие, почтив своего строгого порицателя колоссальной статуей. Между тем, наоборот, аристократ и римский сенатор потерпит неудачу и окажется неразумным, если, оставив веселые берега своего Тибра, он отправится к диким скифам и обратится к ним со справедливой жалобой и самыми разумными укорами. Они благодаря этому получат предлог обнаружить колоссальную бездну своей низости, бесчестия и грубости: подвергнут его избиению камнями, разнуздают неистовство черни и тем самым покажут другим народам, какая глубокая разница между настоящими людьми и теми, кто лишь создан по образу и подобию людей.

Армесс. Воистину, Теофил, я не считаю нужным, чтобы я или кто-либо другой, более умный, чем я, взялся защищать и поддерживать дело тех, кто является предметом вашей сатиры, как будто бы дело шло о населении этой страны, к защите которой нас склоняют законы нашей природы. Ибо я никогда не признаю своими единомышленниками и всегда буду считать своими врагами тех, кто утверждает, что они являются частью и членами нашей родины, которая имеет столь же благородных, образованных, приличных, дисциплинированных, скромных, культурных и разумных людей, как и любая другая. Поэтому, хотя в ней живут эти люди, они в ней содержатся лишь как грязь, подонки, навоз и падаль; они могут быть названы частями государства и города лишь в том смысле, в каком сточная яма называется частью корабля. И поэтому из-за них нам не следует быть недовольными собою, и если бы мы все же были недовольны собою, то были бы достойны порицания. Из числа их я не исключаю значительной части ученых и священников, из коих некоторые при помощи докторской степени сделались вельможами. Их целью было приобретение той жалкой авторитетности, которую сначала они не осмеливались показывать, но затем стали дерзко и открыто проявлять вследствие своей наглости, рассчитывая, что таким образом они увеличат свою репутацию ученого и священника. Неудивительно поэтому, что вы видите многих и многих обладающих докторской степенью и священническим саном, кто более близок к стаду, скотному двору и конюшне, чем действительные конюхи, козопасы и земледельцы. Поэтому я не хотел бы, чтобы вы столь резко отнеслись к нашему университету, не обратив внимания на то, чем он был, будет или может стать в будущем, а отчасти уже является и в настоящее время.

Филотей. Не беспокойтесь, ибо хотя он был в данном случае обрисован вполне правильно, тем не менее он не совершил более крупных ошибок, чем все остальные университеты, считающие себя более достойными и при помощи своих глупейших докторских дипломов украшающие лошадей кольцами и ослов диадемами. Равным образом я не отрицаю, что он с самого начала был хорошо организован и отличался хорошим порядком занятий, торжественностью церемоний, распорядком упражнений, украшениями одежд и многим другим, что необходимо связано с академией и ее украшает.

Поэтому, без всякого сомнения, нет человека, который не признал бы его первым в Европе, а, следовательно, и во всем мире. И я не отрицаю, что в отношении тонкости дарований и остроты умов, естественно порождаемых обеими частями Британии, он не уступает самым лучшим университетам[107]. Равным образом не изгладилось из памяти, что, прежде чем спекулятивные науки распространились в других частях Европы, они процветали в этом месте и что его мастера метафизики, хотя и были варварами по языку и монахами по профессии, тем не менее распространили по всем другим академиям культурных стран блеск метафизики, этой благороднейшей и редкой отрасли философии, которая в наше время почти угасла. Но что меня удручает и одновременно возбуждает у меня отвращение и смех, — это то, что в то время, как я не нахожу людей, более близких римскому и аттическому языку, чем в этом месте, в остальном они (я говорю о громадном большинстве) с гордостью считают себя во всем отличными от древних и противоположными им. Последние же, мало заботясь о красноречии и грамматической строгости, все занимались умозрениями, которые этими людьми названы софизмами. Но я более ценю их метафизику, в которой среди них выдвинулся их мастер Аристотель, сколь ни загрязнена она и ни испачкана известными ложными умозаключениями и теоремами, не имеющими отношения ни к философии, ни к богословию, но происшедшими вследствие бездействия и плохого употребления умов; этой мудрости недостает людям нынешней эпохи со всем их цицероновским красноречием и декламаторским искусством.

А р м е с с . Но и этими вещами нельзя пренебрегать.

Ф и л о т е й . Верно, но если нужно выбрать одно из двух, то я предпочитаю культуру ума, какой бы невзрачный вид она ни имела, культуре самых отборных слов и выражений.

Э л и т р о п и й . Это утверждение напоминает мне брата Вентуру. Разбирая одно место из святого Евангелия, где говорится «воздайте кесарево кесарю», он упоминал по этому случаю названия всех монет, имевшихся во времена римлян, с их знаком и весом (не знаю, из какой дьявольской летописи или книги для записей собрал он их, а было их более ста двадцати), чтобы дать понять, сколь велики его прилежание и память. По окончании проповеди к нему приблизился один честный человек и сказал: «Почтенный отец мой, дайте мне, пожалуйста, один карлин», — на что он ответил, что принадлежит к ордену нищенствующих.

А р м е с с . С какой целью вы рассказываете это?

Э л и т р о п и й . Я хочу сказать, что те, кто слишком занимается именами и выражениями и не обращает внимания на вещи, гарцуют на одном муле вместе с этим почтенным отцом мулов.

А р м е с с . Я думаю, что кроме занятия красноречием, в котором они обогнали всех своих предшественников и не стоят ниже современников, они не нищие также в философии и в других спекулятивных профессиях, без опытности в которых они ни в какой степени не продвинулись бы вперед. Поэтому статуты университета, к которым они принуждаются клятвою, требуют, чтобы никто не допускался к магистерской и докторской степени по философии и теологии, если он не черпал из источника Аристотеля.

Э л и т р о п и й . О, я вам расскажу, что они сделали, чтобы не быть клятвопреступниками. Одному из трех фонтанов, которые имеются в университете, они дали название «источник Аристотеля», другой называют «источником Пифагора», третий зовут «источником Платона». Так как из этих трех источников ими берется вода для приготовления пива и меда (правда, эту же воду пьют быки и лошади), то, следовательно, всякий, кто пробыл в комнатах для занятий и в колледжах хотя бы три или четыре дня, или даже менее, тем самым испил не только из источника Аристотеля, но кроме того и Пифагора, и Платона.

А р м е с с . Увы, все, что вы говорите, слишком истинно. Отсюда происходит, о Теофил, что доктора ценятся по такой же дешевой цене, как сардинки. Ибо подобно тому, как с малым трудом они создаются, находятся и ловятся, так по малой цене они и покупаются.

---

[107] Бруно имеет в виду Оксфордский университет, который в средние века был одним из значительных центров схоластической философии. В Оксфорде преподавал Дунс Скот, учился Роджер Бэкон. Во времена Бруно университет пришел в упадок.

Вследствие этого толпа докторов в наш век столь велика у нас (я не затрагиваю, конечно, репутации некоторых известных своим красноречием, ученостью и вежливыми манерами, каковы, например, Тобий Меттью, Кельпепер[108] и другие, не знаю кого назвать), что благодаря этому, если кто-нибудь называется доктором, то его не столько считают получившим новую степень благородства, сколько подозревают в противоположных качествах, если он частным образом не известен. Отсюда происходит то, что тот, кто знатен по происхождению или по другому случаю, а сверх того присоединяет к этому благородство, приобретаемое ученостью, избегает, как позора, ученой степени и титула доктора, но довольствуется тем, что является на самом деле ученым. И подобных людей при дворах попадается больше, чем можно найти педантов в университете.

Филотей. Не жалуйтесь, Армесс, ибо во всех местах, где имеются доктора и священники, встречается и тот и другой посев этих людей. Поэтому те, которые являются действительно учеными и действительно священнослужителями, хотя бы они и выдвинулись из низкого состояния, не могут быть некультурными и неблагородными, ибо наука есть наилучший путь для того, чтобы сделать человеческий дух героическим. Но те другие тем более выразительно проявляют свою грубость, чем более они стремятся греметь вместе с отцом богов Юпитером или с гигантом Салмонеем[109] и подобно украшенному пурпуром сатиру или фавну выступают с ужасной и горделивой спесью, после того как определили на королевской кафедре, к какому склонению принадлежит «этот», «эта» и «это ничто».

Армесс. Итак, оставим эти соображения. Что это за книга у вас в руке?

Филотей. Это диалоги.

Армесс. «Пир»?

Филотей. Нет.

Армесс. Что же это такое?

Филотей. Это другие диалоги, в которых трактуется сообразно с нашим методом «О причине, начале и едином».

Армесс. Каковы же здесь собеседники? Быть может, мы снова будем иметь дело с каким-нибудь дьяволом вроде Фруллы и Пруденция, которые снова причинят нам какое-нибудь беспокойство?

Филотей. Не сомневайтесь в том, что за исключением одного все остальные — люди спокойные и честнейшие. Армесс. Так что, согласно вашим собственным словам, в этих диалогах нам снова придется кое-что очищать? Филотей. Не сомневайтесь в этом, ибо скорее вы будете почесывать там, где у вас зудит, чем ковырять там, где у вас больно.

Армесс. Однако?

Филотей. Здесь вы встретите в качестве одного из собеседников ученого, честного, любящего, доброго и столь верного друга Александра Диксона[110], которого Ноланец любит, как свои глаза; он-то и является причиной того, что этот предмет подвергается здесь рассмотрению. Он введен в качестве человека, доставляющего Теофилу материал для размышления. Вторым будет Теофил, т.е. я; сообразно представляющимся случаям я буду различать, определять и доказывать все относящееся к рассматриваемому предмету. Третьим будет Гервазий, человек, не принадлежащий к нашей профессии, но для времяпрепровождения желающий присутствовать на нашем собеседовании.

---

[108] *Тобий Меттью и Мартин Кельпепер* — оксфордские профессора, современники Бруно.

[109] *Салмоней,* царь Элиды, упоминается в «Энеиде» Вергилия; был осужден Юпитером на адские мучения за то, что соперничал с ним, подражая грому и молнии. Вергилий в шестой песне «Энеиды» (585-591) посвящает ему следующие строки:

Видела, как Салмоней жестокую казнь отбывает.
Тот, что Зевеса огням подражал и грому Олимпа.
Он, на четверке коней сидя и лампадой махая,
Через Граев народ и чрез город срединной Элиды
Шел в торжестве и себе поклонений требовал божьих:
Он, безумец! грозу и неподражаемый пламень
Медью и топом коней ротоногих представить пытался.

[110] *Александр Диксон* был последователем Бруно. В 1583 г. написал мнемоническое сочинение, в котором опирался на сочинение Бруно «О тенях идей» (1582).

Это — человек, который не пахнет ни хорошо, ни плохо, потешается над Полиинниием и шаг за шагом предоставляет ему возможность проявить свою глупость. Этот святотатственный педант будет четвертым; это — один из строгих цензоров философии, почему он называет себя Момом[111]; питающий пылкие чувства к своему стаду схоластов, почему он претендует на сократическую любовь; постоянный враг женского пола, почему он считает себя Орфеем, Музеем, Титиром и Амфионом, чтобы не быть физиком. Это — один из тех людей, которые, построив красивую фразу, написав изящное послание, выкроив красивый оборот в цицероновском духе, воображают, что здесь воскресает Демосфен, здесь вырастает Туллий, здесь обитает Саллюстий, здесь Аргус, рассматривающий каждую букву, каждый слог, каждое выражение; здесь Радамант вызывает тени молчащих; здесь Минос[112], царь Крита, движет урну. Они подвергают испытанию речи, они обсуждают фразы, говоря: эти принадлежат поэту, эти — комическому писателю, эти — оратору; это серьезно, это легко, это возвышенно, это — низкий род речи; эта речь темна, она могла бы быть легкой, если бы была построена, таким-то образом; это — начинающий писатель, мало заботящийся о древности, он и не пахнет Цицероном и плохо пишет по-латыни; этот оборот не тосканский, он не заимствован у Боккаччио, Петрарки и других испытанных авторов. В этом его триумф, он доволен собою, его поступки нравятся ему больше, чем все остальное; это — Юпитер, который с высокой башни созерцает и наблюдает жизнь других людей, подверженную стольким ошибкам, бедствиям, несчастьям и бесполезным трудам. Один лишь он счастлив, один лишь он живет небесной жизнью, созерцая свою божественность в зеркале какого-нибудь «Сборника», «Словаря», «Калепина», «Лексикона», «Рога изобилия», «Ницолия»[113]. Между тем как всякий человек — единица, один только он, обладающий всем этим изобилием, является всем. Если он смеется, он называет себя Демокритом; если печалится — Гераклитом; если спорит — Хризиппом; если размышляет — Аристотелем; если фантазирует — Платоном; если мычит какую-нибудь проповедь, он титулует себя Демосфеном; если разбирает Вергилия, то он — Марон. Здесь он исправляет Ахилла, там одобряет Энея, упрекает Гектора, декламирует против Пирра, сожалеет о Приаме, обвиняет Турна, извиняет Дидону, рекомендует Ахата и, в конце концов, между тем как прибавляет слово к слову и нанизывает грубые синонимы, ничто божественное не считает себе чуждым. И когда он столь спесиво сходит со своей кафедры как человек, распоряжавшийся небесами, управлявший сенатами, командовавший войсками, переделывавший миры, то становится ясно, что если бы только не несправедливость времени, то он так же орудовал бы делами, как орудует мнениями. О времена, о нравы! Сколь редки те, кто понимает природу причастий, наречий, спряжений! Сколько времени прошло, пока нашли основание и истинную причину, почему прилагательное должно согласоваться с существительным, почему слова, выражающие отношение, должны согласоваться с тем словом, к которому они относятся, и по какому правилу они должны следовать или раньше или позже этого слова, и в какой мере и в каком порядке примешиваются здесь такие междометия, выражающие горе и радость, как «увы», «ах», «о горе», и другие приправы, без которых всякая речь была бы лишена какого бы то ни было вкуса.

Элитропий. Говорите, что хотите, понимайте это, как вам нравится; я же говорю, что для счастья в жизни лучше считать себя крезом и быть бедняком, чем считать себя бедняком, будучи крезом.

---

[111] *Мом* — бог насмешки, порицания.

[112] *Радамант* и *Минос* (из греческой мифологии) — судьи в подземном царстве. Бруно намекает на следующие стихи из шестой песни «Энеиды» (432-433):

Урну Минос-судья сотрясает; и он же безмолвно
Сонмы сзывает и их преступленья и жизнь испытует.

[113] *«Сборник»* — сборник изречений «Вертоград» неаполитанского филолога Скоппа, распространенный в школах в XVI в.

Калепино — автор первого латинского словаря для школ, напечатанного в 1502 г.; имя его стало нарицательным.

«Рог *изобилия»* («Корнукопий») — пользовавшееся большой популярностью латинское комментаторское сочинение Перотти, напечатанное в 1489 г.

Ницолий — автор широко распространенного в XVI в. сочинения «Цицероновское сокровище».

Разве не больше блаженства доставляет обладание глупышкой, которая тебе кажется красавицей и тебя удовлетворяет, чем Ледой или Еленой, которая тебе доставляет скуку и отвращение? Какое значение имеет для невежественных и неблагородных людей это обстоятельство, если они тем более счастливы, чем больше они нравятся самим себе? Свежая трава так же хороша для осла, как овес для лошади, как для тебя самый лучший хлеб и куропатка; свинья так же удовлетворяется желудями и грязью, как Юпитер — амброзией и нектаром. Захотите ли вы вывести их из этого состояния приятной глупости, если за эту заботу они постараются впоследствии разбить вам голову? Хотя, кто знает, это или то — глупость? Один пирронист говорил: «Кто знает, не является ли наше состояние смертью, а состояние тех, кого мы зовем мертвыми, не является ли жизнью?» Точно так же кто знает, не состоит ли все счастье и истинное блаженство в правильном соединении и сочетании частей речи.

Армесс. Так построен мир: мы смеемся над педантами и грамматиками, ловкие придворные смеются над нами, мало размышляющие монахи и священники смеются над всеми; и, в свою очередь, педанты издеваются над нами, мы над придворными и все над монахами; и, наконец, между тем как один является дураком для другого, мы видим, что все друг от друга отличаются лишь по видовому отличию, в то время как они согласуются друг с другом в роде, числе и падеже.

Филотей. Различны поэтому виды и способы осуждения, разнообразны их степени, но особенно они мрачны, жестоки, ужасны и страшны у наших архиученых. Поэтому перед ними должны мы преклонить колени, понурить голову, отвратить глаза, поднять руки, вздыхать, плакать, восклицать и просить награды. Итак, к вам я обращаюсь, о вы, держащие в руке жезл Меркурия, разрешающие споры и вопросы, возникающие между людьми и между богами; к вам, Мениппы, которые, сидя на лунном шаре, с глазами отвращенными и опущенными, смотрят с отвращением и с презрением на наши поступки; к вам, щитоносцы Паллады, гонцы Минервы, управители Меркурия, магнаты Зевса, молочные братья Аполлона, сподручники Эпиметея, собутыльники Вакха, ослицы Эванта, флагеллянты Эдонид, возбудители Тиад, субагитаторы Менад, субдекораторы Бассарид, всадники Мималлонид, сожители нимфы Эгерии, блюстители энтузиазма, предводители кочующего народа, распутники Демогоргоны, Диоскуры текучих учений, казначеи Пантаморфа, козлы отпущения первосвященника Аарона, — вам мы поручаем нашу прозу, вам мы подчиняем свои стихи, предпосылки, предположения, расхождения, скобки, приложения, клаузулы, периоды, построения, предложения и эпитеты. О вы, приятнейшие водолеи, при помощи красивых элегантностей изгоняющие из нас дух, связывающие наше сердце, возбуждающие наши чувства и заключающие в публичный дом непотребные души наши, приведите в хорошее состояние наши варваризмы, пунктируйте наши солецизмы, поверните к лучшему неудачные выражения, кастрируйте наших силенов, обуздайте наших ноев, превратите в евнухов наши длинноты, заштопайте наши ошибки, ограничьте наши тавтологии, умерьте наши акрибологии, снизойдите к нашим эскрилогиям, извините наши периссологии[114], простите наши непристойности. Я обращаюсь с мольбою ко всем вам вообще и в частности к тебе, о строгий, надменный и суровейший маэстро Полиинний, чтобы вы отбросили слепое бешенство и столь преступную ненависть к благороднейшему женскому полу; не гоните того, что в мире является прекрасным и чем небо любуется своими бесчисленнейшими очами. Придите, придите в себя и призовите к себе ум, при помощи которого вы увидите, что эта ваша злость есть не что иное, как явная мания и неистовое бешенство. Кто более бесчувствен и туп, чем человек, не видящий света? Какая глупость может быть презреннее, чем вражда с самой природой из ненависти к полу, как это делает варварский король из Сарца[115], который, обученный вами, говорит:

Ведь совершенною не может быть природа,
Затем что женского названье это рода.

---

[114] *Тавтология* — тождесловие. *Акрибология* — точность в выборе слов. *Эскрилогия* — сквернословие. *Периссология* — плеоназм, избыток слов.

[115] *Варварский король из Сарца* — один из персонажей «Неистового Роланда» Ариосто, откуда взят стих о женщинах.

Всмотритесь хоть немного в истину, поднимите взор на древо познания добра и зла, и вы увидите различие и противоположности между одним и другим. Присмотритесь, каковы мужчины, каковы женщины. Здесь вы замечаете телесный корпус, который является вашим другом — мужчиной, там — душу, которая является вашим врагом — женщиной. Здесь мужчина — хаос, там женщина — упорядоченность; здесь — сон, там — бодрость; здесь — напор, там — уступчивость; здесь — порок, там — добродетель; здесь — страх, там — безопасность; здесь — упрек, там — учтивость; здесь — скандал, там — гармония; здесь — ужас, там — тишина; здесь — обман, там — истина; здесь — недостаток, там — полнота; здесь — ад, там — безмятежность; здесь — педант Полиинний, там — Полиинния-муза. И, наконец, все пороки, недостатки и преступления — мужского рода. Все добродетели, превосходства и милости — женского рода. Поэтому осторожность, справедливость, храбрость, умеренность, красота, величественность, достойность, божественность так называются, так их воображают, описывают и рисуют, таковы они суть. Теперь перейдем от этих теоретических, логических и грамматических оснований, подходящих к вашей аргументации, к основаниям натуральным, реальным и практическим. Не достаточно ли одного этого примера, чтобы связать тебе язык, заткнуть рот и привести тебя в смущение со всеми, сколько их есть, твоими компаньонами. Найдешь ли ты мужчину, лучшего или хотя бы только подобного божественной Елизавете, царствующей в Англии? Так как она столь одарена, возвышенна, находится под покровительством и охраною небес, пользуется их поддержкою, то напрасна была бы попытка принизить ее значение иными словами или силами. Разве есть среди знати кто-нибудь более героический, среди носящих тогу — более ученый, среди советников — более мудрый, чем эта дама, самая достойная из всех людей во всем государстве? Софонизба, Фаустина, Семирамида, Дидона, Клеопатра и все другие, которые в прежнее время могли быть славою Италии, Греции, Египта и других стран Европы и Азии, разве не кажутся самыми жалкими по сравнению с нею как по физической красоте, так и по владению народными и научными языками, по знанию наук и искусств, по мудрости управления, по благополучию великого и продолжительного властвования, по всем другим общественным и природным доблестям? Свидетелями моими являются ее деяния и счастливый успех, которым с благородным восхищением любуется наш век. В то время как Тибр бежит оскорбленный, По угрожающий, Рона неистовствующая, Сена окровавленная, Гаронна смятенная, Эбро бешеный, Тахо безумствующий, Маас озабоченный, Дунай беспокойный, Елизавета в тылу Европы блеском очей своих уже более 25 лет успокаивает великий океан, который, непрерывно сменяя прилив на отлив, радостно и тихо принимает в свое обширное лоно свою возлюбленную Темзу; она же, далекая от всякого беспокойства и неприятности, безопасно и весело движется, извиваясь среди зеленых берегов. Итак, чтобы начать с главного, каковы...

А р м е с с . Замолчи, замолчи[116], Филотей. Не старайся прибавить воды к нашему океану и света к нашему солнцу. Перестань казаться отвлеченным, чтобы не выразиться хуже, диспутируя с отсутствующими Полиинниями. Дай нам на краткий срок рукопись этих диалогов, чтобы не оставаться без дела на этот день и час.

Ф и л о т е й . Возьмите и прочтите.

Конец первого диалога

[116] Переход с «вы» на «ты» составляет особенность неаполитанской речи.

Диалог второй[117]

СОБЕСЕДНИКИ:

Аврелий Диксон, Теофил, Гервазий, Полиинний

Диксон. Пожалуйста, маэстро Полиинний, и ты, Гервазий, не прерывайте в дальнейшем наших разговоров.

Полиинний. Да будет так.

Гервазий. Если тот, кто является магистром, говорит, то, без сомнения, я не могу молчать.

Диксон. Так что вы утверждаете, Теофил, что всякая вещь, которая не является первоначалом и первопричиной, имеет начало и имеет причину.

Теофил. Без сомнения, и без какого-либо возражения.

Диксон. Вы думаете, тем самым, что тот, кто познает вещи, причиненные и зависящие от начала, познает причину и начало?

Теофил. Не легко ближайшую причину и ближайшее начало; но с величайшим трудом он познает хотя бы лишь следы высшей причины и первоначала.

Диксон. Как же вы полагаете, что вещи, имеющие первую и ближайшую причину и первое и ближайшее начало, истинно познаются, если сообразно действующей причине (каковая относится к числу того, что способствует реальному познанию вещей) они скрыты?

Теофил. Я утверждаю, что легкая вещь — предписывать учение о доказательствах, но трудно доказывать; легчайшая вещь — предписывать причины, обстоятельства и методы учения, но наши методологи и аналитики плохо приводят в действие свои орудия, методические принципы и искусства искусств.

Гервазий. Подобно тем, кто умеет делать столь прекрасные шпаги, но не умеет ими действовать.

Полиинний. Почти.

Гервазий. Да закроются твои глаза, чтобы ты никогда не мог их раскрыть.

Теофил. Поэтому я говорю, что не следует просить натурфилософа, чтобы он привел все причины и начала, но одни лишь физические и из них — главные и специальные. Ведь, хотя они зависят от первого начала и от первой причины и о них поэтому говорят, что они имеют эту причину и это начало, все же нет такого необходимого отношения, которое бы от познания одного приводило к познанию другого, и поэтому нельзя требовать, чтобы они были установлены в одной и той же дисциплине.

Диксон. Как так?

Теофил. Ибо познание всех зависимых вещей не дает нам знания первого начала и первой причины, а лишь следы, так как все происходит от его воли или благости; последняя является принципом его действия, от которого происходят все следствия. Это же самое может быть усмотрено в искусственных вещах, поскольку тот, кто видит статую, не видит скульптора, кто видит изображение Елены, не видит Апеллеса, но видит следствие действия, которое происходит от блага апеллесовой одаренности; все же является следствием акциденций и свойств субстанции этого человека, каковой, что касается его абсолютного бытия, нисколько не познан.

Диксон. Так что познать вселенную — это не значит познать какую-нибудь из сущностей или субстанций первого начала, ибо это значит лишь познать акциденции акциденций.

Теофил. Верно, но я не хотел бы, чтобы вы воображали, будто я понимаю это так, что в боге имеются акциденции или же что он может быть познан как бы посредством своих акциденций.

---

[117] Все латинские изречения и цитаты приводятся в русском переводе.

Диксон. Я не приписываю вам столь грубого намерения; одно дело, как мне известно, сказать относительно любой вещи, чуждой божественной природе, что это — акциденции, другое дело, что это — *его* акциденции и опять-таки другое дело, что это — *как бы* его акциденции. Последним способом выражения, мне кажется, вы хотите сказать, что вещи суть следствия божественного действия, каковые, хотя они и суть субстанция вещей, а также и сами природные субстанции, тем не менее суть как бы отдаленнейшие акциденции, поскольку дело идет о том, чтобы мы благодаря им получили адекватное познание божественной сверхприродной сущности.

Теофил. Вы хорошо говорите.

Диксон. Так что об этой божественной субстанции мы ничего не можем узнать как потому, что она бесконечна, так и потому, что она весьма далеко отстоит от этих следствий, являющихся крайним пределом достижений нашей дискурсивной способности; мы можем узнать лишь следы ее, как говорят платоники, отдаленные следствия, как говорят перипатетики, оболочку, как говорят каббалисты; мы можем созерцать ее как бы сзади, как говорят талмудисты, в зеркале, в тени и посредством загадок, как говорят апокалиптики.

Теофил. Еще более. Так как мы не обозреваем сразу в совершенстве этой вселенной, чью субстанцию и начало столь трудно понять, то отсюда вытекает, что мы познаём первое начало и причину по их следствиям в гораздо меньшей степени, чем может быть познан Апеллес по сделанным им статуям; ибо эти последние мы можем видеть целиком и исследовать по частям, но это невозможно по отношению к великому и бесконечному созданию божественного могущества. Итак, это уподобление должно быть понято не без соответственного ограничения.

Диксон. Это так, и так я это понимаю.

Теофил. Будет поэтому правильным воздержаться от разговоров о столь возвышенном предмете.

Диксон. Я с этим согласен, ибо для морали и богословия достаточно знать первое начало в тех пределах, в каких нам открыли его высшие божества и разъяснили божественные люди. Кроме того, не только любой закон и богословие, но также и все реформированные философии приходят к выводу, что лишь непосвященному беспокойному уму свойственно стремление искать смысл и желание найти определение тех вещей, которые находятся выше сферы нашего понимания.

Теофил. Хорошо. Но они не столь достойны порицания, сколь величайших похвал заслуживают те, кто стремится к познанию этого начала и причины для того, чтобы познать по мере возможности его величие, созерцая очами размеренных чувств эти великолепные звезды и сияющие тела; и столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим; так как невозможно, чтобы они имели бытие сами по себе, принимая во внимание, что они сложны по составу и разложимы (хоть и не поэтому они заслуживают гибели, как это хорошо сказано в «Тимее»[118]), то необходимо следует, что они знают начало и причину, а следовательно, и величие его бытия, жизни и действия: они показывают и проповедуют в бесконечном пространстве бесчисленными голосами бесконечное превосходство и величие своего первого начала и причины. Итак, оставляя в стороне, как вы говорите, это рассмотрение, поскольку оно превышает всякое чувство и рассудок, мы будем рассматривать начало и причину, поскольку они, в следе, или являются самой природой или лишь отражаются на ее поверхности и в недрах. Вы же спрашивайте лишь в известном порядке, если хотите, чтобы я в порядке вам отвечал.

Диксон. Так я и поступлю. Но прежде всего, так как вы обычно говорите *причина и начало*[119], то я хотел бы знать, употребляются ли вами эти названия как синонимы.

---

[118] Платон. Тимей, 41 А-В.

[119] Чтобы понять смысл, который Бруно вкладывает в термины *начало,* или *принцип,* и *причина,* нужно принять во внимание, что он заимствовал и эти термины у Аристотеля; аристотелевское учение о четырех видах причин — материальной, формальной, действующей и конечной — Бруно преобразовал в следующем направлении: началом он называет внутреннюю причину всех вещей, собственно же причина, по его мысли, действует извне; из четырех причин Аристотеля у Бруно получают преобладание действующая и материальная причины. Единая субстанция, или природа, состоит, по его мысли, из материи и силы; учение его принимает материалистический и атеистический характер.

Т е о ф и л . Нет.

Д и к с о н . Какова же разница между тем и другим термином?

Т е о ф и л . Я отвечаю, что, называя бога первым началом и первой причиной, мы подразумеваем одну и ту же вещь в различных смыслах; когда же мы называем начала и причины в природе, мы подразумеваем различные вещи в их различных смыслах. Мы называем бога первым началом, поскольку все вещи ниже его и следуют согласно известному порядку прежде или позже, или же сообразно своей природе, длительности и достоинству. Мы называем бога первой причиной, поскольку все вещи отличны от него как действие от деятеля, произведенная вещь от производящей. И эти два смысла различны, ибо не всякая вещь, которая существует раньше и более достойна, является причиной того, что существует позже и менее достойно, и не всякая вещь, которая является причиной, существует раньше и более достойна той, которая причинена, как это вполне ясно всякому, кто умеет хорошо рассуждать.

Д и к с о н . Скажите же, какова разница между причиной и началом в предметах природы?

Т е о ф и л . Хотя одно выражение иногда употребляется вместо другого, тем не менее, говоря в собственном смысле слова, не всякая вещь, являющаяся началом, есть причина, ибо точка — это начало линии, но не ее причина; мгновение есть начало действия, terminus a quo, следовательно, есть начало движения, но не причина движения; предпосылки суть начало доказательства, но не причина его. Поэтому *начало* — более общее выражение, чем *причина.*

Д и к с о н . Следовательно, уточняя оба эти выражения до известных собственных их значений, сообразно привычке тех, кто говорит более реформированным образом, я полагаю, что под *началом* вы понимаете то, что внутренним образом содействует устроению вещи и остается в следствии, как, например, материя и форма, остающиеся в составе, или же элементы, из которых составляется вещь и на которые она разлагается. *Причиною* вы называете то, что содействует произведению вещи внешним образом и имеет бытие вне состава, каковы действующая причина и цель, которая имеется в виду при изготовлении вещи.

Т е о ф и л . Совершенно верно.

Д и к с о н . Итак, после того как мы решили относительно различия между этими вещами, я прежде всего хочу, чтобы вы выяснили ваше отношение к причинам, а затем к началам. Что касается причин, то я прежде всего хотел бы знать, — что такое первая действующая причина и что такое формальная, которая, по вашим словам, соединена с действующей; кроме того, что такое конечная, которая понимается как движущая эту последнюю.

Т е о ф и л . Мне очень нравится тот порядок, согласно которому вы предлагаете излагать предмет. Итак, что касается действующей причины, то я утверждаю, что всеобщая физическая действующая причина — это всеобщий ум, который является первой и главной способностью души мира, каковая есть всеобщая форма мира.

Д и к с о н . Это ваше утверждение мне кажется в основном согласным с мнением Эмпедокла[120], но только оно выражено у вас вернее, точнее и яснее, а кроме того, если судить по названию, оно и более глубокомысленно. Поэтому вы обяжете нас, если перейдете к разъяснению всего в подробностях, начиная с указания, что такое этот всеобщий ум.

Т е о ф и л . Всеобщий ум — это внутренняя, реальнейшая и специальная способность и потенциальная часть души мира. Это есть единое тождественное, что наполняет все, освещает вселенную и побуждает природу производить как следует свои виды и, таким образом, имеет отношение к произведению природных вещей, подобно тому как наш ум соответственно производит разумные образы. Это он, ум, называется пифагорейцами двигателем и возбудителем вселенной, как поясняет поэт, говоря:

... Разлившись по членам.
Движет громадою ум, смесившись с телом великим.

---

[120] *Эмпедокл* — древнегреческий философ-материалист и естествоиспытатель (V в. до н. э.). В основу всего он кладет четыре материальных элемента: огонь, воздух, воду и землю, присоединяя к ним две движущие силы: объединяющую и. разъединяющую, которые он называет «любовью» и «ненавистью».

Это он назван платониками кузнецом мира. Этот кузнец, говорят они, переходит от высшего мира, который в действительности един, к этому чувственному миру, который разделен на многие части, поэтому здесь господствует не только дружба, но также и разногласие вследствие расстояния между частями. Этот ум, сообщая и передавая нечто от себя материи, оставаясь спокойным и неподвижным, производит все. Магами он назван обильнейшим семенем и даже сеятелем; ибо это он оплодотворяет материю всеми формами и, сообразно их смыслам и условиям, придает ей фигуру, формирует и слагает в таком удивительном порядке, который не может быть приписан случаю или какому-либо другому началу, не умеющему различать и упорядочивать. Орфей называет его оком мира, ибо он наблюдает внутри и извне за всеми природными вещами, с тем чтобы все не только внутри, но и вовне производилось и содержалось в собственной соразмерности. Эмпедоклом он назван различителем, как тот, кто никогда не перестает развивать неясные формы в лоне материи и возбуждать порождение одной вещи из гибели другой. Плотин называет его отцом и прародителем, ибо он распределяет семена на поле природы и является ближайшим распределителем форм. Нами он называется внутренним художником, потому что формирует материю и фигуру изнутри, как изнутри семени или корня выводит и оформляет ствол, изнутри ствола гонит суки, изнутри суков — оформленные ветви, изнутри этих распускает почки, изнутри почек образует, оформляет, слагает, как из нервов, листву, цветы, плоды и изнутри в определенное время вызывает соки из листвы и плоды на ветвях, из ветвей в суки, из суков в ствол, из ствола в корень. Развивая подобным же образом свою деятельность в животных сначала из семени и из центра сердца к внешним членам и стягивая потом из последних к сердцу распространенные способности, он этим действием как бы соединяет уже протянутые нити. Итак, если мы полагаем, что не без размышления и интеллекта сделаны те, как бы мертвые, произведения, какие мы умеем измышлять в известном порядке и уподоблении на поверхности материи, когда, обработав и вырезав дерево, производим изображение лошади, то не должны ли мы более великим считать тот художественный интеллект, который изнутри семенной материи сплачивает кости, протягивает хрящи, выдалбливает артерии, вздувает поры, сплетает фибры, разветвляет нервы и со столь великим мастерством располагает целое? Более великим художником не является ли тот, говорю я, кто не связан с одной какой-либо частью материи, но непрерывно совершает все во всем? Имеется три рода интеллекта: божественный, который есть все, этот мировой, который делает все, остальные — частные, которые становятся всем; потому что необходимо, чтобы между крайними находился этот средний, который есть истинная действующая причина всех природных вещей, имеющая не только внешний, но и внутренний характер[121].

Диксон. Теперь мне хотелось бы увидеть различие между тем, как вы понимаете его в качестве внешней причины и как в качестве внутренней.

Теофил. Я называю его внешней причиной, поскольку в качестве действующей причины он не является частью сложных и произведенных вещей. Он является внутренней причиной, поскольку действует не на материю и не вне ее, но так, как это было только что сказано. Отсюда он есть внешняя причина по своему бытию, отличному от субстанции и сущности следствий, и потому что бытие его не такое, как у возникающих и уничтожающихся вещей, хотя он и действует в них; он есть внутренняя причина относительно акта своей деятельности.

Диксон. Мне кажется, что вы вполне достаточно высказались относительно действующей причины. Итак, я хотел бы понять, что вы называете формальной причиной, которая, по вашему мнению, связана с действующей; быть может, это — идеальное понятие?

[121] Бруно считает, что существует «мировая душа», которая имеет характер истинно действующей причины, притом действующей не извне, а изнутри, т.е., по сути дела, Бруно устраняет бога из своего понимания природы. «Мировая душа» лишена сознания и не обладает личностью. Таким образом, его учение приобретает характер не только материалистический, но и атеистический.

Ибо всякому деятелю, который действует сообразно интеллектуальному правилу, удается производить следствия лишь сообразно известному намерению; а последнее предполагает предвосхищение какой-нибудь вещи; это же есть не что иное, как форма вещи, которая должна быть сделана. Тем самым этот интеллект, имеющий способность производить все виды и с такой прекрасной соразмерностью извлекать их из возможности материи к действительности, с необходимостью должен всех их предвосхищать сообразно известному формальному понятию, без которого деятель не мог бы перейти к своей деятельности, как для скульптора невозможно создать различные статуи, не предвосхитив сначала в мысли различные формы.

Теофил. Вы превосходно это понимаете, ибо я считаю необходимым различать два рода формы: одну, являющуюся причиной, но уже не действующей, а той, благодаря которой действующая действует, и другую, являющуюся началом, которое возбуждается к деятельности действующей причиной и находится в материи.

Диксон. Цель и конечная причина, которую полагает себе деятель, — это совершенство вселенной; последнее же состоит в том, что в различных частях материи все формы имеют актуальное существование. Этой целью интеллект восхищается и наслаждается в такой степени, что он никогда не утомляется в извлечении из материи всех родов форм, как, кажется, полагает и Эмпедокл.

Теофил. Совершенно верно. Я добавляю к этому, что как эта действующая причина носит универсальный характер во вселенной и специальный и особенный в ее частях и членах, точно такой же характер имеют ее форма и ее цель.

Диксон. Итак, достаточно сказано о причинах; перейдем к рассуждению о началах.

Теофил. Чтобы прийти таким образом к основополагающим началам вещей, сначала я буду рассуждать о форме как о тождественном известном образе с уже доказанной действующей причиной, ибо интеллект, являющийся одной из потенций мировой души, уже назван ближайшей действующей причиной всех природных вещей.

Диксон. Но каким образом один и тот же субъект может быть началом и причиной всех природных вещей? Как может он относиться внутренним образом, а не внешним?

Теофил. Я говорю, что это приемлемо, принимая во внимание, что душа находится в теле, как кормчий на корабле. Этот кормчий, поскольку он движется вместе с кораблем, является его частью; если же рассматривать его, поскольку он управляет и движет, то следует понимать его не как часть, но как самостоятельного деятельного агента. Так и душа вселенной, поскольку она одушевляет и оформляет, является ее внутренней и формальной частью; но в качестве того, что движет и управляет, не является частью, имеет смысл не начала, но причины. В этом с нами согласен сам Аристотель; хотя он и отрицает, что душа имеет то же отношение к телу, что кормчий к кораблю, тем не менее, рассматривая ее сообразно той потенции, благодаря которой она понятлива и мудра, он не решается назвать ее актом и формой тела; но говорит, что это — вещь, привходящая извне, сообразно своей субсистенции, отделенная от состава подобно агенту, отделенному от материи сообразно бытию.

Диксон. Я согласен с тем, что вы говорите, ибо если интеллектуальная потенция нашей души может быть бытием, отделенным от тела, и если она имеет смысл действующей причины, то тем более это необходимо утверждать относительно мировой души; ибо Плотин говорит в писаниях против гностиков, что с *большей легкостью мировая душа господствует над вселенной, чем наша душа над нашим телом,* потому что большое различие есть между тем способом, каким управляет одна и другая. Одна, не будучи скованной, управляет миром таким образом, что сама не становится связанной теми вещами, над которыми господствует; она не претерпевает от другой вещи и не страдает вместе с другими вещами; она без затруднения возносится к высшим вещам; сообщая телу жизнь и совершенство, она не получает от него никакого несовершенства, и потому она вечно связана с одним и тем же предметом. Относительно же второй ясно, что она находится в противоположных условиях. Итак, если, сообразно вашему принципу совершенства, находящиеся в низших природах в более высокой степени должны быть приписаны высшим природам и познаны в них, то, без всякого сомнения, мы должны утверждать то различие, которое вы выставили.

Это подтверждается не только мировой душой, но также каждой звездой, как полагает названный философ, говоря, что все они имеют возможность созерцать божество, начала всех вещей и порядок всех частей вселенной; и он полагает, что это происходит не при помощи памяти, рассуждения и размышления, так как всякое их дело есть дело вечное, и нет действия, которое было бы для них новым, и поэтому все, что они делают, они делают подходящим ко всему и при том совершенным способом, в определенном и предустановленном порядке, без действия размышления. Пример совершенного писателя и кифариста приводит также Аристотель; из того факта, что природа не рассуждает и не думает, полагает он, нельзя сделать вывод, что она действует без интеллекта и конечного намерения, потому что превосходные музыканты и писатели меньше размышляют о том, что делают, и, однако, не ошибаются, подобно людям более грубым и косным, которые хотя и более об этом думают, и размышляют, однако создают произведения менее совершенные и, кроме того, не без ошибок.

Т е о ф и л . Вы правильно понимаете. Обратимся же к более частному. Мне кажется, что преуменьшают божественную доброту и превосходство этого великого одушевленного подобия первого начала те, кто не хочет понять и утверждать, что мир одушевлен вместе с его членами; как если бы бог завидовал своему подобию, как если бы архитектор не любил своего отдельного произведения. Платон говорит о нем, что он радуется своему созданию благодаря тому, что в нем отражается его подобие. Может ли вещь более прекрасная, чем эта вселенная, представиться глазам божества? И так как она состоит из своих частей, то какую из них следует ценить больше, чем формальное начало? Я оставляю для лучшего и более частного рассуждения тысячи природных оснований, кроме этого топического, или логического.

Д и к с о н . Я полагаю, что вам нет надобности стараться об этом, так как ни один более или менее известный философ, также и среди перипатетиков, не станет отрицать, что мир и его сферы известным образом одушевлены[122]. Теперь я хотел бы понять, каким образом, полагаете вы, эта форма проникает в материю вселенной?

Т е о ф и л . Она присоединяется к ней таким образом, что природа тела, которая сама по себе не прекрасна, но обладает этой способностью, становится причастной красоте, так как нет красоты, которая не выражалась бы в каком-нибудь виде или форме, нет никакой формы, которая не была бы произведена из души.

Д и к с о н . Мне кажется, я слышу совершенно новую вещь: не полагаете ли вы, что не только форма вселенной, но и все подобные формы природных вещей являются душой?

Т е о ф и л . Да.

Д и к с о н . Следовательно, все они одушевлены?

Т е о ф и л . Да.

Д и к с о н . Но кто же согласится с этим?

Т е о ф и л . Но кто же обоснованно это опровергнет?

Д и к с о н . Общее мнение, что не все вещи живут.

Т е о ф и л . Мнение более общее не есть более истинное.

Д и к с о н . Я легко готов допустить, что это можно защищать. Но для того, чтобы какая-либо вещь была истинной, недостаточно возможности ее защищать, так как необходимо, чтобы ее можно было также и доказать.

Т е о ф и л . Это не представляет трудности. Разве нет философов, которые полагали бы, что мир одушевлен?

Д и к с о н . Конечно, таковых много, и притом первейших.

Т е о ф и л . Почему же им не утверждать, что все части мира одушевлены?

---

[122] Аристотель в ряде сочинений проводит идею об одушевленности всех вещей. Он называет одушевленными созвездия и стихии; в воздухе и ветре имеется нечто подобное жизни. Причиной образования органических существ он считает распространенную повсюду теплоту, имеющую характер души. Земля проходит своеобразный жизненный цикл — от юности к старости. Природа находится в процессе развития, переходя от безжизненного к живому.

Диксон. Они утверждают это, конечно, но о главнейших частях, о тех, которые являются истинными частями мира, так как они полагают, что душа находится вся во всем мире и вся в любой его части, с не меньшим основанием, чем душа живого существа, воспринимаемого нашими чувствами, есть вся для всего.

Теофил. Каковы же, вы полагаете, эти не истинные части мира?

Диксон. Те, что не суть *первые тела,* как говорят перипатетики, каковы земля с водами и другие части, которые, по вашему утверждению, образуют цельное одушевленное — луна, солнце и другие тела; кроме этих главных одушевленных имеются те, что не являются первыми частями вселенной; одним из них приписывают растительную душу, другим — чувственную, третьим — интеллектуальную.

Теофил. Итак, если душа тем самым, что находится во всем, находится также в частях, почему вы не допускаете, что она находится также и в частях частей?

Диксон. Я допускаю, но в частях частей одушевленных вещей.

Теофил. Каковы же те вещи, что не одушевлены или не являются частями одушевленных тел?

Диксон. Разве не кажется вам, что некоторые из них У нас перед глазами? Все вещи, не обладающие жизнью.

Теофил. А каковы суть вещи, не обладающие жизнью или, по меньшей мере, жизненным началом?

Диксон. Следовательно, вы полагаете, что нет вещи, не обладающей душою или, по крайней мере, жизненным началом?

Теофил. Именно это я, в конце концов, полагаю.

Полиинний. Следовательно, мертвое тело имеет душу. Следовательно, мои башмаки, мои туфли, мои сапоги, мои шпоры, мое кольцо и мои перчатки оказываются одушевленными? Мой плащ и моя мантилья одушевлены?

Гервазий. Да, мессер, да, маэстро Полиинний, почему нет? Я крепко верю, что твой плащ и твоя мантилья, конечно, одушевлены, когда содержат внутри себя такое животное, как ты; сапоги и шпоры одушевлены, когда надеты на ноги; шляпа одушевлена, когда содержит в себе голову, которая не лишена души; и конюшня также одушевлена, когда содержит в себе лошадь, мула и самое вашу милость! Не так ли вы понимаете ее, Теофил? Не кажется ли вам, что я лучше понял это, чем господин магистр?

Полиинний. «Чей скот?» Как если бы не встречались среди ослов еще и еще утонченные? Как осмеливаешься ты, невежда, простофиля, приравнивать себя к архиученнейшему, ко мне, руководителю школы Минервы?

Гервазий. Мир вам, господин магистр, я слуга слуг и скамейка для ног ваших.

Полиинний. Да проклянет тебя господь во веки веков!

Диксон. Без гнева! Дайте нам закончить обсуждение этих вещей.

Полиинний. Итак, пусть Теофил продолжает свои утверждения.

Теофил. Так я и сделаю. Итак, я утверждаю, что ни стол как стол не одушевлен, ни одежда, ни кожа как кожа, ни стекло как стекло; но как вещи природные и составные они имеют в себе материю и форму. Сколь бы незначительной и малейшей ни была вещь, она имеет в себе части духовной субстанции, каковая, если находит подходящий субъект, стремится стать растением, стать животным и получает члены любого тела, каковое обычно называется одушевленным, потому что дух находится во всех вещах и нет ни малейшего тельца, которое бы не заключало в себе возможности стать одушевленным.

Полиинний. Итак, все, что существует, есть одушевленное.

Теофил. Не все вещи, обладающие душой, называются одушевленными.

Диксон. Следовательно, по меньшей мере, все вещи обладают жизнью.

Теофил. Я допускаю, что вещи имеют в себе душу, обладают жизнью сообразно субстанции, но не сообразно акту и действию в том смысле, какой им придают все перипатетики и те, кто жизнь и душу определяют сообразно известным, слишком грубым основаниям.

Диксон. Ваши слова кажутся мне известным образом правдоподобными; таким образом, можно было бы поддерживать мнение Анаксагора, полагавшего, что всякая вещь находится во всякой вещи, так как дух, или душа, или всеобщая форма, находится во всех вещах и из всего все может произойти.

Т е о ф и л . Я утверждаю не правдоподобное, но истинное, так как этот дух находится во всех вещах, каковые, если не суть живые, суть одушевленные; если они в действительности не обладают одушевленностью и жизнью, все же они обладают ими сообразно началу и известному первому действию. И я не утверждаю большего, так как в данном случае я не хочу говорить о свойствах многих камешков и драгоценных камней; будучи отшлифованными, граненными и живописно расположенными в оправе, они имеют известную способность возвышать дух и возбуждать новые чувства и страсти не только в теле, но и в душе. И мы знаем, что подобные следствия не происходят и не могут происходить от чисто материального качества, но с необходимостью относятся к символическому жизненному и душевному началу; кроме того, то же самое мы чувственно наблюдаем в мертвых сучьях и корнях, которые, очищая и собирая соки, изменяя жидкости, с необходимостью проявляют признаки жизни. Я оставлю в стороне тот факт, что не без причины некроманты надеются произвести многое при помощи костей мертвецов[123] и полагают, что эти кости удерживают если не то же самое, то все же то или другое жизненное действие, которое в известных случаях и приводит к необычайным следствиям. Я еще буду иметь случай пространно рассуждать относительно духа, души, жизни, ума, который во все проникает, во всем находится и приводит в движение всю материю, наполняет ее лоно и скорее превосходит ее, чем она превосходит его полноту, и превышает ее скорее, чем ею превышен, принимая во внимание, что духовная субстанция не может быть превзойдена материальной, но скорее полагает ей предел.

Д и к с о н . Это, мне кажется, соответствует не только мысли Пифагора, чье мнение приводит поэт, когда говорит:

Небо вначале с землей и с водяною равниной,
И сияющий шар луны, и светило Титана
Дух питает внутри, и всею, разлившись по членам,
Движет громадою ум, смесившись с телом великим[124],

но также мысли богослова, который говорит: дух *переполняет и наполняет землю, и он все ограничивает.* А другой, говоря, быть может, о связи формы с материей и потенцией, заявляет, что последнюю превышают акт и форма.

Т е о ф и л . Итак, если дух, душа, жизнь, находится во всех вещах и сообразно известным степеням наполняет всю материю, то достоверно, что он является истинным действием и истинной формой всех вещей. Итак, душа мира — это формальное образующее начало вселенной и всего, что в ней содержится. Я утверждаю, что если жизнь находится во всех вещах, то, следовательно, душа является формой всех вещей; во всем она главенствует над материей и господствует в составных вещах, производит состав и конституцию частей. И поэтому устойчивость не менее подходит подобной форме, чем материи. Она, я полагаю, едина для всех вещей; сообразно же разнообразию расположений материи и сообразно способности активных и пассивных материальных начал[125], она производит различные формообразования и различные способности, показывая то действие жизни без чувства, то действие жизни и чувства без интеллекта; иногда же кажется, что все ее способности придавлены и подавлены или же неразумностью, или же другой особенностью материи. Так, при всей изменчивости местопребываний и превратностей этой формы невозможно, чтобы она уничтожалась, потому что духовная субстанция не менее существенна, чем материальная. Итак, одни только внешние формы изменяются и также уничтожаются, потому что они не вещи, но лишь относятся к вещам, не субстанции, но лишь акциденции и обстоятельства субстанций.

П о л и и н н и й . Не сущности, но от сущностей.

Д и к с о н . Конечно, если бы что-либо от субстанций уничтожилось, исчез бы мир.

---

[123] Бруно разделял многие суеверия своей эпохи. Он говорит с уважением о хиромантии, некромантии и астрологии; он верит в удивительные свойства драгоценных камней.

[124] *Вергилий.* Энеида, кн. VI, 723-726.

[125] *Активные материальные начала* — теплое и холодное, *пассивные* — влажное и сухое.

Теофил. Итак, мы имеем внутреннее начало формальное, вечное и существенное, которое несравненно лучше того, что выдумано софистами, занимающимися акциденциями, не знающими субстанций вещей и в результате полагающими субстанции исчезающими, потому что они называют субстанцией больше всего, в первую очередь и главным образом то, что возникает из состава; это же есть не что иное, как акциденция, не содержащая в себе никакой устойчивости и истины и разрешающаяся в ничто. Они утверждают, что человек поистине есть то, что возникает из состава, что душа поистине — то, что есть совершенство и действительность живого тела или же вещь, возникающая из известной соразмерности строения и членов; отсюда неудивительно, что они внушают другим такой страх перед смертью и сами столь страшатся смерти и разрушения, как люди, которым угрожает выпадение из бытия. Против этого неразумия природа кричит громким голосом, ручаясь нам за то, что ни душа, ни тело не должны бояться смерти, потому что как материя, так и форма являются постояннейшими началами:

О запуганный род перед ужасом смерти холодной:
Что же вы Стикса, ночей и пустых названий боитесь,
Лишь поэтических грез и опасностей лживого мира?
Хоть бы тело костер огнями иль плесенью ветхость
Уничтожили, все не считайте, что вред ему выйдет.
Смерти не знает душа и всегда, первобытный покинув
Дом, избирает иной и, в нем водворясь, проживает.
Все изменяется, но ничто не гибнет[126].

Диксон. В согласии с этим, мне кажется, говорит Соломон, считавшийся мудрейшим среди евреев: *Что такое то, что есть? То же, что было. Что такое то, что было? То же, что есть. Ничто не ново под солнцем.* Так что эта форма, которую вы полагаете, не является существующей в материи и присущей ей сообразно бытию; ее существенность не зависит от тел и материи.

Теофил. Это так. И, кроме того, я не определяю, вся ли форма сопровождаема материей, тогда как относительно материи я уже уверенно утверждаю, что она не является частью, которая фактически была бы лишена формы, если только не определять ее чисто логически, как полагает Аристотель, который никогда не перестает разделять разумом то, что неделимо сообразно с природой и истиной[127].

Диксон. Не допускаете ли вы существования другой формы, кроме этой, вечно сопровождающей материю?

Теофил. Да, и еще тем более естественной, что это — материальная форма, о которой мы будем рассуждать дальше. Покамест заметьте то отличие формы, что она является видом *первой* формы, которая формирует, расстилается в пространстве и зависит от материи; так как она формирует все, она есть во всем; так как она расстилается в пространстве, то она сообщает совершенство целого частям; так как она зависит и не действует сама по себе, она сообщает частям действие целого, а также его имя и бытие. Такова материальная форма, например, огня, ибо всякая часть огня согревает, называется огнем и есть огонь. Во-вторых, есть другой вид формы, которая формирует и зависит, но не расстилается в пространстве; и таковая, делая его совершенным и реализуя целое, находится в целом и во всякой его части; так как она не расстилается в пространстве, от этого происходит то, что действительности целого она не приобщает к частям, но так как она зависит, то действие целого она частям сообщает. Такова душа растительная и чувственная, так как никакая часть животного не есть животное, и тем не менее каждая часть живет и чувствует. В-третьих, есть еще иной вид формы, каковая реализует и делает совершенным целое, но не занимает пространства и не зависима от своей деятельности. Так как она реализует и делает совершенным, то находится во всем и во всякой части; так как она не занимает пространства, то совершенство целого не приобщает к частям; так как она не зависит, то не сообщает действия.

---

[126] *Овидий.* Метаморфозы, кн. XV, 153-159, 165.

[127] В «мировой душе» Бруно материя и форма неразрывно между собой связаны. Он выступает против учения Аристотеля о том, что высшая форма исключает из себя все материальное.

Такова душа, поскольку она может возбуждать интеллектуальную потенцию, и она называется интеллектуальной; она не образует какой-либо части человека, которая могла бы называться человеком, была бы человеком и о которой можно было бы сказать, что она обладает разумом. Из этих трех видов первый — это материальная форма, которая не может быть понята без материи и не может существовать без нее; другие два вида (каковые, в конце концов, совпадают в одном, сообразно субстанции и бытию, и различаются вышеуказанным способом) знаменуют собою то формальное начало, которое отличается от начала материального[128].

Диксон. Понимаю.

Теофил. Кроме того, я хочу предупредить, что хотя по обычному способу выражения мы и говорим, что имеется пять степеней формы, т.е. элементарная, смешанная, растительная, чувственная и интеллектуальная, мы, однако, не понимаем это в вульгарном смысле, так как это различение имеет силу только сообразно действиям, появляющимся и происходящим от предметов, но не по отношению к первичному и основному бытию этой формы и духовной жизни, которая сама наполняет все, но не по одному и тому же способу.

Диксон. Понимаю. Так что эта форма, принимаемая вами за начало, есть форма существенная, образует совершенный вид, существует в собственном роде, а не является частью видов как форма перипатетическая.

Теофил. Именно так.

Диксон. Различие форм в материи не происходит сообразно случайным расположениям, зависящим от материальной формы.

Теофил. Верно.

Диксон. Отсюда также и та отделенная форма не умножается сообразно числу, так как всякое численное умножение зависит от материи.

Теофил. Так.

Диксон. Кроме того, в себе неизменная, она изменчива посредством предметов и разнообразия материи. И подобная форма, хотя в предмете она заставляет делать отличие части от целого, сама не различается в части и в целом; хотя один смысл ей подходит как существующей самой по себе, другой — поскольку она действительность и совершенство какого-нибудь предмета; иной смысл — в отношении предмета, расположенного одним способом, опять-таки другой — в отношении предмета, расположенного иным способом.

Теофил. Точно так.

Диксон. Вы не понимаете этой формы как случайную или подобную случайному, ни как примешанную к материи, ни как извне присущую ей, но как существующую внутри ее, связанную с ней, в ней присутствующую.

Теофил. Так я утверждаю.

Диксон. Кроме того, эта форма определена и ограничена материей, так как, имея в себе способность установить частности бесчисленных видов, она ограничивается установлением одного индивида; с другой же стороны, потенция неограниченной материи, могущей принять любую форму, приходит к ограничению одним видом, так что одна есть причина определения и ограничения другой.

Теофил. Очень хорошо.

Диксон. Итак, вы известным образом согласны с мнением Анаксагора, называющего частные формы природы *скрытыми,* отчасти с мнением Платона, выводящего их из идей, отчасти с мнением Эмпедокла, для которого они происходят из разума, и известным образом с мнением Аристотеля[129], для которого они как бы исходят из потенции материи?

---

[128] Бруно различает следующие виды форм: 1) форма, обладающая протяженностью; части ее обладают всеми свойствами целого; так обстоит дело в неорганической природе; 2) форма, не обладающая протяженностью, но зависящая от материи; части ее не подобны целому, но каждая часть содействует деятельности целого согласно своей особой природе; такова форма, составляющая начало органической жизни; 3) форма, не зависимая от материи; части ее не только не похожи на целое, но и не содействуют деятельности целого ни в каком смысле; таков разум. В этом делении Бруно примыкает к Аристотелю, который различал элементы, или стихии, «гомеомерии» (тела с одинаковыми частями), органические тела и разум, причем стихии иногда причисляются Аристотелем к «гомеомериям».

[129] Бруно отмечает у древнегреческих философов черты, родственные своему учению, и называет в качестве своих предшественников Анаксагора, Эмпедокла, Платона и Аристотеля. В действительности же его

Т е о ф и л . Да, ибо, как мы уже сказали, где есть форма, там есть известным образом все; где есть душа, дух, жизнь, там есть все. Формообразователь есть интеллект для идеальных видов и формирует их; если он не извлекает их из материи, то все же не вымаливает их вне ее, так как этот Дух наполняет все.

П о л и и н н и й . Я хотел бы знать, каким образом форма является душою мира, присутствующей повсюду как целое, если она неделима. Она, следовательно, необходимо должна быть весьма велика, даже бесконечного размера, если утверждается, что мир бесконечен.

Г е р в а з и й . Есть достаточное основание, чтобы она была большой. Один проповедник в Грандаццо, в Сицилии, утверждал то же о нашем господе. В знак того, что последний присутствует во всем мире, он соорудил распятие столь большого размера, как церковь, наподобие бога-отца, для которого эмпирейное небо служит балдахином, звездное небо — сиденьем и у которого столь длинные ноги, что они касаются земли, служащей ему скамеечкой. К нему пришел с вопросом один крестьянин, говоря: «Уважаемый отец мой, сколько же локтей сукна потребуется, чтобы сделать ему штаны?», — а другой сказал, что не хватило бы всего гороха, фасоли и бобов из Мелаццо и Никозии, чтобы наполнить ему брюхо. Итак, смотрите, чтобы также и эта душа мира не была сделана по этому образцу.

Т е о ф и л . Я не знаю, как ответить на твое сомнение, Гервазий, но легко могу ответить на сомнение маэстро Полиинния. Все же я скажу с известным уподоблением, чтобы удовлетворить просьбу обоих, так как я хочу, чтобы также и вы унесли какой-нибудь плод от наших рассуждений и разговоров. Итак, вкратце, вы должны знать, что душа мира и божество не целиком присутствуют во всем и во всякой части таким же образом, каким какая-либо материальная вещь может там быть, так как это невозможно для любого тела и любого духа; они присутствуют таким образом, который нелегко вам объяснить иначе, чем так: вы должны заметить, что если о душе мира и о всеобщей форме говорят, что они суть во всем, то при этом не понимается — телесно и пространственно, так как таковыми они не являются и таким образом они не могут быть ни в какой части; но они суть целиком во всем духовным образом. Так, например, грубо говоря, вы можете вообразить себе голос, который есть целиком во всей комнате и в любой ее части, так как он отовсюду слышим весь; так эти слова, которые я произношу, слышимы все всеми, даже если бы присутствовали тысячи; и мой голос, если бы он мог распространиться по всему миру, был бы весь во всем. Итак, я говорю вам, маэстро Полиинний, что душа не является неделимой, как точка, но известным образом она неделима, как голос. И я отвечаю тебе, Гервазий, что божество не есть во всем, как бог из Грандаццо во всей его капелле, так как последний хотя и находится во всей церкви, однако не находится в ней целиком, но голова его в одной части, ноги — в другой, руки и бюст — в новой и новой части. Но это находится все в любой части, как мой голос слышим весь из всех частей этого зала.

П о л и и н н и й . Я прекрасно понял.

Г е р в а з и й . Я же воспринял ваш голос.

Д и к с о н . Я верю, что касается голоса; что же касается утверждения, я думаю, что оно вошло в одно ухо и ушло через другое.

Г е р в а з и й . Я думаю, что оно здесь еще и не вошло, так как уже поздно и часы, что у меня в желудке, указали час ужина.

П о л и и н н и й . Это значит, то есть, что ты помышляешь о еде.

Д и к с о н . Итак, достаточно. Завтра мы соберемся, чтобы рассуждать, быть может, о материальном начале.

Т е о ф и л . Я вас буду поджидать или вы меня поджидайте на этом месте.

Конец второго диалога

учение решительно отличается от представлений, которые имели о мире названные философы, в особенности идеалист Платон.

Диалог третий

Гервазий. Время уже наступило, а они еще не пришли. Так как у меня нет никакого другого занятия, которое бы меня увлекало, я хочу заполнить свое время тем, чтобы послушать, как они рассуждают. От них я могу получить различные сведения о шахматах философии, во всяком случае я хорошо провожу время благодаря сверчкам, поющим в этом испорченном мозгу педанта Полиинния. Он заявляет, что желает судить, кто правильно говорит, кто лучше рассуждает, кто совершает непоследовательности и ошибки в философии, когда же затем наступает время ему самому высказаться со своей стороны, он, не зная, что преподать, начинает тебе вытягивать изнутри своего ветром подбитого педантства салат изречений из латинских и греческих фраз, которые никогда не приходятся кстати к тому, что говорят другие; поэтому нет слепца, который бы без особой трудности не мог увидеть, насколько он глуп в своем образовании, между тем как другие мудры в своей необразованности. Но вот и он, честное слово! Он так идет, что кажется, даже шагая, и то продвигается по-ученому. *Господин магистр,* благополучно прибыл?

Полиинний. Этот *магистр* меня не интересует, потому что в наше развращенное ужасное время — это звание стали придавать не только мне равным, но и любому цирюльнику, чернорабочему и кастратору кабанов; дается же совет: не называйтесь учителями.

Гервазий. Как же следует к вам обращаться? Нравится вам — *достопочтеннейший?*

Полиинний. Это священническое и клерикальное.

Гервазий. Не подойдет ли — *знаменитейший?*

Полиинний. Пусть оружие уступает место тоге. Это обращение более подходит к рыцарям и придворным.

Гервазий. А *кесарское величество?*

Полиинний. Воздайте кесарево кесарю.

Гервазий. Итак, примите *господин;* оставьте название громовержца, отца богов. Вернемся к нам; почему вы все так запоздали?

Полиинний. Я думаю, что и остальные так же занялись каким-либо другим делом, как я, чтобы не пропустить этого дня без строчки, занялся созерцанием отпечатка глобуса, называемого вульгарно картой земных полушарий.

Гервазий. Что же вы делаете с картой земных полушарий?

Полиинний. Я созерцаю части земли, климаты, области и страны; их всех я прошел в идеальном представлении, а многие из них и в действительности, своими ногами.

Гервазий. Я хотел бы, чтобы ты когда-нибудь поразмыслил над самим собою, так как мне кажется, что это более важно для тебя, и я уверен, что об этом ты мало заботишься.

Полиинний. Да не будет недоброжелательства в слове; таким путем я с гораздо большим успехом прихожу к познанию самого себя.

Гервазий. А как ты меня в этом убедишь?

Полиинний. Тем, что от созерцания макрокосма легко, сделав необходимое умозаключение от подобного, прийти к познанию микрокосма, частицы которого соответствуют частям первого.

Гервазий. Так что мы найдем внутри вас Луну, Меркурия и другие звезды; Францию, Испанию, Италию, Англию, Калькутту и другие страны?

Полиинний. Почему нет? По известной аналогии.

Гервазий. По известной аналогии я думаю, что вы великий монарх. Если бы вы были хоть женщиной, я спросил бы, нельзя ли в вас поместить какого-нибудь парнишку или одно из тех растений, о которых говорит Диоген.

Полиинний. Ах, ах! Это некоторым образом забавно. Но это положение не подходит к мудрецу и эрудиту.

Гервазий. Если бы я был эрудитом и считал себя мудрецом, я не видел бы, чему учиться вместе с вами.

Полиинний. Вы — да, но я прихожу не для того, чтобы учиться, ибо мое дело — учить, для меня также важно судить тех, кто желает учить; поэтому цель моего прихода иная, чем та, ради которой должны приходить вы, кому приличествует быть новичком, начинающим, учеником.

Гервазий. Ради какой цели?

Полиинний. Чтобы судить, говорю я.

Гервазий. Действительно, людям, вам подобным, вполне и более, чем другим, подходит выносить суждение о науках и учениях; потому что вы те единственные, кому милость звезд и щедрость фатума предоставила способность извлекать сок из слов.

Полиинний. А, следовательно, также и из смыслов, которые присоединены к словам.

Гервазий. Как к телу душа.

Полиинний. Слова, если их хорошо понять, дают возможность правильно уловить также смысл; поэтому из познания языков (в которых я опытен более, чем кто-либо иной в этом городе, и считаю себя не менее ученым, чем любой, кто держит открытую школу Минервы) происходит познание любой науки.

Гервазий. Следовательно, все те, кто понимает итальянский язык, поняли бы философию Ноланца?

Полиинний. Да, но здесь необходимо еще некоторое другое упражнение и суждение.

Гервазий. Неоднократно я думал, что эта практика есть главное; ибо тот, кто не знает греческого языка, может понять весь смысл Аристотеля и распознать многие ошибки в нем. Вполне очевидно, что то идолопоклонство, с которым относились к авторитету этого философа, особенно что касается природных вещей, совершенно уничтожено теми, кто понимает учения, приносимые этой другой школой; и тот, кто не знает ни греческого, ни арабского, ни, быть может, латинского, как Парацельс[130], может лучше познать природу лекарств и медицины, чем Гален[131], Авиценна[132] и все те, кто говорит по-латыни. Философия и наука о законах приходят к гибели от недостатка не в истолкователях слов, но в тех, кто углубляется во мнения.

Полиинний. Так, следовательно, ты включаешь меня в число глупой толпы.

Гервазий. Это противно воле богов, ибо я знаю, что благодаря знанию и занятию языками (что является делом редким и единственным) не только вы, но и все подобные вам являетесь ценнейшими для вынесения суждения об учениях, после того как просеяли мнения тех, кто этим занимается.

Полиинний. Так как вы говорите вполне правильно, то я легко могу убедить себя, что вы говорите это не без основания; если вам не тяжело привести это основание, быть может, вы не сочтете это для себя неудобным.

Гервазий. Желая раз навсегда высказаться относительно вашей мудрости и образованности, я скажу следующее: есть распространенная поговорка, что те, кто находится вне игры, понимают в ней больше, чем те, кто в ней участвует; так, например, те, которые присутствуют на спектакле, могут лучше судить о действии, чем те, которые находятся на сцене; и о музыке может дать лучший отзыв тот, кто не участвует в капелле или концерте; подобным же образом происходит при игре в карты, шахматы, фехтовании и т.п.

---

[130] *Филипп Теофраст Парацелъс* (1493—1541) — реформатор медицины, который в своих сочинениях подчеркивал свою «необразованность»; это было в эпоху, когда «образованность» заключалась в том, чтобы комментировать Гиппократа, Галена или Авиценну.

[131] *Гален* (131—201) — древнегреческий медицинский писатель и философ.

[132] *Авиценна* (Ибн-Сина) (980—1037) — знаменитый философ и автор медицинских сочинений, живший в Средней Азии и писавший по-арабски.

Так и вы, прочие синьоры-педанты, так как не имеете никакого отношения и касательства ни с какой стороны к науке и философии и не причастны и никогда не были причастны к Аристотелю, Платону и другим им подобным, вы, при помощи вашего грамматического самодовольства и вашей природной самоуверенности, можете лучше судить о них и осуждать их, чем Ноланец, который находится в том же театре, чувствуете себя там, как у себя дома и в своем семействе, так что легко их поражает, после того как узнал их внутренние и более глубокие мнения. Я утверждаю, что вы, не принадлежа ни к какой профессии благородных и талантливых умов, лучше можете о них судить.

П о л и и н н и й. Мне трудно сразу ответить этому наглецу. Голос застрял в горле.

Г е р в а з и й. Однако подобные вам столь высокомерны, как если бы не было других, кто понимал бы что-либо в этом; и между тем уверяю вас, что вы достойно узурпируете право то одобрять, то отвергать, то другое толковать, делать здесь сличение и сопоставление, там — дополнение.

П о л и и н н и й. Этот невежда из того, что я опытен в гуманитарных науках, хочет сделать вывод, что я невежествен в философии.

Г е р в а з и й. Ученейший мессер Полиинний, я говорю вам, что если вы владеете всеми языками, которых имеется, как говорят наши проповедники, семьдесят два...

П о л и и н н и й. С половиною.

Г е р в а з и й. ...то отсюда не только не следует, что вы способны выносить суждение о философах, но, кроме того, вы не можете перестать быть самым неуклюжим из всех имеющих человеческий вид. Далее, ничто не мешает тому, кто едва владеет одним из языков, и притом не чистым, а смешанным, быть наиболее мудрым и ученым во всем мире. Поразмыслите же, какую пользу принесли двое подобных людей, из которых один — французский архипедант[133], написавший *Школу свободных искусств и Замечания против Аристотеля,* а другой — педантское дерьмо, итальянец[134], перемаравший столько тетрадей своими *перипатетическими дискуссиями.* Как каждый легко видит, первый красноречиво показывает, что он не слишком мудр, второй же, говоря просто, показывает, что в нем много от животного и от осла. О первом мы все же можем сказать, что он понял Аристотеля, но понял его плохо, и если бы он его понял хорошо, то, быть может, он бы сообразил повести против него почетную войну, как это сделал рассудительнейший Телезий Козенцский[135]. О втором мы можем сказать, что он его не понял ни плохо, ни хорошо, но что он его читал и перечитывал, толковал, разбирал и сопоставлял с тысячью других греческих авторов, его друзей и врагов; и в конце концов была произведена величайшая работа, не только без всякой пользы, но также с величайшим убытком; так что желающий увидеть, в какую бездну глупости и высокомерного тщеславия погружает педантский обычай, пусть рассмотрит эту его книгу... Но вот пришли Теофил и Диксон.

П о л и и н н и й. Добро пожаловать, господа. Ваше присутствие — причина того, что мой гнев не мечет молниеносных суждений против пустых положений, поддерживаемых этим болтливым бездельником.

Г е р в а з и й. А меня вы лишаете удовольствия забавляться величием этого почтеннейшего сыча.

---

[133] Подразумевается *Петр Рамус* (1515—1572), выступавший против Аристотеля в своих сочинениях по логике, которые высоко ценились гуманистами. Последователи его в Англии боролись против Бруно и его сторонников.

[134] Подразумевается *Франческо Патрици* (1529—1597). В сочинении «Перипатетические дискуссии» (1571-1581) он защищал идеализм против материализма и старался доказать, что все хорошее Аристотель заимствовал у Платона, а то, что Аристотель сам внес, — дурно. В своем главном труде «Новая философия вселенной» (1591) Патрици проводит мысль об одушевленности вселенной и принимает учение Коперника. Это сочинение осталось неизвестным Бруно, который начиная с 1592 г. находился в застенках «святейшей» инквизиции.

[135] Главное сочинение *Бернардино Телезио* (1508—1588) — «О природе вещей согласно собственным принципам» (1565-1586). Первые две книги этого произведения вышли в Риме в 1565 г. и были известны Бруно, когда он писал свое произведение «О причине, начале и едином». Телезио развивал точку зрения сенсуализма и наивного материализма: всякое познание должно исходить из чувственного опыта, так как чистый разум своими собственными силами не может дойти до познания природы. Душа — тонкая, подвижная материя, но способность к ощущению не ограничивается ею, а свойственна всей материи вообще.

Диксон. Все идет хорошо, если не гневаться. Гервазий. То, что я говорю, я говорю шутливо, ибо я люблю синьора маэстро.

Полиинний. Я также, если гневаюсь на что-либо, гневаюсь не всерьез, так как у меня нет ненависти к Гервазию.

Диксон. Хорошо. Итак, дайте мне приступить к обсуждению с Теофилом.

Теофил. Итак, Демокрит и эпикурейцы, которые все нетелесное принимают за ничто, считают в соответствии с этим, что одна только материя является субстанцией вещей, а также божественной природой, как говорит некий араб, по прозванию Авицеброн[136], что он показывает в книге под названием «Источник жизни». Эти же самые, вместе с киренаиками, киниками и стоиками, считают, что формы являются не чем иным, как известными случайными расположениями материи. И я долгое время примыкал к этому мнению единственно потому, что они имеют основания, более соответствующие природе, чем доводы Аристотеля. Но, поразмыслив более зрелым образом, рассмотрев больше вещей, мы находим, что необходимо признать в природе два рода субстанций: один — форма, и другой — материя; ибо необходимо должна быть субстанциальнейшая действительность, в которой заключается активная потенция всего, а также наивысшая потенция и субстрат, в которой содержится пассивная потенция всего: в первой имеется возможность делать, во второй — возможность быть сделанным[137].

Диксон. Всякому умеющему хорошо размышлять ясно, что первый имеет возможность делать все лишь в том случае, если всегда имеется то, что может быть сделано всем. Как может неделимая душа мира (я говорю о всей форме) образовывать фигуры без обладающего размерами или количествами субстрата, каковым является материя? И как может материя получить форму? Быть может, сама собою? Ясно, что мы можем утверждать, что материя получает фигуру сама собою, если мы склонны все оформленное всеобщее тело считать материей и называть его материей, как животное со всеми его способностями мы назвали бы материей, отличая его не от формы, но от одной только действующей причины.

Теофил. Никто не может помешать вам пользоваться названием материи по вашему способу, как, равным образом, у многих школ она имела разнообразные значения. Но этот способ рассмотрения, о котором вы говорите, я знаю, может хорошо подойти лишь какому-либо механику или врачу, работающему практически, как, например, тому, кто разделяет все тело на меркурий, соль и серу[138]. Это утверждение не столь обнаруживает божественное дарование врача, сколь может обнаружить величайшую глупость того, кто пожелал бы называться философом; задача последнего состоит не в том, чтобы прийти только к тому различению начал, которое производится физическим путем разделения при помощи способности огня, но также к тому различению начал, для которого ничто материальное не является действующей причиной, ибо душа, неотделимая от серы, меркурия и соли, является формальным началом, каковое не есть предмет с материальными качествами, но вполне господин материи; оно не затрагивается делом химиков, чье разделение ограничивается названными тремя вещами и которые знают иной вид души, чем душа мира, которую мы должны определить.

Диксон. Вы говорите превосходно, и это соображение весьма меня радует, ибо, по моим наблюдениям, некоторые столь мало проницательны, что не различают причин природы абсолютно, сообразно всему кругу их бытия, как они рассматриваются философами, или же как они понимаются ограниченным и особенным образом: ибо первый способ излишен и бесполезен для врачей, поскольку они врачи, второй же недостаточен, слишком узок для философов, поскольку они философы.

---

[136] *Авицеброн* — на самом деле не араб, а испанский еврей, схоласт Соломон Ибн-Гебироль (вторая половина XI в.). Его главное сочинение называлось «Источник жизни».

[137] Бруно говорит об эволюции своего материалистического миропонимания. Сначала он был последователем Демокрита и других материалистов, считавших, что только материя является, в противоположность форме, субстанцией вещей. В дальнейшем Бруно стал различать: 1) материю как противостоящую форме и 2) материю в высшем смысле слова, которая возвышается над этой противоположностью материи и формы.

[138] Бруно имеет здесь в виду Парацельса, который учил, что тело делится на соль, серу и Меркурий, т.е. ртуть.

Теофил. Вы коснулись того вопроса, в котором достоин похвалы Парацельс, занимавшийся медицинской философией, и заслуживает порицания Гален, поскольку он принес философскую медицину, создав столь порочную смесь и столь запутанную ткань, что это делает его мало выдающимся врачом и весьма путанным философом. Но это должно быть сказано с известными оговорками, ибо я не имею досуга для рассмотрения всех сторон этого человека.

Гервазий. Пожалуйста, Теофил, сначала сделайте это удовольствие мне, не столь опытному в философии: разъясните мне, что вы понимаете под названием *материя* и что такое то, что является *материей в природных вещах.*

Теофил. Все те, кто желает отличить материю и рассматривать ее самое по себе, без формы, прибегают к сравнению с искусством. Так поступают пифагорейцы, так же платоники, так же перипатетики. Рассмотрите какой-либо вид искусства, как, например, плотничье, которое для всех своих форм и для всех своих работ имеет предметом дерево; слесарное — железо, портняжеское — полотно. Все эти искусства производят в каждой своей особенной материи различные изображения, порядки и фигуры, из которых ни одно для нее не является ее собственным и природным. Так и природа, которой уподобляется искусство, с необходимостью имеет материю для своих действий, так как невозможно, чтобы существовал какой-нибудь деятель, который, желая что-либо сделать, не имел бы из чего его сделать, или же, желая произвести, не имел бы что произвести. Имеется, следовательно, вид предмета, от которого, с которым и в котором природа производит свое действие, свою работу; и он от нее получает столько форм, которые представляют глазам наблюдателя такое разнообразие видов. И как дерево само по себе не имеет никакой искусственной формы, но может получить любую из них при помощи действия плотника, так и материя, о которой мы говорим, сама по себе и по своей природе не имеет никакой природной формы, но может получить любую из них при помощи действия активного начала природы. Эта природная материя не может быть воспринята как искусственная материя, ибо материя природы не имеет абсолютно никакой формы; но материя искусства — это вещь, уже оформленная природой, затем, что искусство может производить лишь на поверхности вещей, оформленных природой, как дерево, железо, камень, шерсть и подобные вещи; природа же производит из центра, так сказать, своего предмета, или материи, каковая целиком бесформенна. Поэтому много есть предметов искусства и один предмет природы; первые эти, будучи различным образом оформлены природой, отличны друг от друга и разнообразны, тот же, не будучи никоим образом оформлен, совершенно не имеет никаких отличительных признаков, принимая во внимание, что всякое отличие и разнообразие происходит от формы.

Гервазий. Так что вещи, оформленные природой, являются материей искусства, и одна лишь бесформенная вещь является материей природы?

Теофил. Именно так.

Гервазий. Возможно ли нам с той же ясностью, с какой мы видим и познаем предметы искусства, равным образом познать предметы природы?

Теофил. Достаточно хорошо, но при помощи других принципов познания, ибо подобно тому как не одним и тем же чувством мы познаем цвета и звуки, точно так же не одним и тем же глазом мы видим предмет искусств и предмет природы.

Гервазий. Вы хотите сказать, что первый мы видим чувственными глазами, а второй — глазом разума.

Теофил. Хорошо.

Гервазий. Разъясните же, пожалуйста, этот разум.

Теофил. Охотно. То же самое отношение и соотношение, какое имеет форма искусства к своей материи, имеет в должной пропорции и форма природы к своей материи. Итак, подобно тому как в искусстве, при бесконечном изменении (если бы это было возможно) форм, под ними всегда сохраняется одна и та же материя, — как, например, форма дерева — это форма ствола, затем — бревна, затем — доски, затем — сиденья, затем — скамеечки, затем — рамки, затем — гребенки и т.д., но *дерево* всегда остается тем же самым, — так же и в природе, при бесконечном изменении и следовании друг за другом различных форм, всегда имеется одна и та же материя.

Г е р в а з и й. Как можно подкрепить это уподобление?

Т е о ф и л. Разве вы не видите, что то, что было семенем, становится стеблем, из того, что было стеблем, возникает колос, из того, что было колосом, возникает хлеб, из хлеба — желудочный сок, из него кровь, из нее — семя, из него — зародыш, из него — человек, из него — труп, из него — земля, из нее — камень или другая вещь, и так можно прийти ко всем природным формам.

Г е р в а з и й. Я легко это вижу.

Т е о ф и л. Итак, с необходимостью существует одна и та же вещь, которая сама по себе не есть ни камень, ни земля, ни труп, ни человек, ни зародыш, ни кровь и другое, но которая, после того как была кровью, становится зародышем, получая бытие зародыша; после того как была зародышем, получает бытие человека, становясь человеком; как вещь, оформленная природой и ставшая предметом искусства, после того как была деревом, есть доска и получает бытие доски; после того как была доской, получает бытие двери и есть дверь.

Г е р в а з и й. Итак, я это понял очень хорошо. Но мне кажется, что этот предмет природы не может быть телом или обладать известным качеством, ибо то, что изменяется под какой-либо природной формой и бытием или под какой-либо другой формой и бытием, не проявляется телесно, как дерево или камень, которые всегда позволяют видеть, каковы они материально, или предметно проступают ясно под любой формой.

Т е о ф и л. Вы хорошо говорите.

Г е р в а з и й. Что же мне нужно будет делать, когда мне придется излагать эту мысль перед каким-либо упрямцем, который не захочет поверить, что имеется, таким образом, одна-единственная материя под всеми формообразованиями природы, как есть одна под всеми формообразованиями каждого искусства? Ибо ту, которая видима глазами, нельзя отрицать, ту же, которая видима одним лишь разумом, отрицать можно.

Т е о ф и л. Гоните его прочь или не отвечайте ему.

Г е р в а з и й. Но если он будет назойливо добиваться очевидности и, будучи уважаемой персоною, скорее сможет выгнать меня, чем я его, и будет оскорблен тем, что я ему не ответил?

Т е о ф и л. Что бы вы сделали, если бы какой-нибудь слепой полубог, достойный всякого почета и уважения, будет дерзко, настойчиво и назойливо стремиться к познанию и добиваться достоверности цветов или даже внешних фигур природных вещей, как например: какова форма дерева, какова форма гор, звезд, далее, какова форма статуи, одежды и также других искусственных вещей, которые столь ясны всем, кто видит?

Г е р в а з и й. Я бы ответил ему, что если бы у него были глаза, он бы не добивался достоверности этого и сам бы мог это видеть; но так как он слеп, то невозможно даже, чтобы другие ему это показали.

Т е о ф и л. Подобным же образом я мог бы ответить тем людям, что если бы у них был интеллект, они не добивались бы в этом другой достоверности, но сами бы могли ее усмотреть.

Г е р в а з и й. От этого ответа они бы осрамились, а другие посчитали бы его слишком циничным.

Т е о ф и л. В таком случае скажите им более скрытно, так: «Знаменитейший синьор мой!» или: «Священное величество! Как некоторые вещи могут быть очевидны лишь при помощи рук и прикосновения, другие — при помощи слуха, третьи — лишь при помощи вкуса, четвертые — лишь при помощи глаз, так эта материя природных вещей может быть очевидной лишь при помощи интеллекта».

Г е р в а з и й. Быть может, он, раскусив шутку, так как она не столь уже темна и непонятна, скажет мне: «Это у тебя нет интеллекта, у меня же его больше, чем у всех подобных тебе».

Т е о ф и л. Ты ему поверишь не больше, чем слепцу, который бы тебе сказал, что ты слеп и что он видит больше, чем те, кто воображает, что они видят, как ты воображаешь о себе.

Диксон. Достаточно сказано, чтобы показать более очевидно, чем я когда-либо слышал, что означает название *материя* и то, что должно пониматься как *материя в природных вещах.* Так пифагореец Тимей[139] на основании перехода одного элемента в другой учит находить материю, которая скрыта и которая может быть познана исключительно лишь по известной аналогии. *Где была форма земли, говорит он, там затем появляется форма воды,* и здесь не может быть сказано, что одна форма принимает другую, ибо одна противоположность не может допустить или принять другую, т.е. сухое не принимает влажного или же сухость не принимает влажности, но некоторой третьей вещью изгоняется сухость и вводится влажность; эта же третья вещь есть носитель одной и другой противоположности и не противоположна ни одной из них. Следовательно, если нельзя думать, что земля превратилась в ничто, то следует полагать, что некоторая вещь, бывшая в земле, осталась и в воде, и эта вещь, на том же основании, когда вода перейдет в воздух (благодаря тому, что способность тепла ее утончит в дым и пар), останется и будет в воздухе.

Теофил. Из этого можно также умозаключить, к их досаде, что никакая вещь не уничтожается и не теряет бытия, но лишь случайную внешнюю и материальную форму. Поэтому как материя, так и субстанциальная форма любой природной вещи, т.е. душа, неразрушимы и неуничтожимы в смысле потери бытия целиком и для всего; они, конечно, не являются ни всеми *субстанциальными формами* перипатетиков, ни другими подобными, состоящими не в чем ином, как в известном составе и порядке акциденций[140], и все, что они ни называют, кроме их первой материи, есть не что иное, как акциденции, состав, характер качества, принцип определения, отношение к «что». Отсюда некоторые смехотворные изощренные метафизики в рясе, желая скорее извинить, чем обвинить своего бога Аристотеля, измыслили человечность, бычность, маслинность в качестве специфических субстанциальных форм; эта человечность, как сократичность, эта бычность, эта лошадность являются числовой субстанцией. Все это они сделали для того, чтобы дать нам субстанциальную форму, которая заслуживает названия субстанции, как материя имеет название и бытие субстанции. Однако они никогда не воспользовались ни одной, ибо если вы их спросите по порядку, в чем состоит субстанциальное бытие Сократа, они ответят — в сократичности; если далее спросите: что вы понимаете под сократичностью? — они ответят: особенную субстанциальную форму и особенную материю Сократа. Оставим же в стороне эту субстанцию, которая является материей, и скажите мне, что такое субстанция как форма? Некоторые ответят: ее душа. Спросите: что такое эта душа? Если они скажут, что это — энтелехия и совершенство тела, которое может жить, вы укажите, что это — акциденция. Если они скажут, что это начало жизни, чувства, роста и интеллекта, вы укажите, что хотя это начало является субстанцией, если рассматривать его основательно, как мы его рассматриваем, тем не менее здесь оно выдвигается единственно лишь как акциденция, ибо быть началом того или другого — не значит быть разумом субстанциальным и абсолютным, но разумом случайным и соотносительным к тому, что имеет начало; так мое бытие и субстанция не означают того, благодаря чему я действую или могу действовать, но обозначают то, благодаря чему я существую как Я и абсолютно рассматриваемый. Итак, вы видите, как они понимают эту субстанциальную форму, являющуюся душой; если случайно она и познавалась ими как субстанция, то все же никогда они ее не называли субстанцией и не рассматривали как таковую. Гораздо более очевидно вы можете усмотреть этот вывод, если спросите их, в чем состоит субстанциальная форма какой-нибудь неодушевленной вещи, например, субстанциальная форма дерева. Более тонкие измыслят: в деревянности. Тогда отбросьте ту материю, которая является общей для железа, дерева и камня, и спросите, какая остается субстанциальная форма железа. Никогда они не назовут ничего иного, кроме акциденций. Последние же относятся к началу индивидуализации и придают частное значение, ибо материя может быть приведена к частности лишь при помощи какой-либо формы.

---

[139] Бруно имеет здесь в виду сочинение «О душе мира и природе», ложно приписываемое пифагорейцу Тимею из Локр.

[140] АКЦИДЕНЦИЯ [<лат accidentia случайность] - 1) фил. случайное, преходящее состояние, несущественное свойство предмета, 2) иначе акцидентный набор - мелкие типографские работы полиграфическое воспроизведение бланков, афиш, ярлыков, суперобложек, заставок и т. п.

Они же утверждают, что эта форма, будучи образующим началом субстанции, является субстанциальной, но в дальнейшем они могут показать эту форму в природе лишь как случайную. И, в конце концов, проделав все это при помощи всех им доступных средств, они получают субстанциальную форму, это верно, но не природную, а логическую; и так, в конце концов, некоторая логическая точка зрения полагается началом природных вещей.

Диксон. Аристотель не догадывается об этом?

Теофил. Я думаю, что он догадывается об этом вернейшим образом; но здесь он не может помочь, поэтому он говорит, что последние различия неназываемы и неизвестны. Диксон. Так мне кажется, что он открыто признается в своем незнании; и поэтому и я бы решил, что лучше принять те принципы философии, которые в этом важном вопросе не ссылаются на незнание, каковы мнения Пифагора, Эмпедокла и твоего Ноланца, затронутые тобою вчера. Теофил. Ноланец утверждает следующее: имеется интеллект, дающий бытие всякой вещи, названный пифагорейцами и Тимеем *подателем форм;* душа — формальное начало, создающая в себе и формирующая всякую вещь, названная ими же *источником* форм; материя, из которой делается и формируется всякая вещь, названная всеми *приемником форм.*

Диксон. Это учение мне очень нравится, ибо кажется, что в нем нет недостатков. И действительно, так как мы можем установить постоянное и вечное материальное начало, то с необходимостью мы полагаем также подобное же формальное начало. Мы видим, что все природные формы происходят из материи и снова в материю возвращаются; отсюда кажется, что реально никакая вещь не является постоянной, стойкой, вечной и достойной значения начала, за исключением материи. Кроме того, формы не имеют бытия без материи, в которой они порождаются и разрушаются, из лона которой они исходят и в которое возвращаются. Поэтому материя, которая всегда остается той же самой и плодоносной, должна иметь главное преимущество быть познаваемой как субстанциальное начало, в качестве того, что есть и вечно пребывает. Все же формы в совокупности следует рассматривать лишь как различные расположения материи, которые уходят и приходят — одни прекращаются, другие возобновляются, и ни одна из них не имеет значения начала. Поэтому нашлись такие, кто, хорошо рассмотрев основание природных форм, как это имело место у Аристотеля и других подобных, умозаключили, в конце концов, что они являются лишь акциденциями и обстоятельствами материи: поэтому преимущество акта и совершенства должно относиться к материи, а не к вещам, о которых мы поистине можем сказать, что они не субстанция и не природа, но вещи субстанции и природы, о которой они говорят, что она материя. Последняя же, по их мнению, есть начало необходимое, вечное и божественное, как полагает мавр Авицеброн, называющий ее *богом, находящимся во всех вещах.*

Теофил. В эту ошибку они впадают потому, что не знают другой формы, кроме случайной. И этот мавр, хотя он и воспринял из перипатетического учения, в котором он был воспитан, субстанциальную форму, тем не менее, рассматривая ее как вещь уничтожимую, а не только изменяющуюся благодаря материи, и как порожденную и не порождающую, как основанную и не основывающую, как взращенную и не взращивающую, он ее обесценивает и принижает в сравнении с материей — устойчивой, вечной, порождающей материю. И, конечно, это происходит с теми, кто не знает того, что нам известно.

Диксон. Это весьма хорошо рассмотрено. Но пора нам от отступления вернуться к нашему положению. Мы умеем уже отличить материю от формы, — как от формы случайной (какой бы она ни была), так и от субстанциальной; нам остается еще рассмотреть ее природу и реальность. Но сначала я хотел бы знать, нельзя ли благодаря тому великому единству с материей, которым обладает эта душа мира и всеобщая форма, допустить некоторый другой способ и манеру философствовать, а именно способ тех, кто не отделяет действительности от основания материи и понимает ее как вещь божественную, не столь чистую и не столь бесформенную, чтобы она сама не давала себе формы и одеяния.

Теофил. Не легко, ибо ничто не действует абсолютно в себе самом, и всегда есть какое-нибудь различие между тем, что является деятелем, и тем, что сделано или к чему относятся деятельность и действие. Отсюда в самом теле природы следует отличать материю от души и в последней отличать этот разум от его видов. Поэтому мы называем в этом теле три вещи: во-первых, всеобщий интеллект, выраженный в вещах; во-вторых, животворящую душу всего; в-третьих, предмет.

Но на этом основании мы не будем отрицать, что философом является тот, кто в своей философии приемлет это оформленное тело, или, как я предпочел бы сказать, это разумное животное, и начинает с того, что берет за первые начала некоторым образом члены этого тела, каковы воздух, земля, огонь; далее — эфирная область и звезды; далее — дух и тело; или же — пустое и полное (однако понимая пустое не так, как берет его Аристотель[141]); или же что-нибудь другим образом подходящее. Философия эта не кажется мне, однако, достойной устранения, особенно тогда, когда она при помощи любого предполагаемого ею основания или предлагаемой ею формы построения содействует совершенствованию спекулятивной науки и познанию природных вещей, как это действительно делалось многими древнейшими философами. Ибо лишь честолюбцу и уму самонадеянному, пустому и завистливому свойственно желание убедить других, что имеется один лишь путь исследования и познания природы, и лишь глупец и человек без размышления может убедить в этом себя самого. Итак, хотя путь более постоянный и твердый — более созерцательный и отчетливый и более высокий способ размышления — должен быть всегда более почитаем, обеспечиваем и предпочитаем, однако не следует поэтому порицать другой способ, приносящий хороший плод, хотя бы он и не был от того же самого дерева.

Диксон. Итак, вы одобряете изучение различных философий?

Теофил. Вполне, для того, кто имеет изобилие времени и дарования, для остальных же я одобряю изучение лучшей философии, если боги желают, чтобы она была угадана.

Диксон. Однако вы одобряете, конечно, не все философии, но хорошие и лучшие.

Теофил. Это так. Так же как среди различных способов лечения я не отвергаю тот, который производится магически, при помощи приложения корней, привешивания камней и нашептывания заговоров, если строгость теологов позволяет мне говорить, как чистому естественнику. Одобряю я тот, который производится физически и происходит при помощи аптекарских лекарств, которыми преследуется или изгоняется желчь, кровь, флегма и меланхолия. Приемлю я также тот, который производится химически, который извлекает квинтэссенции и при помощи огня заставляет ртуть выпариться из всех этих составов, соль осесть, а серу просветлеть и раствориться. Однако же, что касается медицины, я не хочу определить, какой из стольких хороших способов является наилучшим, ибо эпилептик, над которым потеряли время физик и химик, если он будет излечен магом, не без основания будет его одобрять более, чем того или другого врача. Подобным же образом рассуждай относительно других видов: из них ни один не будет казаться менее хорошим, чем другой, если как один, так и другой достигают поставленной цели. В частности, далее, лучше тот врач, который меня излечит, чем те, которые меня убивают или мучают.

Гервазий. Откуда происходит, что среди этих медицинских школ столько враждебных?

Теофил. От жадности, от зависти, от честолюбия и от невежества. Обычно они едва понимают собственный метод лечения; столь же им недостает возможности понять метод другого. Кроме того, большая часть, не будучи в силах возвыситься при помощи собственной способности до почета и заработка, старается получить предпочтение, принижая других, высказывая пренебрежение тому, чего не может достигнуть. Но из них наилучший и истинный тот, кто не настолько физик, чтобы не быть также химиком и математиком.

[141] Аристотель в IV книге «Физики» (гл. 7—9) отвергает понятие пустоты. Он утверждает, что пустое пространство, если бы оно даже существовало, не только не объяснило бы движения, но, наоборот, сделала бы его невозможным. Бруно не согласен с аристотелевским определением пустоты и считает доводы Аристотеля неубедительными. Критику понятия пустоты у Аристотеля Бруно дает в сочинении «О бесконечности, вселенной и мирах» (см. речь Филотея, с. 157-158 на стоящего издания).

Итак, вернемся к тезису: между видами философии тот наилучший, который наиболее удобным и высоким образом выражает совершенство человеческого интеллекта и наиболее соответствует истине природы и, насколько возможно, сотрудничает с ней, угадывая (я подразумеваю — естественным порядком и при помощи разумения превратностей, а не животным инстинктом, как делают животные и им подобные, ни при помощи вдохновения добрых и злых демонов, как делают пророки, ни при помощи меланхолического энтузиазма, как поэты и другие созерцатели) или устанавливая законы и преобразуя нравы; исцеляя или же познавая, чтобы жить более счастливой и божественной жизнью. Итак, вот каким образом нет вида философии, установленного правильным чувством, который бы не содержал в себе какой-нибудь хорошей особенности, не заключающейся в другом. То же я понимаю относительно медицины, происходящей из таких принципов, которые предполагают не несовершенное философское воззрение, точно так же, как действие ноги или руки предполагает действие глаза. Поэтому сказано, что не может быть хорошего принципа медицины у того, кто не обладает хорошей позицией в философии.

Диксон. Вы очень мне нравитесь, и я очень хвалю вас за то, что вы не ведете себя по-плебейски, как Аристотель, за то, что вы нечестолюбивы и не несправедливы, как он, считавший мнения всех других философов с их способами философствования на деле достойными презрения.

Теофил. Между тем из всех философов, какие только имеются, я не знаю ни одного, в большей степени опирающегося на воображение и более удаленного от природы, чем он; если же он и говорит иногда превосходные вещи, то известно, что они не зависят от его принципов и всегда являются положениями, заимствованными у других философов; из них много божественных мы видим в книгах: «О происхождении», «Метеоры», «О животных и растениях».

Диксон. Итак, вернемся к нашему положению. Вы утверждаете, что, не совершая ошибки и не приходя к противоречию, можно дать различные определения материи.

Теофил. Верно, как об одном и том же предмете могут судить различные чувства, и одна и та же вещь может рассматриваться различным образом. Кроме того, как уже было отмечено, рассуждение о вещи может производиться различными головами. Много хорошего высказали эпикурейцы, хотя они и не поднялись выше материального качества. Много превосходного дал для познания Гераклит, хотя он и не вышел за пределы души. Анаксагор сделал успехи в познании природы, ибо он не только внутри нее, но, быть может, и вне и над нею стремился познать тот самый ум, который Сократом, Платоном, Трисмегистом[142] и нашими богословами назван богом. Так что ничто не мешает раскрывать тайны природы тому, кто начинает от экспериментального основания, что другие находят слишком грубым, как и тому, кто начинает от рациональной теории. И из них не менее тому, кто исходит из составов, чем тому, кто из влаг[143], и этому последнему не более, чем тому, кто исходит из чувственных элементов, или выше — из абсолютных элементов или из единой материи, самого высокого и отчетливого из всех начал. Ибо иногда тот, кто идет более длинным путем, не совершает, однако, столь же хорошего путешествия, особенно же если его целью является не столь созерцание, сколь действие. Что же касается, далее, способов философствования, то не менее удобным является извлекать формы из запутанного клубка, чем выделять их из хаоса, или распределять их из источника идей, или приводить к действительности из возможности, или выводить их из лона, или подымать их к свету из слепой и мрачной пропасти. Ибо всякий фундамент хорош, если он оправдывается зданием; всякое семя подходящее, если желательны из него деревья и плоды.

---

[142] *Гермес Трисмегист* — легендарное лицо; ему приписывали сочинение «Собрание герметических книг», вышедшее в конце III в. н. э., где пифагорейско-платоновский идеализм объединяется с воззрениями, заимствованными из египетской и восточных религий. Взгляды эти имели большой успех у средневековых схоластов, в особенности у алхимиков.

[143] Бруно имеет в виду так называемую «гуморальную теорию», т.е. учение о четырех основных соках организма: крови, слизи, желтой и черной желчи. Правильное смешение их считалось необходимым условием здоровья организма, и в случае нарушения соотношения между ними от врача требовалось восстановление такового. Эта теория, приписываемая Гиппократу, поддерживалась Галеном и господствовала в течение всего средневековья. Парацельс отвергал эту теорию.

Диксон. Итак, чтобы обратиться к нашей задаче, будьте любезны отчетливее изложить учение об этом начале.

Теофил. Конечно, это начало, названное материей, можно рассматривать двумя способами: во-первых, как возможность и, во-вторых, как субстрат. Поскольку ей придается то же значение, что и возможности, нет вещи, в которой бы она не могла найтись известным образом и сообразно собственному основанию. И пифагорейцы, платоники, стоики и другие в не меньшей мере полагали ее в мире интеллигибельном, чем в мире чувственном. И мы, понимая ее не совсем так, как они ее понимали, а в более высоком и обширном смысле, подобным образом рассуждаем о потенции, или возможности. Возможность обычно делится на активную, при помощи которой может действовать ее субстрат, и на пассивную, при помощи которой он или может быть, или может что-либо получать, или может что-либо иметь, или может быть объектом чего-либо, действующего на него в каком-либо отношении. Не рассуждая в данный момент об активной возможности, я утверждаю, что возможность, имеющая пассивное значение, хотя она и не всегда пассивна, может рассматриваться или относительно, или поистине абсолютно. И, таким образом, нет вещи, о которой можно было бы сказать, что она существует, и о которой нельзя было бы сказать, что она может существовать. И она в такой степени соответствует активной возможности, что одна никоим образом не может быть без другой. Поэтому, если только дана возможность делать, производить, создавать, всегда дана возможность быть сделанным, произведенным и созданным. Ибо одна возможность предполагает другую; я хочу сказать этим, что, будучи положенной, она необходимо полагает другую. Эта возможность не утверждает недостатка в том, чему она приписывается, но скорее подтверждает способность и действенность и, в конце концов, оказывается одним и тем же и на деле одной и той же вещью с активной возможностью; поэтому нет философа или богослова, который колебался бы приписать ее первому сверхприродному началу. Ибо абсолютная возможность, благодаря которой могут быть вещи, существующие в действительности, не является ни более ранней, чем актуальность, ни хоть немного более поздней, чем она. Кроме того, возможность быть дана вместе с бытием в действительности, а не предшествует ему, ибо если бы то, что может быть, делало бы само себя, то оно было бы раньше, чем было сделано. Итак, наблюдай первое и наилучшее начало, которое есть все то, что может быть, и оно же не было бы всем, если бы не могло быть всем; в нем, следовательно, действительность и возможность одно и то же. Не так обстоит дело с другими вещами. Поскольку они суть то, чем могут быть, они, однако, могут и не быть или быть иначе и иным образом, чем они существуют, ибо ни одна вещь не является всем тем, чем может быть. Человек есть то, чем он может быть, но он не все то, чем он может быть. Камень не есть все то, чем он может быть, ибо он не известь, не сосуд, не пыль, не трава. То, что есть все, чем оно может быть, есть единое, которое в своем бытии заключает всяческое бытие. Оно есть все то, что есть и что может быть любой другой вещью, которая есть и может быть. Со всякой другой вещью дело обстоит иначе. Поэтому возможность не равна действительности, ибо является действительностью ограниченной, а не абсолютной. Кроме того, возможность всегда ограничена одной действительностью, ибо никогда она не имеет более чем одно специфицированное и частное бытие. И если, однако, она предполагает любую форму и действительность, то это происходит посредством известных расположений и в известной последовательности одного бытия после другого. Итак, всякая возможность и действительность, которая в *начале* как бы свернута, объединена и едина, в других вещах развернута, рассеяна и умножена. Вселенная, которая является великим подобием, великим образом и единородной природою, также есть все то, чем она может быть, при помощи тех же видов, главных членов и совокупности всей материи, к которой ничего не прибавляется, и которая не лишается ни одной формы. Но она уже не есть все то, чем она может быть, ввиду наличия различий, модусов, особенностей и индивидуумов. Поэтому она не что иное, как тень первой действительности и первой возможности. И все же в ней возможность и действительность не являются абсолютно одним и тем же, ибо ни одна ее часть не есть все то, чем она может быть. Кроме того, тем специфическим образом, о котором мы говорили, вселенная есть все то, чем она может быть, сообразно развернутому, рассеянному и различенному способу. Начало ее существует единым и неразличенным образом, ибо все есть все и одно и то же простейшим образом, без разницы и различия.

Диксон. Что же сказать о смерти, об уничтожении, о пороках, о недостатках, об уродах? Утверждаете ли вы, что и они имеют место в том, что является всем, — что может быть и является в действительности всем тем, что есть в возможности?

Теофил. Эти вещи не суть действительность и возможность, но недостаток и немощность. Они встречаются в развернутых вещах, так как те не являются всем тем, чем они могут быть, и стремятся к тому, чем могут быть; поэтому, не имея возможности быть сразу и одновременно столькими вещами, они теряют одно бытие, чтобы обладать другим. Иногда они смешивают одно бытие с другим, и тогда они уменьшены, недостаточны и урезаны благодаря несходству одного и другого бытия и участию материи в одном и другом. Итак, возвращаюсь к утверждению: первое абсолютное начало есть величие, есть величина, такая величина и такое величие, что оно есть все то, чем оно может быть. Оно велико не такою величиною, которая может быть больше, или может быть меньше, или может разделиться, как всякая другая величина, которая не есть все то, чем она может быть. Но это есть величина величайшая, малейшая, бесконечная, неделимая и любого размера. Она не является большей, чтобы быть малейшей, не является малейшей, чтобы ей же быть наибольшей. Кроме того, она превышает всяческое равенство, ибо она есть все то, чем она может быть. То, что я утверждаю относительно величины, я подразумеваю относительно всего, о чем можно высказаться, ибо оно есть добро, которое является всяческим добром, какое может быть; оно есть красота, которая является всем красивым, что может быть; и кроме этого единого нет другого красивого, которое было бы всем тем, чем оно может быть. Едино то, что является всем и может быть всем абсолютно. В природных вещах, далее, мы не видим ни одной вещи, которая была бы иной, чем она есть в действительности, согласно которой она есть то, чем она может быть, для того чтобы иметь определенный вид актуальности. Но все же она и в этом едином специфическом бытии никогда не бывает всем тем, чем может быть любая частная вещь. Так солнце: оно не есть все то, чем может быть солнце, оно не всюду, где может быть солнце, ибо когда оно на востоке от земли, оно не находится на западе от нее, или на меридиане, или в каком-либо другом положении. Итак, если мы хотим показать способ, при помощи которого бог является солнцем, мы скажем, что он одновременно есть на востоке, на западе, в среднем дневном, в среднем ночном положении и в любой из всех точек выпуклости земли, ибо он есть все то, чем он может быть. Поэтому, если это Солнце (благодаря своему вращению или благодаря вращению Земли), как мы утверждаем, движется и меняет место, ибо оно не находится актуально в одном месте, не обладая возможностью быть во всех других, и поэтому обладает склонностями быть там, — если, следовательно, оно есть все то, чем оно может быть, и обладает всем тем, чем оно способно обладать, то оно одновременно находится повсюду и во всем. Оно столь же является подвижнейшим и быстрейшим, сколь вместе с тем является устойчивейшим и неподвижнейшим. Поэтому среди божественных речей мы находим утверждение, что оно навеки устойчиво, и утверждение, что оно с величайшей быстротой пробегает от края до края. Ибо неподвижным считается то, что в один и тот же момент отправляется от точки востока и возвращается к точке востока, а кроме того в не меньшей мере наблюдается на востоке, чем на западе и в любой другой точке своей окружности. Поэтому с не большим основанием мы можем утверждать, что оно отправилось и вернулось, было отправлено и возвращено от этой точки к другой, чем от любой другой из бесконечного их числа к той же самой точке. Поэтому оно является всем и всегда во всей окружности и в любой ее части, а, следовательно, всякая неделимая точка эклиптики содержит весь диаметр Солнца. Так, неделимое содержит делимое, что происходит не по природной возможности, но по сверхприродной, — я хочу сказать, поскольку предполагалось бы, что солнце в действительности есть все то, чем оно может быть. Столь абсолютное могущество есть не только то, чем может быть солнце, но то, чем является и чем может быть всякая вещь — возможность всех возможностей, действительность всех действительностей, жизнь всех жизней, душа всех душ, бытие всего бытия. Отсюда возвышенное изречение откровения: *Тот, кто есть, посылает меня; тот, кто есть, говорит таким образом.* Поэтому то, что в других местах является противоречивым и противоположным, в нем является одним и тем же, и всякая вещь в нем является одной и той же — так выйди за пределы различий времен и длительностей, как и различий действительности и возможности. Поэтому он — не древняя вещь и не новая вещь, и удачно выражается откровение: *первый и последний.*

Диксон. Эта абсолютнейшая действительность, тождественная с абсолютнейшей возможностью, может быть схвачена интеллектом лишь путем отрицания: не может она, говорю я, быть понята, ни поскольку она может быть всем, ни поскольку есть все, ибо интеллект, когда он желает понять что-либо, формирует интеллигибельные идеи, которым он уподобляется, с которыми он соизмеряет и сравнивает себя; но это невозможно в данном случае, ибо интеллект никогда не бывает столь большим, чтобы он не мог быть больше; она же, будучи неизмеримой со всех сторон и во всех смыслах, не может быть большей. Нет, следовательно, глаза, который мог бы приблизиться или же имел бы доступ к столь высочайшему свету и столь глубочайшей пропасти.

Теофил. Совпадение этой действительности с абсолютной возможностью весьма ясно описано божественным духом там, где говорится: *Мрак не затемнится тобою. Ночь светится, как день. Как мрак его, так и его свет.* Итак, подводя итоги, вы видите, сколь велико превосходство возможности. Если вам угодно называть ее основанием материи, чего не постигли вульгарные философы, вы можете, не лишая ее божественности, рассматривать ее более высоким образом, чем Платон в своем «Государстве» и Тимей. Последние, благодаря тому, что они слишком возвысили смысл материи, показались скандальными некоторым богословам. Это произошло или потому, что первые неясно выражались, или потому, что вторые плохо понимали, ибо они, будучи воспитаны в воззрениях Аристотеля, всегда понимают материю в том значении, что она является субстратом природных вещей; и они не принимают во внимание того, что, по мнению других, материя является общей для мира интеллигибельного и чувственного, как они утверждают, придавая этому слову новое значение по аналогии с общепринятым. Поэтому, прежде чем осуждать мнения, необходимо хорошо их исследовать и различать способы выражения, поскольку различны воззрения, принимая во внимание, что хотя они иногда все сходятся в определении общего смысла материи, но затем отличаются друг от друга в определении ее специфического смысла. И поскольку это относится к нашему намерению, невозможно, — отвлекшись от названия материи, — чтобы нашелся богослов, сколь бы он ни был предубежден и злокознен, который смог бы обвинять меня в неверии на том основании, что я говорю и утверждаю совпадение возможности и действительности, беря тот и другой термин абсолютно. Отсюда можно умозаключить, что сообразно тому соотношению, о котором дозволительно говорить в этом изображении действительности и возможности, — поскольку в специфической действительности заключается все то, что имеется в специфической возможности, поскольку вселенная, сообразно подобному модусу, есть все то, чем она может быть (каково бы ни было отношение числовой действительности и возможности), — имеется возможность, не отрешенная от действительности, душа, не отрешенная от одушевленного, я не говорю, сложного, а простого. Таким образом, имеется первое начало вселенной, которое равным образом должно быть понято как такое, в котором уже не различаются больше материальное и формальное и о котором из уподобления ранее сказанному можно заключить, что оно есть абсолютная возможность и действительность. Отсюда не трудно и не тяжело прийти к тому выводу, что *всё, сообразно субстанции, едино,* как это, быть может, понимал Парменид, недостойным образом рассматриваемый Аристотелем.

Диксон. Итак, вы утверждаете, что, хотя и спускаясь по этой лестнице природы, мы обнаруживаем двойную субстанцию — одну духовную, другую телесную, но в последнем счете и та и другая сводятся к одному бытию и одному корню[144].

Теофил. Если вам кажется, что это могут вынести те, кто не проникает дальше этого.

Диксон. Легчайшим образом, лишь бы только ты не поднялся над пределами природы.

Теофил. Это уже сделано. Хотя и не пользуясь тем же самым смыслом и способом определения божества, который является общим, мы имеем некоторый частный, не противоположный и не чуждый ему, но, быть может, более ясный и более разъясненный способ, сообразно требованию, чтобы он не превышал границ нашего разума, от которых я вам обещал не удаляться.

---

[144] Материалистическое учение Бруно о том, что в последнем счете телесная и духовная субстанции сводятся к одному корню, в известной степени предвосхищает учение Спинозы о единой субстанции, имеющей два атрибута — мышление и протяженность.

Диксон. Достаточно сказано о материальном начале в смысле возможности, или потенции; будьте любезны завтра обратиться к его же рассмотрению с той точки зрения, что оно субстрат.

Теофил. Так я и сделаю.

Гервазий. До свидания.

Полиинний. Всего счастливого.

Конец третьего диалога

П о л и и н н и й. Отверстие матки никогда не скажет *довольно,* очевидно, этим подразумевается: материя (каковая обозначена этими словами), воспринимая формы, никогда не насыщается. Итак, поскольку никого другого нет в этом Лицее, или, скорее, Антилицее, один, таким образом, говорю я, один, то есть, собственно говоря, менее всего одинокий, буду я прогуливаться и сам с собой разговаривать. Итак, материя у князя перипатетиков, воспитателя возвышенного гения великого македонца, не менее, чем у божественного Платона и других, или хаос, или вещество, или материал, или масса, или потенция, или склонность, или смешанное с лишением, или причина греха, или предрасположение ко злу, или само по себе не сущее, или само по себе не познаваемое, или познаваемое лишь по аналогии с формой, или чистая доска, или недоступное изображению, или субъект, или субстрат, или substerniculum, или свободное поле, или бесконечное, или неопределенное, или близкое к ничто, или ничто, и никакое, и нисколько, — наконец, после того как много было затрачено усилий к достижению общей цели, для определения этой природы, при помощи различных и разнообразных названий, теми самыми, кто достиг самой цели, она была названа женщиной, наконец, говорю я, чтобы все было восполнено одним жалким названием, людьми, лучше понимающими самое дело, она называется женщиной[145]. И, клянусь Геркулесом, не без солидного основания этим сенаторам царства Паллады[146] угодно было поместить в одном и том же месте и уравновесить эти две вещи — материю и женщину; после того как последние испытали их строгость, они впали в подобное бешенство и неистовство (итак, здесь мне служит нитью риторическое украшение). Они суть хаос неразумности, вещество преступлений, лес разбойников, масса нечистот, способность ко всякой порче (другое риторическое украшение, некоторыми названное *сложением).* Где таилась возможность, не отдаленная, но весьма близкая, разрушения Трои? В женщине. Кто был орудием разрушения мощи Самсона, того героя, говорю я, который при помощи ослиной челюсти, найденной им, одержал победу над филистимлянами? Женщина. Кто укротил в Капуе натиск и силу великого вождя и постоянного врага Римской республики — Ганнибала? Женщина! *(Восклицание.)* Скажи мне, о кифаред-прорицатель, какова причина твоей слабости? — *Ибо в грехе зачала меня мать моя.* Каким образом ты, о древний наш прародитель, будучи райским садовником и возделывателем древа жизни, был так проклят, что провалился со всем человеческим родом в адскую пропасть погибели? — *Женщина, которую он дал мне, сама, сама меня обманула.* Без сомнения, форма не грешит, и заблуждение не порождается никакой формой, если она не соединена с материей. Так, форма, обозначаемая мужским родом, будучи сближена с материей и вступив с ней в соединение или совокупление, такими словами или же таким выражением отвечает порождающей природе: *женщина, данная мне тобою,* т.е. материя, которая тобою мне дана в жены, *сама меня обманула,* т.е. она является основанием всех моих прегрешений. Созерцай, созерцай, божественное дарование, как превосходные философы и благоразумные анатомы внутренностей природы, для того чтобы полностью представить нашим глазам природу материи, не нашли лучшего способа, как обратить наше внимание посредством уподобления, которое обозначает, что состояние природных вещей при помощи материального бытия такое же, каково экономическое, политическое и гражданское состояние — при помощи женского рода. Раскройте, раскройте глаза... О, я вижу этого колоссального лентяя Гервазия, который прерывает нить моей раздраженной речи. Я подозреваю, что был им услышан, но что за важность!

Г е р в а з и й. Здравствуй, учитель, превосходнейший из ученых!

---

[145] Аристотель материю как женское начало противопоставляет форме как началу мужскому. Подобно материи, женщина лишена активности. Материя мешает природе, ее целям и служит причиной уродств и безобразий в том случае, когда форме не удается преодолеть сопротивление материи. Педант Полиинний раздувает эти положения Аристотеля, доводя их в своем усердии до явной нелепости.

[146] Под *сенаторами царства Паллады* подразумеваются философы как служители Паллады, богини мудрости (древнегреческая мифология).

Полиинний. Если ты не хочешь одурачить меня, по своему обычаю, ты также здравствуй!

Полиинний. Упражняясь в своем занятии, я наткнулся на место, имеющееся у Аристотеля в первой книге «Физики», в конце, где, желая разъяснить, что такое первая материя, он берет для сравнения женский пол; пол, говорю я, капризный, хрупкий, непостоянный, изнеженный, ничтожный, бесчестный, презренный, низкий, подлый, пренебрегаемый, недостойный, злой, пагубный, позорный, холодный, безобразный, пустой, тщеславный, нескромный, безумный, вероломный, ленивый, противный, мерзкий, неблагодарный, обрубленный, изуродованный, несовершенный, незаконченный, недостаточный, ограниченный, укороченный, уменьшенный, эту ржавчину, крапиву, плевел, чуму, болезнь, смерть —

Это природы и бога созданье —
Тяжкое бремя для нас в наказанье[147].

Гервазий. Я знаю, что вы говорите это более для упражнения в ораторском искусстве и для того, чтобы показать, сколь неисчерпаемо ваше красноречие, чем потому, что вы на самом деле придерживаетесь такого мнения, какое высказываете на словах. Ибо это обычная вещь для вас, господа гуманисты, называющиеся профессорами изящных искусств, что когда вы переполнены теми понятиями, которых не можете удержать, вы выпаливаете их не на кого иного, как на бедных женщин. Когда же вас охватывает какой-либо иной гнев, вы изливаете его на первого провинившегося из ваших школяров. Но опасайтесь, господа Орфеи, яростного гнева фракийских женщин[148].

Полиинний. Я Полиинний, а не Орфей.

Гервазий. Итак, вы не порицаете женщин на самом деле?

Полиинний. Меньше всего, меньше всего, конечно. Я говорю, как следует, и как понимаю, так и говорю. Ибо я не занимаюсь тем, чтобы, по обычаю софистов, доказывать, что белое есть черное.

Гервазий. Зачем же вы красите бороду?

Полиинний. Но я говорю откровенно; и я утверждаю, что мужчина без женщины подобен чистой интеллигенции. Героем, полубогом, говорю я, является тот, кто не взял себе жены.

Гервазий. Он подобен устрице, а также грибу и трюфелю.

Полиинний. Поэтому божественно сказал лирический поэт:

Поверьте, Пизоны, лучше всего жить безбрачно[149].

И если ты хочешь знать основание этому, обратись к философу Секунду[150]. Женщина, говорит он, *есть помеха покою, непрерывный вред, ежедневная война, тюрьма жизни, буря в доме, кораблекрушение человека.* Прекрасно подтвердил это тот бискаец, который, будучи взволнован и разгневан ужасной судьбой и неистовством моря, обратившись к волнам с суровым и гневным взором, сказал: *О море, море, если бы я мог тебя женить,* желая указать, что женщина есть буря из бурь. Поэтому Протагор на вопрос, почему он отдал дочь своему врагу, ответил, что не мог сделать ему ничего хуже, как дать ему жену. Кроме того, мои слова подтверждаются поступком одного француза, человека достойного, который, получив, как и все другие, переносившие опаснейшую морскую бурю, приказ от Чикала, капитана корабля, выбросить наиболее тяжелые вещи в море, бросил в него прежде всего свою жену.

Гервазий. Вы не приводите в противоположность этому множество других примеров тех людей, которые считаются счастливейшими благодаря своим женам.

---

[147] *Ариосто.* Неистовый Роланд. 27 песня.

[148] *Орфей* (древнегреческая мифология) был растерзан фракийскими менадами за свое презрение к женскому полу *(Овидий.* Метаморфозы, кн. 10 и 11).

[149] Цитата составлена из двух различных стихов Горация: кн. I писем, 1, 88, и кн. II писем, 3, 6.

[150] *Секунд из Афин,* «молчаливый философ» (II в. н. э.). В средние века его изречения пользовались популярностью. Он был женоненавистником и считал женщин «неизбежным злом».

Среди них, чтобы не обращаться слишком далеко, можно указать, под этой самой крышей, синьора ди Мовисьеро, жена которого не только одарена выдающейся телесной красотой, облекающей и одевающей ее душу, но, кроме того, при помощи триумвирата: благоразумного суждения, проницательной скромности и пристойнейшей вежливости — крепчайшим узлом связала чувство своего супруга и способна пленить всякого, кто ее знает. Что сказать мне о великодушной их дочери, едва лишь пятилетие и год видевшей солнце; а между тем я не мог бы решить по языкам, откуда она: из Италии, или Франции, или Англии; а когда она играет на музыкальном инструменте, я не могу понять, какой она субстанции — телесной или бестелесной; по зрелой доброте ее нравов я сомневаюсь, спустилась ли она с неба или же вышла из земли. Всякий видит, что в ней для сформирования столь прекрасного тела соединилась кровь обоих родителей в не меньшей степени, чем добродетели их героического духа — для образования ее благородной души.

Полиинний. Редкая птица эта Мария да Бостель; редкая птица — эта Мария да Кастельново[151].

Гервазий. Это же самое редкое, что вы утверждаете относительно женщин, может быть утверждаемо относительно мужчин.

Полиинний. В конце концов, чтобы вернуться к своему положению, — женщина есть не что иное, как материя. Если вы не знаете, что такое женщина, ибо не знаете, что такое материя, то поучитесь сколько-нибудь у перипатетиков; научив тебя тому, что такое материя, они научат и тому, что такое женщина.

Гервазий. Я хорошо вижу, что вы, имея перипатетический ум, мало понимаете или ничего не понимаете из того, что вчера говорил Теофил относительно сущности и возможности материи.

Полиинний. С другим пусть дело обстоит как угодно, я же стою на той точке зрения, что порицаю стремление как одной, так и другой, ибо оно является причиною всякого зла, страсти, недостатка, разрушения, уничтожения. Разве вы не думаете, что если бы материя удовлетворялась наличной формой, мы не были бы подвержены никакому изменению и страданию, мы бы не умирали, были бы неуничтожимыми и вечными?

Гервазий. А если бы она удовлетворилась той формой, которую она имела пятьдесят лет тому назад, что бы вы сказали? Был ли бы ты, Полиинний, столь взрослым, если бы она ограничилась той формой, под которой находилась сорок лет назад? Я говорю, столь взрослым, столь совершенным и столь ученым. Итак, как тебе нравится, что другие формы уступили место этой, так точно такова воля природы, управляющей вселенной, чтобы все формы уступали место другим. Я оставляю в стороне то соображение, что большим достоинством для нашей субстанции является способность делаться любой вещью, принимая все формы, чем, удерживая одну только из них, быть частичной. Таким образом, она, по своей возможности, уподобляется тому, что есть все во всем.

Полиинний. Ты, кажется мне, начинаешь делаться ученым, покинув обычное свое природное состояние. Примени же, если можешь, способ доказательства от подобного, установив достоинство, которое заключается в женщине.

Гервазий. Я сделаю это без всякого труда. А вот и Теофил!

Полиинний. И Диксон. Итак, в другой раз. Об этом довольно.

Теофил. Разве мы не видим, что перипатетики, так же, как и платоники, делят субстанцию путем различения телесного и бестелесного. И как эти различия сводятся к возможности одного и того же рода, точно так же формы необходимо бывают двух сортов. Ибо некоторые из них трансцендентны, то есть выше рода, и они называются началами, как *сущность, единство, единое, вещь, некоторая вещь* и тому подобное, другие суть известного рода, отличные от другого рода, как *субстанциальность, акцидентальность*[152].

---

[151] *Мария да Кастельново* — дочь Микеля ди Кастельново, которому Бруно посвятил эти диалоги; Мария да Бостель — жена Микеля ди Кастельново.

[152] АКЦИДЕНЦИЯ [<лат accidentia случайность] - 1) фил. случайное, преходящее состояние, несущественное свойство предмета, 2) иначе акцидентный набор - мелкие типографские работы полиграфическое воспроизведение бланков, афиш, ярлыков, суперобложек, заставок и т. п.

Те, которые относятся к первому виду, не различают материи и не образуют той или другой ее возможности; но в качестве универсальнеиших терминов, охватывающих как телесные, так и бестелесные субстанции, они обозначают субстанцию универсальнейшую, самую общую и единую для одной и другой субстанции. Далее, *что нам мешает,* говорит Авицеброн, *подобно тому, как прежде чем познать материю случайных форм, то есть сложное, мы познаем материю субстанциальных форм, то есть часть последнего, точно так же прежде чем познать материю, приведенную к бытию под телесными формами, прийти к познанию возможности, отличной по форме от природы телесной и бестелесной, разложимой и неразложимой.* Кроме того, если все, что существует, начиная с сущего наивысшего и высочайшего, обладает известным порядком и образует зависимость, лестницу, по которой подымается от сложных вещей к простым, а от тех — к простейшим и абсолютнейшим при помощи средств соотносительных, соединительных и причастных природе той и другой крайности и сообразно собственному смыслу среднего, то нет порядка, где бы не было известной сопричастности, нет сопричастности, где бы не было известной связи, нет связи без какой-либо сопричастности. Итак, у всех существующих вещей с необходимостью должно быть единое начало существования. Прибавь к этому, что сам разум не может сделать так, чтобы раньше любой различимой вещи не предположить вещи неразличимой; я говорю о тех вещах, которые существуют, ибо *сущее и не сущее,* полагаю я, имеют не реальное различие, но лишь звуковое и номинальное. Эта неразличимая вещь есть общее основание, к которому присоединяется различие и отличная форма. И, конечно, нельзя отрицать того, что как всякое чувственное предполагает субстрат чувственности, так же и всякое интеллигибельное — субстрат интеллигибельности. Итак, необходимо, чтобы была вещь, отвечающая общему основанию одного и другого субстрата. Ибо всякая сущность с необходимостью основывается на каком-либо бытии, за исключением той первой, которая является тем же самым, что и ее бытие, ибо ее возможность есть ее действительность, ибо она есть все то, чем она может быть, как было сказано вчера. Кроме того, если материя, согласно мнению тех же самых противников, не является телом и предшествует, по своей природе, телесному бытию, то что же в таком случае может ее сделать столь чуждой так называемым бестелесным субстанциям? И некоторые из перипатетиков не замедлили сказать: подобно тому как в телесных субстанциях находится нечто от формального и божественного, так и в божественных должно находиться нечто от материального, с тем чтобы более низкие вещи приспособлялись к более высоким и порядок одних зависел от порядка других. И богословы, хотя некоторые из них воспитаны в учении Аристотеля, все же не становятся для меня тягостными, поскольку они признают, что более обязаны своему писанию, чем философии и естественному разуму. *Не поклоняйся мне,* сказал один из их ангелов патриарху Якову, *ибо я твой брат.* Итак, если тот, кто это говорит, как они понимают, есть интеллектуальная субстанция и если он в своей речи утверждает, что данный человек и он совпадают в реальности единого субстрата, то при любом формальном различии философы в таком случае имеют свидетеля в лице оракула этих богословов.

Диксон. Я уверен, что это сказано вами с почтением, ибо вы знаете, что не подобает вам брать доводы из таких мест, которые не встречаются в нашей мессе.

Теофил. Вы говорите хорошо и истинно; но я привожу это не как доказательство и подтверждение, но лишь для того, чтобы по мере своих сил избежать сомнения, ибо в равной степени боюсь я как по видимости, так и действительно вступить в противоречие с богословием.

Диксон. Благоразумными богословами всегда допускаются естественные основания, поскольку ведется рассуждение, лишь бы только последние не обращались против божественного авторитета, а подчинялись ему.

Теофил. Мои основания таковыми являются и всегда таковыми будут.

Диксон. Хорошо; итак, продолжайте.

Теофил. Плотин также говорит в книге о материи, что *если в интеллигибельном мире имеется множественность и множество видов, то там же с необходимостью должна быть некоторая общая вещь наряду с особенностью и различием каждого из них; то, что является общим, занимает место материи, то, что является особенным и образует различие, занимает место формы.*

Он прибавляет, что *если этот мир существует в подражание тому, то состав этого существует в подражание составу того. Кроме того, тот мир, если не имеет различий, не имеет порядка, если не имеет порядка, не имеет красоты и украшения; все это относится к материи.* Поэтому высший мир должен считаться не только целым, неделимым по отношению к отдельным своим явлениям, но также делимым и различимым; это же деление и различение не может быть понято без какой-либо материи как основы. И если ты скажешь, что вся эта множественность сходится в одном сущем, неделимом и не имеющем размеров, то материей я назову то, в чем объединяются столь многие формы. Прежде чем оно было воспринято как различное и многоформенное, оно было в понятии одноформенным, и прежде чем быть в понятии оформленным, было в нем бесформенным.

Диксон. В том, что вы вкратце сказали, вы привели много сильных оснований, для того чтобы прийти к умозаключению, что материя едина, едина возможность, благодаря которой все, что существует, существует актуально, и с не меньшим основанием это относится к бестелесным субстанциям, чем к телесным, ибо последние имеют бытие благодаря возможности бытия совершенно таким же образом, как и первые благодаря возможности бытия имеют бытие. Кроме того, вы доказали это при помощи других сильных оснований (для того, кто хорошо их рассматривает и понимает). Тем не менее, если не ради совершенства учения, то для ясности его я хотел бы, чтобы вы каким-либо другим образом уточнили, как в превосходнейших вещах, каковыми являются вещи бестелесные, находится вещь бесформенная и неопределенная; как может быть там основание той же самой материи, между тем как они тем не менее не называются телами благодаря привхождению формы и действительности; каким образом там, где нет изменения, порождения и никакого уничтожения, по вашему утверждению, имеется материя, которая всегда принималась именно для этой цели; как можем мы утверждать, что интеллигибельная природа проста, и утверждать, что в ней находится возможность и действительность. Я спрашиваю это не для себя, ибо для меня истина ясна, но, быть может, для других, которые могут быть более упорны и которых труднее убедить, как, например, маэстро Полиинний и Гервазий.

Полиинний. Я уступаю.

Гервазий. Я принимаю и благодарю вас, Диксон, ибо вы учитываете затруднительное положение тех, кто не осмеливается задать вопрос, как этого требует этикет торжественных обедов по ту сторону Альп. Тем, кто сидит вторым, не подобает там протягивать пальцы из своего квадрата или круга, но следует ждать, пока ему не положат в руку, с тем чтобы за каждый взятый кусок он платил своей благодарностью.

Теофил. Для того чтобы все разрешить, я скажу, что как человек сообразно своей специфической природе отличается от льва сообразно его специфической природе, но сообразно общей природе животных, то есть их телесной субстанции и тому подобному, они не отличимы друг от друга и суть одно и то же, — подобным же образом сообразно своей специфической природе материя телесных вещей отлична от материи вещей бестелесных. Таким образом, все то, что вы в этом смысле относите к ней, а именно: что она конститутивная причина телесной природы, субстрат изменений всякого рода и часть сложного, — все это подходит к этой материи лишь согласно ее специфическим особенностям. Ибо та же материя, или, выражаясь более ясно, то самое, что может быть сделано или может иметь бытие, или же сделано, — существует посредством размеров и протяжения субстрата и тех качеств, которые имеют количественный характер, и в таком случае это называется телесной субстанцией и предполагает телесную материю; или же оно сделано (если оно сызнова возникает) и существует без тех размеров, протяжения и качества, и в таком случае оно называется бестелесной субстанцией и предполагает бестелесную материю. Активной возможности телесных и бестелесных соответствует пассивная возможность, как телесная, так и бестелесная, и точно так же бытию телесному и бестелесному соответствует возможность бытия, как телесная, так и бестелесная.

Итак, если мы желаем утверждать сложность как в одной, так и в другой природе, мы должны понимать ее как в одном, так и в другом смысле и учитывать, что в вечных вещах материя всегда утверждается как единая под единой формой действительности, в вещах же изменчивых она всегда содержит или одно или другое: во-первых, материя обладает сразу, всегда и одновременно всем тем, чем может обладать, и есть все то, чем она может быть, но, во-вторых, материя обладает, чем может обладать, много раз, в различные времена и в определенной последовательности.

Диксон. Некоторые, однако, понимают ее в совершенно ином смысле, хотя и допускают существование материи в бестелесных вещах.

Теофил. Какова бы ни была разница в специфических особенностях, благодаря которым одна нисходит к телесному бытию, а другая не нисходит, одна получает чувственные качества, а другая не получает их, и как бы ни представлялось невозможным найти общее основание материи, чуждой количеству и пространственным качествам природы, и той, которой не чужды ни то, ни другое, тем не менее как первая, так и вторая являются одной и той же материей, и, как неоднократно было сказано, все различие между ними зависит от сведения к телесному бытию и бестелесному бытию. Подобным образом в одушевленном бытии всякое чувственное едино, но, при сведении этого рода к известным видам, человеку чуждо бытие льва, а льву бытие человека. И я прибавляю к этому, если тебе угодно (ибо вы мне скажете, что то, что никогда не есть, должно быть признано за невозможное и скорее противоестественное, чем естественное; и так как никогда не встречается эта материя, обладающая размерами, то следует считать, что телесность для нее противоестественна; если это так, то невероятно, чтобы была природа, общая одной и другой, прежде чем не будет принято то, что одна из них сводится к телесному бытию), — я прибавляю к этому, говорю я, что в не меньшей мере мы можем приписать этой материи необходимое обладание всеми этими пространственными свойствами, чем, как вы это видите, невозможность обладать ими. Эта материя, будучи актуальна всему тому, чем она может быть, обладает всеми мерами, обладает всеми видами фигур и размеров. И так как она обладает ими всеми, она не имеет ни одной из них; ибо то, что является столь многими различными вещами, с необходимостью не является ни одной из этих частностей. Из того, что есть все, должно быть исключено всякое частное бытие.

Диксон. Вы утверждаете, следовательно, что материя является действительностью. Вы также утверждаете, что материя в бестелесных вещах совпадает с действительностью.

Теофил. Как возможность бытия совпадает с бытием.

Диксон. Следовательно, она не отличается от формы.

Теофил. Нисколько, в абсолютной возможности и в абсолютной действительности. Последняя обладает высшей степенью чистоты, простоты, неделимости и единства, ибо является абсолютно всем. Если бы она имела известные размеры, известное бытие, известную фигуру, известную особенность, известное отличие, то не была бы абсолютной, не была бы всем.

Диксон. Всякая вещь, следовательно, охватывающая любой род, неделима[153].

Теофил. Это так, ибо форма, охватывающая все качества, не является ни одним из них; то, что обладает всеми фигурами, не имеет ни одной из них; то, что обладает всем чувственным бытием, однако, не воспринимается чувственно. Неделимым в более высоком смысле является то, что обладает всем естественным бытием; еще более высоким образом — то, что обладает всем интеллектуальным бытием, наивысшим образом — то, что обладает всем бытием, какое может быть.

Диксон. Утверждаете ли вы, что наподобие этой лестницы бытия имеется лестница возможности бытия? И утверждаете ли вы, что так же, как возвышается формальное основание, так возвышается и основание материальное?

Теофил. Это верно.

Диксон. Глубоким и высоким образом вы понимаете это определение материи и возможности.

---

[153] *Вещь, охватывающая любой род, неделима* — относится также к абстрактным родовым понятиям. Они — «индивидуумы», т.е. неделимы, поскольку они едины, в противоположность множеству объектов, к которым они имеют отношение.

Т е о ф и л . Верно.

Д и к с о н . Но эта истина не сможет быть усвоена всеми, ибо слишком трудно понять способ, каким образом нечто имеет все виды размеров и ни одного из них, обладает всем формальным бытием и не обладает никаким бытием-формой.

Т е о ф и л . Вы-то понимаете, как это может быть?

Д и к с о н . Я полагаю, что да. Ибо я хорошо понимаю, что действительность благодаря тому, что она является всем, ни в коем случае не может быть какой-либо отдельной вещью.

П о л и и н н и й . Не могут быть тождественными целое и нечто; я также понимаю это положение.

Т е о ф и л . Итак, вы можете понять, согласно положению, что если бы пожелали принять протяженность за сущность материи, то эта сущность не оказалась бы чуждой ни одному виду материи, но что одна материя отличается от другой единственно лишь по бытию, свободному от протяженности, и бытию, сведенному к протяженности. Будучи свободной, она находится над всеми протяженностями и все их охватывает; будучи сведенной, она охватывается некоторыми и подчиняется некоторым.

Д и к с о н . Вы удачно утверждаете, что материя сама по себе не обладает какими-либо размерами в пространстве и поэтому понимается как неделимая, размеры же она приобретает сообразно получаемой ею форме. Одни размеры она имеет как человеческая форма, иные — как лошадиная, иные — как олива, иные — как мирта. Итак, прежде чем оказаться под любой из этих форм, она способна обладать всеми этими размерами, так же как она обладает возможностью получить все эти формы.

П о л и и н н и й . Именно поэтому говорят, что она не имеет никаких размеров.

Д и к с о н . И мы утверждаем, что до такой степени не имеет никаких, что имеет все.

Г е р в а з и й . Почему вы утверждаете, что она все их включает, а не исключает их?

Д и к с о н . Ибо она не получает размеров извне, но выводит их и производит из собственного лона.

Т е о ф и л . Ты говоришь очень хорошо. Кроме того, имеется еще обычный способ выражения у перипатетиков, которые все утверждают, что действительность пространственных изменений и все формы происходят и выходят наружу из способности материи. Это отчасти понимает и Аверроэс[154], который хотя и был арабом и не понимал греческого языка, однако в перипатетическом учении понял больше, чем любой грек, какого только мы читали; и он понял бы еще больше, если бы не был столь предан своему божеству — Аристотелю. Он утверждает, что материя в своей сущности содержит пространственные измерения неопределенными, желая этим подчеркнуть, что они получают определение благодаря той или иной фигуре или тем или иным размерам, сообразно тому, как в природе изменяются формы. Из этого взгляда видно, что материя производит их как бы из себя, а не получает их как бы извне. Это отчасти понял также и Плотин, главарь школы Платона. Проводя различие между материей высших вещей и вещей низших, он утверждает, что первая является одновременно всем и, владея всем, не способна к изменениям, но что вторая делается всем благодаря изменениям своих частей и становится той или иной вещью в то или другое время, поэтому всегда в условиях различия, изменения и движения. Таким образом, эта материя бесформенной никогда не бывает, равно как и другая материя, хотя каждая из них оформляется различно: первая — в мгновение вечности, вторая — в мгновение времени; первая — одновременно, вторая — последовательно; первая — свернуто, вторая — развернуто; первая — как единое, вторая — как многие; первая — как все во всем, вторая же — как единичная и вещь за вещью.

Д и к с о н . Так что не только сообразно вашим принципам, но и сообразно принципам других способов философствования вы хотите доказать, что материя не является каким-то *почти ничем,* т.е. чистой возможностью, голой, без действительности, без силы и совершенства.

---

[154] *Аверроэс* (Ибн-Рошд) (1126—1198) — знаменитый арабский философ и комментатор Аристотеля. Аверроэс развивал учение Аристотеля в материалистическом направлении, утверждая, что формы естественных вещей в виде потенций (возможностей) уже заключены в материи, из которой они извлекаются благодаря воздействию актив ной причины. Он утверждал, что душа во всех своих функциях связана с телесным организмом, а, следовательно, индивидуальное бессмертие невозможно. Бруно признавал заслуги Аверроэса, но справедливо упрекал его в слепой приверженности к Аристотелю.

Т е о ф и л . Это так. Я называю ее лишенной форм и существующей без них не так, как глетчер, не имеющий тепла, или как пропасть, лишенную света, но как беременную без ее ребенка, которого она порождает и производит из себя; так в нашем полушарии Земля ночью без света, но благодаря своему движению может его вновь получить.

Д и к с о н . Так что и в этих низших вещах, если не до конца, то в значительной степени действительность совпадает с возможностью?

Т е о ф и л . Предоставляю вам судить об этом.

Д и к с о н . А что было бы, если бы эта низшая возможность в конце концов соединилась с высшей возможностью?

Т е о ф и л . Судите сами. Отсюда вы можете подняться к понятию — я не скажу самого высокого и наилучшего начала, недоступного нашему размышлению, но во всяком случае души мира, каким образом она является действительностью всего и возможностью всего и есть вся во всем; поэтому, в конце концов, раз дано, что имеются бесчисленные индивидуумы, то всякая вещь есть единое, и познание этого единства является целью и пределом всех философий и естественных созерцаний, причем в своих пределах остается наивысшее созерцание, которое подымается над природой и которое для не верующего в него невозможно и есть ничто.

Д и к с о н . Это верно. Ибо там подымаются при помощи сверхъестественного, а не естественного света.

Т е о ф и л . Его не имеют те, кто считает всякую вещь телом, или простым, как эфир, или сложным, как звезды и звездные вещи, и не ищет божества вне бесконечного мира и бесконечных вещей, но внутри его и в них.

Д и к с о н . В одном только этом, мне кажется, отличается верующий богослов от истинного философа.

Т е о ф и л . Так думаю также и я. Полагаю, вы поняли, что я хочу сказать.

Д и к с о н . Достаточно хорошо, думаю я, так что из вашего утверждения я вывожу, что, даже не допуская, что материя возвышается над естественными вещами, и ограничиваясь ее общим определением, принимаемым самой вульгарной философией, мы все же обнаружим, что она сохраняет лучшие преимущества, чем та признает. Ибо последняя, в конце концов, не признает за материей ничего, кроме способности быть носителем форм и воспринимающей возможностью природных форм, без названия, без определения, без какого-либо предела, ибо без какой-либо актуальности. Это кажется затруднением для некоторых монахов, которые, желая не опровергнуть, но оправдать это учение, приписывают материи энтитативную действительность, то есть такую, которая отличается от действительности, просто несуществующей и не имеющей никакого бытия в природе, каковы химера или выдуманная вещь; ибо эта материя, в конце концов, имеет бытие, и его, таким образом, достаточно, хотя оно без вида и достоинства; последнее же зависит от актуальности, каковой здесь нет. Но вы спросите основания у Аристотеля: почему ты, о князь перипатетиков, скорее предпочитаешь, чтобы материя вовсе не существовала, не обладая действительностью, тому, чтобы она была всем, обладая всеми видами действительности, пусть это будет в неясном или запутанном виде, как тебе нравится? Разве ты не являешься тем, кто, постоянно говоря о новом бытии форм в материи или о порождении вещей, утверждал, что формы происходят и освобождаются из глубины материи, и никогда не говорил, что благодаря действующей причине они происходят извне, но что последняя извлекает их изнутри? Я оставляю в стороне, что действующую причину этих вещей, названную тобой общим именем природы, ты принимаешь за внутреннее, а не внешнее начало, как это имеет место в искусственных вещах. Мне кажется, что если она получает формы извне, то следует говорить, что она не имеет в себе никакой формы и действительности; мне кажется, что если она извлекает их все из своего лона, то следует говорить, что она их имеет все. Не ты ли, если не убеждаемый разумом, то хотя бы побуждаемый обычными выражениями, определяя материю, предпочитаешь говорить, что она является *той вещью, из которой происходят все естественные виды,* и никогда не утверждаешь, что она является *тем, в чем делаются вещи,* как следовало бы сказать, если бы действия не происходили из нее, а, следовательно, она бы их не имела?

Полиинний. Действительно, Аристотель со своими последователями обычно предпочитает говорить, что формы выводятся из возможности материи, а не вводятся в нее; скорее, что они из нее возникают, а не проникают в нее. Но я скажу, что Аристотель предпочитал называть действительность скорее развертыванием формы, чем ее свертыванием.

Диксон. И я утверждаю, что бытие выраженное, чувственное и развернутое не есть главное основание действительности, но является ее следствием и результатом. Точно так же сущность дерева и основание его действительности состоят не в том, что оно есть, скажем, кровать, но в том, что оно обладает такой субстанцией и такими качествами, что может стать кроватью, скамьею, бревном, идолом и любой вещью, оформленной из дерева. Я оставляю в стороне то, что все природные вещи образуются из природы гораздо более возвышенным способом, чем искусственные из искусственной, ибо искусство производит формы из материи или путем уменьшения, как в том случае, когда из камня делают статую, или же путем прибавления, как в том случае, когда, присоединяя камень к камню и дерево к земле, строят дом. Природа же делает все из материи путем выделения, рождения, истечения, как полагали пифагорейцы, поняли Анаксагор и Демокрит, подтвердили мудрецы Вавилона. К ним присоединился также и Моисей, который, описывая порождение вещей, по воле всеобщей действующей причины пользуется следующим способом выражения: *да произведет земля своих животных, да произведут воды живые души,* как бы говоря: производит их материя. Ибо, по его мнению, материальным началом вещей является вода; поэтому он говорит, что производящий интеллект, названный им духом, *пребывал на водах,* то есть сообщил им производительную способность и из нее произвел естественные виды, которые впоследствии все были названы им, согласно своей субстанции, водами. Поэтому, говоря об отделении низших тел от высших, он заявляет, что *ум отделил воды от вод,* из середины которых, согласно его выводу, появилась твердь. Итак, все утверждают, что вещи происходят из материи путем отделения, а не путем прибавления и восприятия. Итак, следует скорее говорить, что она содержит формы и включает их в себя, чем полагать, что она их лишена и исключает. Следовательно, она, развертывающая то, что содержит в себе свернутым, должна быть названа божественной вещью и наилучшей родительницей, породительницей и матерью естественных вещей, а также всей природы в субстанции. Разве не так вы говорите и утверждаете, Теофил?

Теофил. Верно.

Диксон. Сильно меня удивляет также, как это наши перипатетики не продолжили уподобления искусству. Последнее из многих материй, которые оно знает и которыми занимается, считает лучшей и более достойной ту, которая менее подвержена порче, более устойчива в смысле сохранения и из которой может быть произведено больше вещей. Поэтому более благородным, чем дерево, оно считает камень и железо, так как последние менее подвержены разрушению; из золота же может быть сделано то же, что из дерева и камня, а кроме того много других вещей, больших и лучших по своей красоте, постоянству, пользе и благородству. Что же должны мы сказать о той материи, из которой делаются человек, золото и все естественные вещи? Разве не должна она считаться более достойной, чем искусственная, и обладать действительностью в более высоком смысле? Отчего, о Аристотель, относительно того, что является фундаментом и основою действительности, говорю я, того, что есть в действии и что, по твоим же словам, всегда существует и вечно продолжается, — отчего относительно него не замечаешь ты, что оно более действительно, чем твои формы, чем твои энтелехии, которые приходят и уходят, так что, пожелав отыскать перманентность также и этого формального начала...

Полиинний. ...так как начала должны всегда пребывать...

Диксон. ...и не имея возможности прибегнуть к фантастическим идеям Платона, которые столь враждебны твоим, ты был принужден сказать относительно этих специфических форм следующее: или они обладают своей перманентной действительностью в руке деятеля (но подобного утверждения ты не можешь сделать, ибо последний назван тобою возбудителем и выявителем форм из возможности материи); или же они обладают своей перманентной действительностью в лоне материи; к этому положению ты пришел с необходимостью, ибо все формы, которые появляются как бы на ее поверхности, называемые тобою индивидуальными и данными в действии, как те, что были, так и те, что возникают и будут возникать, являются вещами, имеющими начало, но не являются началом. И верно утверждение, полагаю я, что частная форма находится на поверхности материи, как акциденция — на поверхности сложной субстанции. Поэтому выраженная форма должна быть менее действительной по отношению к материи, подобно тому как случайная форма менее действительна по отношению к сложному.

Теофил. Поистине жалким образом решает этот вопрос Аристотель, который вместе со всеми античными философами утверждает, что начала должны быть всегда перманентными; когда же, далее, мы ищем в его учении ответа на вопрос, где имеет свою постоянную перманентность та природная форма, которая волнуется на поверхности материи, мы не найдем ее ни в неподвижных звездах, ибо эти единичные существа, которые мы видим, не спускаются к нам со своих высот, ни в идеальных отпечатках[155], отделенных от материи, ибо эти последние являются, если не чудовищами, то хуже, чем чудовищами, — я хочу сказать, химерами и пустыми фантазиями. Следовательно, что же? Они находятся в лоне материи. Что же из этого следует? Что она является источником действительности. Хотите ли вы, чтобы я сказал вам больше и дал вам увидеть, до какого абсурда дошел Аристотель? Он утверждает, что материя находится в возможности. Спросите же его: когда она будет в действительности? Многие ответят вместе с ним: когда она будет иметь форму. Прибавь же к этому вопрос: а что такое это нечто, снова имеющее бытие? Они ответят к своей досаде: сложное, а не материя, ибо она всегда та же, не возобновляется, не меняется. Так, мы не утверждаем, что в искусственных вещах, когда из дерева сделана статуя, дерево получает новое бытие, потому что ничто не является больше или меньше деревом, чем было раньше; но то, что получает бытие и действительность, есть то, что заново производится, сложное, говорю я, статуя. Каким же образом утверждаете вы, что возможность принадлежит тому, что никогда не будет в действительности или не будет действительностью. Итак, материя не является возможностью бытия или тем, что может быть, ибо она всегда одна и та же и неизменна, и скорее в отношении к ней и в ней происходит изменение, чем сама она меняется. То, что изменяется, увеличивается, уменьшается, меняет место, уничтожается, по-вашему же мнению, перипатетиков, всегда есть сложное и никогда не есть материя; итак, почему вы говорите о материи или в возможности, или в действительности? Конечно, никто не должен сомневаться в том, что для получения форм или для их произведения из себя, что касается ее сущности и субстанции, она не получает большей или меньшей действительности; и поэтому нет основания утверждать, что она находится в возможности. Последнее применимо к тому, что находится в непрерывном движении в отношении к ней, а не к ней, находящейся в вечном покое и скорее являющейся причиной покоя. Ибо если форма, сообразно фундаментальному и специфическому бытию, состоит из простой и неизменной сущности, не только логически в понятии и основании, но также физически в природе, то с необходимостью следует, что она заключается в непрерывной способности материи, каковая есть возможность, не отличимая от действительности[156], как я разъяснил многими способами, когда столько раз рассуждал о возможности.

---

[155] Выражение *идеальные отпечатки* означает у Бруно идеи.

[156] Бруно критикует с материалистических позиций учение Аристотеля и указывает на трудности, вытекающие из философии Аристотеля, так как в конечном итоге у него форма отделяется от материи. Формы суть вечные принципы и не могут находиться в «первом двигателе»: в таком случае они были бы внесены в материю извне, а, согласно Аристотелю, материя носит в самой себе возможность частных форм. Формы нельзя искать также в потусторонних вещах: ни в звездах, ибо эти единичные существа не спускаются к нам со своих высот, ни в платоновских идеях, отделенных от материи, ибо эти последние, как говорит сам Аристотель, — пустые фантазии. Следовательно, формы приходится искать внутри самой материи, которая равна самой себе и

Полиинний. Прошу, скажите что-нибудь об устремлении материи, с тем чтобы принять какое-либо решение для выяснения спора между мною и Гервазием.

Гервазий. Пожалуйста, сделайте это, Теофил; ибо он заморочил мне голову уподоблением женщины и материи и утверждением, что женщина столь же не удовлетворяется мужчинами, как материя формами и так далее.

Теофил. Так как материя ничего не получает от формы, то почему вы утверждаете, что она к ней стремится? Если, как мы сказали, она производит формы из своего лона, а, следовательно, имеет их в себе, то как можете вы утверждать, что она к ним стремится? Она не стремится к тем формам, которые ежедневно меняются за ее спиной, ибо всякая упорядоченная вещь стремится к тому, от чего получает совершенство. Что может дать вещь преходящая вещи вечной? Вещь несовершенная, каковой является форма чувственных вещей, всегда находящаяся в движении, — другой, столь совершенной, что она, как это ясно при правильном созерцании, является божественным бытием в вещах, что, быть может, хотел сказать Давид из Динанта[157], плохо понятый некоторыми авторами, передающими его мнение? Она не стремится к ней, чтобы быть ею сохраненною, ибо вещь преходящая не сохраняет вещи вечной; кроме того, ясно, что материя сохраняет форму; поэтому скорее подобная форма должна страстно желать материи, чтобы продолжиться, ибо, отделяясь от той, она теряет бытие; материя же к этому не стремится, ибо имеет все то, что имела прежде, чем данная форма ей встретилась, и может иметь также и другие формы. Я оставляю в стороне то обстоятельство, что когда дается причина уничтожения, то не говорится, что форма избегает материи или оставляет материю, но, скорее, что материя отбрасывает эту форму, чтобы принять другую. Кстати, я оставляю в стороне, что мы имеем не больше основания утверждать, что материя стремится к формам, чем наоборот, что она ненавидит их (я говорю о тех, которые возникают и уничтожаются, ибо источник форм, сущий в себе, не может стремиться, принимая во внимание, что не стремятся к тому, чем уже обладают), ибо на том же основании, на котором говорится, что она стремится к получаемому ею и производимому, подобным же образом, когда она его отбрасывает и устраняет, может быть сказано, что она отвращается от него; и даже она сильнее отвращается, чем стремится, принимая во внимание, что она вечно отбрасывает числовые формы, которые удерживает лишь на короткое время. Итак, если ты вспомнишь о том, что она столько же из них и отбрасывает, сколько получает, то ты не должен возражать против моего утверждения, что она относится к ним с отвращением, совершенно так же, как я позволяю тебе утверждать, что она желает их.

Гервазий. И вот рухнули на землю воздушные замки не только Полиинния, но также и других, кто с Полиинниием.

Полиинний. *Все же осторожнее так людей обвиняй ты, попомни!*

Диксон. Мы достаточно разобрались на сегодня. До свиданья, до завтра!

Теофил. Итак, прощайте.

Конец четвертого диалога

к которой они относятся как акциденции к субстанции. Но в таком случае материя — источник всей действительности, чем она, согласно Аристотелю, ни в коем случае не должна быть. Таким образом, учение Аристотеля приводит к безвыходным противоречиям. Бруно приходит на этом основании к тому выводу, что материя обладает субстанциальным характером и что в ней возможность не отличается от действительности.

[157] *Давид из Динанта* — философ конца XII в., сочинения которого были осуждены церковью в 1209 г. Он учил, что бог, разум и материя — одно и то же. Бог — материальный принцип всего. Разум содержит возможность всего бестелесного, материя же содержит возможность всех телесных субстанций. Если бы разум и материя отличались друг от друга, то над ними должна была бы находиться высшая материя, которая заключала бы в себе возможность их обоих. Но так как над первичной материей нет ничего, то разум и материя — одно и то же, и оба — то же самое, что и бог.

Диалог пятый

Теофил. Итак, вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Едина, говорю я, абсолютная возможность, едина действительность, едина форма или душа, едина материя или тело, едина вещь, едино сущее, едино величайшее и наилучшее. Она никоим образом не может быть охвачена и поэтому неисчислима, и беспредельна, а тем самым бес-. конечна и безгранична и, следовательно, неподвижна. Она не движется в пространстве, ибо ничего не имеет вне себя, куда бы могла переместиться, ввиду того, что она является всем. Она не рождается, ибо нет другого бытия, которого она могла бы желать и ожидать, так как она обладает всем бытием. Она не уничтожается, ибо нет другой вещи, в которую она могла бы превратиться, так как она является всякой вещью. Она не может уменьшиться или увеличиться, так как она бесконечна. Как ничего нельзя к ней прибавить, так ничего нельзя от нее отнять, потому что бесконечное не имеет частей, с чем-либо соизмеримых. Она не изменяется в другое расположение, ибо не имеет ничего внешнего, от чего могла бы что-либо потерпеть и благодаря чему пришла бы в возбужденное состояние. Кроме того, так как она в своем бытии заключает все противоположности в единстве и согласии и не может иметь никакой склонности к другому и новому бытию или даже к какому-нибудь другому модусу бытия, она не может быть подвержена изменению в отношении какого-либо свойства и не может иметь ничего противоположного или отличного в качестве причины своего изменения, ибо в ней всякая вещь согласна. Она не материя, ибо не имеет фигуры и не может ее иметь, она бесконечна и беспредельна. Она не форма, ибо не формирует и не образует другого ввиду того, что она есть все, есть величайшее, есть единое, есть вселенная. Она неизмерима и не является мерою. Она не охватывает себя, ибо не больше себя, она не охватывается собою, ибо не меньше себя. Она не приравнивается, ибо не есть одно и другое, но одно и то же. Будучи одним и тем же, она не имеет бытия и еще бытия, и так как не имеет бытия и еще бытия, то не имеет части и еще части; и вследствие того, что не имеет части и еще части, она не сложна. Она является пределом; она в такой степени является формой, что не является формой; в такой степени — материей, что не является материей, в такой степени — душою, что не является душою, ибо она есть все без различий, и поэтому она едина; вселенная едина.

В ней, конечно, нет большей высоты, чем длины и глубины, отсюда по известному подобию она называется, но не является шаром. В шаре длина такова же, как ширина и глубина, потому что они имеют одинаковый предел; но во вселенной ширина, длина и глубина одинаковы, потому что одинаковым образом они не имеют предела и бесконечны. Если они не имеют половины, четверти и других мер, если нет там меры, нет там и соизмеримой части, нет там абсолютно части, которая бы отличалась от целого. Ибо если пожелать ее назвать частью бесконечного, необходимо назвать ее бесконечным; если она бесконечна, то совпадает в одном бытии с целым; следовательно, вселенная едина, бесконечна, не делима на части. И если в бесконечном не находится различия, как части и целого и как одного и другого, то, несомненно, бесконечное едино. Сообразно понятию бесконечного оно не является большей частью и меньшей частью, ибо пропорциональности бесконечного не более подходит какая-нибудь сколь угодно большая часть, чем другая сколь угодно меньшая; и поэтому в бесконечной длительности час не отличается от дня, день от года, год от века, век от момента; ибо они не больше моменты или часы, чем века, и одни из них не меньше, чем другие, в соизмерении с вечностью. Подобным же образом в бесконечности не отличается пядь от стадия, стадий от парасанга; ибо парасанги для соизмерения с безмерностью подходят не более, чем пяди. Следовательно, бесконечных часов не больше, чем бесконечных веков, и бесконечные пяди не больше числом, чем бесконечные парасанги. К соизмерению, подобию, единству и тождеству бесконечного бытие человека не более близко, чем бытие муравья, звезды, ибо к этому бытию бытие солнца, луны не более приближается, чем бытие человека или муравья, и поэтому в бесконечном эти вещи не различимы; и то, что я говорю об этих вещах, я подразумеваю относительно всех других вещей, существующих как частные.

Но если все эти частные вещи в бесконечном не суть одно и другое, не различны, не являются видами, то по необходимому следствию они не являются числом; таким образом, вселенная, кроме того, неподвижна. Это потому, что она охватывает все и не терпит одного и другого бытия, и не переносит ни с собою, ни в себе никакого изменения; следовательно, она есть все то, чем она может быть, и в ней, как я сказал в другой день, действительность не отличается от возможности. Если действительность не отличается от возможности, то необходимо следует, что в ней точка, линия, поверхность и тело не отличаются друг от друга; ибо данная линия постольку является поверхностью, поскольку линия, двигаясь, может быть поверхностью; данная поверхность постольку двинута и превратилась в тело, поскольку поверхность может двигаться и поскольку при помощи ее сдвига может образоваться тело. Итак, с необходимостью следует, что в бесконечном точка не отличается от тела, ибо точка, скользя из бытия точки, становится линией; скользя из бытия линии, становится поверхностью; скользя из бытия поверхности, становится телом; итак, точка, поскольку она имеет возможность быть телом, постольку не отличается от бытия тела там, где возможность и действительность одно и то же.

Итак, неделимое не отличается от делимого, простейшее от бесконечного, центр от окружности. Таким образом, бесконечное, будучи всем тем, чем оно может быть, неподвижно; так как в нем все неразличимо, то оно едино; обладая же всем величием и совершенством, какое где бы то ни было может быть, оно является величайшим и наилучшим безграничным. Если точка не отличается от тела, центр от окружности, конечное от бесконечного, величайшее от малейшего, мы наверняка можем утверждать, что вся вселенная есть целиком центр, или что центр вселенной повсюду, и что окружность не имеется ни в какой части, поскольку она отличается от центра; или же что окружность повсюду, но центр нигде не находится, поскольку он от нее отличен. Вот почему не только не невозможно, но необходимо, чтобы наилучшее, величайшее, неохватываемое было всем, повсюду, во всем, ибо, как простое и неделимое, оно может быть всем, повсюду и во всем. Итак, не напрасно сказано, что Зевс наполняет все вещи[158], обитает во всех частях вселенной, является центром того, что обладает бытием, единое во всем, для чего единое есть все. Будучи всеми вещами и охватывая все бытие в себе, он делает то, что всякая вещь имеется во всякой вещи.

Но вы мне скажете: почему же вещи изменяются, почему частная материя устремляется к другим формам? Я отвечаю вам, что изменение ищет не другого бытия, но другого модуса бытия. И таково различие между вселенной и вещами вселенной; ибо первая охватывает все бытие и все модусы бытия; из вторых же каждая обладает всем бытием, но не всеми модусами бытия. И она не может актуально обладать всеми обстоятельствами и акциденциями, ибо многие формы несовместимы в одном и том же субстрате, или потому, что они противоположны ему, или потому, что они принадлежат различным видам; как не может быть одного и того же индивидуального субстрата относительно акциденции лошади и человека, относительно размеров какого-либо растения и какого-либо животного. Далее, первая охватывает все бытие целиком, ибо вне и помимо бесконечного бытия не существует никакой вещи, так как не имеется *вне* и *кроме;* из вторых же каждая охватывает все бытие, но не целиком, ибо, помимо каждой из них, имеется бесконечное число других. Поэтому вам должно быть понятно, что все бытие находится во всем, но не целиком и не по всем модусам в каждом. Поэтому также вам понятно, что каждая вещь едина, но не по одному модусу.

Поэтому не ошибается тот, кто называет единое бытие сущим, субстанцией и сущностью; будучи бесконечным и безграничным как в отношении субстанции, так и в отношении длительности, величины и силы, оно не имеет смысла ни начала, ни чего-либо обусловленного началом; ибо вследствие совпадения всякой вещи в единстве и тождестве, — я говорю о том же бытии, — оно приобретает абсолютное, а не относительное основание. В едином, бесконечном, неподвижном, то есть в субстанции, сущности, находится множественность, число; но последнее, будучи модусом и многоформенностью сущего, обозначающего вещь посредством вещи, этим вовсе не делает сущего более чем единым, но многомодусным, многоформенным и многофигурным.

---

[158] Бруно имеет в виду гимн Зевсу стоика Клеанта (331—232 гг. до н. э.).

Поэтому, размышляя серьезно вместе с натурфилософами и оставляя в стороне логиков с их фантазиями, мы находим, что все то, что имеет различие и число, есть чистая акциденция, чистая фигура, чистое восполнение. Всякое произведение, каково бы оно ни было, есть изменение, поскольку субстанция всегда остается одной и той же, потому что существует только одна субстанция, одно божественное и бессмертное существо. К сущему относится изречение Пифагора, что он не боится смерти, но ожидает изменения. Это удалось понять всем философам, вульгарно называемым физиками, которые утверждают, что ничто не порождается в отношении субстанции и не уничтожается, если не подразумевать под этим изменения. Это понял и Соломон, ибо он говорит, что *ничто не ново под солнцем, то же, что есть, уже было раньше*[159]. Итак, вы видите, каким образом все вещи находятся во вселенной и вселенная — во всех вещах; мы — в ней, она — в нас. Так все сходится в совершенном единстве. Вот почему мы не должны подавлять свой дух, вот почему нет вещи, из-за которой мы должны были бы приходить в уныние. Ибо это единство единично и устойчиво, оно всегда пребывает; это единое вечно. Всякий лик, всякое лицо, всякая иная вещь — это суета, ничто. И все, что находится вне этого единого, является ничем. Те философы, которые нашли это единство, обрели себе в подруги мудрость. Мудрость, истина, единство фактически являются одной и той же вещью. Говорить о том, что истинное, единое и сущее — одно и то же, умели все, но не все поняли это, ибо остальные прибегали к этому способу выражения, но не усвоили способа понимания истинных мудрецов. Среди прочих — Аристотель, который не нашел ни единого, ни сущего, ни истинного, так как не понял сущего как единого; и хотя он имел возможность пользоваться значением сущего, как общего для субстанции и акциденции, а кроме того, различать свои категории в отношении родов и видов при помощи стольких же различий, тем не менее он в той же мере остался удаленным от истины благодаря тому, что не углубился в познание единства и безразличия постоянной природы и бытия. Будучи сухим софистом, он при помощи недобросовестных объяснений и легковесных доказательств извращал суждения древних и сопротивлялся истине[160], не столь, быть может, вследствие умственной вздорности, сколь в силу зависти и тщеславия.

Диксон. Так что этот мир, это сущее, вселенная, истинное, бесконечное, безграничное в каждой своей части есть все, так же как он является одним и тем же повсюду. Поэтому все, что есть во вселенной, чем бы только оно ни было по отношению к остальным частным телам, в отношении вселенной существует при помощи всего, сообразно своим способностям, ибо оно существует *над, под, за, направо, налево* и сообразно всем местным различиям, так как во всем бесконечном имеются все эти различия и нет ни одного из них. Всякая вещь, какую только ни взять во вселенной, имея в себе то, что является всем благодаря всему, заключает в своем модусе всю душу мира хотя не целиком, как мы уже сказали; последняя же является всей в любой ее части. Итак, вследствие того, что действительность едина и образует единое бытие, где бы оно ни было, не следует думать, что в мире имеется множественность субстанций и поистине сущего.

Далее, как я знаю, вы считаете очевидным, что каждый из всех этих бесчисленных миров, нами видимых во вселенной, находится в ней не как в каком-нибудь месте или как в промежутке и пространстве, но как в том, что его охватывает, охраняет, движет и производит. Таким образом, это охватывающее, охраняющее, движущее и производящее целиком заключается в каждом из этих миров, как вся душа целиком в каждой его части. Итак, хотя какой-либо частный мир движется по направлению к другому и вокруг него, как Земля — к Солнцу и вокруг Солнца, однако ничто не движется к вселенной или вокруг нее, но лишь в ней.

---

[159] В мысли Бруно о том, что субстанция не уничтожима, а изменение и множество относятся к акциденциям, заключается признание вечности вселенной.

[160] Чтобы понять резкий отзыв Бруно об Аристотеле, надо принять во внимание, что учение Аристотеля, искаженное средневековыми схоластами, являлось господствующей идеологией феодального строя и служило сильнейшим тормозом для движения науки вперед. Об этом искажении Ленин говорит следующее: «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое... Схоластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не *живое: запросы,* искания, лабиринт, заплутался человек» *(В.И. Ленин.* Философские тетради, 1947, с. 303, 304).

Кроме того, вы утверждаете, что так же, как душа находится во всей громадной массе, которой она дает бытие (это соответствует общепринятому мнению), а вместе с тем неделима и тем самым в равной мере находится во всем и целиком — в любой части, — так и сущность вселенной едина в бесконечном и в любой вещи, взятой как член его. Благодаря этому вселенная и любая ее часть фактически едины в отношении субстанции. Поэтому приемлемым оказывается мнение Парменида, что бытие едино, бесконечно, неподвижно, хотя истинная мысль Парменида для нас остается недостоверной, так как сообщается недостаточно точным автором[161].

Вы утверждаете, что все это, производящее в телах разнообразие формирования, восполнения, фигур, цветов и других свойств, и общих определений, есть не что иное, как различное лицо одной и той же субстанции, преходящее, подвижное, изменяющееся лицо неподвижного, устойчивого и вечного бытия. В нем заключаются все формы, фигуры и члены, но не различимые и представляющие собою как бы агломерат. Так же обстоит дело и в семени, в котором рука не отличается от кисти, бюст — от головы, нерв — от кости. Это различение и агломерация не производят иной, новой субстанции, но приводят в действие и исполнение известные качества, различия, акциденции и порядки, относящиеся к этой субстанции. То же, что говорится о семени в отношении членов животных, говорится и о пище в отношении образования млечного сока, крови, флегмы, мяса, семени; то же — о какой-либо другой вещи, предшествующей образованию пищи или чего-либо другого; то же — о вещах. Поднимаясь от самой низкой ступени природы до самой высшей, поднимаясь от физической всеобщности, которую познали философы, до высоты первообраза, в которого верят богословы, если угодно, мы доходим, наконец, до первичной и всеобщей субстанции, тождественной со всем, которая называется сущим, основанием всех видов и различных форм. Так, в плотничьем искусстве имеет место одна субстанция дерева, подверженная всем мерам и фигурам, которые суть не дерево, но от дерева, в дереве, в связи с деревом. Поэтому все то, что составляет различие родов, видов, особенностей, свойств, все, что подвержено возникновению, уничтожению, изменению и перемене, все это — не сущее, не бытие, но условие и обстоятельство сущего и бытия. Последнее же едино, бесконечно, неподвижно, субстрат, материя, жизнь, душа, истинное и благое.

Вы полагаете, что так как сущее неделимо и в высшей мере просто, ибо оно бесконечно, ибо оно действует все во всем и все в каждой части (благодаря этому мы говорим: часть в *бесконечном,* но не части *бесконечного),* то ни в коем случае мы не можем думать, что земля является частью сущего, солнце — частью субстанции, ибо последняя не делима на части. Но позволительно говорить: субстанция частей или, еще лучше, субстанция в частях. Подобным же образом нельзя говорить, что часть души находится в руке, часть — находится в голове, но вполне правильно сказать: душа в части, являющейся головой, субстанция части, или в части, каковой является рука, ибо порция, часть, член, весь, постольку, поскольку, больше или меньше, *как этот, как тот, от этого, от того, совпадающий, различный* и другие отношения, не обозначающие единого абсолютного, на этом основании не могут относиться к субстанции, к единому, к сущему, но зависят от этой субстанции, находятся в едином и относятся к сущему, как модусы, отношения и формы. Как относительно какой-нибудь субстанции обычно говорится, что она есть количество, качество, отношение, действие, претерпевание или характеризуется другого рода обстоятельствами, точно так же и единое сущее, высшее, в котором действительность не отличима от возможности, которое может быть абсолютно всем и есть все то, чем оно может быть, в сложности является единым, безграничным, бесконечным, охватывающим все бытие и развернутым образом существует в чувственных телах и в наблюдаемых нами в них и различаемых возможности и действительности. Поэтому вы полагаете, что порожденное и порождающее (будь деятель только того же названия или того же названия и того же содержания, как выражаются вульгаризаторы философии) и то, из чего происходит порождение, всегда принадлежат к одной и той же субстанции. Благодаря этому для вас не звучит странно изречение Гераклита, утверждающего, что все вещи суть единое, благодаря изменчивости все в себе заключающее.

---

[161] Бруно имеет здесь в виду Аристотеля, которого он и раньше упрекал в извращении учений древних авторов.

И так как все формы находятся в нем, то, следовательно, к нему приложимы все определения, и благодаря этому противоречащие суждения оказываются истинными[162]. И то, что образует множественность в вещах, — это не сущее, не вещь, но то, что является, что представляется чувству и находится на поверхности вещи.

Теофил. Это так. Помимо этого, я хочу, чтобы вы глубже усвоили основы этой важнейшей науки и этого солиднейшего фундамента истин и тайн природы. Во-первых, я хочу, чтобы вы отметили, что природа нисходит к произведению вещей, а интеллект восходит к их познанию по одной и той же лестнице и что тот и другая продвигаются от единства к единству, проходя через множественность средств. Я оставляю без рассмотрения тот факт, что перипатетики и многие платоники благодаря своему способу философствовать заставляют предшествовать множественности вещей как середине чистейшую действительность, с одной стороны, и чистейшую возможность, с другой. Другие же хотят при помощи известной метафоры применить мрак и свет к образованию бесчисленных степеней форм, образов, фигур и цветов. За теми, кто принимает два начала и два принципа, следуют другие — враги и ненавистники многоначалия[163]; они заставляют эти два начала совпасть в одном, которое в одно и то же время есть бездна и мрак, ясность и свет, глубокая и непроницаемая темнота, горний и недостижимый свет.

Во-вторых, примите во внимание, что интеллект, желая освободиться и отрешиться от воображения, с которым он соединен, помимо того, что прибегает к математическим и воображаемым фигурам, с тем чтобы при их помощи или путем уподобления понять бытие и субстанцию вещей, приходит также к тому, что множественность и разнообразие видов относит к одному и тому же корню. Так, Пифагор, считая числа специфическими началами вещей, за основание и субстанцию всех их принимал единицу; Платон и другие, полагавшие, что виды являются фигурами, за один и тот же корень и основу их всех принимали точку как субстанцию и всеобщий род. И, быть может, поверхности и фигуры — это то, что Платон подразумевает в своем *Большом,* а точка и атом — в своем *Малом,* говоря о двойных специфических началах вещей, началах, которые в дальнейшем сводятся к единому, как всякое делимое к неделимому[164]. Следовательно, те, кто утверждает, что субстанциальным началом является единица, понимают субстанцию как число, другие, которые утверждают, что субстанциальным началом является точка, понимают субстанции как фигуры. И все они сходятся в том, что принимают неделимое начало. Но способ Пифагора является лучшим и более чистым, чем способ Платона, ибо единство есть причина и основание неделимости и точечности, и это начало более абсолютно и более приложимо к всеобщему сущему.

Гервазий. Почему Платон, живший позже Пифагора, не учил так же, как он, или еще лучше?

Теофил. Потому что он предпочитал считаться учителем, говоря худшее, к тому же менее удобным и менее подходящим способом, чем получить репутацию ученика, говоря лучшее и лучшим образом. Я хочу сказать, что целью его философии было в большей мере собственное слово, чем истина, ибо без всякого сомнения он прекрасно понимал, что его способ более подходит к вещам телесным и рассматриваемым телесно, тот же другой способ не менее удобен и подходящ ко всем остальным вещам, какие могут быть произведены разумом, воображением, интеллектом, одной и другой природой. От Платона, как это всякий признает, не было скрыто, что единство и число с необходимостью определяют и дают основание точке и фигурам, а не определяются с необходимостью и не получают основания от фигур и точек, как субстанция измеримая и телесная зависит от бестелесной и неделимой.

---

[162] Бруно подходит здесь к наивно диалектическому представлению о противоречии и полемизирует с Аристотелем, который следующим образом определяет основной закон формальной логики: «Из двух высказываний, из которых одно утверждает то же самое, что отрицает другое, одно всегда ложно, другое же истинно».

[163] Аристотель в «Метафизике» (кн. XII, гл. 10) требует, чтобы философия исходила из единого высшего принципа. В подтверждение этого положения он приводит стих из «Илиады» (песнь 2, 204): «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель».

[164] В последний период своей жизни Платон ввел в свою теорию идей значительные элементы пифагорейского учения о числах. Догадка Бруно, что под «большим» следует подразумевать поверхности, а под «малым» точку, не находит подтверждения в исторических источниках.

Кроме того, первая независима от второй, ибо основание чисел находится без основания измерения, но вторая не может быть независимой от первой, ибо основание измерения не находится без основания чисел. Поэтому арифметические уподобление и соизмерение являются более подходящими, чем геометрические, для того чтобы оказать нам помощь посредством величины для созерцания и познания этого неделимого начала. Так как это — единственная и коренная субстанция всех вещей, то невозможно, чтобы она имела точное и определенное имя и такое название, которое обладало бы положительным, а не отрицательным значением. Поэтому одними она была названа точкой, другими — единицей, третьими — бесконечным и тому подобными различными способами.

Прибавь к этому уже сказанное, что, когда интеллект хочет понять сущность какой-либо вещи, он прибегает к упрощению, насколько это возможно; я хочу сказать, что он удаляется от сложности и множественности, сводя преходящие акциденции, размеры, обозначения и фигуры к тому, что лежит в основе этих вещей. Так мы понимаем длинное писание и пространную речь лишь в том случае, если сократим их до простой, основной мысли. Интеллект ясно этим показывает, что субстанция вещей состоит в единстве, которое он ищет в истине или в уподоблении.

Поверь мне, что опытнейшим и совершеннейшим геометром был бы тот, кто сумел бы свести к одному-единственному положению все положения, рассеянные в началах Эвклида; превосходнейшим логиком тот, кто все мысли свел бы к одной. Здесь заключается степень умов, ибо низшие из них могут понять много вещей лишь при помощи многих видов, уподоблений и форм, более высокие понимают лучше при помощи немногих, наивысшие совершенно при помощи весьма немногих. Первый ум в одной мысли наисовершеннейшим образом охватывает все; божественный ум, абсолютное единство, без какого-либо представления сам есть то, что понимает, и то, что понято. Так, следовательно, мы, подымаясь к совершенному познанию, подвигаемся, сворачиваем множественность, как при нисхождении к произведению вещей разворачивается единство. Нисхождение происходит от единого сущего к бесконечным индивидуумам, подъем — от последних к первому.

Итак, в заключение этого второго рассуждения я скажу, что, когда мы стремимся и устремляемся к началу и субстанции вещей, мы продвигаемся по направлению к неделимости; и мы никогда не думаем, что достигли первого сущего и всеобщей субстанции, если не дошли до этого единого неделимого, в котором охвачено все. Благодаря этому лишь в той мере мы полагаем, что достигли понимания субстанции и сущности, поскольку сумели достигнуть понимания неделимости. На этом основании перипатетики и платоники сводят бесконечных индивидуумов к неделимому основанию многих видов; бесчисленные виды подчиняют определенным родам (по мнению Архиты[165], их десять), определенные роды подчиняют единому сущему, единой вещи. Эта вещь и сущее понимаются ими как имя и название, как логическое намерение и, в конце концов, как ничто. Ибо, рассуждая далее физически, они считают начало реальности и бытия всего того, что есть, лишь понятием и общим именем, которые применяются ко всему тому, что высказывается и понимается. Это, конечно, произошло вследствие ограниченности интеллекта.

В-третьих, ты должен знать, что вследствие отличия и независимости субстанции и бытия от количества мера и число не являются субстанциями, но лишь относятся к субстанции, являются не сущим, но лишь вещью сущего. Отсюда следует, что мы необходимо должны говорить, что субстанция по своей сущности не имеет числа и меры, а поэтому едина и неделима во всех частных вещах; последние же получают свое частное значение от числа, то есть от вещей, которые лишь относятся к субстанции. Поэтому тот, кто познаёт Полиинния как Полиинния, познаёт не частную субстанцию, но субстанцию в частном и в различиях, к ней относящихся. Осуществляясь, она полагает этого человека в числе и множественности при помощи вида.

---

[165] *Архита* из Тарента (430—348 гг. до н. э.) — греческий математик, философ пифагорейской школы. Бруно, опираясь на свидетельство Симплиция, приписывает Архите сочинение о категориях, многочисленные отрывки из которого приводятся Симплицием в его комментарии к «Категориям» Аристотеля. На самом же деле это сочинение вышло из неопифагорейской школы; оно приписывалось неопифагорейцами Архите для обоснования того ложного утверждения, будто бы уже он открыл аристотелевские категории.

Здесь известные акциденции животного организма образуют множество видов животных, подобно тому как известные акциденции человеческой природы образуют множество человеческих индивидуумов. Равным образом известные жизненные акциденции образуют разновидности всего одушевленного и живущего. Не иначе известные телесные акциденции образуют разновидности телесности. Подобным же образом известные акциденции субсистенции образуют разновидности субстанции. Таким же образом известные акциденции бытия образуют разновидности сущности, истины, единства, сущего, истинного, единого.

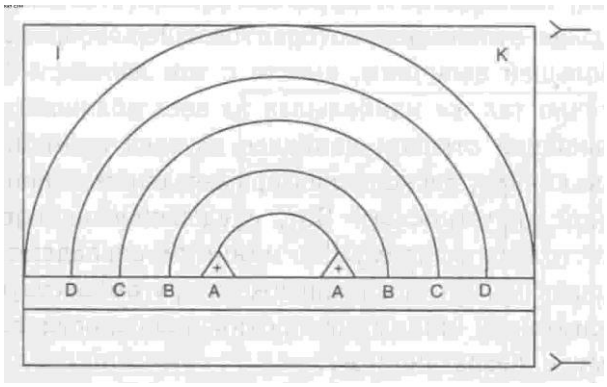


Рис. 1

В-четвертых, возьми обозначения и способы проверки, при помощи которых мы хотим прийти к выводу, что противоположности совпадают в едином; отсюда нетрудно вывести в конечном итоге, что все вещи суть единое, как всякое число, в равной мере четное и нечетное, конечное и бесконечное, сводится к единице. Повторенная конечное число раз, она полагает число, повторенная бесконечное число раз — отрицает. Обозначения возьмем из математики, способы проверки — из других моральных и спекулятивных способностей. Итак, что касается обозначений, скажите мне, какая вещь более несходна с прямой линией, чем *окружность?* Какая вещь более противоположна прямой, чем кривая? Однако в начале и наименьшем они совпадают[166]; так что, какое различие найдешь ты между наименьшей дугой и наименьшей хордой? — как это божественно отметил Кузанский[167], изобретатель прекраснейших тайн геометрии. Далее, в наибольшем, какое различие найдешь ты между бесконечной окружностью и прямой линией? Разве вы не видите, что чем больше окружность, тем более она своим действием приближается к прямоте? Кто так слеп, чтобы не увидеть, насколько дуга BB, будучи больше дуги AA, и дуга CC, будучи больше, чем дуга BB, дуга DD, будучи больше, чем три остальные, показывают, что они являются частями все больших окружностей и тем самым все более и более приближаются к прямоте бесконечной линии, бесконечной окружности, обозначенной IK? Здесь, конечно, необходимо говорить и думать, что таким же образом, как эта линия, которая больше, сообразно основанию большей величины, вместе с тем является более прямой, точно так же наибольшая из всех должна быть в превосходнейшей степени наиболее из всех прямой. Так что, в конце концов, бесконечная прямая линия становится бесконечной окружностью. Вот, следовательно, каким образом не только максимум и минимум совпадают в одном бытии, как мы это доказали уже в другом месте, но также в максимуме и минимуме противоположности сводятся к единому и безразличному.

---

[166] Бруно, примыкая в этом вопросе к Николаю Кузанскому, доказывает возможность плодотворного применения принципа совпадения противоположностей в математике.

[167] *Николай Кузанский* (1401 —1464) — в некоторых отношениях философский предшественник Бруно; сторонник принципа совпадения противоположностей.

Кроме того, быть может, тебе угодно сравнить конечные виды с треугольником, ибо от первого конечного и первого ограниченного все конечные вещи по известной аналогии приобщаются к конечности и ограниченности (как во всех родах все аналогичные предикаты получают степень и порядок от первого и наибольшего в этом роде); треугольник же есть первая фигура, которая не может разложиться в другой вид более простой фигуры (между тем как, наоборот, четырехугольник разлагается на треугольники) и поэтому есть первый фундамент всякой вещи, имеющей границу и фигуру. Ты найдешь в этом случае, что треугольник не разлагается на другую фигуру, а также не может измениться в треугольники, три угла которых, хотя бы они были различны и разнообразны, были бы больше или меньше различных и разнообразных фигур в отношении величины большей и меньшей, наименьшей и наибольшей. Поэтому, если возьмешь бесконечный треугольник (я не говорю реально и абсолютно, ибо бесконечное не имеет фигуры, но я говорю *бесконечное* условно и поскольку угол необходим для того, что мы хотим доказать), то он не будет иметь угла большего, чем наименьший конечный треугольник, не говоря уже о средних и другом наибольшем.

Если оставить сравнение фигур с фигурами — я подразумеваю треугольников с треугольниками — и сравнивать углы с углами, то все они, сколь бы ни были большими и малыми, равны, что ясно из этого квадрата. Диаметром он разделен на подобные треугольники; отсюда видно, что равны не только прямые углы A, B и C, но также все острые, получающиеся благодаря разделению указанным диаметром, который образует двойное число треугольников, все с равными углами. Отсюда видно, по весьма явной аналогии, как одна бесконечная субстанция может быть вся во всех вещах, хотя в одних — конечным образом, в других — бесконечным, в первых — в меньшей мере, во вторых — в большей.

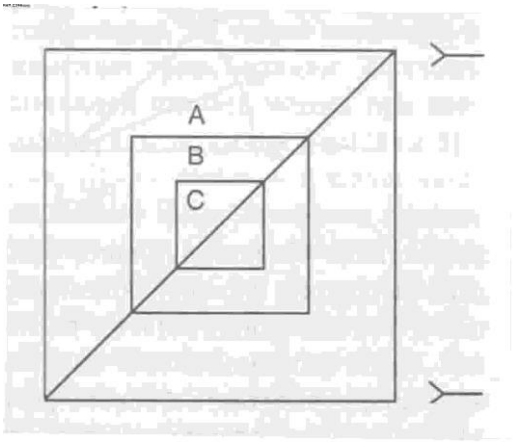


Рис. 2

Прибавь к этому (дабы видно было, что в этом едином и бесконечном противоположности согласуются), что острый и тупой угол суть две противоположности, которые известным образом происходят от одного и того же неделимого начала, то есть от наклона, образуемого перпендикулярной линией MC, пересекающейся с горизонтальной линией BD в точке C (рис. 3). Опираясь на эту точку, путем простого наклонения к точке D, она, после того как образовала безразлично угол прямой и прямой, начинает образовывать тем большее различие между углом острым и тупым, чем больше приближается к точке C. Присоединившись к последней и объединившись с ней, она образует безразличие острого и тупого, равным образом уничтожая один и другой, ибо они объединяются в возможности одной и той же линии. Эта же последняя, подобно тому как она могла объединиться и сделаться безразличной с линией BD, точно так же может разъединиться с ней и сделаться от нее отличной, производя из одного и того же единого и неделимого начала противоположнейшие углы, каковы суть наибольший острый и наибольший тупой, вплоть до наименьшего острого и наименьшего тупого, и далее к безразличию прямого и к тому согласию, которое состоит в соприкосновении перпендикулярной линии с горизонтальной.

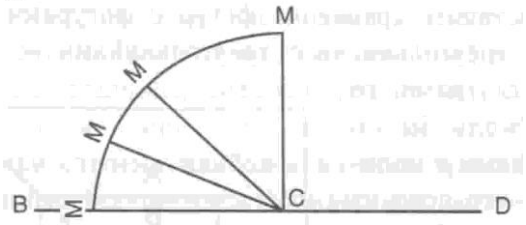


Рис. 3

Что же касается, далее, способов проверки, то кто не знает, во-первых, относительно первых активных качеств[168] телесной природы, что начало теплоты неделимо и, однако, отделено от всякой теплоты, ибо начало не должно быть никакой вещью из числа обусловленных началом? Если это так, то кто станет колебаться в утверждении, что начало не есть ни теплое, ни холодное, но тождество теплого и холодного? Разве отсюда не следует, что одна противоположность является началом другой и что изменения лишь потому носят круговой характер, что существует один субстрат, одно начало, один предел, одно продолжение и совпадение одного и другого? Разве наименьшее теплое и наименьшее холодное не одно и то же? Разве от предела наибольшей теплоты не получает начала движение по направлению к холодному? Отсюда ясно, что не только в известных случаях сходятся два максимума в сопротивлении и два минимума в соглашении, но также максимум и минимум благодаря изменению трансмутации. Поэтому врачи не без причины опасаются плохого исхода при наилучшем положении, а прозорливцы особенно боязливы при наивысшей степени счастья. Кто не видит, что едино начало уничтожения и возникновения? Разве последняя степень уничтожения не является началом возникновения? Разве мы не говорим одновременно, что если это снято, то положено то; было то, есть это? Конечно, если мы хорошо обдумаем, то увидим, что уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не что иное, как уничтожение; любовь есть ненависть; ненависть есть любовь; в конце концов, ненависть к противоположному есть любовь к подходящему, любовь к первому есть ненависть ко второму. Следовательно, в субстанции и в корне любовь и ненависть, дружба и вражда одно и то же. Что служит для врача более удобным противоядием, чем яд? Кто доставляет лучший териак, чем гадюка? В сильнейших ядах — лучшие целительные снадобья. Разве одна возможность не заключается в двух противоположных предметах? И отчего, думаешь ты, могло бы это быть, как не оттого, что таким образом единое есть начало бытия, как единое есть начало восприятия одного и другого предмета, и что противоположности относятся к субъекту таким образом, как они восприняты одним и тем же чувством? Я оставляю в стороне, что шарообразное имеет предел в ровном, вогнутое успокаивается и пребывает в выпуклом, гневный живет вместе с уравновешенным, наиболее гордому всего более нравится скромный, скупому — щедрый.

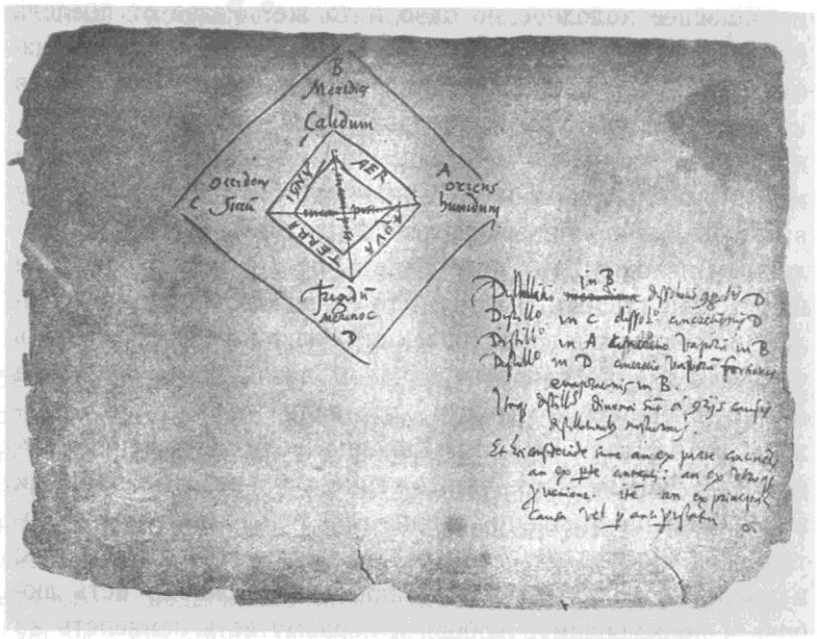
Подведем итоги. Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей. Глубокая магия заключается в умении вывести противоположность, предварительно найдя точку объединения. К этому стремился мыслью бедный Аристотель[169], считая лишение, к которому присоединена известная склонность, за родоначальника, отца и мать формы, но не мог достигнуть этого. Он не сумел к этому прийти, ибо, остановившись на роде противоположения, он задержался таким образом, что, не спускаясь к виду контрарности, он не достигнул, не усмотрел цели и блуждал в разных направлениях от нее, утверждая, что противоположности не могут актуально совпасть в одном и том же предмете.

---

[168] Говоря об *активных качествах,* Бруно имеет в виду учение Бернардино Телезио о природе, согласно которому в природе имеется два активных принципа, или начала (теплое и холодное), и телесная масса, которая под влиянием теплоты расширяется и разрежается, а под влиянием холода сжимается и сгущается. Теплое начало производит всякое движение и жизнь, а холодное — неподвижность и покой. Оба эти начала находятся между собой в постоянной борьбе, причем ни одно из них не может быть уничтожено целиком. Благодаря этой борьбе из материи, которая сама по себе не имеет качеств, возникают единичные вещи.

[169] Бруно имеет здесь в виду учение Аристотеля о «лишении», или «стерезисе», с которым у Аристотеля связано понятие материи. Поскольку материя обладает возможностью принимать различные формы, к ней в строгом смысле слова не применим логический принцип недопустимости противоречия (закон противоречия).

В «Метафизике» (кн. IX, гл. 9) Аристотель приводит пример возможности сочетания противоположностей. То, что способно быть больным, в то же самое время способно быть здоровым, потому что имеется возможность быть как здоровым, так и больным. Но способность совмещать противоположности относится только к возможности, потому что в действительности противоположности не могут совмещаться. Так, в действительности человек не может в одно и то же время быть и здоровым и больным. У Бруно возможность и действительность совмещаются в сущем, согласно его наивному принципу совпадения противоположностей. Бруно критикует Аристотеля за то, что последний, имея в «лишении» такую точку, где объединяются противоположности, не сумел пойти дальше в этом направлении и остановился на полдороге.



Страница одной из рукописей Джордано Бруно

П о л и и н н и й. Высоким, редким и оригинальным образом определяете вы все, максимум, сущее, начало, единое. Но я бы хотел, чтобы вы указали также различия единого, ибо я нахожу, что не хорошо быть человеку одному. Кроме того, я испытываю большой страх оттого, что в моем денежном мешке имеется лишь одинокое сольдо.

Т е о ф и л. Это единство есть все, оно не развернуто, к нему не приложимо численное распределение и деление. Это такая странность, которую ты не можешь понять, настолько она сложна и всеохватывающа.

П о л и и н н и й. Пример? Ибо, говоря правду, я воспринимаю, но не усваиваю.

Т е о ф и л. Таким же образом десятка есть единица, но свернутая, сотня в не меньшей степени есть единица, но более свернутая; тысяча есть единица в не меньшей степени, чем другие, но гораздо более свернутым образом. То, что я вам излагаю относительно арифметики, вы должны понимать в более возвышенном и абстрактном смысле относительно всех вещей. Высшее благо, высший предмет устремления, высшее совершенство, высшее блаженство состоит в единстве, охватывающем сложность всего. Мы наслаждаемся цветом, но не одним каким-нибудь отдельным, каков бы он ни был, а больше всего тем, который охватывает сложность всех цветов. Мы наслаждается голосом, но не отдельным, а сложным, происходящим от гармонии многих. Мы наслаждаемся чем-либо чувственным, всего же больше тем, что заключает в себе все чувственные вещи; познаваемым, охватывающим все, что может быть усвоено; сущим, обнимающим все; всего же больше тем единым, которое есть само все. Таким же образом ты, Полиинний, больше наслаждался бы единством жемчужины, столь драгоценной, что она одна стоила бы всего золота в мире, чем множеством тысяч тысяч таких сольдо, из каких один у тебя в кошельке.

П о л и и н н и й. Превосходно.

Г е р в а з и й. Вот я научен, ибо как тот, кто не понимает единого, ничего не понимает, так тот, кто истинно понимает единое, понимает все, и тот, кто более близок к познанию единого, все более приближается к восприятию всего.

Д и к с о н. Точно так же и я, если я хорошо понял, ухожу весьма обогащенным воззрениями Теофила, верного распространителя ноланской философии.

Т е о ф и л. Хвала богам, и да будет возвеличена всеми живущими бесконечная, простейшая, единственнейшая, высочайшая и абсолютнейшая причина, начало и единое.

Конец пяти диалогов о причине, начале и едином

О бесконечности, вселенной и мирах[170]

(DE L'INFINITO, UNIVERSO ET MONDI)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО,
НАПИСАННОЕ ЗНАМЕНИТЕЙШЕМУ СИНЬОРУ МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО,
СИНЬОРУ ДИ МОВИСЬЕРО.
КОНКРЕСАЛЬТО И ДИ ЖОНВИЛЛЯ, КАВАЛЕРУ
ОРДЕНА ХРИСТИАННЕЙШЕГО КОРОЛЯ, СОВЕТНИКУ
ЕГО ТАЙНОГО СОВЕТА, КАПИТАНУ 50 СОЛДАТ
И ПОСЛУ У СВЕТЛЕЙШЕЙ КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Если бы я, знаменитейший кавалер, владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания, немногие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я легко мог бы угодить всем. Но я измеряю поле природы, стараюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исследую навыки интеллекта — вот почему кто на меня смотрит, тот угрожает мне; кто наблюдает за мной, нападает на меня; кто догоняет меня, кусает меня; кто меня хватает, пожирает меня; и это — не один или немногие, но многие и почти все. Если вы хотите понять, откуда это, то я вам скажу, что причина этого — окружение, которое мне не нравится, чернь, которую я ненавижу, толпа, которая не удовлетворяет меня; я влюблен в одну, и благодаря ей я свободен в подчинении, доволен в муках, богат в нужде и жив во смерти; благодаря ей я не завидую тем, которые являются рабами в свободе, мучаются в наслаждениях, бедны в богатствах и мертвы в жизни; ибо в теле они имеют цель, которая их связывает, в духе — ад, который их угнетает, в душе — заблуждение, которое их заражает, в мысли — летаргию, которая их убивает; и нет великодушия, которое их освободило бы, долготерпения, которое их возвысило бы, сияния, которое их осветило бы, знания, которое их оживило бы. Отсюда происходит то, что я не отступаю, подобно усталым, с крутого пути; и, подобно тоскующим, я не отказываюсь от дела, которое мне представляется; и, подобно отчаявшимся, я не поворачиваюсь спиной к неприятелю, который противостоит мне; подобно заблуждающимся, не отворачиваю очей от божественного предмета; а между тем меня большей частью считают софистом, который больше стремится казаться тонким, чем быть правдивым; честолюбцем, который больше стремится основать новую и ложную секту, чем подтверждать старую и истинную; искусителем, который добывает блеск славы, распространяя тьму заблуждений; беспокойным умом, который опрокидывает здания здравых дисциплин и создает орудия разврата. Поэтому, синьор, пусть святые божества уничтожат всех тех, которые несправедливо ненавидят меня, пусть будет ко мне всегда благосклонным мое божество, пусть будут ко мне благоприятными все правители нашего мира, пусть звезды приготовят такой посев для поля и такое поле для посева, чтобы из моего труда выросли полезные и славные плоды для мира, которые раскрыли бы дух и пробудили бы чувства у лишенных света; я ж, конечно, не измышляю чего-либо и если и заблуждаюсь, то не думаю на самом деле, что заблуждаюсь; когда я говорю или пишу, то спорю не из любви к победе самой по себе (ибо я считаю всякую репутацию и победу враждебными богу, презренными и лишенными вовсе чести, если в них нет истины), но из любви к истинной мудрости и из стремления к истинному созерцанию я утомляюсь, страдаю и мучаюсь. Это докажут убедительные аргументы, которые зависят от живых оснований, которые происходят от упорядоченных чувств, которые получают сведения не от ложных образов, но от истинных, отделяющихся от природных предметов, подобно верным посланцам; они представляются наличными для тех, кто их ищет, открытыми для тех, кто на них смотрит, ясными для тех, кто их изучает, достоверными для тех, кто их понимает. И вот я вам представляю мои соображения о бесконечности, вселенной и бесчисленных мирах.

[170] Примечания составлены кандидатом философских наук А.И. Рубиным.

Мой путь уединенный к тем селеньям,
Куда ты помысл свой уже простер,
Уводит к бесконечности — с тех пор,
Как жизнь сравнял с искусством и уменьем.

Там возродись; туда взлети пареньем
Двух резвых крыл, меж тем как, вперекор
Тебе, надменный рок закрыл простор
Пред целью, милой вновь твоим стремленьям.

Ступай отсель; да обретешь приют
Достойнейший; да будет твой водитель
Тот бог, кого слепым слепцы зовут.

Да будут духи, коими обитель
Небес полна, приветливы с тобой!
Не возвращайся лишь — коль ты не мой!

Уйдя из тесной, сумрачной пещеры,
Где заблужденье век меня томило,
Там оставляю цепи, что сдавила
На мне рука враждебная без меры.

Низвергнуть в ночь отныне вечер серый
Меня не сможет — мощь, что покорила
Пифона, чьею кровью окропила
Поверхность вод, попрала власть Мегеры.

Тебя благодарю, мой свет небесный;
К тебе стремлюсь, мой голос благородный;
Тебе вручаю сердце я с любовью,

Рука, исторгшая меня из бездны,
Приведшая меня в чертог свободный,
Больной мой дух вернувшая здоровью.

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?

Века ль, года, недели, дни ль, часы ли
(Твое оружье, время!) — их потока
Алмаз и сталь не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.

Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,

Рассекши их, подъемлюсь в бесконечность.

И между тем, как все в другие сферы,
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу — другим — я оставляю Млечность.

Диалог первый

СОБЕСЕДНИКИ:

Эльпин, Филотей, Фракасторий, Буркий[171]

Э л ь п и н . Каким образом возможно, что вселенная бесконечна?

Ф и л о т е й . Каким образом возможно, что вселенная конечна?

Э л ь п и н . Думаете ли вы, что можно доказать эту бесконечность?

Ф и л о т е й . Думаете ли вы, что можно доказать ее конечность?

Э л ь п и н . Какова ее протяженность?

Ф и л о т е й . Каков ее предел?

Ф р а к а с т о р и й . К делу, к делу, если хотите доставить удовольствие; вы слишком долго тянете.

Б у р к и й . Начните скорей рассуждать, Филотей, потому что мне доставит развлечение выслушать эти басни или фантазии.

Ф р а к а с т о р и й . Будь скромней, Буркий; что ты скажешь, если истина в конце победит тебя?

Б у р к и й . Я не желаю верить, чтобы это оказалось истиной; ибо невозможно, чтобы моя голова поняла эту бесконечность, а мой желудок переварил ее; хотя, сказать правду, я бы желал, чтобы дело обстояло так, как говорит Филотей, ибо, если бы, к несчастью, я упал с этого мира, то всегда очутился бы на каком-либо другом месте.

Э л ь п и н . Конечно, Филотей, если мы хотим сделать чувство судьею или уступить ему то, что ему подобает, а именно, что всякое познание берет начало от него, то мы найдем, что нелегко найти средство доказать то, что ты говоришь, а скорее наоборот. Но, пожалуйста, приступите к объяснению.

Ф и л о т е й . Чувство не видит бесконечности, и от чувства нельзя требовать этого заключения; ибо бесконечное не может быть объектом чувства; и поэтому тот, кто желает познавать бесконечность посредством чувств, подобен тому, кто пожелал бы видеть очами субстанцию и сущность; и кто отрицал бы эти вещи потому, что они не чувственны или невидимы, тот должен был бы отрицать собственную субстанцию и бытие. Поэтому должно быть известное правило относительно того, чего можно требовать от свидетельства чувств; мы их допускаем только в чувственных вещах, и то не без подозрения, если только они не входят в суждение, соединенное с разумом. Интеллекту подобает судить и отдавать отчет об отсутствующих вещах и отдаленных от нас как по времени, так и по пространству. А относительно их мы имеем достаточно убедительные свидетельства чувства, которое не способно противоречить разуму и, кроме того, очевидно сознаётся в своей слабости и неспособности судить о них ввиду ограниченности своего горизонта, в образовании которого чувство признаёт себя непостоянным.

---

[171] Из четырех собеседников под именем *Филотея,* как и в других диалогах, разумеется сам Бруно; *Эльпин* — любознательный ученый, который охотно слушает Бруно; *Буркий* — сторонник здравого смысла, а вместе с тем и аристотелевской философии; он преклоняется перед общепринятыми авторитетами и оказывается совершенно неспособным усвоить новое учение Бруно. Возможно, что в его лице Бруно хотел сатирически изобразить оксфордских ученых, споривших с ним и отстаивавших систему Птолемея. Четвертым собеседником является уже не литературный персонаж, а действительное лицо — *Джироламо Фракасторий* (1478—1553), автор работ по астрономии, философии и медицине. Он опровергал учение Птолемея об эпициклах и как астроном оказал влияние на Бруно. Фракасторию приписывается первая идея телескопа. В философии он боролся с учением о скрытых качествах; он был сторонником атомистической теории, считал, что все тела обладают взаимным притяжением и что электрические, магнитные и физиологические явления имеют своей причиной невесомое начало. Возможно, что Бруно вводит его как сторонника и помощника Филотея ввиду того, что Фракасторий пользовался большим авторитетом в мире ученых. В третьем диалоге он играет главную роль; здесь он приводит в пользу нового учения целый ряд космологических аргументов и опровергает доводы аристотеликов.

И вот, поскольку мы знаем по опыту, что оно нас обманывает относительно поверхности этого шара, на котором мы находимся, то тем более мы должны относиться к нему с подозрением, когда вопрос идет о пределе этого звездного свода.

Э л ь п и н . К чему же нам служат чувства? Скажите.

Ф и л о т е й . Только для того, чтобы возбуждать разум; они могут обвинять, доносить, а отчасти и свидетельствовать перед ним, они не могут быть полноценными свидетелями, а тем более не могут судить или выносить окончательное решение. Ибо чувства, какими бы совершенными они ни были[172], не бывают без некоторой мутной примеси. Вот почему истина происходит от чувств только в малой части, как от слабого начала, но она не заключается в них.

Э л ь п и н . А в чем же?

Ф и л о т е й . Истина заключается в чувственном объекте, как в зеркале, в разуме — посредством аргументов и рассуждений, в интеллекте — посредством принципов и заключений, в духе — в собственной и живой форме[173].

Э л ь п и н . Изложите нам ваши основания.

Ф и л о т е й . Я это сделаю. Если бы мир был конечным, а вне мира не было бы ничего, то я спрашиваю: где же мир? где вселенная? Аристотель отвечает: мир в себе самом. Выпуклость первого неба есть место вселенной; а оно, как первое объемлющее, не заключается в другом объемлющем, ибо место есть не что иное, как поверхность и край объемлющего тела[174]; вот почему то, что не заключается в объемлющем его теле, не имеет и места. Но что ты хочешь сказать, Аристотель, говоря об этом «месте в самом себе»? Что ты подразумеваешь под «вещью вне мира»? Если ты скажешь, что там нет ничего, тогда небо, мир, конечно, не находятся ни в какой части.

Ф р а к а с т о р и й . Мир, следовательно, не будет нигде. Все будет ни в чем.

Ф и л о т е й . И мир будет некоторой вещью, которой нет. Если ты скажешь (ибо мне кажется достоверным, что ты хочешь сказать нечто для того, чтобы избежать пустоты и небытия), что вне мира имеется разумное и божественное существо[175], так что бог есть место всех вещей, то ты сам сильно запутаешься, чтобы заставить нас понять, каким образом бестелесная, умопостигаемая и не имеющая измерений вещь может быть местом измеримой вещи. Если ты скажешь, что бог охватывает мир как форма, подобно тому, как душа охватывает тело, то ты не ответишь на вопрос относительно «вне мира» и о том, что находится по ту сторону вселенной и вне ее. Если ты хочешь извинить себя, сказав, что там, где нет ничего, нет и никакой вещи, нет также и места «по ту сторону» и «вне», то ты меня этим не удовлетворишь, ибо это слова и извинения, которые не могут быть понятны.

---

[172] Бруно сравнивает роль чувств по отношению к разуму с ролью свидетелей по отношению к судье. Чувства способны обратить внимание разума на известные проблемы, но не могут дать окончательное решение. Мало того, показания чувств даже в качестве свидетелей не заслуживают полного доверия, а нуждаются в проверке.

[173] Бруно излагает свое учение о четырех видах познания. К первому виду познания Бруно относит *чувственный* опыт. Второй вид познания носит *логический* характер: истина отыскивается посредством логических аргументов и рассуждений. Третий вид познания представлен *интеллектом,* который доходит до принципов; в принципе заключается единство противоположностей. В своем произведении «О причине, начале и едином» Бруно доказывает, что материя, откуда все природные формы происходят и куда они снова возвращаются, является субстанциальным принципом и может быть понята лишь посредством интеллекта. Четвертый вид познания — *истина заключается в духе* — предвосхищает интуитивное познание Декарта и Спинозы.

[174] Бруно передает учение Аристотеля, излагаемое в «Физике» (кн. IV. гл. 1-5). Согласно этому учению место, или пространство, не есть ни форма, ни материя, ни промежуточное пространство; оно — «граница объемлющего тела по отношению к объемлемому»; место не есть пространство, занимаемое телом, а его граница; при этом оно мыслится отделимым от вещи и неподвижным. Оно подобно неподвижному сосуду.

[175] Астрономическая теория Аристотеля изложена им, главным образом, в сочинении «О небе» (кн. I, гл. 9). Он учил, что вокруг неподвижного земного шара вращаются концентрические сферы, к которым прикреплены Луна, Солнце, пять планет и неподвижные звезды. Небо неподвижных звезд, которое называется «первым небом», приводится в движение непосредственно объемлющим его божеством. Принципом движения остальных сфер служат принадлежащие им особые духи. Так как внешние сферы относятся к внутренним, как форма к материи, движущее к движимому, то каждая из сфер сообщает свое движение всем объемлемым ею сферам таким же образом, как это делает самая внешняя из сфер, увлекая их всех в своем ежедневном вращении. За пределами неба нет ни пространства, ни времени, ни пустоты.

Ибо действительно невозможно, чтобы, опираясь на какое-либо чувство или фантазию (если бы даже оказались другие чувства и другие фантазии), ты мог заставить меня утверждать с действительным разумением, что имеется некоторая поверхность, некоторый край, некоторая конечность, за пределами которой нет ни тела, ни пустоты; также и бог, поскольку божество существует не для того, чтобы заполнять пустоту, и, следовательно, не имеет отношения к ней[176], не может каким-либо образом ограничивать тело; ибо все, что ограничивает тело, есть или внешняя форма, или содержащее его тело. И во всех смыслах, что бы вы ни сказали, приходилось бы считать, что вы наносите ущерб достоинству божественной и вселенской природы.

Буркий. Конечно, я думаю, следовало бы сказать ему, что если кто-либо протянет свою руку за пределы этой выпуклости, то она не будет в каком-либо месте или в какой-либо части и, следовательно, перестанет существовать.

Филотей. Прибавлю к этому, что нет ума, который не считал бы, что это перипатетическое изречение не заключает в себе противоречия. Аристотель определил место не как объемлющее тело и не как определенное пространство, но как поверхность объемлющего тела; а затем, первое, главное и важнейшее место таково, что к нему меньше всего или же совсем не подходит такое определение. Оно есть выпуклая поверхность первого неба или же поверхность тела, причем является поверхностью такого тела, которое только содержит, но само не содержится ни в чем. Но если такая поверхность есть место, то она не объемлется телом, а объемлет собою тело. Если она — поверхность объемлющего тела, не соединена с объемлемым им телом и не составляет его продолжения, она есть место, в котором ничего не помещается, принимая во внимание, что первому небу не подобает быть местом, если не считать вогнутой поверхности, которая касается выпуклой стороны второго неба. Вот в какой степени — это определение пусто, смутно и уничтожает само себя. К этой путанице присоединяется еще то неудобство, что Аристотель за пределами неба ничего не помещает.

Эльпин. Перипатетики скажут, что первое небо есть тело, объемлющее благодаря своей вогнутой поверхности, а не выпуклой и, следовательно, согласно этому является местом.

Фракасторий. А я прибавлю, что, следовательно, имеется поверхность объемлющего тела, которая не является местом.

Филотей. В общем итоге, переходя прямо к предложению Аристотеля, я нахожу смешным утверждение, что вне неба не существует ничего и что небо существует в себе самом, причем оно занимает место акцидентально и является местом акцидентально[177], т.е. посредством своих частей. А под его «акцидентальным» можно понимать все, что угодно; однако благодаря этому обстоятельству ему не удается избегнуть того, что из одного получается два, ибо объемлющее всегда отличается от заключенного в нем; согласно ему, самому они отличаются друг от друга в такой степени, что объемлющее бестелесно, а заключенное в нем телесно, объемлющее неподвижно, а заключенное в нем подвижно, объемлющее имеет математический характер, а заключенное в нем физический. Пусть даже будет эта поверхность чем угодно, я все же буду постоянно спрашивать: что находится по ту сторону ее? Если мне ответят, что ничего, то я скажу, что там существует пустое и порожнее, не имеющее какой-либо формы и какой-либо внешней границы, а ограниченное лишь по сю сторону. И это гораздо более трудно вообразить, чем мыслить вселенную бесконечной и безмерной. Ибо мы не можем избегнуть пустоты, если будем считать вселенную конечной. Посмотрим теперь, подобает ли этому пространству быть таким, в котором не заключается ничего. В этом бесконечном пространстве находится эта вселенная (я не занимаюсь пока тем, происходит ли это случайно, или вследствие необходимости, или благодаря провидению). Я спрашиваю, более ли приспособлено содержать мир — это пространство, которое содержит мир, чем другое пространство, которое находится вне его?

---

[176] Здесь, возможно, Бруно намекает на Эпикура, согласно которому боги обитают в промежутках между мирами.

[177] *Небо занимает место акцидентально* — значит, что небо занимает место случайно. Небо, согласно Аристотелю, существует само в себе, т. е. носит субстанциальный характер, но место оно занимает случай, но, посредством своих частей, а не вследствие своей необходимости. Бруно доказывает нелепость концепции Аристотеля.

Фракасторий. Мне определенно кажется, что нет; ибо там, где нет ничего, нет никакого различия; там же, где нет различия, не может быть и различия способностей; и может быть, вообще нет никаких способностей там, где нет ничего.

Эльпин. И тем не менее там может быть нелепость. И из этих двух уж скорее нелепо первое предположение, чем второе.

Филотей. Вы говорите правильно. Таким же образом и я утверждаю, что пустое и порожнее (которое необходимо утверждается этим положением перипатетиков) не приспособлено к тому, чтобы принять мир, а тем более выталкивать его. Но из этих двух способностей мы только одну видим в действительности, другую же мы не можем видеть в действительности, а только очами разума. Следовательно, подобно тому как в этом равном по величине миру пространстве, которое называется платониками материей[178], существует этот мир, так и другой мир может быть в другом пространстве и в бесчисленных других пространствах, равных этому и находящихся по ту сторону его.

Фракасторий. Конечно, мы можем более уверенно судить по сходству с тем, что мы видим и познаём, чем по противоположности тому, что мы видим и познаём. Следовательно, поскольку мы видим и убеждаемся на опыте, что вселенная не кончается и не ограничивается пустым и порожним и тем, о чем у нас нет никаких сведений, мы должны заключать в согласии с разумом, что она бесконечна; ибо, если даже все другие доводы одинаковы, то мы видим, что опыт противоречит пустому, а не полному. Говоря это, мы всегда окажемся правыми, но, утверждая противоположное, мы с трудом избегнем тысячи обвинений и затруднений. Продолжайте дальше, Филотей.

Филотей. Итак, рассматривая бесконечное пространство, мы познаём с уверенностью, что оно способно принять тело, и не познаём ничего иного. Для меня всегда будет достаточно, что оно не питает отвращения к этому, по крайней мере по той причине, что там, где нет ничего, нечего и отвергать. Теперь остается рассмотреть, подобает ли всему пространству быть полным или нет. И здесь, рассматривая его как со стороны того, чем оно может быть, так и со стороны того, что оно может делать, мы всегда найдем, что не только разумно, но и необходимо, чтобы оно было полным. Для того чтобы это стало очевидно, я спрошу у вас, хорошо ли, что этот мир существует?

Эльпин. Очень хорошо.

Филотей. Следовательно, хорошо, чтобы это пространство, которое равно по объему миру (которое я могу назвать пустым, похожим и безразличным по отношению к пространству, которое, согласно твоему мнению, есть ничто по ту сторону выпуклости первого неба), было также полным.

Эльпин. Правильно.

Филотей. Далее, я тебя спрашиваю: полагаешь ли ты, что подобно тому как в этом пространстве находится эта махина, называемая миром, она может существовать в другом пространстве, кроме этого?

Эльпин. Я скажу да, ибо не вижу, каким образом мы можем утверждать различие между одним и другим в небытии и в пустом.

Фракасторий. Я уверен, что ты видишь, но не осмеливаешься утверждать, ибо ты понимаешь, куда это тебя приведет.

Эльпин. Утверждай это уверенно; ибо необходимо говорить и думать, что этот мир существует в пространстве; это пространство, если бы не было мира, было бы безразлично к тому, что находится по ту сторону вашего первого двигателя.

Фракасторий. Продолжайте дальше.

Филотей. Следовательно, подобно тому как это пространство, вследствие того, что оно содержит это тело вселенной, может, могло и необходимо должно быть совершенным, как ты это утверждаешь, так может и могло быть не менее совершенным всякое другое пространство.

Эльпин. Я согласен, но что из этого? «Может быть», «может иметь» — значит ли это, что оно есть? Значит ли это, что оно имеет?

Филотей. Я сделаю то, что, если ты захочешь чистосердечно признаться, ты должен будешь сказать, что может быть, и должно быть, и есть.

---

[178] У Платона в «Тимее» (52 А) под материей понимается пространство.

Ибо, подобно тому как было бы плохо, если бы данное пространство не было наполнено, т.е. если бы не было этого мира, точно так же было бы не менее плохо, если бы все пространство, поскольку оно не отличается от данного, не было бы наполнено; следовательно, вселенная будет бесконечна по размерам, и миров будет бесчисленное множество.

Эльпин. Какова причина того, что их столько и что недостаточно одного мира?

Филотей. Но если было бы плохо, чтобы не было этого мира или же полного, то это же рассуждение может быть применено не только к данному пространству, но и к другому пространству, равному этому.

Эльпин. Я говорю, что это было бы плохо по отношению к тому, что существует в этом пространстве, но которое могло бы безразлично находиться и в другом пространстве, равном этому.

Филотей. Все это, если ты будешь внимательно рассматривать, сводится к одному. Ибо добротность этого телесного бытия, которое существует в этом пространстве или могло бы существовать в другом, равном ему, служит основанием и относится к добротности и совершенству, которые могут быть в таком же пространстве, как это, или в другом, равном ему; но она не относится к тому, что может быть в бесчисленных других пространствах, подобных этому. Тем больше есть оснований, чтобы существовало хорошее конечное и совершенное ограниченное, но еще больше оснований, чтобы существовало хорошее бесконечное; ибо, в то время как конечное хорошо лишь в условном смысле и согласно разуму, бесконечное хорошо согласно абсолютной необходимости.

Эльпин. Бесконечное благое, конечно, есть, но оно бестелесно.

Филотей. Мы согласны относительно того, что касается бесконечного бестелесного. Но почему не может быть в достойнейшем смысле хорошим и бытие телесное бесконечное? Что мешает тому, чтобы бесконечное, заключающееся в неразвернутом виде в простейшем и неделимом первом начале, скорее существовало в развернутом виде в этом своем бесконечном и беспредельном подобии, в высшей степени способном содержать бесчисленные миры, чем в этих столь тесных краях? Таким образом, оказывается достойным порицания тот, кто не думает, что это тело, которое нам кажется столь обширным и великим, в присутствии божества не более чем точка, даже нуль.

Эльпин. Подобно тому как величие божества никоим образом не состоит в телесных измерениях (я допускаю, что мир ничего не прибавляет к нему), точно так же мы не должны думать, что величие его образа состоит в большем или меньшем объеме измерений.

Филотей. Вы говорите очень хорошо, но не касаетесь самой сути моих рассуждений; ибо я настаиваю на бесконечном пространстве, и сама природа имеет бесконечное пространство не вследствие достоинства своих измерений или телесного объема, но вследствие достоинства самой природы и видов тел; ибо бесконечное превосходство несравненно лучше представляется в бесчисленных индивидуумах, чем в тех, которые исчислимы и конечны. Поэтому необходимо, чтобы существовало бесконечное подобие недоступного божественного лика, в каковом подобии находились бы как бесконечные члены бесчисленные миры, каковы суть другие миры. Поэтому ввиду бесчисленных степеней совершенства, в которых разворачивается в телесном виде божественное бестелесное превосходство, должны быть бесчисленные индивидуумы, каковыми являются эти громадные живые существа (одно из которых эта земля, божественная мать, которая родила и питает нас и примет нас обратно), и для содержания этих бесчисленных миров требуется бесконечное пространство. Подобно тому, следовательно, как хорошо то, что может существовать и существует этот мир, не менее хорошо и то, что могли, и могут быть, и существуют бесчисленные миры, подобно этому.

Эльпин. Мы скажем, что этот конечный мир с этими конечными звездами содержит совершенство всех вещей. Филотей. Вы можете это сказать, но не доказать; ибо мир, который существует в этом конечном пространстве, содержит совершенство всех тех конечных вещей, которые существуют в этом пространстве, но не тех бесконечных, которые могут быть в других бесчисленных пространствах.

Фракасторий. Пожалуйста, остановимся и не будем поступать подобно софистам, которые спорят только для того, чтобы победить, и, в то время как они смотрят на пальму победителя, мешают себе и другим понять истину.

Но я думаю, что нет такого своенравного упрямца, который злостно отрицал бы, что ввиду бесконечной емкости пространства и совершенства многих из этих бесконечных миров, которые могут быть не хуже постигнуты, чем познаваемый нами мир, каждый из них имеет основание существовать соответствующим образом. Ибо бесконечное пространство имеет бесконечную способность, а в этой бесконечной способности достойна восхваления бесконечная деятельность существования; благодаря ей нельзя считать недостаточной действующую бесконечность; благодаря ей эта способность не остается тщетной. Позвольте же, Эльпин, выслушать другие доводы, если они имеются у Филотея.

Эльпин. Я вижу хорошо, говоря по правде, что если считать мир, который вы называете вселенной, беспредельным, то это не влечет за собой никаких затруднений и только освобождает нас от бесчисленных трудностей, которые связаны с противоположным утверждением. В особенности я признаю, что мы вместе с перипатетиками часто говорим такие вещи, которые не имеют никакого основания в нашем разумении; так, например, после того как мы отрицали пустоту как вне, так и внутри вселенной, мы, тем не менее, желаем ответить на вопрос, где находится эта вселенная, и говорим, что она существует в своих частях, из боязни утверждать, что она не находится ни в каком месте; но это значит утверждать, что она нигде. Но нельзя отрицать, что таким образом необходимо признать, что части находятся в каком-либо месте, а вселенная не находится ни в каком месте и ни в каком пространстве; но это признание, как всякий видит, не может иметь никакого разумного основания, но явным образом обозначает лишь упорную увертку для того, чтобы не признать бесконечности мира и вселенной или же бесконечного пространства; но из этих обоих положений следуют двойные затруднения для тех, кто их поддерживает. Я утверждаю, следовательно, что если все есть тело, притом сферическое, а следовательно, ограниченное и имеющее фигуру, то необходимо признать, что оно ограничено в бесконечном пространстве; и если мы желаем утверждать, что в нем существует ничто, то необходимо согласиться, что существует истинная пустота; пустота, если существует, имеет не меньше основания находиться во всем, чем в той части, которую мы считаем способной содержать этот мир; если же пустоты нет, то все должно быть полным, а вселенная, следовательно, бесконечна. И не менее нелепо утверждать, что мир должен быть где-либо, сказав, что кроме него нет ничего и что он находится в своих частях, как если бы кто-либо говорил, что Эльпин находится где-либо, так как кисть его руки находится в руке, глаз — в глазной впадине, ступня — в ноге, голова — на туловище. Но, подходя к заключению и не желая вести себя подобно софисту, обращающему свое внимание на мнимые трудности и тратящему свое время в болтовне, я утверждаю то, чего не могу отрицать, а именно, что в бесконечном пространстве могут быть бесконечные миры, подобные этому, или же, что эта вселенная способна содержать многие тела, подобные этим, называемым звездами; и еще, что (будут ли эти миры подобны нашему миру или нет) бытие их было бы благом, с не меньшим основанием, чем бытие других; ибо бытие другого имеет не меньше основания, чем бытие одного, бытие многих, чем бытие того и другого, и бытие бесконечных, чем бытие многих. Подобно тому как было бы злом уничтожение и небытие этого мира, точно так же не было бы благом небытие бесчисленных других.

Фракасторий. Вы объясняете очень хорошо и доказываете понятным образом те доводы, согласно которым вы не являетесь софистом, ибо соглашаетесь с тем, чего нельзя отрицать.

Эльпин. Но я хотел бы услышать, что остается от доводов относительно начала и вечной действующей причины: подобает ли ей подобного рода бесконечное действие и действительно ли существует подобного рода действие? Филотей. Это то, что я должен был добавить. Ибо после того как мы установили, что вселенная должна быть бесконечной благодаря способности и расположению бесконечного пространства и благодаря возможности и сообразности бытия бесчисленных миров, подобных этому, — остается теперь доказать это, с одной стороны, из обстоятельств действующей причины, которая произвела такую вселенную или, говоря правильнее, всегда производит ее таковую, и, с другой стороны, из условий нашего способа познания, ибо легче делать заключение, что бесконечное пространство подобно этому, которое мы видим, чем утверждать, что оно таково, что мы не можем представить себе ни примера его, ни подобия, ни размеров и не можем вообразить себе его каким-либо способом, который не разрушал бы самого себя.

Начнем теперь сначала: почему мы желаем или можем думать, что божественная деятельность праздна? Почему, принимая во внимание, что всякая конечная вещь является ничем по отношению к бесконечности, мы желаем утверждать, что божественная благость, которая может сообщаться бесконечным вещам и может разливаться в бесконечности, желает быть скудной и ограничивается ничем? Почему вы желаете, чтобы этот центр божества, который может бесконечным образом расширяться в бесконечный шар (если можно так выразиться), подобно завистнику, оставался скорее бесплодным, чем делал бы себя доступным для других, и становился бы плодотворным и прекрасным отцом?[179] Почему вы предпочитаете, чтобы он открывался все в меньшей степени или, говоря правильнее, совсем не открывался, чем согласно своему славному могуществу и бытию? Почему должна быть тщетной бесконечная способность, нарушена возможность бесконечных миров, которые могут быть? Почему должно быть ущерблено превосходство божественного образа, который должен блистать больше во встречном зеркале и согласно бесконечному и безмерному роду своего бытия? Почему мы должны утверждать то, что, будучи допущенным, влечет за собой столько затруднений и разрушает столько философских начал, не благоприятствуя ни в какой степени законам, религии, вере или нравственности? Каким образом ты хочешь, чтобы бог был ограниченным как по своему могуществу, так и по своей деятельности и по своему действию (что является в нем одной и той же вещью), чтобы он был пределом выпуклости сферы, а не, если можно так выразиться, неограниченным пределом неограниченной вещи? Я говорю о пределе без границ для того, чтобы отметить разницу между бесконечностью бога и бесконечностью вселенной; ибо он весь бесконечен в свернутом виде и целиком, вселенная же есть все во всем (если можно говорить обо всем там, где нет ни частей, ни конца) в развернутом виде и не целиком[180]; ибо один имеет смысл предела, а другая — определенного, не вследствие разницы между конечным и бесконечным, но вследствие того, что один бесконечен, а другая — завершающаяся согласно тому, что целокупное бытие во вселенной, будучи бесконечным все, тем не менее не целокупно бесконечно; ибо бесконечность, имеющая измерения, не может быть целокупно бесконечной.

Эльпин. Я желал бы это лучше понять. Поэтому вы мне сделаете удовольствие, если объясните, что такое «все во всем целокупно» и что такое «все во всем бесконечном» и «целокупно бесконечное».

Филотей. Я называю вселенную «целым бесконечным», ибо она не имеет края, предела и поверхности; но я говорю, что вселенная не «целокупно бесконечна», ибо каждая часть ее, которую мы можем взять, конечна, и из бесчисленных миров, которые она содержит, каждый конечен. Я называю бога «целым бесконечным», ибо он исключает из себя всякие пределы и всякий его атрибут един и бесконечен; и я называю бога «целокупно бесконечным», ибо он существует весь во всем мире и во всякой своей части бесконечным образом и целокупно в противоположность бесконечности вселенной, которая существует целокупно во всем, но не в тех частях (если их, относя к бесконечному, можно называть частями), которые мы можем постигнуть в ней.

Эльпин. Я понимаю. Продолжайте дальше ваши рассуждения.

Филотей. Согласно всем тем соображениям, благодаря которым мы говорим, что достойно, хорошо и необходимо принимать этот мир конечным, мы должны считать достойными и хорошими все другие бесчисленные миры; и бытию их, согласно тем же соображениям, всемогущество не завидует; без них всемогущество, оттого ли, что не желало, или оттого, что не могло их иметь, было бы унижено вследствие того, что допустило бы пустоту; или если не желаешь сказать «пустота», то необходимо было бы принять бесконечное пространство; принимая же пустоту, мы не только лишаем сущее бесконечного совершенства, но и отнимаем у действующей причины сотворенных вещей, если они сотворены, или зависящих, если они вечны, ее бесконечное действительное величие.

---

[179] Теологическая идея о том, что творец мира добр, лишен зависти и поэтому сотворил вещи по своему подобию, проводится Платоном в «Тимее» (29 E).

[180] Ср. с этим диалоги «О причине, начале и едином» (с. 119 настоящего издания); «...всякая возможность и действительность, которая в *начале* как бы свернута, объединена и едина, в других вещах развернута, рассеяна и умножена».

Согласно каким соображениям мы должны верить, что деятельное начало, которое может сделать бесконечное благо, делало лишь конечное? А если оно его делало конечным, то почему мы должны верить, что оно могло сделать бесконечным, поскольку в нем совпадают возможность и действительность? Ибо оно неизменно, в его деятельности и силе нет случайности, но от определенной и известной деятельности неизменным образом зависит определенное и известное действие. Вот почему это деятельное начало не может быть другим, что оно есть; не может быть таким, каким оно не есть; не может быть другим, нежели тем, чем оно может быть; не может желать иного, чем оно желает, и необходимым образом не может делать иного, чем то, что оно делает, ибо только изменчивым вещам подобает иметь возможность, отличную от действительности.

Фракасторий. Конечно, то, что никогда не было, не есть и никогда не будет, не является носителем возможности или потенции; и действительно, если первая действующая причина не может желать иначе, чем она желает, то она и не может делать другого иначе, чем она делает. И я не понимаю, каким образом некоторые говорят о бесконечной активной мощи, которой не соответствует бесконечная пассивная мощь, и что первая делает одним и конечным то, что она может делать в бесчисленном количестве, в бесконечном и в безмерном; ибо ее деятельность необходима, поскольку она происходит от такой воли, которая, будучи в высшей степени неизменной, есть даже сама неизменность и сама необходимость. Вот почему на самом деле являются одним и тем же свобода, воля и необходимость, а кроме того, деятельность и хотение, возможность и бытие.

Филотей. Вы соглашаетесь и говорите прекрасно. Таким образом, необходимо признать одно из двух: или то, что действующее начало, от которого зависит бесконечное действие, будет признано причиною и началом безмерной вселенной, содержащей бесчисленные миры; это не влечет за собой никаких неудобств, все даже вытекает соответствующим образом, согласно науке, законам и вере; или же действующее начало, поскольку от него зависит конечная вселенная с этими мирами (которые суть звезды) в определенном количестве, будет признано конечной, активной и определенной потенцией; подобно тому как его акт конечный и определенный, ибо каков акт, такова и воля и такова потенция.

Фракасторий. Я, таким образом, дополню и расположу в порядке пару силлогизмов. Первое действующее начало, если бы оно желало делать иное, чем то, что оно желает делать, могло бы делать иное, чем то, что оно делает; но оно не может желать делать иное, чем то, что оно желает делать; следовательно, оно не может делать иное, чем то, что оно делает. Следовательно, кто говорит о конечном действии, полагает конечными и деятельность, и потенцию. Кроме того, что сводится к тому же, первое действующее начало не может делать иное, как только то, что желает делать; не желает делать иное, как только то, что делает; следовательно, оно не может делать иное, как только то, что делает. Следовательно, тот, кто отрицает бесконечное действие, отрицает бесконечную потенцию.

Филотей. Эти силлогизмы, если и не являются простыми, зато доказательны. Во всяком случае я хвалю то, что некоторые достойные теологи их не допускают; ибо, предусмотрительно рассуждая, они знают, что грубые и невежественные народы, принимая эту необходимость, не понимают, каким образом с нею могут совмещаться свободный выбор, достоинства и заслуги, воздаваемые по справедливости; поэтому, доверяя фатуму или отчаиваясь в нем, они с необходимостью становятся преступными. Так иногда известные извратители законов веры и религии, желая казаться мудрыми, заражали столько народов и делали их более варварскими и преступными, чем они были раньше, презирающими добрые дела, уверенными в себе при всех своих пороках и злодействах благодаря заключениям, которые они извлекают из подобных предпосылок. Поэтому утверждение противоположного мудрецами не приводит к такому соблазну и не наносит такого ущерба божественному величию и превосходству, в какой степени то, что истинно, опасно для гражданского обращения и противоречит цели законов, не потому, что оно истинно, а потому, что оно бывает плохо понято как теми, которые злонамеренно его толкуют, так и теми, которые не способны понять истину без ущерба для нравов.

Ф р а к а с т о р и й . Правильно. Никогда не было философа, ученого и честного человека, который под каким-либо поводом и предлогом пожелал бы доказать на основании такого предложения необходимость человеческих действий и уничтожить свободу выбора. Так, среди других Платон и Аристотель, полагая необходимость и неизменность бога, тем не менее, полагают моральную свободу и нашу способность выбора; ибо они хорошо знают и могут понять, каким образом могут совместно существовать эта необходимость и эта свобода. Однако некоторые истинные отцы и пастыри народов отрицают это положение и другие, подобные им, может быть, для того чтобы не дать повода преступникам и совратителям, врагам гражданственности и общей пользы выводить вредные заключения, злоупотребляя простотой и невежеством тех, которые с трудом могут понять истину и скорее всего склонны ко злу. Они легко простят нам употребление истинных предложений, из которых мы не хотим извлечь ничего иного, кроме истины относительно природы и превосходства творца ее; и они излагаются нами не простому народу, а только мудрецам, которые способны понять наши рассуждения. Вот почему теологи, не менее ученые, чем благочестивые, никогда не осуждали свободу философов, а истинные, вежливые и благонравные философы всегда благоприятствовали религии; ибо и те, и другие знают, что вера требуется для наставления грубых народов, которые должны быть управляемы, а доказательства — для созерцающих истину, которые умеют управлять собой и другими.

Э л ь п и н . Относительно этого заявления мы сказали достаточно. Вернитесь теперь к нашему предмету.

Ф и л о т е й . Возвращаясь к нашим выводам, я говорю, что если в первом действующем начале есть бесконечное могущество, то оно есть также деятельность, от которой зависит вселенная, имеющая бесконечную величину и заключающая миры в бесконечном числе.

Э л ь п и н . То, что вы говорите, если не содержит в себе истины, то является очень убедительным. Но то, что мне кажется весьма правдоподобным, я буду утверждать, как истинное, если вы сумеете разрешить один важнейший аргумент, заставивший Аристотеля отрицать бесконечную божественную потенцию в интенсивном смысле, хотя он и признавал ее в экстенсивном смысле. Основанием его отрицания было то, что, поскольку в боге совпадают потенция и акт, он, имея возможность двигать бесконечно, двигал бы бесконечно с бесконечной силой; а если бы это было верно, то небо должно было бы вращаться во мгновение; ибо если более сильный двигатель движет скорее, то сильнейший движет сильнее всего, а бесконечно сильный движет мгновенно. Основанием же его утверждения было то, что бог вечно и равномерно движет первое движимое[181] в соответствии с той пропорцией и мерой, с которой он его движет. Ты видишь теперь, вследствие каких соображений он приписывает богу экстенсивную бесконечность, но не абсолютную и интенсивную[182]. Из чего я хочу заключить, что, подобно тому как его бесконечная двигательная потенция ограничена в акте движения согласно конечной скорости, таким же образом та же самая потенция делать безмерные и бесчисленные миры ограничена его волею делать конечное и определенное число миров. Примерно то же утверждают некоторые теологи, каковые, допуская экстенсивную бесконечность, с которой бог последовательно сохраняет движение вселенной, кроме того, принимают интенсивную бесконечность, с которой он может делать бесчисленные миры, двигать бесчисленные миры, двигать в одно мгновение каждый из них и все их вместе; но все же они считают, что он ограничивает своей волей количество бесчисленных миров и качество интенсивнейшего движения. И подобно тому как это движение[183], которое происходит от бесконечной потенции, тем не менее признается конечным, точно так же и число мировых тел легко может быть признано определенным.

Ф и л о т е й . Этот аргумент в действительности являет вид большей убедительности, чем всякий другой; относительно него было сказано достаточно, когда доказывалось, что согласно ему, божественная воля регулирует, модифицирует и ограничивает божественную потенцию.

---

[181] Подразумевается крайняя сфера, к которой прикреплены неподвижные звезды.

[182] Под *экстенсивной бесконечностью* Бруно понимает движение звездного неба последовательно и во времени; под *интенсивной бесконечностью* — мгновенное движение всей вселенной.

[183] Подразумевается суточное движение звездного неба, которое служит основанием звездного измерения времени.

Но из этого вытекают бесчисленные затруднения, по крайней мере согласно философии; я опускаю теологические принципы, которые также не допускают, чтобы божественная потенция была больше, чем божественная воля или благость, и вообще чтобы один атрибут подходил к божеству в большей степени, чем другой.

Э л ь п и н . Но почему же в таком случае они говорят таким образом, хотя и не думают так?

Ф и л о т е й . Вследствие недостатка терминов и убедительных соображений.

Э л ь п и н . Но вы, имеющие особые принципы, благодаря которым вы утверждаете одно, а именно, что божественная потенция бесконечна в интенсивном и в экстенсивном смысле, и что акт не отличается от потенции, и что вследствие этого вселенная бесконечна и имеются бесчисленные миры, в то же время не отрицаете другого, что в действительности каждая из звезд, или из сфер, как тебе угодно называть, движется во времени, а не в мгновение, — докажите нам, какими терминами и какими доводами вы можете подкрепить ваши убеждения или уничтожить убеждения тех, которые принимают обратное тому, что принимаете вы.

Ф и л о т е й . Согласно тому доводу, в силу которого вы должны обратить внимание, во-первых, на то, что, поскольку вселенная бесконечна и неподвижна, не нужно искать ее двигателя. Во-вторых, бесконечные миры, содержащиеся в ней, каковы земли, огни и другие виды тел, называемые звездами, все движутся вследствие внутреннего начала, которое есть их собственная душа, как мы это доказали в другом месте[184], и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель. В-третьих, эти мировые тела движутся в эфирной области, не прикрепленные или пригвожденные к какому-либо телу в большей степени, чем прикреплена эта Земля, которая есть одно из этих тел; а о ней мы доказываем, что она движется несколькими способами вокруг своего собственного центра и Солнца вследствие внутреннего жизненного инстинкта. Принимая подобного рода предпосылки, согласно нашим принципам, мы не должны доказывать ни активного движения, ни пассивного движения, обладающих бесконечно интенсивной силой; ибо движущееся и двигатель бесконечны, и движущая душа и движимое тело совпадают в едином конечном предмете; это относится, утверждаю я, ко всякой из вышеназванных мировых звезд. Таким образом, первое начало не то, которое движет; но оно, будучи спокойным и неподвижным, сообщает возможность двигаться бесконечным и бесчисленным мирам, большим и малым живым существам, расположенным в обширнейшей области вселенной, из которых каждый, согласно условиям собственной силы, имеет различные степени подвижности и другие признаки.

Э л ь п и н . Вы значительно укрепили свои позиции, но не отвергайте благодаря этому систему противоположных мнений. Они все исходят из знаменитого общепринятого предположения, что наилучшее и наивеличайшее движет все. Ты же говоришь, что оно лишь сообщает движение всему, что движется, и поэтому движение происходит согласно силе ближайшего двигателя. Конечно, мне кажется более разумным и подходящим твое утверждение, чем общее мнение; но всякий раз, когда вы говорите о душе мира и о божественной сущности, которая есть все во всем[185], наполняет все и находится более внутренним образом в вещах, чем их собственная сущность, ибо она есть сущность сущности, жизнь жизней, душа душ, — мне, тем не менее, кажется, что мы можем в не меньшей степени говорить, что она движет все, чем то, что она сообщает всему движение. Вот почему раз возникшие сомнения кажутся укрепившимися в своих основаниях.

---

[184] Учение о всеобщей одушевленности природы проводится также в произведениях «Пир на пепле» (диалог третий, четвертое предложение Нундиния) и «О причине, начале и едином» (диалог второй).

[185] Ср. «О причине, начале и едином» (с. 107-108 настоящего издания).

Ф и л о т е й . И в этом случае я могу вас легко удовлетворить. Я говорю, таким образом, что в вещах следует рассматривать, если вам так угодно, два активных начала движения: одно — конечное, согласно основанию конечного предмета, и это движет во времени; другое — бесконечное, согласно основанию души мира, или же божества, которое есть как бы душа души, все во всем и заставляет душу быть всей во всем, и оно движет мгновенно. Земля, следовательно, имеет два движения.

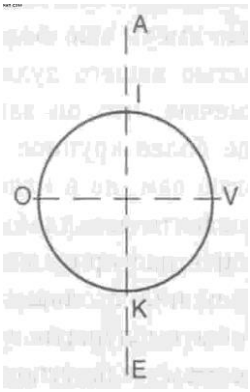


Рис. 1

Таким образом, все тела, которые движутся, имеют два начала движения; из них бесконечное начало это то, которое движет и двигало все вместе, откуда, согласно этому основанию, подвижное тело в не меньшей степени весьма устойчиво, чем весьма подвижно. Как это видно из настоящей фигуры (рис. 1), которая обозначает Землю, она движется мгновенно, поскольку имеет двигатель бесконечной силы. Она движется своим центром от А до Е и возвращается от Е до А; это совершается в одно мгновение, причем она одновременно находится в А и в Е и во всех промежуточных местах; она одновременно отправилась и возвратилась; и поскольку это всегда происходит таким образом, то и получается, что она всегда устойчива. Подобным же образом дело происходит относительно движения ее вокруг центра, где восток обозначен I, юг — V, запад — К, а север — О; каждая из этих точек вращается с бесконечною скоростью в силу бесконечного импульса, и поэтому она одновременно отправилась и возвратилась; вследствие этого она остается всегда неподвижной и есть там, где она была. Таким образом, в заключение, движение этих тел вследствие бесконечной силы — то же самое, что и неподвижность их; ибо двигаться мгновенно и не двигаться — это одно и то же. Остается, следовательно, другое активное начало движения, которое происходит от внутренней силы и вследствие этого происходит во времени и в определенной последовательности; это движение отличается от покоя. Вот каким образом мы можем говорить, что бог движет все, и как мы должны понимать то, что он дает движение всему, что движется.

Э л ь п и н . Теперь, когда вы столь возвышенно и убедительно разрешили эту трудность, я действительно согласен с вашим суждением и надеюсь, кроме того, всегда получать от вас подобного рода разрешения; ибо, хотя я до сих пор мало общался с вами и мало спрашивал вас, тем не менее я достаточно воспринял и понял и надеюсь в будущем иметь еще больше успеха; ибо, хотя я не понял полностью вашего духа, но из света, который он излучает, я замечаю, что он заключает внутри себя солнце или даже еще более крупное светило. И с сегодняшнего дня я предлагаю вам, не в надежде победить вас, а с намерением предоставить вам удобный повод для ваших разъяснений, удостоить нас приходить к нам в тот же час и в то же место в течение стольких дней, сколько понадобится для того, чтобы выслушать и понять ваши рассуждения, способные в самом деле успокоить наш дух.

Ф и л о т е й . Я это сделаю.

Ф р а к а с т о р и й . Ты доставишь нам большое удовольствие, а мы будем весьма внимательными слушателями.

Б у р к и й . А я, будучи мало понятливым, если не пойму смысла, то послушаю, по крайней мере, ваши слова; если же не услышу слов, то я услышу хоть голос. До свидания!

Конец первого диалога

Ф и л о т е й. Так как первое начало наипростейшее, то если бы оно было конечным согласно одному атрибуту, то оно было бы конечным также согласно всем атрибутам; если же оно, согласно известному внутреннему основанию, было бы конечным, а согласно другому — бесконечным, то его, по необходимости, надо было бы считать сложным. Если оно, следовательно, творец вселенной, то оно, конечно, бесконечный творец и вызывает бесконечное действие; действие, говорю я, поскольку все от него зависит. Кроме того, подобно тому как наше воображение может двигаться в бесконечность, воображая себе всегда измеримую величину за величиной и число за числом согласно известной последовательности и, как говорится, в потенции, таким же образом мы должны считать, что бог актуально охватывает бесконечный объем и бесконечное число. А отсюда вытекают возможность, соответственность и уместность следующего положения: там, где активная потенция бесконечна, там с необходимою последовательностью и объект этой потенции бесконечен; ибо, как мы это показали в другом месте[186], возможность делать полагает возможность быть сделанным, измерительное полагает измеримое, измеряющее полагает измеренное. Прибавь к этому, что, подобно тому как реально имеются конечные измеренные тела, таким же образом первый интеллект постигает тело и объем. Но если он его постигает, он постигает его бесконечно; если он постигает его бесконечно и тело понято как бесконечное, то с необходимостью имеется такого рода интеллигибельная идея; будучи произведена такого рода интеллектом, каков божественный, она в высшей степени реальна; она в такой степени реальна, что обладает бытием с большей необходимостью, чем то, что действительно имеется перед нашими чувственными очами. Если ты хорошо вдумаешься, это приводит к тому, что, подобно тому как действительно имеется одно простейшее бесконечное неделимое существо, таким же образом имеется одно в высшей степени обширное по объему бесконечное измеримое существо; оно заключается в первом, а первое заключается в нем таким образом, что оно во всем и все в нем. Далее, если мы видим, что благодаря телесным качествам тело имеет потенцию увеличиваться до бесконечности, как мы это видим на огне[187], который, как всякий согласится, расширился бы до бесконечности, если бы ему доставляли материю и горючие вещества, — то какое же основание требует, чтобы огонь, который может быть бесконечным и может, следовательно, на самом деле стать бесконечным, не мог в действительности стать бесконечным? Я, конечно, не знаю, каким образом мы можем вообразить, что в материи имеется какая-либо вещь в состоянии пассивной потенции, которая не была бы в действующей причине в состоянии активной потенции, следовательно, в акте или же как сам акт. Конечно, утверждение, что бесконечное имеется в потенции и в известной последовательности, но не в актуальной действительности, с необходимостью влечет за собой то, что активная потенция может полагать бесконечное в последовательном акте, но не в завершенном, ибо бесконечное не может быть завершенным. Отсюда следовало бы еще, что первая причина не обладает простой активной потенцией, абсолютной и единой, а одной активной потенцией, которой соответствует бесконечная возможность последовательности, и другой, которой соответствует возможность, не отличимая от акта. Не говоря уже о том, что, если бы мир был ограничен, поскольку у нас нет никакого способа представить себе, каким образом телесная вещь может быть периферически ограничена бестелесной вещью, в таком случае этот мир обладал бы способностью и возможностью исчезнуть и превратиться в ничто: ибо, насколько мы понимаем, все тела разложимы. Оставим, говорю я, то, что не было бы оснований, которые препятствовали бы бесконечному пустому, хотя оно и не может быть понято как активная потенция когда-нибудь поглотить в себе этот мир как ничто. Оставим, что место, пространство и пустота имеют сходство с материей, если не являются самой материей; не без причины, видимо, думали так иной раз Платон и все те другие, которые определяют место как известное пространство.

---

[186] Ср. «О причине, начале и едином» (с. 118 настоящего издания).

[187] Как древние, так и новые естествоиспытатели вплоть до Лавуазье считали огонь веществом, а именно одним из четырех элементов, или стихий. Современная наука рассматривает огонь как химический процесс.

И вот, если материя обладает своим стремлением, которое не может быть тщетным, ибо такого рода стремление естественно и происходит из порядка первой природы, то необходимо, чтобы место, пространство и пустое обладали также таким стремлением. Оставим, что ни один из тех, как это указывалось выше, кто говорит, что мир ограничен, утвердив предел, не знает, каким образом вообразить себе этот предел; все они, отрицая пустое и порожнее на словах, на деле принуждены признать их. Если есть пустое и порожнее, то оно, конечно, способно принимать мир; и этого ни в коем случае нельзя отрицать, принимая во внимание, что на основании тех же соображений, согласно которым мы считали невозможным, чтобы в пространстве, в котором находится этот мир, в то же время содержался другой мир, следует признать возможным, что в пространстве вне этого мира (или в *ничто,* если так желает называть Аристотель то, чего он не хочет назвать пустым) может содержаться мир. Основание, исходя из которого Аристотель утверждает, что два тела не могут быть вместе, состоит в несовместимости объемов того и другого тела; с этим основанием вполне совместимо то, что там, где нет объемов одного тела, могут быть объемы другого тела. Но, если имеется эта потенция, следовательно, пространство известным образом есть материя; если оно материя, то оно имеет способность; а если оно имеет способность, то на основании каких соображений мы можем отказать ему в действии?

Э л ь п и н . Очень хорошо. Но, пожалуйста, перейдите к другому и объясните мне, какое различие вы проводите между миром и вселенной.

Ф и л о т е й . Это различие широко распространено за пределами перипатетической школы. Стоики различают мир и вселенную, ибо мир для них это все то, что заполнено и состоит из устойчивой телесной материи; вселенная же состоит не только из мира, но также из пустого, порожнего и пространства вне мира; поэтому они говорят, что мир конечен, но что вселенная бесконечна. Эпикур подобным же образом называет все и вселенную смесью тел и порожнего; он говорит, что в этом состоит природа мира, который бесконечен: и в емкости порожнего и пустого и, кроме того, во множестве тел, которые находятся в нем. Мы же называем пустотой не что-либо такое, что есть простое ничто; но в соответствии с тем смыслом, согласно которому то, что не есть тело, оказывающее чувственное сопротивление, называется пустотой, если имеет измерение; ибо обычно именуют телом только то, что имеет способность сопротивления; вот почему говорят, что, подобно тому как не может быть плотью то, что неуязвимо, таким же образом не есть тело то, что не оказывает сопротивления. Подобным образом мы говорим, что существует бесконечное, то есть безмерная эфирная область, в которой находятся бесчисленные и бесконечные тела вроде Земли, Луны, Солнца, называемые нами мирами, и которые состоят из полного и пустого; ибо этот дух, этот воздух, этот эфир не только находится вокруг этих тел, но и проникает внутрь всех тел, имеется внутри каждой вещи. Мы говорим о пустоте еще в том смысле, согласно которому отвечаем на вопрос, где находятся бесконечные эфир и миры; мы отвечаем: в бесконечном пространстве, в некоем лоне, в котором существует и подразумевается все и которое само по себе не может ни быть, ни мыслиться в ином. Но Аристотель смешивает оба эти значения с третьим, которое он сам себе вообразил и сам не знает, ни как назвать, ни как определить; отрицая пустоту, он впадает сам с собой в противоречие и думает, что подобного рода аргументами уничтожает в самом деле все мнения о пустоте. Но он опровергает их в не большей степени, чем тот, который, уничтожив название вещи, думал бы, что он уничтожил самоё вещь; ибо если он даже и уничтожает пустоту, то он уничтожает ее в таком смысле, в котором, вероятно, ее никто не принимает; ведь и древние, подобно нам, считали пустотой то, в чем может находиться тело и что может содержать какую-либо вещь и в чем находятся атомы и тела; лишь он один определяет пустоту как то, что есть ничто, в котором нет ничего и не может быть ничего. Поэтому принимая пустоту в таком смысле, в каком ее никто не понимает, он строит воздушные замки и уничтожает свою пустоту, а не ту, о которой говорят все остальные, которые употребляют это слово.

Не иначе поступает этот софист и при всех других предположениях, например, о движении, бесконечности, материи, форме, доказательствах, сущем. Он всегда строит на вере в свои собственные определения и в имена, имеющие новое значение.

На самом же деле всякий, кто способен самостоятельно мыслить, может легко заметить, насколько поверхностно этот человек рассматривает природу вещей и насколько он привязан к своим ложным допущениям, которые никем не признаны и не могут быть признаны и которые в его философии природы еще более тщетны, чем это можно вообразить в математике. Вы увидите, что он столь доволен этими пустыми предположениями и так хвастает ими, что претендует, чтобы при рассмотрении природных вещей его считали особенно разумным, или, как это обычно говорят, логичным; так что в ругательном смысле он тех, которые более ревностно, чем он, занимались природой, реальностью и истиной, называет «физиками»[188]. Но возвратимся к нашим проблемам; принимая во внимание, что в своей книге «О пустоте»[189] он не приводит ни прямых, ни косвенных доводов, которые могли бы достойно оспаривать наши воззрения, мы оставляем дело в таком виде, откладывая дальнейший спор с ним до более удобного времени. Итак, если тебе угодно, Эльпин, располагай в порядке те доводы, на основании которых наши противники не допускают бесконечного тела, а затем те, благодаря которым они не могут понять существование бесчисленных миров.

Эльпин. Я это сделаю. Я приведу мнения Аристотеля по порядку[190], а вы ответите на них то, что сочтете нужным. ««Надо рассмотреть», — говорит он, — существует ли бесконечное тело, как это утверждают некоторые древние философы, или же это невозможная вещь; далее нужно рассмотреть, существует ли один или множество миров. Разрешение этих вопросов в высшей степени важно, ибо то или иное решение вопроса имеет такое значение, что каждый из них служит началом одного из двух видов философии, в высшей степени отличных и противоположных друг другу; так, например, мы видим, что те, которые принимают неделимые части, вследствие этой первой ошибки закрывали себе путь до такой степени, что блуждают в большей части математики[191]. Мы должны разрешить таким образом предложения, имеющие очень важное значение для прошлых, настоящих и будущих затруднений, ибо небольшое отступление, которое делают вначале, увеличивается в десять тысяч раз в течение пути; подобным же образом ошибки, которые делают в начале пути, тем больше растут и увеличиваются, чем больше удаляешься от начала, так что к концу пути приходишь к пункту, прямо противоположному тому, к которому намеревался прийти. Причина этого та, что начала малы по величине, но в высшей степени важны по результатам. Это служит основанием того, что мы должны разрешить эти сомнения».

Филотей. Все, что он говорит, в высшей степени необходимо и могло быть так же хорошо сказано другими, как и им; ибо, подобно тому как он полагает, что этот плохо понятый принцип приводит противников к большим заблуждениям, так мы, наоборот, думаем и ясно видим, что, исходя из противоположного принципа, он извратил весь строй природы.

Эльпин. Он продолжает: «Необходимо поэтому рассмотреть, возможно ли, чтобы простое тело имело бесконечную величину; это, во-первых, окажется невозможным для того первого тела, которое движется по кругу; далее, и для остальных тел; ибо, поскольку каждое тело должно быть простым или сложным, постольку сложное тело обладает свойствами тех простых тел, из которых оно состоит. Если, следовательно, простые тела не бесконечны ни по числу, ни по величине, то, с необходимостью, и сложное тело не может быть бесконечно».

Филотей. Он очень много обещает; ибо, если он докажет, что тело, которое называется объемлющим и первым, будет объемлющим, первым и конечным, в таком случае будет излишним и напрасным доказывать это еще раз относительно объемлемых тел.

---

[188] Аристотель называет *физиками* или *физиологами* древнегреческих материалистов, главным образом философов ионийской школы (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена), а также Гераклита, Анаксагора и Эмпедокла.

[189] Бруно подразумевает то место «Физики» Аристотеля (кн. IV, гл. 6-9), где разбирается вопрос о пустоте.

[190] Эльпин приводит частью дословно, частью в свободном изложении аргументы Аристотеля, изложенные в сочинении «О небе» (кн. I, гл. 5).

[191] Аристотель в «Физике» полемизирует с Зеноном, доказывавшим не возможность движения («Физика», кн. VI).

Эльпин. Он доказывает, что круглое тело не может быть бесконечным. «Если бы круглое тело было бесконечным, то линии, исходящие из середины, были бы бесконечными и расстояние между одним радиусом и другим (так как чем больше они удаляются от центра, тем дальше становится расстояние между ними) стало бы бесконечным; ибо благодаря тому, что линии все увеличиваются по длине, расстояние между ними становится все больше, и, следовательно, если линии бесконечны, то расстояние будет бесконечно. Но невозможно, чтобы движущееся тело могло пробежать бесконечное расстояние: и при круговом движении необходимо, чтобы радиус движущегося тела достиг места других радиусов».

Филотей. Это доказательство хорошее, но оно ничего не говорит против мнения его противников. Ибо никогда не было еще столь грубого и плоского ума, который предполагал бы бесконечный мир, имеющий бесконечную величину и в то же самое время подвижный. Он здесь сам отрицает то, что приводит в своей «Физике»[192]: что те, которые принимают сущее и бесконечное начало, в то же самое время считают их неподвижными; и ни он, и ни кто другой вместо него не может назвать какого-либо философа, либо даже какого-нибудь обыкновенного человека, который признавал бы бесконечную величину подвижной. Но он, подобно софисту, берет часть своих аргументов из выводов противника и навязывает ему свой собственный принцип, что вселенная подвижна, что она движется и имеет сферическую фигуру. Но посмотрите, имеется ли между всеми аргументами, которые приводит этот духовный нищий, хоть один, который опровергал бы мнение тех, которые принимают бесконечное, неподвижное, неоформленное и весьма пространное единое, содержащее бесчисленные подвижные тела, эти миры, которые одни называют звездами, а другие сферами. Присмотритесь немного к этим и другим доводам, из которых он исходит, и вы увидите, что его предпосылки никем не признаны.

Эльпин. Конечно, все шесть доводов основаны на том предположении, будто противник говорит, что вселенная бесконечна, и будто он допускает, что эта бесконечная вселенная подвижна; это, конечно, глупость и абсурд, если только случайно мы не допустим совпадения в едином бесконечного движения и бесконечного покоя, как вы мне это вчера доказали относительно отдельных миров[193].

Филотей. Но я не хочу этого утверждать относительно вселенной, которой ни на каком основании нельзя приписать движение; ибо оно не может и не должно быть приписано бесконечному и, как сказано, никогда не было ни одного человека, который вообразил бы себе это. Но этот философ за отсутствием твердой почвы строит свои замки в воздухе.

Эльпин. Конечно, я у него не вижу аргумента, который опровергал бы то, что вы утверждаете; ибо и другие пять доводов, которые приводит этот философ, следуют по тому же пути и столь же хромают. Поэтому я нахожу излишним приводить их. Но после того как он привел те доводы, которые относятся к мировому и кругообразному движению, он переходит к тем, которые основаны на прямолинейном движении[194]; он утверждает следующее: «Невозможно, чтобы какое-либо подвижное тело обладало бесконечным движением к центру или вниз, или вверх от него». Это он доказывает, во-первых, относительно собственного движения таких тел как по отношению к крайним телам, так и по отношению к промежуточным.

««Движение вверх», — говорит он, — и движение вниз противоположны; и место одного движения противоположно месту другого движения. Но если одна из противоположностей определена и ограничена, то необходимо, чтобы и Другая противоположность была определена и ограничена; то же самое относится к промежуточному месту, которое участвует в обеих противоположностях; ибо то, что доходит до центра, с необходимостью должно исходить из какой-либо определенной части, а не из любого места; ибо существует известный предел, где начинаются, и другой предел, где кончаются границы центра.

---

[192] Имеется в виду «Физика», кн. VIII, гл. 3; Аристотель упоминает там о философах, утверждающих, что «сущее бесконечно и неподвижно».

[193] Имеется в виду аргументация, развитая в конце первого диалога, где доказывается, что движение отдельных миров «вследствие бесконечной силы — то же самое, что и неподвижность их» (с. 155 настоящего издания).

[194] Эльпин дает частью изложение, а частью перевод кн. I, гл. 6 сочинения Аристотеля «О небе».

Поскольку, следовательно, центр определен, постольку необходимо, чтобы были определены и края, и поскольку определены края, постольку необходимо, чтобы был определен центр; а если определены места, то необходимо, чтобы таковыми же были и помещающиеся там тела, ибо в противном случае движение было бы бесконечно. Что касается тяжести и легкости, то тело, которое движется вверх, может, наконец, достигнуть своего места, ибо ни одно природное стремление не бывает тщетным. Но поскольку мировое пространство не может быть бесконечным, не может быть также бесконечно удаленного места и бесконечного тела. Что касается тяжести, то нет ни бесконечно легкого, ни бесконечно тяжелого, следовательно, нет и бесконечного тела; ибо, если бы тяжелое тело было бесконечным, то его тяжесть была бы бесконечна. Этой трудности нельзя избежать. Ибо, если бы ты желал утверждать, что бесконечное тело имеет бесконечную тяжесть, то отсюда возникали бы три затруднения. Во-первых, тяжесть или легкость конечного и бесконечного тел были бы теми же самыми; ибо к конечному тяжелому телу, поскольку оно меньше бесконечного тела, я мог бы кое-что прилагать или, наоборот, отнимать у другого до тех пор, пока они оба не достигли бы того же количества тяжести или легкости. Во-вторых, тяжесть конечной величины может быть больше, чем тяжесть бесконечной; ибо по тому же основанию, по которому она может стать равной ей, она может стать и больше ее, ибо мы можем сколько угодно отнимать у бесконечного тела или прибавлять к конечному телу тяжести. В-третьих, тяжесть конечной и бесконечной величины может быть одинаковой; ибо скорости относятся друг к другу в такой же пропорции, как и тяжести[195], а отсюда следует, что в конечном и бесконечном теле могут быть те же самые скорости и медленности. В-четвертых, скорость конечного тела может быть больше, чем скорость бесконечного. В-пятых, эти скорости могут быть равны; или же поскольку тяжесть одного превосходит тяжесть другого, постольку же и скорость одного может превосходить скорость другого. Если существует бесконечная тяжесть, то необходимо, чтобы она двигалась через какое-либо пространство в меньшее время, чем конечная тяжесть; или же, чтобы она вообще не двигалась, поскольку быстрота и медленность зависят от величины тела. Но так как между конечным и бесконечным нет пропорции, то в последнем счете необходимо принять, что бесконечная тяжесть не движется; ибо если бы она двигалась, то она все же двигалась бы не настолько быстро, чтобы нельзя было найти конечной тяжести, которая проделала бы тот же путь в то же время и через то же пространство».

Ф и л о т е й. Невозможно найти другого, который под именем философа измышлял бы более пустые предположения и приписывал бы своим противникам более глупые утверждения, для того чтобы приводить столь легковесные доводы, какие мы видим в доказательствах Аристотеля. Относительно того, что он говорит по поводу собственных мест тел и об ограниченном верхе, низе и центре, я хотел бы знать — против кого он аргументирует? Ибо все те, которые принимают бесконечную величину тела, не принимают в ней ни центра, ни края. Ибо тот, кто говорит о порожнем, пустом и бесконечном эфире, не приписывает ему ни тяжести, ни легкости, ни движения, ни верхней, ни нижней области, ни середины; и все те, которые принимают в подобном пространстве бесконечные тела, каковы эта Земля или какая-либо другая земля, это Солнце или какое-либо другое солнце, заставляют их вращаться внутри этого бесконечного пространства через конечные определенные промежутки или вокруг их собственных центров. Таким образом, мы, находясь на Земле, говорим, что Земля находится в центре, и все философы, как новые, так и древние, какого бы они ни были направления, могли бы утверждать, что она находится в центре, не противореча своим принципам; подобно этому мы говорим относительно большого горизонта этой эфирной области, которая нас окружает и представляется нам одинаково удаленной со всех сторон окружностью, что мы находимся в его центре. Но в не меньшей степени те, которые находятся на Луне, могут считать, что имеют вокруг себя эти Землю, Солнце и другие звезды, которые кружатся вокруг их центра и образуют конец собственных радиусов их собственных горизонтов.

---

[195] Аристотель считал, что тело падает тем скорее, чем больше его вес. Современная физика доказывает, что скорость падения тела в безвоздушном пространстве не зависит от веса тела. Законы падения тел были открыты Галилеем, но за Бруно остается та заслуга, что своей критикой Аристотеля он подготовил победу нового мировоззрения,

Таким образом, Земля является центром в не большей степени, чем какое-либо другое мировое тело; и полюсы в не большей степени определены для Земли, чем Земля является определенным полюсом для какого-либо другого пункта эфира или мирового пространства. То же самое относится ко всем другим телам; они в различных отношениях все являются и центрами, и точками окружности, и полюсами, и зенитами, и прочим. Земля, следовательно, не находится абсолютно в центре вселенной, но лишь относительно этой нашей области.

Этот наш спорщик, следовательно, начинает с petitio principii и исходит из тех предпосылок, которые он должен доказать. Он считает предпосылкой, говорю я, прямую противоположность тому, что утверждает противник; он заставляет принимать центр и край как раз тех, которые, утверждая бесконечность мира, вместе с тем отрицают этот центр и край, а, следовательно, и движение к верхнему или высшему месту, или к нижнему и низшему. Правда, уже древние видели, и мы это замечаем, что некоторые тела опускаются на Землю, а некоторые тела удаляются от Земли или от того места, где мы находимся. Если о движении таких тел мы говорим, что они стремятся вверх и вниз, то это надо понимать относительно определенной области или в определенном отношении; таким образом, если какое-нибудь тело, удаляясь от нас, приближается к Луне, то, подобно тому как мы говорим, что оно поднимается, так и жители Луны скажут, что оно к ним спускается. Движения, следовательно, которые происходят во вселенной, не отличаются по отношению к бесконечной вселенной в смысле верха или низа, в том или другом месте, но эти определения относятся к конечным мирам, которые находятся во вселенной; или же мы сможем их принимать по отношению к амплитудам бесчисленных мировых горизонтов или по отношению к числу бесчисленных звезд, где то же самое тело может одновременно двигаться вверх или вниз по отношению к различным телам. Ограниченные тела, следовательно, не имеют бесконечного движения, но обладают конечным и определенным движением по отношению к своим собственным пределам. Но неопределенное и бесконечное не имеет ни конечного, ни бесконечного движения, и в нем нет различия места и времени.

Что касается аргумента по поводу тяжести и легкости, мы скажем, что он является одним из лучших плодов на древе тупого невежества. Ибо тяжесть, как мы это докажем ниже в соответствующем месте, не находится в каком-либо теле целиком и не является его естественным свойством[196]; тяжесть поэтому не является различием, согласно которому мы могли бы отличать природу мест и причину движения. Мы, наоборот, докажем, что та же самая вещь может быть названа тяжелой или легкой, если мы будем рассматривать ее стремление и движение с различных центров, подобно тому, как с различных точек зрения та же самая вещь может быть названа высокой или низкой, движущейся вверх или вниз. Это относится ко всем отдельным телам и мирам; ни один из них ни тяжел, ни легок, только их части могут быть названы легкими, если они удаляются и расширяются, или же тяжелыми, если они возвращаются к ним; подобно этому, о частичках земли и земных веществах говорят, что они подымаются, если они приближаются к окружности эфира, и что они падают, если они возвращаются обратно на землю. Но что касается вселенной и бесконечного тела, то нашелся ли хоть когда-нибудь, хоть кто-нибудь, который назвал бы его тяжелым или легким? Или же кто бы мог принимать такие принципы или фантазировать в такой степени, чтобы прийти к выводу, что бесконечность тяжела или легка, восходит вверх, подымается или пребывает? Мы покажем, что ни одно из бесконечных тел ни тяжело и ни легко. Ибо эти качества относятся лишь к частям, поскольку они стремятся к своему целому и к месту своего сохранения; они не имеют поэтому отношения к вселенной, но лишь к отдельным и целым мирам; так, например, на земле части огня, освобождаясь и подымаясь к солнцу, всегда несут с собой некоторые части суши и воды, с которыми они соединены; эти последние, отрываясь наверху, стремятся по своей природе вернуться к своим местам.

[196] Утверждая, что тяжесть не является постоянным неизменным свойством, Бруно по своим взглядам приближается к современному естествознанию, согласно которому тяжесть хотя и действует непрерывно, но не является постоянной величиной, так как она находится в прямом отношении к массе тела и в обратном отношении — к квадрату расстояния.

Далее, необходимо принять, что великие мировые тела не могут быть сами по себе легки или тяжелы, поскольку вселенная бесконечна и поскольку у них нет причин ни для отдаленности, ни для близости к окружности или к центру. Поэтому на своем месте Земля не более тяжела, чем Солнце на своем, Сатурн на своем, Полярная звезда на своем. Подобно тому как части земли возвращаются к земле вследствие своей тяжести (тяжестью мы называем стремление частей к целому и стремление движущегося к своему месту), так и части других тел возвращаются к своим телам, так как могут быть бесконечные другие земли или схожие с ней тела, бесконечные другие солнца и другие огни такой же или подобной же природы. Все они движутся от окружающих мест к собственной основе как к центру. Отсюда следует то, что существует бесконечное число тяжелых тел, но не то, будто существует бесконечная тяжесть в каком-либо одном предмете в интенсивном смысле; она существует лишь в бесчисленных предметах и в экстенсивном смысле. Это следует из высказываний всех древних философов и наших; против них наш спорщик не выдвинет ни одного аргумента. То, следовательно, что он говорит о невозможности бесконечной тяжести, настолько просто и тривиально, что даже стыдно об этом упоминать; оно ни в коем случае не может опровергать другие мнения и подтверждать его собственную философию; это все пустые предложения и слова, брошенные на ветер.

Э л ь п и н . Ничтожество всех приведенных доводов более чем очевидно, так что самое убедительное красноречие не могло служить их извинением. Но послушайте те доводы, которые он приводит[197] для того, чтобы прийти к общему выводу о невозможности бесконечного тела. ««Так как для тех, которые рассматривают частные вещи», — говорит он, — очевидно, что нет бесконечного тела, то остается рассмотреть в общих чертах, возможно ли оно. Ибо кто-либо мог бы утверждать, что, подобно тому, как расположен окружающий нас мир относительно нас, нет невозможного в том, чтобы существовали и другие небеса. Но прежде чем мы придем к этому, будем рассуждать вообще о бесконечном. Необходимо, чтобы каждое тело было бесконечным или конечным; если оно бесконечно, то оно должно состоять или из подобных частей или неподобных; если оно состоит из неподобных, то оно состоит или из ограниченного числа видов или из бесконечного числа видов. Невозможно, чтобы оно состояло из бесконечного числа видов, если мы будем придерживаться нашей предпосылки, а именно, что существуют многие миры, подобные нашему; ибо, подобно тому, как этот мир расположен вокруг нас, расположены и другие миры, имеющие другие небеса. Ибо если определены первые движения, расположенные вокруг центра, то необходимо, чтобы были определены и вторые движения; подобно тому, как мы определили пять родов тел[198], из которых два просто тяжелы и легки, два относительно тяжелы и легки, одно ни тяжело и ни легко, но свободно двигается вокруг центра, точно так же дело должно обстоять и в других мирах. Невозможно, следовательно, чтобы оно состояло из бесконечных видов. Но невозможно также, чтобы оно состояло из конечного числа видов». Он доказывает на основании четырех доводов, что оно не состоит из конечного числа неподобных видов, из которых первый заключается в том, «что каждая из этих бесконечных частей должна быть водой или огнем, а, следовательно, тяжелой или легкой. Но мы доказали невозможность этого, когда показали, что не может быть ни бесконечной тяжести, ни бесконечной легкости».

Ф и л о т е й . Было достаточно сказано, когда мы отвечали на это.

Э л ь п и н . Я это знаю. Он прибавляет второй довод и говорит, что «если каждый из этих видов будет бесконечным, то необходимо принять бесконечность места, в котором они помещаются; но отсюда следует, что движение каждого вида было бы бесконечно, что невозможно. Ибо не может быть, чтобы тело, которое падает вниз, пробегало бесконечную глубину. Это видно и подтверждается во всех движениях и переменах.

---

[197] Эльпин здесь излагает почти дословно доводы Аристотеля, приведенные в сочинении «О небе» (кн. I, гл. 7).

[198] Аристотель принимает пять элементов: землю, воду, воздух, огонь и так называемую пятую сущность, или пятую стихию, т.е. эфир. Первые четыре стихии движутся прямолинейно, эфир же — естественный носитель кругового движения. Земля тяжела и стремится вниз, огонь легок и стремится вверх, вода относительно тяжела, воздух относительно легок, эфир же не тяжел и не легок.

Подобно тому, как при порождении не пытаются сделать того, что не может быть сделано, так и в перемещении тело не ищет места, которого оно никогда не может достигнуть; то, что никогда не может быть в Египте, не может также и двигаться по направлению к Египту, ибо природа никогда ни одной вещи не делает тщетно. Невозможно, следовательно, чтобы вещь двигалась туда, куда она не может дойти».

Филотей. На это мы достаточно ответили; мы говорили, что существуют бесконечные земли, бесконечные солнца и бесконечный эфир; или, говоря словами Демокрита и Эпикура, существуют бесконечные полное и пустое, одно внедренное в другое. Существуют различные конечные виды, из которых одни расположены и упорядочены в других. Все эти различные виды собираются, составляя целую бесконечную вселенную; части бесконечного также бесконечны, поскольку из бесконечных земель, подобных этой, происходит на самом деле бесконечная земля, но не как сплошная масса, а как бы составленная из бесконечного множества земель. Подобным же образом надо себе представлять и другие виды тел, будет ли их четыре или два, или три, или сколько угодно (я пока не определяю их числа); эти виды, будучи частями вселенной в том смысле, в котором это можно говорить о них, по необходимости должны быть бесконечными согласно массе, которая возникает из их множества. И нет необходимости, чтобы тяжесть падала бесконечно в глубину. Но подобно тому, как это тяжелое тело стремится к своему ближайшему сродному телу, так и то тело стремится к своему, а третье к своему. Эта Земля имеет части, которые принадлежат к ней, а та земля — части, которые принадлежат к той. Подобным же образом, это Солнце имеет свои части, которые истекают из него и стремятся вернуться к нему обратно; точно так же и другие тела естественно собирают свои части. И подобно тому, как края одних тел удалены на конечное расстояние от других тел, так и их движения конечны; и подобно тому, как никто не отправляется из Греции для того, чтобы двигаться до бесконечности, но лишь для того, чтобы достигнуть Италии или Египта, так часть Земли или Солнца не ставит себе в своем движении бесконечной цели, а лишь конечную цель. Так как вселенная бесконечна, а тела, составляющие ее, все изменчивы, то все они, следовательно, выделяют из себя всегда известные части и опять принимают их в себя, высылают из себя свои части и поглощают в себя чужие. Я не считаю абсурдным и немыслимым, а, наоборот, вполне естественным и подобающим, что каждый предмет подвержен определенному возможному числу изменений; поэтому частички земли странствуют в эфирной области и пробегают безмерное расстояние, приближаясь то к одному телу, то к другому; подобным же образом мы видим, что те же самые частички, пока они находятся поблизости от нас, меняют место, расположение и форму. Если, следовательно, эта Земля вечна и непрерывно существует, то она такова не потому, что состоит из тех же самых частей и тех же самых индивидуумов (атомов), а лишь потому, что в ней происходит постоянная смена частей, из которых одни отделяются, а другие заменяют их место; таким образом, сохраняя ту же самую душу и ум, тело постоянно меняется и возобновляет свои части. Это видно также и на животных, которые сохраняют себя только таким образом, что принимают пищу и выделяют экскременты; таким образом, каждый, кто несколько призадумается, увидит, что юноши не обладают тем же телом, которое они имели в детском возрасте, а старики не обладают тем же телом, которым они обладали в юности. Ибо мы непрерывно меняемся, и это влечет за собою то, что к нам постоянно притекают новые атомы и что из нас истекают принятые уже раньше. Так, около спермы соединяются различные атомы благодаря деятельности всеобщего интеллекта и души (посредством устройства, в котором они собираются как материя), и растет тело, когда приток атомов больше, чем их истечение; это же самое тело сохраняет ту же самую консистенцию, когда истечение равняется притоку, и, наконец, оно начинает клониться к упадку, когда истечение больше, чем приток. Я здесь, конечно, говорю не о притоке и истечении в абсолютном смысле слова, но об истечении подобающих и естественных частей, и о притоке чуждых и неподходящих частей, которых не может победить ослабленный принцип жизни или которых он не может извергнуть; это относится как к живым, так и к мертвым телам.

Возвращаясь к сказанному, я говорю: нет ничего неподобающего в утверждении (наоборот, оно в высшей степени разумно), что благодаря этой перемене вещества части и атомы находятся в бесконечном течении и движении, испытывают бесконечные перемены как по форме, так и по месту[199]. Немыслимо было бы бесконечное стремление какой-либо вещи, которая стремилась бы, как к своей ближайшей цели, к перемене места или к изменению качества. Этого не может быть, принимая во внимание то, что вещь не может двигаться с одного места, не находясь в другом месте, не может терять какое-либо качество, не принимая другого качества, не может принять какое-либо бытие, не теряя другого; это с необходимостью следует из понятия изменения качества, которое не может иметь места без пространственного перемещения. Близкий и оформленный предмет может двигаться только конечным образом, ибо он легко принимает другую форму, если меняет свое место. Первый же и оформляющий принцип двигается бесконечным образом как относительно пространства, так и относительно числа фигур, в то время как части материи притекают и истекают из одного тела в другое, из одного места в другое, от части к целому.

Эльпин. Я это вполне понимаю. В качестве третьего довода он приводит следующее: «Если бы мы приняли дискретную и разделенную бесконечность, в таком случае должны были бы существовать бесконечные индивидуумы и бесконечные частные огни; в то время как каждый из них был бы конечным, тем не менее получалось бы, что тот огонь, который явился бы в результате всех этих индивидуумов, должен был бы быть бесконечным».

Филотей. Я уже с этим согласился; но, чтобы знать это, он не должен был оспаривать того, что не представляет никаких затруднений. Ибо если тело разделяется на различные пространственные части, из которых одна весит сто фунтов, другая тысячу, а третья десять, то все тело будет весить тысячу сто десять. Но это относится лишь к отдельным дискретным весам, а не к сплошному весу. Мы же, вместе с древними, не считаем неправильным, что дискретные части дают бесконечную тяжесть; ибо эти части составляют одну тяжесть лишь в логическом смысле, или в арифметическом, или геометрическом, но в действительности, по своей природе, они не составляют одной тяжести или бесконечной массы, но составляют бесконечное количество конечных масс и конечных тяжестей. Утверждение и представление этих вещей и их реальное бытие не суть одна и та же вещь, а весьма различны. Ибо отсюда следует, что не существует бесконечное тело одного вида, но что существует вид тел, имеющий бесконечное число конечно определенных тел; нет поэтому бесконечной тяжести, а существует бесконечное число конечных тяжестей, принимая во внимание, что это — бесконечность не сплошная, а дискретных тел, и что они существуют в непрерывной бесконечности, которой являются пространство, место и протяженность, способная вместить их. Следовательно, нет ничего недопустимого в том, что существует бесконечное число дискретных тяжелых тел, которые не составляют одного тяжелого тела; подобно этому бесконечные воды не составляют бесконечной воды, бесконечные части земли не составляют бесконечной земли. Следовательно, существует бесконечное множество тел, которые в физическом смысле не составляют тела бесконечной величины.

В этом заключается громадное различие. Подобное этому мы наблюдаем при движении судна, которое тянут десять человек, объединенных вместе, но которое не будет сдвинуто с места тысячью тысяч человек, если каждый из них будет тянуть отдельно.

Эльпин. Этими и другими рассуждениями вы уже тысячу раз ответили и на четвертый довод; он гласит: «Когда мы мыслим бесконечное тело, то его необходимо принимать бесконечным согласно всем измерениям; так что ни в каком направлении не может быть какой-либо вещи вне его. Следовательно, невозможно, чтобы в бесконечном теле было множество разнородных частей, из которых каждая была бы бесконечной».

Филотей. Это вполне правильно, но не опровергает нас, так как мы уже много раз утверждали, что существует множество разнородных конечных тел в бесконечном, и рассмотрели, каким образом это возможно[200].

---

[199] Бруно считал возможной гибель отдельных миров и планет. Такое мнение он высказывает в латинском сочинении «О безмерном и неисчислимом», где признает несомненным только то, что вселенная в целом неразрушима.

[200] Ср. «О причине, начале и едином» (с. 132-134 настоящего издания).

Подобным же образом, например, кто-нибудь мог бы говорить относительно жидкой грязи, что здесь множество различных веществ образуют сплошное целое, ибо там повсюду и в каждой части вода соприкасается с водой, а земля с землей; благодаря незаметности связи мельчайших частей земли и мельчайших частей воды мы не можем говорить, что они прерывны или непрерывны, а можем говорить лишь об одном сплошном, которое не есть ни вода, ни земля, а грязь. Другой мог бы таким же образом утверждать, что здесь, собственно говоря, вода не соприкасается с водой, а земля с землей, но вода соприкасается с землей, а земля с водой; подобным же образом третий мог бы отрицать и то и другое и утверждать, что грязь соприкасается с грязью. Согласно этим доводам, вселенная может быть принята как бесконечная и непрерывная, которую не прерывает эфир, расположенный между большими телами, подобно тому как не прерывает грязи воздух, расположенный между частями воды и земли; различие между ними состоит только в том, что в грязи части малы и промежутки незаметны, в то время как части вселенной велики и промежутки заметны. Но и во вселенной различные и противоположные движущиеся тела совпадают, составляя одно сплошное неподвижное; противоположности совпадают в нем и составляют одно, принадлежат к одному порядку и в конечном счете суть одно. Недопустимым и невозможным, конечно, было бы принимать две бесконечности, отличающиеся друг от друга; мы тогда ни в коем случае не могли бы вообразить, каким образом там, где кончается одна, начинается другая и каким образом они обе ограничивают друг друга. Кроме того, в высшей степени трудно представить себе два тела, конечных на одном краю и бесконечных на другом.

Эльпин. Он представляет два других довода в доказательство того, что бесконечность не может состоять из подобных частей. Первый это тот, что «в подобном случае этой бесконечности следовало бы приписать один из видов местного движения. Но тогда существовала бы бесконечная тяжесть, или бесконечная легкость, или бесконечное круговое движение; но мы уже доказали, что все это невозможно».

Филотей. А мы еще выяснили, насколько ничтожны эти доводы и возражения; бесконечность в целом не движется, не тяжела и не легка; это относится как ко вселенной, так и ко всякому другому телу, когда оно находится в своем естественном месте, и к отдельным частям, когда они удалены от своего собственного места дальше известной ступени. Бесконечное тело, следовательно, согласно нашему взгляду, не движется ни потенциально, ни актуально; оно ни тяжело и ни легко, ни потенциально, ни актуально. Согласно нашим принципам или принципам тех, против которых Аристотель возводит свои прекрасные замки, бесконечному телу недостает очень многого для того, чтобы оно могло обладать бесконечной тяжестью или бесконечной легкостью.

Эльпин. Столь же ничтожным оказывается и второй довод; ибо он тщетно спрашивает у того, который никогда не утверждал, что вселенная движется как потенциально, так и актуально, «движется ли бесконечность естественным образом или насильственным». Он дальше доказывает, что невозможно бесконечное тело, доводами, взятыми из движения вообще, после того как он в своих предыдущих доводах исходил из движения в обычном смысле слова[201]. Он утверждает, следовательно, что бесконечное тело не может ни оказать воздействие на конечное тело, ни тем более претерпевать от него воздействие. Он приводит три основания: первое, — что «бесконечное не может претерпевать воздействие от конечного»[202]; ибо каждое движение, а следовательно, и каждое претерпевание существует во времени; а если так, то может случиться, что тело меньшей величины может получить воздействие, пропорциональное бесконечной величине; ибо, подобно тому как существует пропорция между конечным страдательным и между конечным деятелем, может быть такая же пропорция между конечным и страдательным и бесконечным деятелем. Мы это увидим, если предположим в качестве бесконечного тела A, а в качестве конечного тела B; и поскольку всякое движение существует во времени, мы назовем G время, в течение которого A движет другое тело или получает движение от него.

---

[201] *Движение в обычном смысле слова* — перемещение тела в пространстве. Под движением вообще Аристотель понимал всякое изменение. Ср. *Аристотель.* Физика, кн. V, гл. 1-2.

[202] Эльпин приводит аргументы из кн. I, гл. 7 сочинения Аристотеля «О небе».

Мы возьмем затем тело меньшей величины, чем B; пусть оно будет D, и оно будет действовать на другое тело H, которое мы вводим для того, чтобы заполнить пропорцию в то же самое время G. Тогда мы увидим ясно, что между меньшим деятелем D и большим деятелем B существует такая же пропорция, как между конечным страдательным H и конечной частью A, которую мы назовем AZ. Если мы теперь заменим отношение первого деятеля к третьему страдательному на отношение второго деятеля к четвертому страдательному, то мы получим, что D находится в такой же пропорции к H, как B к AZ; таким образом, B завершит свое действие в то же самое время G на конечную вещь и на бесконечную вещь, т.е. на часть бесконечного AZ и на само бесконечное A. Но это невозможно; следовательно, бесконечное тело не может быть ни деятельным, ни страдательным, ибо два одинаково страдающих тела одинаково страдают в то же самое время от того же самого деятеля, причем меньшее страдающее тело страдает от того же деятеля в меньшее время, а большее в большее время. Далее, если два различных деятеля завершают свое действие в одинаковое время, то мы получим такую же пропорцию между деятелями, какую мы имеем между страдающими телами. Далее, каждый деятель действует на страдающее тело в конечное время (я говорю о том деятеле, который завершает свое действие, а не о том, движение которого непрерывно, что может быть только при движении перехода), ибо невозможно, чтобы конечная деятельность потребовала бесконечного времени. Следовательно, во-первых, очевидно, что конечное не может завершить свое действие на бесконечное.

G — время
A — бесконечное страдательное B — больший конечный деятель
AZ — часть бесконечного D — меньший конечный деятель
H — конечное страдательное

Во-вторых, доказывается таким же образом, что «бесконечное не может воздействовать на конечную вещь». Пусть A будет бесконечным деятелем, а B — конечным страдательным; предположим, что бесконечное A действует на конечное B в определенное время G. Пусть затем конечное тело D действует на часть B, т.е. BZ, в то же самое время G. Мы, конечно, получим такое же отношение между страдательным BZ ко всему страдательному B, какое существует между деятелем D и другим конечным деятелем H. Если теперь вместо отношения деятеля D к страдательному BZ поставим отношение деятеля H ко всему B, то мы получим, что H движет B в то же самое время, в какое D движет BZ, т.е. в то же самое время G, в течение которого бесконечный деятель A движет B. Но это невозможно. Эта невозможность следует из всего того, что мы говорили, а именно из того, что если бесконечная вещь действует в конечное время, то необходимо, чтобы действие не происходило во времени, ибо между конечным и бесконечным не может быть никакой пропорции. Следовательно, если мы предположим два различных агента, которые оказывают то же самое действие на то же самое страдающее тело, то необходимо предположить, что это действие будет происходить в два различных времени: мы получим, что время одного относится ко времени другого, как один деятель к другому. Но если мы предположим, что два деятеля, из которых один конечен, а другой бесконечен, оказывают то же самое действие на то же самое страдающее тело, то нам необходимо будет сказать одно из двух: или то, что действие бесконечного деятеля происходит мгновенно, или то, что действие конечного деятеля происходит в бесконечное время. То и другое невозможно.

G — время
A — бесконечный деятель
H — конечный деятель B — конечное страдательное
D — конечный деятель BZ — часть конечного страдательного

В-третьих, очевидно, что «бесконечное тело не может воздействовать на бесконечное тело». Ибо, как это утверждается в «Физике», невозможно, чтобы действие или страдание не были завершены.

Но поскольку было доказано, что действие бесконечного на бесконечное никогда не может быть завершено, можно заключить, что одно не может оказать действие на другое. Предположим два бесконечных, из которых одно будет B, а другое A, оказывающее на него воздействие в определенное время G, благодаря чему конечное действие будет завершено в конечное время. Предположим дальше, что часть страдательного BD терпит воздействие от A; тогда, конечно, будет очевидно, что оно терпит это воздействие в течение времени, меньшего, чем G; пусть эта часть будет обозначена через Z. Тогда, следовательно, между временем Z и временем G будет такая же пропорция, какая существует между BD — меньшей частью бесконечного страдательного, и B — большей частью бесконечного страдательного; пусть будет обозначена через BDH та часть, которая терпит воздействие от A в бесконечное время G[203]; но в то самое время будет терпеть от него воздействие все бесконечное B; а это неправильно, ибо невозможно, чтобы два страдательных, из которых одно бесконечно, а другое конечно, терпели то же самое действие, в то же самое время, от того же самого деятеля, будет ли он конечным или, как мы раньше предположили, бесконечным.

Конечное время
G Z
A — бесконечный деятель
Бесконечное страдательное
B D H

Филотей. Все, что говорит Аристотель, может быть и правильно, если оно соответствует его предпосылкам; но, как мы уже заметили, нет ни одного философа, который, говоря о бесконечном, принял бы те предпосылки, из которых вытекали бы подобного рода затруднения. Тем не менее, мы рассмотрим его рассуждения не для того, чтобы возразить против них, потому что они не противоречат нам, а только для того, чтобы обсудить, какую важность имеют его доводы. Во-первых, в своих предпосылках он не исходит из естественных оснований, отнимая у бесконечного ту или другую часть; ведь бесконечное не может иметь частей, если только мы не будем утверждать, что каждая часть в свою очередь бесконечна; утверждение, что в бесконечном существуют бо;́льшие или меньшие части, или части, которые имеют бо;́льшую или меньшую пропорцию по отношению к нему, заключает в себе противоречие. Ибо ты не приблизишься к бесконечному больше, если увеличишь что-либо в сто раз, чем если увеличишь его в три раза, так как бесконечное число состоит в не меньшей степени из бесконечных троек, чем из бесконечных сотен. Бесконечная протяженность имеет не меньше бесконечных футов, чем бесконечных миль; и поэтому, когда мы говорим о частях бесконечной протяженности, мы не должны говорить о ста милях или о тысячах парасангов[204]. Ибо они могут быть рассмотрены как части конечного и суть на самом деле лишь части конечного, к которому они имеют отношение; но они не могут и не должны считаться частями того, к чему они не имеют отношения. Таким же образом тысяча лет не составляет части вечности, поскольку она не имеет отношения к целому; но она часть некоторой меры времени, подобно десяти тысячам лет или ста тысячам веков.

Эльпин. Но объясните мне, что вы называете частями бесконечной длительности?

Филотей. Пропорциональные части длительности — это те, которые имеют отношение к длительности и ко времени, но не к бесконечной длительности и бесконечному времени; ибо в последнем самое большое время, т.е. самая большая пропорциональная часть длительности, равняется самому меньшему времени, принимая во внимание, что существует не меньше бесконечных веков, чем бесконечных часов. Я говорю, что в бесконечной длительности, которая есть вечность, не больше часов, чем веков.

---

[203] Это, конечно, описка, хотя она не отмечена ни в итальянском издании, ни в немецком переводе Куленбека. Из всего контекста видно, что время G будет конечное.

[204] *Парасанг* — персидская мера длины (около 5,5 км), содержит 30 эллинских стадий.

Так что всякая вещь, которая называется частью бесконечного, поскольку она часть бесконечного, постольку сама бесконечна как относительно бесконечной длительности, так и относительно бесконечной массы. Из этой доктрины вы можете видеть, насколько осмотрителен в своих предпосылках Аристотель, когда, исходя из них, он принимает конечные части бесконечного, и какова убедительная сила доказательств некоторых теологов, когда они из вечности времени приходят к нелепому заключению, что существуют различные бесконечные, из которых одно больше другого, подобно тому как существуют различные виды чисел. Эта доктрина, говорю я, дает вам нить, для того чтобы выбраться из бесконечных лабиринтов.

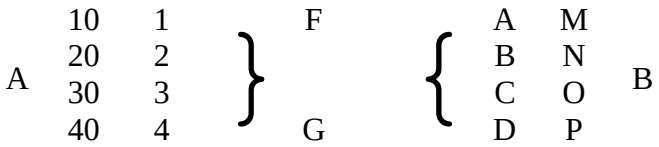
Эльпин. В особенности из того, который вытекает из положения о бесконечных шагах и бесконечных милях, которые должны составить большее или меньшее бесконечное в безмерности вселенной. Но продолжайте.

Филотей. Во-вторых, Аристотель не убедителен в своих доказательствах. Ибо из того, что вселенная бесконечна и что в ней существуют бесконечные части (я говорю «в ней», а не о бесконечных «частях ее», ибо одно дело говорить о частях в бесконечном, а другое дело говорить о частях бесконечного)[205], которые все действуют и страдают и, следовательно, находятся во взаимодействии между собой, он приходит к следующему выводу: бесконечное оказывает действие на конечное или же страдает от него, или же бесконечное оказывает действие на бесконечное, и второе страдает и изменяется от первого. Мы говорим, что этот вывод неправилен в физическом смысле, хотя бы он был правилен в логическом смысле. Ведь мы можем своим разумом сосчитать бесконечные активные части и бесконечные пассивные части, из которых одни составляют противоположность других; но в природе и действительности, как мы видели, эти части отторгнуты и отделяются друг от друга и разделены посредством пределов и ни в коем случае не принуждают нас и не склоняют к заключению, что само бесконечное деятельно или страдательно, а только к тому, что бесчисленные конечные части деятельны или страдательны в бесконечном. Мы соглашаемся, таким образом, не с тем, что бесконечное подвижно и изменчиво, но с тем, что в нем имеются бесконечные, подвижные и изменчивые части. Мы не соглашаемся с тем, что конечное терпит воздействие от бесконечного, или же бесконечное терпит от конечного, или же бесконечное от бесконечного, согласно физической и естественной бесконечности; но подобного рода бесконечность страдания и действия составляет лишь логический и рассудочный прием, который считает все тяжелые тела одним тяжелым телом, хотя на самом деле все тяжести отнюдь не составляют одной тяжести. Бесконечное, таким образом, само по себе неподвижно, неизменно и нетленно; в нем могут быть и существуют бесчисленные и бесконечные движения и изменения, совершенные и завершившиеся. К этому можно прибавить еще и то, что если бы мы имели два тела, бесконечных в одном направлении, которые, с другой стороны, ограничивали бы друг друга, то из этого не следовал бы тот вывод, который делает Аристотель, а именно, будто бы их действия и страдания были бы бесконечны. Если бы из этих двух тел одно действовало на другое, оно не действовало бы согласно всему своему объему и величине, ибо оно находится в ближайшем соседстве, соединено и соприкасается с другим не согласно всей своей величине и не согласно всем своим частям. Предположим, что существуют два бесконечных тела A и B, которые соприкасаются или соединяются вместе по линии или поверхности FG. Они, конечно, не будут действовать одно на другое согласно всей своей силе, ибо они не приближаются друг к другу всеми своими частями, так как их соприкосновение может происходить только в некоей определенной и конечной границе. Я утверждаю дальше, что, если мы даже будем принимать эту поверхность или линию бесконечною, тем не менее отсюда не будет следовать, что тела, соприкасающиеся с ней, оказывают друг на друга бесконечное действие или же испытывают бесконечное страдание; ибо их действие не интенсивно, а экстенсивно, так как их части экстенсивны.

---

[205] Отличие между тем и другим излагается у Бруно более подробно в его сочинении «О причине, начале и едином» (диалог 5). Части суть формы, модусы, акциденции; в каждой из них субстанция как таковая заключается целиком. Части, следовательно, хотя и заключаются в бес конечном, не уничтожают единства бесконечного. Полемизируя с Аристотелем, Бруно утверждает, что конечное не находится ни в каком отношении с бесконечным.

Вот почему происходит, что ни в одной части бесконечное не будет действовать согласно всей своей силе, а лишь экстенсивно, часть за частью, дискретно и отдельно.



Так, например, из двух противоположных тел, которые могут находиться во взаимодействии, пусть будут соседними частями A и 1, B и 2, C и 3, D и 4 и так далее до бесконечности. Отсюда: никогда не получится бесконечно интенсивное действие, так как части этих обоих тел не могут воздействовать друг на друга за пределами известного определенного промежутка; поэтому M и 10, N и 20, O и 30, P и 40 не могут воздействовать друг на друга. Вот почему если мы примем два бесконечных тела, то отсюда не вытекает бесконечное действие. Я иду еще дальше; если даже мы предположим и согласимся, что эти два бесконечных тела могут воздействовать друг на друга интенсивно и согласно всей своей силе, отсюда все же не будет следовать ни бесконечное действие, ни бесконечное страдание; ибо в таком случае одно окажет другому не меньшие отпор и сопротивление, чем те натиск и воздействие, которые оно испытывает, и в нем поэтому не произойдет никакого изменения. Таким образом, противопоставляя друг другу два бесконечных противоположных тела, мы видим, что из этого следует конечное изменение или же что не произойдет никакого изменения.

Эльпин. Но что вы скажете о противоположности одного конечного тела и другого бесконечного, например, если бы земля была холодным телом, а небо огнем; между землей и между всеми огненными звездами, между нею и безмерным небом с его бесчисленными звездами? Не считаете ли вы, что отсюда следует вывод Аристотеля, а именно тот, что конечное должно быть поглощено бесконечным?[206]

Филотей. Конечно, нет, как это можно видеть из сказанного раньше. Ибо, поскольку телесная сила простирается по объему бесконечного тела, она не будет действовать на конечное тело с бесконечной силой, но лишь с той силой, которую она может излучать из конечных частей и согласно известным расстояниям, так как она не может действовать всеми своими частями, а лишь только ближайшими частями. Это видно из следующего примера. Предположим, что имеется два бесконечных тела A и B, которые способны воздействовать друг на друга только теми частями, которые лежат в промежутке между 10, 20, 30, 40 и M, N, O, P, — в таком случае действие, которое они окажут друг на друга, не станет более сильным, если бы даже тело B стало расти до бесконечности, а тело A оставалось конечным. Таким образом, из противопоставления двух противоположных тел всегда будет следовать конечное действие и конечное изменение, все равно, будем ли мы считать, что одно из этих тел бесконечно, а другое конечно, или же мы будем считать оба бесконечными.

Эльпин. Вы меня вполне удовлетворяете, так что я считаю излишним приводить другие дикие доводы, которыми Аристотель хочет доказать, что вне неба не существует бесконечного тела, вроде следующего: «Каждое тело, которое занимает место, носит чувственный характер, но вне неба нет чувственных тел, следовательно, там нет места». Или следующий довод: «Всякое чувственное тело занимает место, вне неба нет места, следовательно, там нет и тела; там вообще не существует «вне», ибо «вне» обозначает различие между чувственными местами; но оно не обозначает различия между духовными умопостигаемыми телами, как это могли бы думать некоторые; но если нечто носит чувственный характер, то оно конечное».

---

[206] Доказательство это дано Аристотелем в «Физике» (кн. III, гл. 5): «...невозможность бесконечного тела вытекает из следующего. Оно не может быть ни сложным, ни простым. Сложным не может быть бесконечное тело, если количество его элементов ограничено. Необходимо, чтобы их было много, чтобы противоположности уравновешивали друг друга и ни один элемент не был бесконечным. Ведь если сколько-нибудь сила одного тела уступает другому, например, если огонь ограничен, а воздух бесконечен и равное количество огня превышает по силе равное количество воздуха во сколько угодно раз, лишь бы это выражалось каким-нибудь числом, то ясно, что бесконечное преодолеет и уничтожит все конечное» (рус. пер., 1937, с. 59).

Ф и л о т е й . Я верю и считаю, что по ту сторону воображаемого небесного свода всегда имеется эфирная область, где находятся мировые тела, звезды, земли и солнце; все они имеют чувственный характер в абсолютном смысле слова как сами по себе, так и для тех, которые живут на них или около них, хотя они не могут быть воспринимаемы нами вследствие отдаленности расстояния. Отсюда вы можете видеть, на каком фундаменте стоит Аристотель, когда из того, что мы не можем воспринимать ни одного тела за пределами воображаемой окружности, он заключает, что там нет никаких тел; и поэтому он упорно отказывается верить в существование каких-либо тел за пределами восьмой сферы, вне которой астрологи его времени не допускали никаких других небесных сфер. Они относили видимое вращение мира вокруг Земли к первому движимому, находящемуся выше всех других. Исходя из таких предпосылок, они вынуждены были двигаться без конца все дальше и дальше и прибавлять сферу к сфере и в заключение додумались до таких сфер, которые не имеют звезд, а, следовательно, и чувственных тел, так что это мнение опровергается даже астрологическими предпосылками и фантазиями. Но тем более оно осуждается теми, которые лучше понимают и знают, что тела, которые, согласно их воззрениям, принадлежат к восьмому небу, тем не менее в не меньшей степени отдалены друг от друга и от Земли, чем семь других сфер; единственное основание, приводимое в пользу их одинаковой отдаленности от Земли, покоится на ложном предположении, что Земля находится в неподвижном состоянии. Но против этого восстает вся природа, возмущается всякий рассудок; это осуждают всякое правильное мышление и хорошо развитый интеллект. Но, как бы то ни было, утверждение, что вселенная находит свои пределы там, где прекращается действие наших чувств, противоречит всякому разуму, ибо чувственное восприятие является причиной того, что мы заключаем о присутствии тел, но его отсутствие, которое может быть следствием слабости наших чувств, а не отсутствия чувственного объекта, недостаточно для того, чтобы дать повод хотя бы для малейшего подозрения в том, что тела не существуют. Ибо если бы истина зависела от подобной чувственности, то все тела должны были бы быть такими и столь же близкими к нам и друг к другу, какими они нам кажутся. Но наша способность суждения показывает нам, что некоторые звезды нам кажутся меньшими на небе, и мы их относим к звездам четвертой и пятой величины, хотя они на самом деле гораздо крупнее тех звезд, которые мы относим ко второй или первой величине. Чувство не способно оценить взаимоотношение между громадными расстояниями; из наших взглядов на движение Земли мы знаем, что эти миры не находятся на одинаковом расстоянии от нашего мира и не лежат, как это думают, на одном деференте.

Э л ь п и н . Вы хотите сказать, что они не являются как бы прикрепленными к одному и тому же небесному куполу. Это — нелепое представление, этому могут верить только дети, которые, может быть, поверили бы, что если бы звезды не были прикреплены к своду неба, как пластинки, хорошим клеем или же прибиты крепкими гвоздями, то они падали бы на нас из воздуха, подобно граду. Вы хотите сказать, что эти другие земли и другие громадные тела занимают свои области и сохраняют свои расстояния в эфирном поле, подобно тому как занимает свое место эта Земля, вращение которой производит видимость, что все мировые тела движутся вокруг нее, как будто связанные вместе. Вы хотите сказать, что нет надобности принимать существование духовного тела за пределами восьмой или девятой сферы, но что тот же самый воздух, который окружает Землю, Луну и Солнце, содержа их, распространяется до бесконечности и охватывает другие бесконечные созвездия и жизненные существа; что этот воздух является общим универсальным местом, бесконечное и обширное лоно которого содержит в себе всю бесконечную вселенную, подобно тому как видимое нами пространство содержит громадные и многочисленные светила. Вы хотите сказать, что в круговом движении находится не этот воздух и это объемлющее нас тело, которое в своем движении захватывает звезды, Землю и Луну и другие планеты, но что они движутся собственной душой, по своим собственным путям; что все они имеют свои собственные движения, независимые от того мирового движения, видимость которого вызывается движением Земли, независимые также от всех других движений, которые кажутся общими для всех звезд, как будто бы они были прикреплены к подвижному телу, видимость которых вызывается различными видами движения звезды, на которой мы находимся и движение которой для нас незаметно.

Вы хотите, наконец, сказать, что воздух и части, находящиеся в эфирной области, не имеют другого движения, кроме сжатия и расширения, которые необходимы для поступательного движения этих твердых тел, в то время как одни кружатся вокруг других, и это духовное тело наполняет собою все.

Филотей. Конечно, кроме того я говорю, что это бесконечное и безмерное тело есть живое существо, хотя оно не имеет определенной формы и чувств, которые относились бы к внешним вещам; ибо оно заключает в себе всю душу и охватывает все одушевленное и есть все это. Далее, я утверждаю, что из предположения двух бесконечных тел не вытекает никаких трудностей. Ибо мир является одушевленным телом, в нем имеются бесконечная двигательная сила и бесконечные предметы, на которые направлена эта сила, которые существуют дискретно, как мы это объяснили; ибо целое непрерывное неподвижно; в нем нет ни кругового движения, для которого необходим центр, ни прямолинейного движения, которое направлялось бы от одной точки к другой, так как в нем нет ни середины, ни конца. Мы утверждаем далее, что движение тяжелого и легкого не только не подобает бесконечному телу, но не подходит даже для всякого целого и совершенного тела, которое находится в бесконечном, а также для какой-либо части, которая находится на своем месте и пользуется своим естественным положением. Я повторяю, что ничто не может быть легким или тяжелым в абсолютном смысле слова, а только в относительном, т.е. по отношению к тому месту, к которому рассеянные и разбросанные части возвращаются и собираются. Мы сегодня сказали достаточно относительно бесконечной громады вселенной. Завтра я вас буду ожидать, если вы пожелаете выслушать относительно бесконечных миров, которые находятся во вселенной.

Эльпин. Хотя предыдущее меня достаточно подготовило к тому, чтобы дальше размышлять самостоятельно, я тем не менее вернусь завтра для того, чтобы услышать другие, особенные и достойные внимания объяснения.

Фракасторий. Я, со своей стороны, буду только слушателем.

Буркий. И я. Чем более я начинаю вас понимать, тем более я начинаю считать правдоподобным или даже, может быть, истинным то, что вы говорите.

Конец второго диалога

Ф и л о т е й. Едино, следовательно, небо, безмерное пространство, лоно которого содержит все, эфирная область, в которой все пробегает и движется. В нем — бесчисленные звезды, созвездия, шары, солнца и земли, чувственно воспринимаемые; разумом мы заключаем о бесконечном количестве других. Безмерная, бесконечная вселенная составлена из этого пространства и тел, заключающихся в нем.

Э л ь п и н. Таким образом, нет сфер с вогнутой и выпуклой поверхностью, нет деферирующих кругов, но все есть одно поле, общее небесное вместилище.

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. То, следовательно, что заставляло воображать различные небеса, было движением различных звезд: видели небо, наполненное звездами, которое вращается вокруг Земли, причем ни одно из этих светил не отдалялось одно от другого, но все они всегда сохраняли между собой одно и то же расстояние и отношение и один и тот же порядок; все они вращались вокруг Земли, подобно тому как вращается вокруг своей собственной оси колесо, на котором прикреплены бесчисленные зеркала. Считали очевидным, как это кажется нашим глазам, что эти светящиеся тела не обладали своим собственным движением, благодаря которому они могли бы сами двигаться подобно птицам по воздуху; полагали, что они движутся, прикрепленные к своим орбитам, которые получали свое движение от толчка некоей божественной интеллигенции.

Ф и л о т е й. Таково было общее воззрение; но кто понял движение этой мировой звезды, на которой мы обитаем, которая, не будучи прикреплена ни к какой орбите, вследствие внутреннего принципа, собственной души и своей собственной природы пробегает обширное поле вокруг Солнца или вращается вокруг своего собственного центра, тот освободится от этого заблуждения. Пред ним откроются врата понимания истинных принципов естественных вещей, и он будет шагать гигантскими шагами по пути истины. Эта истина была до сих пор скрыта под покровом стольких мерзких и скотских заблуждений; она доселе была скрыта вследствие неблагоприятных условий времени, когда вслед за светлым днем древних мудрецов наступила мрачная ночь безрассудных софистов[207].

Покоя нет — все движется, вращаясь,
На небе иль под небом обретаясь.
И всякой вещи свойственно движенье,
Близка она от нас иль далека,
И тяжела она или легка.
И все, быть может, в том же направленье
И тем же шагом вверх и вниз идет,
Пока себе единства не найдет.
Так море бурное колеблется волненьем,
То опускаясь вниз, то вверх идя горой,
Но остается все ж самим собой.
Один и тот же вихрь своим вращеньем
Всех наделяет тою же судьбой.

Э л ь п и н. Нет никакого сомнения, что вся эта фантастика о звездоносцах, пламеносцах, осях, деферентах, службе эпициклов и других химерах обязана своим происхождением воображению, а не какому-либо другому принципу; оттого нам кажется, что эта Земля находится в центре и середине вселенной и что одна только она неподвижна и закреплена, а все другое вращается вокруг нее.

Ф и л о т е й. То же самое кажется тем, которые живут на Луне и на других звездах — землях или солнцах, — которые находятся в этом же самом пространстве.

---

[207] Бруно ценит космологические учения древних материалистов гораздо выше, чем философию Аристотеля и в особенности средневековых схоластов.

Э л ь п и н . Если мы отныне примем, что Земля своим движением создает видимость ежедневного мирового движения и своими различными движениями создает видимость движения бесчисленных звезд, то нам придется утверждать, что Луна (которая есть другая земля)[208] своею собственною силою движется по воздуху вокруг Солнца. Таким же образом Венера, Меркурий и другие планеты, которые являются другими землями, совершают каждая свой путь вокруг того же отца жизни.

Ф и л о т е й . Правильно.

Э л ь п и н . Собственные движения каждой из этих планет будут те, которые мы получим после того, как мы отнимем это мировое движение и движение так называемых неподвижных звезд (и то и другое движение относится к Земле); эти движения не менее отличны, чем эти тела, так что никогда не может быть двух звезд, которые сохраняли бы тот же порядок и ту же меру движения; но если мы не замечаем никакого различия в их движении, то это происходит вследствие значительной отдаленности их от нас; на самом же деле звезды совершают свои круги вокруг солнечного огня и вокруг собственных центров, для того чтобы получить жизненную теплоту, хотя мы и не замечаем различия в их приближении и удалении к их солнцам.

Ф и л о т е й . Правильно.

Э л ь п и н . Существуют, следовательно, неисчислимые солнца, бесчисленные земли, которые кружатся вокруг своих солнц, подобно тому как наши семь планет кружатся вокруг нашего Солнца?

Ф и л о т е й . Правильно.

Э л ь п и н . Почему мы не замечаем, чтобы вокруг других светил, которые суть солнца, кружились другие светила, которые были бы их землями? Мы не замечаем никакого другого движения, и все другие мировые тела, за исключением так называемых комет, наблюдаются нами всегда в том же порядке и на том же расстоянии.

Ф и л о т е й . Это происходит вследствие того, что мы видим солнца, которые более велики или даже бывают величайшими телами, но не видим земель, которые, будучи гораздо меньшими телами, невидимы для нас. Не противоречит разуму также, чтобы вокруг этого Солнца кружились еще другие земли[209], которые незаметны для нас или вследствие большой отдаленности их, или вследствие их небольшой величины, или вследствие отсутствия у них больших водных поверхностей, или же вследствие того, что эти поверхности не могут быть обращены одновременно к нам и противоположно к Солнцу, в каком случае солнечные лучи, отражаясь как бы в кристальном зеркале, сделали бы их видимыми для нас. Неудивительно поэтому и не противоречит природе, если мы часто слышим, что Солнце потерпело как бы некоторое затмение без того, чтобы Луна вступила между нами и Солнцем. Кроме видимых, могут быть еще бесчисленные светящиеся водные тела (т.е. земли, часть которых составляют воды), кружащиеся вокруг Солнца; но мы не замечаем их вращения вследствие их большой отдаленности. Точно так же вследствие чрезвычайной медленности движения тех тел, которые находятся за пределами Сатурна, мы не замечаем различия движения одних от других и не можем вывести закон их движения вокруг центра, все равно, будем ли мы считать их центром Землю или Солнце.

Э л ь п и н . Но каким же образом все эти планеты, будучи столь отдаленными от центра, т.е. от Солнца, могут получать жизненную теплоту от него?

Ф и л о т е й . Так как они более отдалены, то они делают также большие круги; чем больше круги, которые они делают, тем медленнее они движутся вокруг Солнца; чем медленнее они движутся, тем больше они сопротивляются действию жарких и раскаленных лучей Солнца.

---

[208] Луну Бруно называл одной из планет («О безмерном и неисчислимом»). Но на самом деле он знал, что Луна является спутником Земли, хотя он и не употребляет этого названия.

[209] Бруно предполагал, что вокруг Солнца вращается больше планет, чем мы видим невооруженным глазом. Это его предположение получило подтверждение лишь через два века. В 1781 г. Гершель открыл плане ту Уран, в 1801-1804 гг. были открыты малые планеты между Мар сом и Юпитером, а в 1846 г. был открыт Нептун. В 1930 г. был открыт Плутон.

Эльпин. Вы считаете, следовательно, что эти тела, хотя они столь отдалены от Солнца, могут получать от него достаточное количество теплоты; ибо, быстрее вращаясь вокруг своего собственного центра и медленнее вокруг Солнца, они могут получать не только такое количество теплоты, но даже избыток, если понадобится; благодаря более быстрому движению вокруг своего собственного центра каждая часть их выпуклой поверхности, не получившая достаточно теплоты, быстрее возвращается к тому же самому месту; благодаря же более медленному движению вокруг огненного центра их поверхность подвергается более длительному воздействию Солнца и получает большее количество живительных и пламенных лучей.

Филотей. Правильно.

Эльпин. Вы, следовательно, полагаете, что если звезды, которые мы видим за пределами Сатурна, действительно неподвижны, то они являются бесчисленными солнцами или огнями, которые для нас более или менее видимы и вокруг которых движутся, в свою очередь, невидимые для нас и близкие для них земли?

Филотей. Так следовало бы утверждать, принимая во внимание, что все земли достойны иметь одинаковые отношения и все солнца достойны того же.

Эльпин. Вы полагаете, следовательно, что все эти неподвижные звезды суть солнца?

Филотей. Нет, ибо я не знаю, все ли они неподвижны или же лишь бо;́льшая часть их и движутся ли одни из них вокруг других; ведь этого никто не наблюдал до сих пор, а кроме того, это и нелегко наблюдать; точно так же нелегко наблюдать поступательный ход и движение отдаленной вещи, которая на большом расстоянии как будто не меняет своего места, как это мы видим на кораблях, находящихся в открытом море. Но как бы то ни было, поскольку вселенная бесконечна, необходимо, чтобы существовало множество солнц; ибо невозможно, чтобы теплота и свет одного единственного солнца могли излучаться по безмерной вселенной, как это воображал Эпикур, если верно то, что некоторые о нем сообщают. Поэтому нужно принять, что существуют еще бесчисленные солнца, из которых многие для нас заметны в виде маленьких тел; но некоторые могут нам казаться меньшими звездами, хотя на самом деле они гораздо больше тех, которые кажутся нам чрезвычайно крупными.

Эльпин. Все это нужно считать возможным и приемлемым.

Филотей. Вокруг этих солнц могут вращаться земли, имеющие большие или меньшие массы, чем наша Земля.

Эльпин. Но каким образом мы можем замечать их отличия? Каким образом, говорю я, мы можем различать между огнями и землями?

Филотей. Благодаря тому, что огни неподвижны, а земли подвижны, а также благодаря тому, что огни мерцают, а земли не мерцают; из этих признаков второй более заметен, чем первый.

Эльпин. Говорят, что видимость мерцания происходит вследствие отдаленности светил от нас?

Филотей. Если бы это было так, то Солнце не мерцало бы больше всех, а меньшие звезды, которые более отдалены, мерцали бы больше, чем крупные звезды, которые ближе к нам.

Эльпин. Думаете ли вы, что огненные миры так же обитаемы, как и водные?

Филотей. Нисколько не меньше.

Эльпин. Но какие животные могут жить на огне?

Филотей. Вы не должны думать, что эти тела состоят из одинаковых частей, ибо в таком случае они были бы не мирами, а пустынными и бесплодными массами. Поэтому надо считать приемлемым и естественным, что они состоят из различных частей, подобно тому как эта Земля и другие земли имеют различные собственные органы; впрочем, эти кажутся издали освещенными водами, а те — пламенными светилами.

Эльпин. Вы думаете, что по своему составу и плотности основные элементы Солнца таковы же, каковы элементы Земли? Ибо я знаю, что вы не сомневаетесь в существовании первичной материи, из которой возникло все.

Филотей. Конечно. Это понял Тимей, подтвердил Платон и знали все истинные философы; но лишь немногие сумели это объяснить, и в наши дни не нашлось никого, кто бы понял это; наоборот, многие старались тысячью способов затемнить сознание; всё это произошло вследствие порчи умственных привычек и ошибочности принципов.

Эльпин. Кажется, что к этому способу познания приблизился, если и не дошел до него, Николай Кузанский в своем «Ученом незнании», когда он, говоря об особенностях Земли, утверждал следующее: «Из темноты и черного цвета Земли вы не должны заключать, что земное тело плохо и менее благородно, чем другие тела; ибо если бы мы обитали на Солнце, то мы бы его не воспринимали таким же светлым, каким теперь кажется Солнце из этой окружающей его области. Далее, если мы будем внимательно наблюдать Солнце[210], то мы заметим около середины его как бы землю и даже как бы влажное тело и туманное тело, а затем как бы круг, излучающий ясный блестящий свет. Солнце, таким образом, составлено из тех же элементов, что Земля».

Филотей. До сих пор он говорил божественно, но скажите нам, что он говорил в дальнейшем?

Эльпин. Судя по тому, что он говорил дальше, надо полагать, что он считал эту Землю другим солнцем и думал, что все другие звезды также солнца. Он говорит: «Если бы кто-нибудь находился вне области нашего огня, то ему эта Земля казалась бы светлой звездой, окруженной огненною областью; точно так же и нам, находящимся на окружности области Солнца, Солнце кажется чрезвычайно блестящим; Луна же нам не кажется столь же блестящей, ибо в ее области мы находимся ближе к средним частям, или, как он говорит, центральным, т.е. мы находимся во влажной и водянистой области ее; вот почему Луна, хотя и обладает собственным светом, нам не кажется таковой, ибо мы замечаем лишь тот свет, который получается вследствие отражения солнечного света от ее водной поверхности».

Филотей. Этот превосходный человек много видел и понял и действительно является одним из самых замечательных умов, дышавших этим воздухом; но что касается познания истины, то он был подобен пловцу, которого бурные волны кидают то вверх, то вниз; ибо он не видел непрерывного, открытого, ясного света, он не плавал в спокойной, ясной воде. Он схватывал истину частично и через известные промежутки. Причина этого та, что он не сумел освободиться от всех впитанных им ложных принципов и от общераспространенной доктрины, от которых он отправлялся; вот почему он назвал свою книгу очень удачно и, может быть, намеренно «Об ученом незнании» или «О незнающей учености».

Эльпин. Что это за принцип, от которого он не освободился, но от которого он должен был освободиться?

Филотей. Он думал, что элемент огня не что иное, как воздух, вспыхнувший от движения неба, и что огонь является в высшей степени тонким веществом; но это противоречит истине и природе, как мы это увидим, когда будем обсуждать этот предмет специально; мы тогда докажем, что необходимо существует материальное плотное и твердое начало как тепла, так и холода и что эфирная область и не может быть огнем и не есть огонь, но освещается и согревается близостью твердого и плотного тела, каково Солнце. Вот почему, когда мы говорим об естественных вещах, нам нет нужды прибегать к математическим фантазиям. Мы видим, что не все части Земли светятся сами собой, но что некоторые части освещаются другими и могут сообщать теплоту окружающим областям, например, вода или туманный воздух, который воспринимает свет и теплоту от Солнца. Поэтому необходимо полагать, что существует первое тело, которое имеет в себе и свет и теплоту; этого не могло бы быть, если бы это тело не было устойчивым, твердым и густым; ибо разреженное и тонкое вещество не может быть носителем света и теплоты, как мы это докажем в своем месте.

---

[210] См. *Николай Кузанский.* Об ученом незнании, кн. II, гл. 12. Согласно Николаю Кузанскому, на Солнце находятся те же элементы, что на земле, причем они расположены на Солнце в таком же порядке, в каком, по учению Аристотеля, они расположены на Земле. Аристотель же учил, что в середине мира покоится как сравнительно малая часть Земля, а около нее располагаются концентрическими сферическими слоями вода, воздух и огонь.

Необходимо, наконец, считать, что оба фундамента двух противоположных первых активных качеств одинаково устойчивы[211] и что соответствующие части Солнца, которые излучают свет и теплоту, обладают прочностью камня или прочного раскаленного металла; я не говорю о плавком металле, каковы свинец, бронза, золото и серебро, но о неплавком металле, каковым является уже не разогретое огнем железо, но то железо, которое само есть огонь. В то время как звезда, на которой мы живем, сама по себе холодна и темна и не обладает собственным светом и теплотой, а получает их от Солнца, — Солнце само по себе теплое и светящееся и причастно к холоду и темноте, поскольку охлаждается окружающими телами и имеет частицы воды, подобно тому как Земля имеет частицы огня. Поэтому, подобно тому как на этом холоднейшем теле, которое само по себе холодно и темно, существуют животные, которые нуждаются в теплоте и свете Солнца, точно так же на этом самом горячем светящемся теле существуют животные[212], которые живут благодаря холоду окружающих их холодных тел; и подобно тому, как это тело некоторым образом причастно к теплу благодаря своим несхожим частям, так и то тело причастно к холоду благодаря своим холодным частям.

Эльпин. Но что вы скажете о свете?

Филотей. Я скажу, что Солнце не светит Солнцу, а Земля не светит Земле. Ни одно тело не освещает само себя, но каждое светящееся тело освещает окружающее его пространство. Поэтому, хотя Земля светит благодаря солнечным лучам, отраженным ее кристальной поверхностью, тем не менее ее свет не заметен ни для нас, ни для тех, которые находятся на таковой поверхности, а лишь для тех, которые находятся против нее. Подобно этому, хотя вся поверхность моря освещена ночью светом Луны, тем не менее для тех, кто едет по морю, кажется освещенной лишь известная часть, которая расположена против Луны; но если бы им удалось подняться выше над морем, по воздуху, то освещенная поверхность казалась бы им все больше. Отсюда очень легко заключить, что те, которые живут на светящихся или хотя бы освещенных звездах, не замечают света своей собственной звезды, а лишь свет окружающих их звезд, подобно тому как в общем пространстве каждое отдельное место получает свой свет от другого места.

Эльпин. Вы утверждаете, следовательно, что для обитателей Солнца причиною дня является не Солнце, а другая из окружающих звезд?

Филотей. Правильно. Или вам это непонятно?

Эльпин. Кто бы это не понял! Я понял еще и другие вещи, которые вытекают из этого. Существуют, следовательно, два вида светящихся тел, а именно огненные, которые светятся первично, и водянистые, и кристаллические, которые светят отраженным светом.

Филотей. Правильно.

Эльпин. Следовательно, причина света не должна быть отнесена к другому началу?

Филотей. Каким образом может быть иначе, когда мы не знаем другого основания света? Зачем нам прибегать к пустым фантазиям там, где нас учит сам опыт?

Эльпин. Действительно, мы не должны думать, что эти тела светятся благодаря какой-нибудь случайной и непостоянной причине, подобно гнилому дереву, слизи и чешуе рыб, хрупким спинкам ящуров и светляков, о причинах свечения которых мы еще будем говорить.

Филотей. Как вам угодно.

Эльпин. Ошибаются, следовательно, те, которые говорят, что эти окружающие нас светящиеся тела являются известными пятыми сущностями[213], имеющими божественную природу, противоположную тем телам, которые находятся вблизи нас и вблизи которых мы находимся; они ошибаются подобно тем, которые утверждали бы это о свече или светящемся кристалле, видных нам издали.

Филотей. Конечно.

---

[211] *Противоположные активные качества* — теплое и холодное. Согласно учению Бернардино Телезио основная противоположность теплого и холодного связана с противоположностью между небом и землей: Солнце — средоточие наивысшего тепла, Земля же — средоточие холода.

[212] Намеки на обитаемость Солнца и других звезд встречаются также у Николая Кузанского.

[213] Под пятой *сущностью* подразумевается пятая стихия, т.е. эфир.

Фракасторий. Это на самом деле должно быть ясно всякому чувству, разуму и интеллекту.

Буркий. Но это не ясно моему интеллекту, который считает эти ваши мнения софистическими.

Филотей. Отвечай ему ты, Фракасторий, ибо я и Эльпин уже достаточно много рассуждали, а теперь мы будем вас слушать.

Фракасторий. Мой дорогой Буркий, предположим, что ты находишься на месте Аристотеля, а я представляю собой идиота и деревенщину, который признается, что ничего не понимает из того, что утверждает Филотей, и из того, что говорит Аристотель, а вслед за ним и весь мир. Я верю большинству, верю во имя славы и величия авторитета перипатетиков, восхищаюсь вместе с бесчисленной толпой божественностью этого демона природы; но именно благодаря этому я прихожу к тебе, чтобы ты меня обучил истине и освободил меня от мнений того, кого ты называешь софистом. И вот я тебя спрашиваю, на каком основании вы утверждаете, что существует такое колоссальное различие, во всяком случае, большое или даже какое бы то ни было различие между небесными телами и теми телами, которые находятся вокруг нас?

Буркий. Те божественны, а эти материальны.

Фракасторий. Каким образом вы мне докажете и заставите верить, что те более божественны?

Буркий. Ибо те бесстрастны и неизменны, нетленны и вечны, а эти наоборот; те движутся круговым и совершенным движением, эти же прямолинейно.

Фракасторий. Я хотел бы знать, на основании каких соображений вы считаете, что это единственное тело (которое ты считаешь состоящим из трех или четырех тел, но не считаешь организмом, членами которого являются эти тела) не движется подобно другим подвижным звездам, принимая во внимание, что движение тех звезд для нас незаметно ввиду того, что они находятся за пределами известного расстояния. Если это тело движется, то движение его не может быть для нас заметно, ибо, как это заметили древние и современные истинные наблюдатели природы и как это показывает тысячью способов чувственный опыт, мы можем заметить движение только посредством известного сравнения и сопоставления с каким-либо неподвижным телом. Так, люди, находящиеся в середине моря на плывущем корабле, если они не знают, что вода течет, и не видят берегов, не заметят движения корабля. Ввиду этого можно сомневаться относительно покоя и неподвижности Земли. Я могу считать, что если бы я находился на Солнце, Луне или на других звездах, то мне всегда, казалось бы, что я нахожусь в центре неподвижного мира, вокруг которого вращается все окружающее, вокруг которого вращается этот окружающий меня мир, в центре которого я нахожусь. Вот почему я не уверен в различии между подвижными и устойчивыми.

Что касается прямолинейного движения, о котором ты говоришь, то мы, конечно, не замечаем, чтобы это тело двигалось по прямой линии, как мы этого не видим и у других тел. Земля, если она движется, движется по кругу, подобно другим звездам, как это утверждали Гегезий, Платон и другие мудрецы и как это должен был допустить и Аристотель и всякий другой. Когда мы замечаем, что на этой Земле что-либо подымается или опускается, то это не относится ко всему шару, а лишь к известным частям его, и эти части не удаляются дальше пределов той области, которая заключает части и члены этого шара; в нем, как в живом организме, происходят истечение и приток частей, их известное изменение и возобновление. Если то же самое происходит и на других звездах, то оно также не должно быть для нас заметно; ибо если и на других звездах происходят испарения, движения ветров, дождь, снег, гром и молния, засуха, плодородие, наводнение, рождение и смерть, то все эти явления, — если они происходят на других звездах, — не могут быть для нас заметны. Ибо эти звезды заметны для нас только благодаря постоянному блеску, который испускают через громадное пространство их огненные, водные или облачные поверхности. Таким же образом и наша звезда заметна для живущих на других звездах благодаря блеску, который излучает поверхность моря (а иногда и облачные тела, благодаря которым темные части луны нам кажутся не столь темными).

Поверхность нашей Земли меняется только через огромнейшие промежутки — эпохи и столетия, в течение которых моря превращаются в континенты, а континенты в моря[214]. Это тело, следовательно, и те тела заметны только благодаря тому свету, который они излучают. Свет, который наша Земля изливает на другие звезды, обладает не меньшим постоянством и неизменностью, чем свет подобных же звезд; и подобно тому как для нас незаметно прямолинейное движение и изменение частей звезд, так и для них незаметно всякое другое движение и изменение, которые происходят на нашей Земле. И подобно тому как с Земли, которая есть другая луна, различные части Луны нам кажутся в различной степени освещенными, так и на Луне, которая есть другая земля, различные части Земли отличаются разнообразием форм своих поверхностей. И подобно тому, как если бы Луна была более удалена от нас, диаметр темных частей уменьшился бы, а светлые части соединились бы в одно и представляли бы для нашего зрения меньшее светящееся тело, точно так же и Земля, если бы была более удалена от Луны, казалась бы маленькой звездой. Отсюда мы можем заключить, что между бесчисленными звездами существует множество других лун, множество других земных шаров, множество других миров, подобных нашему; и их жителям кажется, что наша Земля движется вокруг них, подобно тому как нам кажется, что они движутся и вращаются вокруг этой Земли. Почему, следовательно, мы должны утверждать, что существует различие между телами и этой Землей, когда мы всюду замечаем соответствие? Зачем нам отрицать это соответствие, если ни разум, ни чувство не заставляют нас сомневаться в этом?

Буркий. Вы, следовательно, считаете доказанным, что те тела не отличаются от нашего?[215]

Фракасторий. Я думаю — да; ибо то, что заметно у нас оттуда, может быть заметно у них отсюда и наоборот. И там и здесь заметны маленькие тела, которые вблизи освещены лишь отчасти, а издали кажутся светлыми точками, тем меньшими, чем дальше они друг от друга.

Буркий. Но где же тот прекрасный порядок, та прекрасная лестница природы, по которой восходят от более грубого и плотного тела, какова земля, к менее плотному, какова вода, к тонкому, каков пар, к более тонкому, каков чистый воздух, к тончайшему, каков огонь, к божественному, каково небесное тело? От темного к менее темному, к ясному, к более ясному и к самому ясному; от мрачного к светлому, от изменчивого и преходящего к тому, что свободно от всякого изменения и разрушения; от наиболее тяжелого к тяжелому, от этого к легкому, от легкого к наиболее легкому, а от этого к тому, что не легко и не тяжело; от движущегося к центру к тому, что движется от центра, а от этих к тому, что движется вокруг центра?[216]

Фракасторий. Вы хотите знать, где этот порядок? Там же, где сновидения, фантазии, химеры и сумасбродство. Ибо что касается движения, то все, что движется от природы, имеет круговое движение вокруг своего собственного центра или вокруг другого центра; я говорю — круговое движение, рассматривая круг и круговое движение не просто в геометрическом смысле, а согласно тому правилу, которому следуют физические тела при перемене своих мест. Прямолинейное движение не свойственно по природе ни одному основному телу; ибо мы его замечаем лишь в тех частях, которые являются как бы выделениями, истекающими из мировых тел, в тех частях, которые притекают к родственным им сферам и составам. Это мы можем заметить на воде, которая в форме тумана, разреженного от жары, восходит вверх, но в своей собственной форме, сгущенной от холода, спускается вниз, следуя законам движения, которые мы будем обсуждать в своем месте. Что же касается деления на четыре тела, которые называются землей, водой, воздухом, огнем, то я хотел бы знать, какая природа, какое искусство, какое чувство производит это деление, проверяет его и доказывает?

Буркий. Вы отрицаете, следовательно, это знаменитое деление на четыре элемента?

---

[214] Догадка Бруно об изменениях поверхности Земли предвосхищает учение современной геологии.

[215] Учение о тождественном составе Земли и звезд было подтверждено в XIX в. благодаря применению спектрального анализа.

[216] Под *движущимся к центру* подразумевается Земля; движется от *центра* огонь, *вокруг центра* движется эфир, являющийся естественным носителем кругового движения.

Фракасторий. Я не отрицаю этого деления, ибо я разрешаю каждому различать естественные вещи как ему угодно; но я отрицаю этот порядок, это расположение, а именно то, что земля окружена и покрыта водой, вода воздухом, воздух огнем, огонь небом. Ибо я утверждаю, что одно и то же охватывает и содержит все тела и великие механизмы, которые мы видим, как бы рассеянными и разбросанными в этом обширном поле; каждое из этих тел, звезд, миров, вечных светил составлено из того, что называется землей, водой, воздухом, огнем. Но поскольку в субстанции тела преобладает огонь, оно называется Солнцем, телом, которое светится само собой; поскольку же преобладает вода, оно называется теллурическим телом, Луной или другим подобным телом, которое получает свет от другого, как это было сказано выше. На этих, следовательно, звездах, или мирах, как мы их будем называть, эти различные части расположены согласно разнообразным и различным составам, образуя скалы, пруды, реки, источники, моря, пески, металлы, пещеры, горы, долины и тому подобные виды сложных тел, положений и фигур; им соответствуют у животных так называемые «разнородные» части, состоящие соответственно разнообразным и различным составам из костей, внутренностей, вен, артерий, мяса, нервов, легких, — органы, имеющие ту или иную фигуру, которые образуют у животных свои горы, долины, тайники, воды, жизненные духи, огни, где происходят события, соответствующие метеорологическим явлениям; таковы катар, рожа, камни, головокружение, лихорадки и другие бесчисленные расстройства и привычки[217], которые соответствуют туману, дождю, снегу, зною, жаре, грому, молнии, землетрясению и ветрам, бурям в пустыне и на море. Если, следовательно, Земля и другие мировые тела являются живыми существами в не меньшей степени, чем те, которые мы обычно считаем таковыми, то они, конечно, существа, одаренные большим и лучшим разумом.

Каким же образом хочет доказать Аристотель или другие, что воздух находится скорее вокруг земли, а не внутри нее, когда нет ни одной части земли, в которую не проникал бы воздух. Это, по-видимому, подозревали древние мудрецы, когда они утверждали, что пустое охватывает все извне и проникает внутрь полного. Можете ли вы себе представить землю густой, плотной и твердой без воды, которая сочетает и соединяет части? Как вы можете считать, что земля тяжелее около центра, не признавая в то же время, что ее части там гуще и плотнее, каковая плотность не может быть без воды, которая одна только способна склеивать части?[218] Кто не видит, что повсюду из земли выступают острова и горы над водой? Они возвышаются не только над водой, но и над туманным и воздушным вихрем, заключенным между высокими горами, составляющим один из органов земли и придающим ей совершенную сферическую форму; отсюда ясно, что вода в не меньшей степени входит во внутренности земли, чем соки и кровь в наши. Кто не знает, что в глубоких пещерах и впадинах земли скопляются главные массы воды? Если ты скажешь, что воды разливаются по берегам, то я отвечу, что они не составляют верхних частей земли, ибо все то, что есть между высочайшими горами, должно считаться находящимся в углублении земли. Подобие этому представляют капли, рассыпанные по плоскости и сохраняющие свою форму; ибо внутренняя душа, которая все охватывает и заключается во всем, производит это действие, а именно: согласно свойству предмета, она объединяет части, насколько она может. Предположение о том, что вода находится выше земли или вокруг нее, столь же неестественно, как если бы мы полагали, что соки нашего тела находятся вокруг тела или снаружи его. Ведь и скопления вод в середине кажутся более высокими, если глядеть на них с берегов и всех мест, которые окружают их. Если бы части суши могли объединяться точно так же сами собой, то получилось бы то же самое; мы и замечаем, что они принимают сферическую форму, когда они склеиваются благодаря воде; ибо сухие части становятся в воздухе соединенными и плотными лишь благодаря воде.

---

[217] Бруно соблюдает правило поэтического правдоподобия, заставляя Фракастория рассуждать о различных болезнях. Фракасторий начал свою деятельность с поэмы «Сифилис, или о французской болезни», написанной по-латыни, где он описал гекзаметром эту болезнь, искус, но используя все поэтические мотивы латинского эпоса. Имя действующего лица этой поэмы *Сифилис,* образованное из двух греческих слов, обозначающих *свинья* и *друг,* стало потом нарицательным названием болезни.

[218] Теория воды как элемента, склеивающего части земли, была развита Аристотелем в кн. IV «Метеорологии»; Бруно излагает эту теорию в своем комментарии на книги Аристотеля о философии природы.

Воды, следовательно, находятся во внутренности земли, и нет ни одной части земли, которая, будучи плотной и густой, не заключала бы больше частей воды, чем земли (ибо, чем плотнее какое-либо тело, тем теснее соединены его части и тем больше господствует в нем элемент, способный соединять в нем эти части). Кто не согласится после этого, что скорее вода является основой земли, чем земля основой воды, что земля основана на воде, а не вода на земле? Я не говорю уже о том, что толща воды над поверхностью земли, на которой мы живем, называемая морем, не настолько велика, чтобы ее можно было сравнить со всею массою этой сферы; вода на самом деле не находится вокруг земли, как это думают неразумные, а внутри нее. Логика вещей или, может быть, привычка следовать за древними философами принудила Аристотеля признать в первой книге своей «Метеорологии», что обе нижние области беспокойного воздушного вихря прерываются и сжаты высокими горами, составляя как бы части или органы земли; земля же всегда окружена и сжата спокойным, прозрачным и ясным воздухом, сквозь который видны звезды и откуда можно видеть ветры, тучи, туманы и бури, приливы и отливы, которые происходят от жизни и дыхания этого великого живого существа и божества, которое мы называем Землей; поэты называют ее Церерой, Изидой, Прозерпиной или Дианой, которая на небе называется Люциной; они этим хотят указать, что она не отличается по своей природе от Земли. Отсюда ты видишь, в какой степени добрый Гомер, когда он не спит[219], далек от того, чтобы утверждать, будто вода имеет свое естественное место сверху или вокруг земли, где нет ни ветров, ни дождей, ни туманов. И если бы он более внимательно наблюдал, он видел бы, что также и середина этого тела (если там имеется центр тяжести) имеет больше воды, чем земли; ибо части земли обладают тяжестью оттого, что они смешаны с частями воды; только вода дает им способность и стремление спускаться по воздуху и находить свое собственное место. Следовательно, какой урегулированный опыт, какое истинное воззрение может согласиться с таким разделением этих частей, которое принимается грязной и слепой чернью, которое одобряется теми, кто говорит без размышлений, и проповедуется теми, которые много говорят и мало думают. Кто может думать, что это предложение не истинно, но что оно сказано человеком без авторитета и заслуживает насмешки, сообщено уважаемой, знаменитой личностью в качестве мистерии или параболы, которую надо истолковать метафорически, и что если оно преподносится человеком, имеющим больше смысла и разума, чем авторитета, то лишь в качестве скрытого парадокса? Это мнение вслед за Тимеем, Пифагором и другими утверждает Платон, когда он говорит, что мы живем в темных пещерах земли[220] и так же относимся к животным, обитающим над землею, как рыба относится к нам; ибо, подобно тому как рыбы живут в более густой и плотной влаге, чем наша, так и мы живем в более туманном воздухе, чем те, которые живут в более чистой и спокойной области; и подобно тому как океан является нечистой водой по сравнению с воздухом, так и наш воздух является туманом по сравнению с другим, действительно чистым. Из всего этого я делаю следующий вывод: море, источники, реки, горы, камни и воздух, содержащийся в них и заключающийся вплоть до средней области, как ее называют, суть не что иное, как части и различные органы того же самого тела, той же самой массы, аналогичные частям и членам организованных животных, которые мы обычно считаем таковыми; предел, выпуклость и крайняя поверхность этого тела ограничиваются крайними пределами гор и воздушными вихрями; так что океан и реки остаются в глубине земли, подобно тому как печень, которая считается источником крови, и разветвленные вены содержатся в наших внутренностях.

Буркий. Следовательно, земля не является наиболее тяжелым телом и не образует середины, вокруг которой находится менее тяжелая вода, которая в свою очередь тяжелее воздуха?

Фракасторий. Если ты судишь о тяжести по большей способности тела проникать в поры и стремиться к середине и центру, то я скажу, что воздух в одно и то же время наиболее тяжелый и наиболее легкий между всеми так называемыми элементами.

---

[219] Намек на выражение Горация «когда спит добрый Гомер».

[220] *Платон.* Федон, 109 С-Е.

Ибо подобно тому как каждая часть земли, когда она получает свободное пространство, доходит до середины, так и части воздуха скорее движутся к середине, чем части какого-либо другого элемента; ибо воздух легче всего распространяется повсюду и заполняет пустоту. Не так быстро стремятся к своему месту части земли, которые обычно движутся лишь постольку, поскольку они проникают через воздух; ибо воздух, для того чтобы он проник куда-нибудь, не нуждается ни в земле, ни в воде, ни в огне; ни один из этих элементов не предупреждает его и не превосходит его в скорости и в легкости, с которою он наполняет все промежутки какого-либо тела. Кроме того, если мы удалим землю, которая является твердым телом, воздух тотчас займет ее место; но земля не займет места воздуха, если мы удалим его. Следовательно, поскольку воздуху свойственно проникать в каждое место и в каждый уголок, постольку мы можем сказать, что нет тела более легкого, чем воздух, и что нет тела более тяжелого, чем воздух.

Буркий. Но что ты скажешь о воде?

Фракасторий. Я уже говорил о воде и повторяю, что она тяжелее земли, ибо мы видим, что она сильнее стремится спуститься вниз и проникать в землю, чем земля проникать в воду. Кроме того, земля, взятая сама по себе и без смешения с водою, плавает над водою и не способна проникать внутрь нее; она спускается только в том случае, если пропитана водою и сгущена в одну массу и плотное тело; благодаря этой плотности и густоте земля приобретает способность проникать внутрь воды. Вода же, наоборот, никогда не спускается благодаря земле, а благодаря тому, что она уплотняется, сгущается и удваивает число своих частей, пропитывает сушу и сплачивает ее; вот почему мы видим, что ваза, полная совершенно сухой золы, наполняется большим количеством воды, чем равная ей ваза, в которой ничего нет. Следовательно, суша как таковая остается наверху и плавает над водой.

Буркий. Объясните мне это лучше.

Фракасторий. Я повторяю: если бы мы удалили от земли всю воду, так что земля стала бы совершенно сухой, то отсюда с необходимостью следовало бы, что оставшееся тело было бы неустойчивым, разреженным, легко рассеивающимся по воздуху в форме бесчисленных мелких, не связанных между собою пылинок. То, что составляет непрерывное само по себе, это воздух; то, что составляет непрерывное благодаря связности, это вода, будет ли то, что связывается ею, прочным и сцепленным, или же оно будет иногда одним, а иногда другим. Если, следовательно, тяжесть есть не что иное, как связность и плотность частей, а части земли связываются между собой только благодаря воде, части которой, подобно частям воздуха, сами собой соединяются и обладают большею силою или даже исключительною силою соединять между собою части других тел, — в таком случае вода является наиболее тяжелым телом по сравнению с другими телами, которые лишь благодаря ей становятся тяжелыми и приобретают вес. Поэтому тех, которые говорят, что земля основана на водах[221], мы должны считать не безрассудными, а скорее очень умными.

Буркий. Мы говорим, что в середине всегда надо принимать землю, как это утверждали многие в высшей степени ученые мужи.

Фракасторий. И подтверждают безрассудные.

Буркий. Что вы говорите о безрассудных?

Фракасторий. Я говорю, что это утверждение не подтверждается ни опытом, ни разумом.

Буркий. Разве мы не видим, что моря имеют свои приливы и отливы, а реки текут по поверхности земли?

Фракасторий. Разве мы не видим, что источники, от которых берут начало реки и которые образуют пруды и моря, находятся во внутренности земли и выходят из внутренности земли? Вы должны с этим согласиться, если вы поняли то, что я вам много раз говорил.

Буркий. Мы видим, что сначала вода спускается с воздуха и что эта вода образует источники.

---

[221] Подразумевается древнегреческий материалист Фалес. В своем латинском сочинении «О началах вещей» Бруно пишет: «Хорошо сказал Фалес, что вода — основа земли, чего не поняли наши соотечественники, но что понял псалмопевец, говоря, что бог основал землю на водах».

Фракасторий. Мы знаем, что вода, если даже она спускается с другого воздуха, чем тот, который составляет часть земли и принадлежит к ее органам, то сначала, первоначально и целиком находится внутри земли и лишь производно, вторично и частным образом находится в воздухе.

Буркий. Я знаю, ты настаиваешь на том, что действительную поверхность земли образует не море, а воздух, находящийся между высочайшими горами.

Фракасторий. Это говорил и подтвердил ваш «князь философов» Аристотель.

Буркий. Этот наш князь вне всякого сравнения более прославлен и знаменит и имеет больше последователей, чем ваш, о котором мы пока еще ничего не знаем. Вам поэтому как угодно может нравиться ваш князь, мне нравится мой.

Фракасторий. Хотя бы он даже допустил вас умереть от холода и от голода, кормил вас ветром и заставил гулять босыми и нагими?

Филотей. Помилуйте, не занимайтесь такими пустыми и бесплодными разговорами.

Фракасторий. Мы так и сделаем. Что вы скажете, Буркий, относительно того, что вы слышали?

Буркий. Я скажу — пусть будет что будет. Необходимо все же рассмотреть, что находится в середине этой массы, этой твоей звезды, этого твоего живого существа. Ибо если там находится чистая земля, то общепринятый порядок элементов является правильным.

Фракасторий. Я изложил и доказал, что более разумно принимать там воздух или воду, чем землю; во всяком случае там не может быть земли без значительной примеси воды, которая образует ее основу; ибо мы видим, что части воды сильнее проникают в землю, чем части земли проникают в воду. Более, следовательно, правдоподобно и даже необходимо, чтоб внутри земли была вода, чем чтобы внутри воды была земля.

Буркий. Что ты скажешь о воде, которая течет по поверхности земли?

Фракасторий. Всякий может видеть, что это является благодетельным следствием самой воды; земля, после того как она уплотняется и скрепляется благодаря воде, становится столь плотной, что она не может больше поглощать воды, которая в противном случае проникла бы до самых глубин сухой субстанции, как мы это знаем по опыту. Необходимо, следовательно, чтобы в середине земли была вода, благодаря которой она приобретает прочность, соответствующую сначала воде, а не земле; ибо вода соединяет и скрепляет части земли и, следовательно, в большей степени обусловливает ее плотность, чем, наоборот, земля определяет связность и плотность частей воды. Если, следовательно, ты не считаешь середину Земли составленною из земли и воды, то более правдоподобно и более соответствует разуму и опыту считать ее водою, чем землей. И если там имеется плотное тело, то больше оснований считать, что в нем преобладает вода, чем земля, ибо вода составляет причину плотности частей земли, в то время как жар разлагает землю (я не говорю о плотности, которая имеется в первом огне, которая разлагается от своего противоположного); вот почему, чем плотнее и тяжелее земля, тем больше в ней воды. Мы должны считать, что вещи, которые наиболее плотны, не только имеют больше воды, но, по существу, являются самой водой, как это видно при разложении наиболее тяжелых и плотных тел, каковы плавкие металлы. И действительно, в каждом твердом теле, которое имеет связанные между собою части, вода есть тот элемент, который соединяет и сцепляет эти части, начиная от самых мельчайших частей; так что земля, если она совершенно лишена воды, разлагается на атомы. Однако более устойчивы части воды, не имеющие земли, в то время как части земли не имеют никакой связи между собою без воды. Если, следовательно, среднее место предназначено для того элемента, который скорее всего стремится туда, то оно в первую очередь заполняется воздухом, проникающим повсюду, во вторую — водою, а в третью — землею. Если же это место предназначено для наиболее тяжелого, плотного и густого элемента, то оно должно быть в первую очередь наполнено водою, во вторую — воздухом, а в третью — землею. Если же будем считать землю сцепленною с водою, то среднее место в первую очередь будет наполнено землею, во вторую — водою, а в третью — воздухом. Таким образом, это место будет наполнено различными элементами, в соответствии с различными основаниями; но, согласно природе, ни один элемент не бывает без другого и нет ни одного члена земли, этого великого организма, в котором не были бы все четыре элемента или по крайней мере три.

Буркий. Однако подходите скорее к концу.

Фракасторий. Я заключу следующим: знаменитое общепринятое деление элементов и мировых тел есть сон, пустейшая фантазия, которая не подтверждается ни природою, ни разумом, которая не может и не должна быть. Достаточно знать, что существуют бесконечное поле и непрерывное пространство, которое охватывает все и проникает во все. В нем существуют бесчисленные тела, подобные нашему, из которых ни одно не находится в большей степени в центре вселенной, чем другое, ибо вселенная бесконечна, и поэтому она не имеет ни центра ни края; ими обладают лишь отдельные миры, которые существуют во вселенной в таком виде, как я уже говорил, в особенности там, где существуют, как я доказал, некоторые определенные центры, каковы суть солнца и огни, вокруг которых вращаются все планеты, земли, воды, подобно тому как вокруг этого соседнего нам Солнца существуют эти семь планет. Также мы доказали, что каждая из этих звезд или этих миров, вращаясь вокруг собственного центра, кажется своим обитателям прочным и устойчивым миром, вокруг которого вращаются все звезды как вокруг центра вселенной. Так что нет одного только мира, одной только Земли, одного только Солнца, но существует столько миров, сколько мы видим вокруг нас сверкающих светил, которые в не меньшей степени заключаются в этом небе, в едином всеохватывающем месте, чем этот мир, на котором мы обитаем. Но небо, бесконечный и безмерный воздух, хотя и составляет часть бесконечной вселенной, тем не менее не является ни миром, ни частью миров, но оно есть лоно, поле и вместилище, в котором эти тела суть, движутся, живут, прозябают, вступают во взаимодействие, производят, питают и поддерживают своих обитателей и животных и своим определенным расположением, и порядком служат высшей природе, изображая лик единого бытия в бесчисленных изменчивых предметах. Так что каждый из этих миров является центром, к которому стремятся все его части и где расположены все родственные ему элементы, подобно тому как части этой звезды стремятся к ее составу с известного расстояния, с разных сторон и разных областей. И так как каждая часть, которая вытекает из этого великого тела, притекает потом к нему обратно, то оно вечно, хотя и способно разлагаться; хотя, если я не ошибаюсь, необходимость этой вечности происходит от провидения, которое извне поддерживает его, а не вследствие его внутренней собственной достаточности. Но об этом я буду говорить в другой раз, приведя специальные доводы.

Буркий. Другие миры, следовательно, так же обитаемы, как и этот?

Фракасторий. Если не так и не лучше, то во всяком случае не меньше и не хуже. Ибо разумному и живому уму невозможно вообразить себе, чтобы все эти бесчисленные миры, которые столь же великолепны, как наш, или даже лучше его, были лишены обитателей, подобных нашим или даже лучших; эти миры суть солнца или же тела, которым Солнце посылает свои божественные и живительные лучи, обнаруживающие благоденствие своего носителя и источника тем, что приобщают к своей разлитой благодати все окружающие миры. Существует, следовательно, бесконечное множество бесчисленных и главных членов вселенной, имеющих тот же лик, образ, те же преимущества, силы и действия, как и наш.

Буркий. Вы, следовательно, не находите никаких различий между одними и другими телами?

Фракасторий. Вы уже много раз слышали, что те, в составе которых преобладает огонь, обладают собственным светом и теплом. Те же, в составе которых преобладает вода и которые сами по себе темны и холодны, светят заимствованным светом. От этого различия и противоположности зависят порядок, симметрия, состав, мир, согласие, сочетание, жизнь. Следовательно, миры составлены из противоположностей[222], и одни противоположности, вроде земель и вод, живут и питаются другими противоположностями, а именно солнцами и огнями.

---

[222] Эти мысли действительно имеются в латинском сочинении «Фракасторий, или О душе».

Фракасторий там пишет, что мир составляет органическое тело; это видно из его частей; хотя они и не схожи, тем не менее они столь искусно и гармонически связаны между собой, что это вызывает величайшее удивление.

Это, думаю, подразумевал тот мудрец, который говорил, что бог творит согласие среди возвышенных противоположностей, и другой мудрец, который говорил, что все существует благодаря спору согласных между собой и любви спорящих[223].

Буркий. Подобного рода утверждениями вы хотите перевернуть мир вверх дном.

Фракасторий. Тебе кажется, что было бы плохо, если бы кто-нибудь захотел перевернуть вверх дном перевернутый мир?

Буркий. Так вы желаете считать тщетными все эти усилия, труды, написанные в поте лица трактаты «о физических вопросах», «о небе и мирах», относительно которых ломали себе головы столько великих комментаторов, толкователей, глоссаторов, составителей компендиев и сумм, схолиастов, переводчиков, составителей вопросов и теорем, на которых построили свои основы глубокие, тонкие, златоустые, великие, непобедимые, неопровержимые, ангельские, серафические, херувимские и божественные ученые?[224]

Фракасторий. Прибавь: скалоломающие, камнедробящие, рогами и копытами вооруженные[225]. Прибавь: глубоко видящие, палладоподобные, олимпийские, небесные, небесно-эмпирейские, гремящие.

Буркий. Так мы должны, согласно вашему утверждению, всех их выбросить в нужник? Конечно, мир хорошо управлялся бы, если бы мы презрительно отбросили размышления столь великих и достойных философов!

Фракасторий. Конечно, было бы несправедливо отнимать у ослов их сено и желать, чтобы их вкус был подобен нашему. Умы и интеллекты различаются в не меньшей степени, чем жизненные духи и желудки.

Буркий. Так вы думаете, что Платон — невежда и Аристотель — осел и что их последователи — глупцы, дураки и фанатики?

Фракасторий. Я не говорю, что эти жеребцы, а те ослы, что эти малые, а те большие обезьяны, что вы приписываете мне; но, как я вам говорил сначала, я их считаю героями земли. Однако я не хочу им верить без доказательств и соглашаться с их положениями, неверность которых доказана ясно и отчетливо, как вы могли сами убедиться, если только вы не слепы и не глухи.

Буркий. Но кто же будет судьей?

Фракасторий. Каждый регулированный опыт и живое суждение, каждая порядочная и менее упрямая личность, которая признает себя побежденной и неспособной отстаивать доводы противников и противоречить нашим доводам.

Буркий. Если даже я их не сумею защитить, то это будет следствием моих собственных недостатков, а не следствием недостатков их учения; но если вы их опровергнете вашими доводами, то это будет не следствием истины вашего учения, а благодаря вашим софистическим ухищрениям.

Фракасторий. Если бы я считал, что я не понимаю причин явлений, я бы воздержался от высказывания своих суждений. Если бы я был настроен подобно вам, я бы считал себя ученым по вере, а не по знаниям.

Буркий. Если бы ты был лучше настроен, то ты бы понял, что ты самонадеянный осел, софист, враг просвещения, палач души, любитель новизны, противник истины и подозрительный еретик.

Филотей. До сих пор он выказал мало учености, теперь же он показал, что не обладает скромностью и лишен вежливости.

Эльпин. Он имеет громкий голос и спорит более дерзко, чем обутые в башмаки с деревянной подошвой монахи[226]. Мой дорогой Буркий, я очень хвалю твою твердость в вере.

---

[223] Имеется в виду следующее изречение Гераклита: «Расходящееся сходится, и из различных (тонов) образуется прекраснейшая гармония, и все возникает через борьбу» (*Досократики.* 4.1/Пер. А. Маковельского. Казань, 1914).

[224] Буркий имеет в виду средневековые комментарии к сочинениям Аристотеля. В его речи перечисляются эпитеты, данные в средние века различным крупным схоластам; так, «тонким» назывался Дунс Скот, «великим» — Альберт, «неопровержимым» — Александр Галесский, «ангельским» — Фома Аквинский, «серафическим» — Бонавентура.

[225] *Рогами и копытами вооруженные* — подразумеваются быки и ослы.

[226] Подразумеваются францисканские монахи. Дунс Скот, «тонкий док тор», известный своим искусством спорить, принадлежал к францисканскому ордену.

Ты уже с самого начала заявил, что, если бы это было истиной, ты все же не желал бы верить в нее.

Буркий. Да, я предпочитаю быть невежественным со многими знаменитыми учеными, чем знать, быть ученым вместе с немногими софистами, каковыми я считаю этих твоих друзей.

Фракасторий. Ты, по-видимому, плохо различаешь между учеными и софистами, если верить тому, что ты говоришь. Не бывают знаменитыми учеными те, которые невежественны, а те, которые знают, не бывают софистами.

Буркий. Я знаю, что вы понимаете то, что я хочу сказать.

Эльпин. Для нас было бы достаточно, если бы мы поняли то, что вы говорите, ибо вы сами с большим трудом понимаете то, что вы хотите сказать.

Буркий. Идите, идите, более ученые, чем Аристотель! Пошли вон, более божественные, чем Платон, более глубокие, чем Аверроэс, более рассудительные, чем большинство философов и теологов стольких эпох и стольких наций, которые комментировали Аристотеля, восхищались им и превозносили его до небес! Убирайтесь вы, о которых я не знаю, кто вы такие и откуда вы явились, вы, которые воображаете, что можете плыть против течения, по которому плывет столько великих ученых!

Фракасторий. Это еще лучший из всех доводов, которые вы приводите, если только это можно считать доводом.

Буркий. Ты, конечно, был бы ученее, чем Аристотель, если бы только не был скотом, жалким человеком, нищим и несчастным, питающимся просом, умирающим с голоду, имеющим отцом своим портного, а матерью прачку, если бы ты не был внуком сапожника Чекко, сыном Мома, почтальоном уличных девок, братом Лазаря, который делает подковы ослам. И вы, которые ненамного лучше его, идите ко всем чертям!

Эльпин. Пожалуйста, великолепный синьор, не утруждайте себя больше приходить к нам и ждите, пока мы придем к вам.

Фракасторий. Желать доказать истину разумными доводами подобного рода людям — это все равно что мыть голову ослу различными сортами мыла и щелока; мыть его сто раз не приносит больше пользы, чем один раз. Употреблять тысячу сортов мыла все равно что один там, где безразлично, быть ли мытым или немытым.

Филотей. Да, подобного рода голова после мытья более грязна, чем в начале мытья и до него; ибо чем больше воды и благовоний вы употребите на нее, тем больше будут подыматься пары из головы, и мы почувствуем зловоние, которого раньше не чувствовали; и это будет тем противнее, чем ароматнее будут жидкости, которые мы употребляли. Мы сегодня много говорили; меня радуют ваши способности, Фракасторий, и зрелость вашего суждения, Эльпин. Теперь, после того как мы говорили о бытии, числе и качестве бесконечных миров, хорошо будет, если мы завтра рассмотрим, существуют ли противоположные доводы и каковы они.

Эльпин. Так и сделаем. Фракасторий. До свидания.

Конец третьего диалога

Ф и л о т е й . Бесконечные миры, следовательно, существуют не таким способом, каким, по ложному мнению, составлена эта Земля, якобы окруженная столькими сферами, из которых одни содержат по одной звезде, а другие — бесчисленное количество звезд; ведь пространство таково, что через него могут пробежать все эти звезды, причем каждая из них такова, что она может двигаться самопроизвольно и вследствие внутреннего принципа, так что она всегда причастна подобающим вещам; каждая из этих звезд такова, что она достаточно велика и способна и достойна считаться миром; каждая из них обладает деятельным началом и способом существовать, который обеспечивает непрерывное рождение и жизнь бесчисленных и превосходных индивидуумов. Если только мы поймем, что видимость мирового движения вызвана истинным ежедневным движением Земли (подобное которому имеется также и в других подобных звездах), то не будет оснований, которые принуждали бы нас считать все звезды одинаково далеко отстоящими от нас, как это думает чернь, которая полагает, что они пригвождены и прикреплены к восьмой сфере; никто не сумеет упрекать нас за наше убеждение, что расстояния этих бесчисленных звезд различаются в бесконечной степени, по длине радиуса. Мы тогда поймем, что круги и сферы не расположены во вселенной таким образом, что одни входят в другие, причем меньшие входят в большие, наподобие того как расположены слои в луковице; мы поймем, что в эфирном поле тепло и холод, излучаемые небесными телами, умеряют друг друга, согласно различным степеням, так что в этих взаимодействиях мы можем усматривать ближайшие причины различных форм и видов бытия.

Э л ь п и н . Но, пожалуйста, обратитесь теперь к опровержению противоположных доводов, в особенности Аристотеля, которые слепая толпа считает более прославленными и знаменитыми, чем совершенные доводы. Для того чтобы не опустить ни одного из них, я вам приведу все доводы и мнения этого жалкого софиста, и вы рассмотрите их по порядку.

Ф и л о т е й . Так и сделаем.

Э л ь п и н . Надо рассмотреть, говорит он, в первой книге «О небе и мире», существует ли другой мир кроме этого[227].

Ф и л о т е й . Относительно этого вопроса вы знаете, что он применяет понятие мира в другом смысле, чем мы; ибо мы прибавляем мир к миру и звезду к звезде в этом обширнейшем эфирном лоне, что, по общему признанию, утверждали все те мудрецы, которые считали, что существуют бесчисленные и бесконечные миры. Он же применяет название мира к соединению различным образом расположенных элементов и фантастических кругов вплоть до выпуклости первого движимого, которое обладает совершенной круглой формой и увлекает все в своем быстром движении вокруг центра, около которого мы обитаем. Поэтому было бы пустым и детским препровождением времени, если бы мы хотели разобрать по порядку все эти фантазии; но будет хорошо и необходимо, если мы разберем те его доводы, которые противоречат нашим взглядам, и не обратим внимания на те доводы, которые им не противоречат.

Ф р а к а с т о р и й . Но что мы ответим тем, которые упрекают нас, что мы употребляем в своих спорах двусмысленные понятия?

Ф и л о т е й . Мы ответим следующее: во-первых, в этом виноват и тот, который применяет понятие *мир* не в собственном смысле слова, воображая себе фантастическую телесную вселенную. Во-вторых, наши ответы будут правильны, все равно, будем ли мы употреблять понятие мир в смысле наших противников или же согласно истине.

---

[227] Вопрос о существовании других миров разбирается в сочинении Аристотеля «О небе» (кн. I, гл. 8-9). Небольшое сочинение «О мире», печатавшееся в старых латинских переводах вместе с сочинением «О небе», не принадлежит Аристотелю. В нем во множестве рассеяны мысли стоиков; оно, вероятно, вышло в I в. н. э. Бруно вместе со всеми своими современниками и средневековыми писателями считал, что это сочинение принадлежит Аристотелю.

Ибо там, где они предполагают точки последней окружности этого мира, центром которого является наша Земля, там мы можем предполагать точки других бесчисленных земель, которые находятся по ту сторону этой воображаемой окружности; ибо они там существуют в действительности, хотя и не в согласии с воображаемым представлением наших противников, которое, каково бы оно ни было, ничего не прибавляет и не отнимает от величины вселенной и числа миров.

Фракасторий. Вы говорите хорошо! Продолжайте дальше, Эльпин.

Эльпин. ««Всякое тело», — говорит он, — или движется или стоит на месте; это движение или покой есть, или естественное или насильственное. Далее, всякое тело к тому месту, где оно покоится по своей природе, а не вследствие насилия, движется по своей природе, а не вследствие насилия; и туда, куда оно не движется вследствие насилия, там оно покоится по своей природе; таким образом, все то, что насильственно движется вверх, по своей природе движется вниз и наоборот. Отсюда вытекает, что не может быть множества миров; ибо если Земля, которая находится вне этого мира, будет двигаться к центру этого мира насильственно, тогда Земля, которая находится в этом мире, будет двигаться к центру того мира естественно; а если ее движение от центра этого мира к центру того мира будет насильственно, то ее движение от центра того мира к центру этого мира будет естественно. Причина этого следующая: если существует множество земель, то необходимо признать, что сила одной подобна силе другой; точно так же сила того огня подобна силе этого огня. В противном случае части тех миров были бы подобны частям этого мира только по имени, но не по бытию; следовательно, тот мир не был бы подобен нашему миру, а имел бы с ним общим только название. Далее, все тела, которые имеют одну и ту же природу и принадлежат к одному и тому же виду, имеют одно и то же движение; ибо каждое тело естественно движется в каком-либо направлении. Если, следовательно, там существуют земли, подобные нашей и принадлежащие к тому же виду, что и наша, то они будут иметь то же самое движение, как и, наоборот, там, где существует то же самое движение, существуют и те же самые элементы. Но если дело обстоит так, то с необходимостью земля того мира будет двигаться к земле этого мира и огонь того мира к огню этого мира. Отсюда следует, затем, что земля не менее естественно движется вверх, чем вниз, и огонь не менее естественно вниз, чем вверх. Но поскольку это невозможно, постольку следует считать, что существует лишь одна Земля, один центр, одна середина, один горизонт, один мир».

Филотей. На это мы ответим, что, подобно тому, как в этом бесконечном пространстве вселенной наша Земля вращается в этой области и занимает свое место, так и другие звезды движутся по своим областям и занимают свои места в безмерном поле. И подобно тому как эта Земля состоит из своих членов, имеет свои изменения, свои приливы и отливы в своих частях (как мы это видим у животных, соки и части которых непрерывно меняются и движутся), так и другие звезды состоят из своих собственных, подобным же образом расположенных членов.

И подобно тому как эта Земля, если она движется согласно своему устройству, обладает круговым движением, движется вокруг своего собственного центра и вращается вокруг своего Солнца, точно так же и все эти остальные мировые тела обладают подобным же движением. И отдельные части их, которые случайно удаляются от своего места (поскольку они не являются главными частями или членами их), естественно возвращаются по своему собственному импульсу обратно, подобно тому как здесь части суши и воды, которые под влиянием солнца и земли удаляются в форме выделенных паров к верхним областям этого тела, возвращаются обратно, как только они получат свою собственную форму. Таким же образом части тех тел в не большей степени удаляются за пределы известной области, чем наши; это станет очевидно, если мы рассмотрим материю комет, не принадлежащих к нашему шару. Таким же образом и части одного животного, — я имею в виду главные и отдаленные, — хотя бы они относились к тому же виду, что и части другого животного, тем не менее, поскольку они принадлежат к различным индивидуумам, никогда не чувствуют склонности обменяться местами; так, например, моя рука никогда не будет подходить к твоему плечу, а твоя голова — к моему туловищу. На этом основании мы можем сказать, что существует подобие между всеми звездами, между всеми мирами и что наша Земля имеет такое же соотношение с другими землями.

Отсюда ни в коем случае не вытекает, что там, где существует этот мир, должны быть и другие миры и что они должны быть расположены в том же месте; но можно очень хорошо предполагать, что подобно тому как эта Земля существует в своем месте, так и все другие существуют в своих местах; и подобно тому как этой незачем двигаться к месту других, так и другим незачем двигаться к месту этой; подобно тому как эта отличается по своей материи и другим индивидуальным свойствам от других, так и другие отличаются от этой. Точно так же и части этого огня движутся к этому огню, как части того огня к тому огню, а части этой земли движутся к этой всей земле, как части той земли к той всей земле. Подобным же образом части земли и воды, находящиеся на Луне, двигались бы против своей природы и насильственно к нашей Земле, как и, наоборот, части нашей Земли к Луне. Та земля естественно движется по своему пути и остается в своей области там, наша естественно остается в своей области здесь; части той земли относятся к той земле, как наши к нашей; так же обстоит дело и с частями воды и огня. «Низ», нижнее место этой земли не является какой-либо точкой эфирной области, находящейся вне земли (как это бывает с частями, находящимися вне своей собственной сферы, если это бывает), а находится в центре своей собственной массы, или округленности, или тяжести. Таким образом, «низ» этой Земли не является каким-либо местом вне ее, но он ее собственная середина, ее собственный центр. «Верх» для этой Земли есть все то, что находится на ее окружности и за пределами этой окружности; поэтому части той земли так же насильственно удаляются за пределы ее окружности и естественно стремятся к ее центру, как и части этой земли насильственно от нее удаляются и естественно стремятся к своему собственному центру. Вот каким образом надо понимать истинное подобие между этой и другими землями.

Эльпин. Вы говорите прекрасно; ибо подобно тому как негоже и невозможно, чтобы какое-либо из этих живых существ, вместо того чтобы сохранить свое индивидуальное существование в собственном месте и в своих обстоятельствах, двигалось и пребывало в том месте, где находится другое, точно так же невозможно, чтобы части Земли стремились и двигались к месту, где находятся части другой земли.

Филотей. Это, конечно, относится только к тем частям, которые являются действительно частями; ибо что касается первых неделимых тел, из которых первоначально целое составлено, то надо полагать, что они претерпевают изменения в безмерном пространстве, вследствие которых они вытекают из одного места и притекают в другое место. И если они вследствие божественного провидения в действительности не образуют новых тел и не разлагают старых, то все же они обладают этой способностью. Ибо на самом деле мировые тела способны разлагаться[228]; но они могут оставаться вечно теми же самыми вследствие внутренних сил или вследствие внешних обстоятельств, ввиду того что атомы притекают к ним в таком же количестве, в каком они из них вытекают; таким образом, они остаются постоянно в том же самом количестве, подобно тому как и мы сохраняем свою телесную форму, хотя мы и возобновляем в каждый момент, час и день разные части нашего тела, поглощая и переваривая разные вещества.

Эльпин. Об этом мы будем говорить в другой раз. Но теперь я вполне понимаю, что подобно тому как всякая другая земля должна была бы насильственно двигаться к этой Земле для того, чтобы достигнуть ее места, так и наша Земля лишь насильственно могла бы двигаться к одной из тех земель. Ибо подобно тому как от каждой части нашей Земли можно двигаться вверх, к ее окружности или к гемисферическому горизонту эфира, так и от каждой части поверхности другой земли можно двигаться вверх к нашей, ибо наша Земля находится в окружности той земли, как и та земля — в окружности нашей. Я признаю, что хотя те земли имеют ту же природу, что и наша, тем не менее отсюда не следует, что они фактически относятся к тому же самому центру; ибо центр той земли не является центром нашей и окружность той земли не является окружностью нашей, подобно тому как моя душа не является вашей, тяжесть моих частей тела не является тяжестью ваших частей тела, хотя все эти тела, тяжести и души имеют то же самое название и принадлежат к тому же самому виду.

---

[228] Бруно считал, что мировые тела способны разлагаться, но не разлагаются в действительности (ср. примеч. 199).

Филотей. Хорошо. Но если бы части той земли приблизились к этой Земле, то возможно, что они получили бы импульс к этой Земле; то же произошло бы с частями этой Земли, если бы они приблизились к той; обычно, однако, мы не наблюдаем подобного явления в животных и в различных индивидуумах, принадлежащих к тому же самому виду, за исключением того случая, когда одно из них питается другим и увеличивается за счет другого и когда одно превращается в другое.

Эльпин. Это хорошо. Но что ты скажешь, если вся та сфера приблизится к нашей столь близко, что от нее станут удаляться те ее части, которые имеют склонность возвращаться обратно к ее составу?

Филотей. Если мы примем, что значительные части земли удалятся за пределы той окружности ее, вокруг которой, как говорят, находится чистый и прозрачный воздух, то я охотно соглашусь, что они могут естественно вернуться к своему месту; но они не могут вступить целиком в любую сферу, точно так же как и части другой сферы не могут естественным образом спускаться, а лишь насильственно подыматься; точно так же и части нашей Земли не могут естественным образом спускаться к той земле, а лишь насильственно подыматься от нашей. Ибо для всех мировых тел нахождение вне их окружности есть «верх», а их внутренний центр есть «низ», и понятие центра, к которому естественным образом стремятся их части, определяется не внешним пунктом, а внутренним. Этого не поняли те, которые воображают некоторый предел вселенной и, неправильно ее определяя, считают, что центры мира и нашей Земли совпадают. Знаменитые математики нашего времени показали противоположное: они нашли, что центр Земли не отстоит одинаково далеко от воображаемой окружности мира. Другие, еще более мудрые ученые, признав движение Земли, нашли, не только благодаря разумным доводам своей науки, но также и вследствие известного естественного основания, что Земля столь же удалена от центра, как и Солнце, по крайней мере от центра мира и вселенной, которые мы видим нашими глазами. Это воззрение более разумно, связано с меньшими затруднениями и образует теорию, которая в большей степени согласна с фактором регулярного движения блуждающих тел вокруг центра[229]. Таким образом, исходя из их собственных принципов, можно было бы легко открыть мало-помалу неправильность утверждений о тяжести нашей Земли, различии этого места от других, одинаковой отдаленности бесчисленных миров, которые мы видим за пределами так называемых планет, и о том, что все мировые тела движутся в высшей степени быстро вокруг одного, но это одно не вращается по отношению к ним всем; во всяком случае, значительные трудности, которые вытекают из предпосылок вульгарной философии, должны были бы сделать подозрительным это мировоззрение для его сторонников. Возвращаясь к нашему исходному положению, повторяю, что ни целое, ни часть целого не движутся к центру другого целого, хотя бы одна звезда приблизилась к другой столь близко, что поверхности или точки их окружности касались бы между собою.

Эльпин. Заботливая природа позаботилась о противоположном, так как, случись это, одно тело разрушило бы другое, холодное и влажное уничтожились бы теплым и сухим, в то время как при правильном распределении их расстояний одно живет и питается другим. Кроме того, подобное тело мешало бы другому подобному получать от него соответствующее полезное действие, которое несходное дает и получает от несходного; мы не раз говорили, что промежуточное положение другой земли, называемой Луной, между нашей Землей и Солнцем угрожает нам немалою опасностью. Но что же было бы, если бы Луна была еще ближе к Земле и могла бы нас лишать тепла и жизненного света на еще более продолжительный срок?

Филотей. Вы говорите хорошо. Продолжайте дальше относительно Аристотеля.

Эльпин. Аристотель приводит дальше мнимое возражение противников, которое гласит, что отдаленные тела не могут двигаться друг к другу, ибо поскольку они удалены друг от друга, постольку они получают другую природу. Против этого он возражает, что большее или меньшее расстояние не может менять природу тел.

Филотей. Это, если понимать, как следует, вполне правильно. Но мы отвечаем другим образом и приводим другие соображения, почему одна земля не может двигаться к другой, как бы она ни была близка к ней или далека от нее.

---

[229] Под *блуждающими телами* подразумеваются планеты.

Эльпин. Я это понял. Но мне кажется, однако, правильным то, что, по-видимому, утверждали древние, говоря, что тело становится менее деятельным вследствие увеличения расстояния (они это называли на своем языке обычно свойством или природой тела); ибо части должны преодолевать большее сопротивление воздуха и поэтому менее способны преодолевать окружающую их среду и спускаться вниз.

Филотей. Конечно, наблюдения подтверждают это относительно частей нашей Земли, ибо последние, отдалившись на известное расстояние, стремятся обратно к своему составу; и чем больше они к нему приближаются, тем с большей скоростью они движутся. Но мы говорим теперь о частях другой земли.

Эльпин. Но, поскольку эти земли и части их подобны друг другу, что случилось бы, если бы они стали еще ближе? Не будут ли привлечены их внешние части с одинаковой силой той и другой землей и не начнут ли они вследствие этого подыматься или опускаться?

Филотей. Из неправильных предпосылок вытекает неправильное следствие. Но, не говоря об этом, я утверждаю, что части, находящиеся на одинаковом расстоянии от различных земель, или остаются в покое, или решаются приблизиться к одному месту, по отношению к которому можно сказать, что они спускаются, в то время как по отношению к другому они подымаются.

Эльпин. Но каким образом части одного основного тела будут двигаться к частям другого основного тела, если они одинаковы по виду? Ведь мы видим, что части и члены одного человека не могут прибавляться и прикрепляться к частям другого человека.

Филотей. В основном и первичном смысле это верно, но в производном и вторичном смысле часто бывает противоположное. Ибо мы сами видели, что мясо одного человека было прикреплено к тому месту, где был нос другого. Я убежден, что и ухо одного человека можно легко прикрепить к тому месту, где было ухо другого.

Эльпин. Такого рода хирургическая операция производится, наверное, не часто.

Филотей. Конечно.

Эльпин. Я возвращаюсь к предмету нашего исследования. Если бы камень был подвешен в воздухе на одинаковом расстоянии от двух земель, то что бы с ним случилось? Оставался бы он на месте или же скорее решился бы двинуться к одному из двух тел?

Филотей. Я говорю: если бы камень находился на одинаковом расстоянии от обоих тел, и они относились бы к нему одинаково и были бы в отношении к нему одинаково расположены, то решение оставалось бы сомнительным; равновесие обеих сил было бы причиной того, что он оставался бы на месте и не мог бы решиться двинуться скорее к одному, чем к другому, и он не испытывал бы большего стремления к одному, чем к другому. Но если одно тело имеет более родственную природу с этим камнем и более соответствует его стремлению к самосохранению, то он решится спуститься к нему кратчайшим путем. Ибо основным мотивом является не собственная сфера и не собственный состав, а стремление к самосохранению; так, мы видим, что пламя стелется по земле, склоняется вниз и подбирается к соседнему месту, где оно может получить питание, но потом оно подымается вверх, к солнцу, к которому не могло бы подняться, если бы не согрелось по дороге.

Эльпин. Но что ты скажешь относительно добавления Аристотеля, что части и родственные тела, как бы далеко они ни отстояли друг от друга, все же стремятся к своему целому и подобному?

Филотей. Кто не видит, что это противоречит всякому разуму и опыту? Это ясно из того, что нами недавно сказано. Конечно, части, находящиеся за пределами своего собственного шара, движутся к подобным им веществам, хотя бы они не находились с ними в первоначальной и основной связи; они движутся также и к другим, которые отличаются от них по виду, лишь бы они способствовали их сохранению и питали их. Ибо внутренний основной импульс происходит не от отношений, которые тело имеет к определенному месту, определенной точке и своей сфере, но от естественного импульса искать то место, где оно может лучше и легче сохранить себя и поддержать свое настоящее существование; ибо к этому одному стремятся все естественные вещи, каким бы неблагородным ни было это стремление. Так, мы видим, что больше всего стремятся жить и боятся умереть те люди, которые не обладают светом истинной философии, не знают иного бытия, кроме настоящего, и думают, что за этой жизнью не может следовать иная, которая бы к ним относилась.

Ибо они не дошли до понимания того, что жизненный принцип не состоит в акциденциях[230], являющихся результатом состава тел, но что он является неделимой и неразложимой субстанцией, которой (если она не терпит расстройства) не подобает ни стремление к самосохранению, ни страх гибели; такого рода стремление подобает лишь составным телам как таковым, т.е. поскольку их состав обусловлен известной симметрией, строением и акциденциями. Ибо ни духовная субстанция, которую считают объединяющей, ни материальная субстанция, которую считают объединяемой, не могут претерпеть какие-либо изменения или страдания и, следовательно, не стремятся к самосохранению; поэтому таким субстанциям не соответствует какое-либо движение; оно соответствует только сложным субстанциям. Вы согласитесь с этим, если поймете, что тяжесть или легкость не относятся к мирам или к частям их, ибо эти различия являются не естественными, а только производными и относительными. Далее, из изложенного нами выше, а именно — что вселенная не имеет предела и края, но безмерна и бесконечна, вытекает, что основные тела по отношению к какой-либо середине или краю не могут двигаться прямолинейно, ибо они находятся в одном и том же отношении ко всем краям, находящимся вне их окружности; поэтому прямолинейным движением обладают лишь их собственные части, но не по отношению к какой-либо другой середине или центру, а по отношению к их собственному содержанию, составу и совершенству; но об этом я буду говорить в свое время и в своем месте.

Возвращаясь к нашему спорному положению, я утверждаю: Аристотель, исходя из своих собственных положений, не может доказать, что всякое тело, как бы оно ни было отдалено, имеет склонность вернуться обратно к своему составу или подобному веществу. Так, он думает, что кометы состоят из телесной материи, которая в форме испарений подымается вверх[231] и достигает зажигающей области огня; там ее части теряют свою способность спуститься к Земле и, будучи подхвачены силою первого движимого, движутся вокруг Земли, хотя они и не состоят из пятой сущности, но являются земными телами, в высшей степени тяжелыми, плотными и густыми. Это видно из того, что кометы появляются после долгих промежутков и оказывают длительное сопротивление крепкому и сильному жару огня, так что они горят часто больше одного месяца; так, в наши дни видна была комета в течение 45 дней[232]. Но если бы расстояние не уничтожало силы тяжести, то вследствие какой причины такое тело не только не падает вниз и не стоит на месте, но даже вращается вокруг Земли? Если он скажет, что оно кружится не само по себе, но потому, что оно подхвачено первым движимым, то я возражу на это, что в таком случае и каждое из его небес и звезд (которые, согласно ему, не тяжелы, не легки и не состоят из какой-либо подобной материи) также подхватывается первым движимым. Я не говорю уже о том, что именно кометы, как кажется, обладают собственным движением, которое не соответствует ни ежедневному движению Земли, ни движению других звезд.

Эти доводы являются наилучшими для того, чтобы опровергнуть Аристотеля, исходя из его собственных принципов. Мы не будем говорить сейчас об истинной природе комет; об этом будем говорить в другом месте, где докажем, что подобного рода вспышки не происходят в сфере огня, ибо в таком случае кометы должны были бы вспыхнуть со всех сторон, так как они находились бы во вспыхнувшем воздухе, как говорят некоторые, или в сфере огня, всей своей окружностью и всей поверхностью своей массы; но мы видим, что они вспыхивают лишь, с одной стороны.

---

[230] Бруно считал, что жизнь не является «случайным событием», т.е., как гилозоист, считал жизнь присущей всей материи.

[231] Согласно взглядам Аристотеля кометы и метеоры, подобно тучам, имеют атмосферическое происхождение, а не являются космическими телами. Это мнение господствовало в течение двух тысячелетий, и даже в начале XIX в. Французская академия наук оспаривала космическое происхождение метеоров. Бруно, подобно Кеплеру, признавал космическое происхождение комет и метеоров.

[232] Бруно, вероятно, имел в виду комету, открытую Тихо Браге в 1582 г.

Отсюда мы можем заключить, что так называемые кометы являются видами звезд, как это утверждали и понимали древние[233]; будучи такого рода звездой, комета вследствие своего собственного движения приближается к нам и отдаляется от нас, и, по мере того как она приближается, нам кажется, что она растет и как бы вспыхивает, по мере же того как она отдаляется, нам кажется, что она уменьшается и как бы гаснет. Подобного рода комета не движется вокруг Земли, но обладает своим собственным движением, которое не имеет отношения к ежедневному движению Земли, в силу поворота которой все эти светила, находящиеся за пределами земной окружности, восходят на востоке и заходят на западе. Невозможно, чтобы земное и столь большое тело могло быть подхвачено и удержано жидким воздухом и тонким эфиром, который не оказывает никакого сопротивления; это противоречило бы природе кометы; кроме того, движение кометы, если бы оно зависело только от первого движимого, подхватывающего комету, не было бы похожим на движение планет; а между тем движение комет в такой степени похоже на движение планет, что их считают имеющими иногда природу Меркурия, иногда Луны или Сатурна или же других планет. Но об этом мы будем говорить подробнее в своем месте. Но и сказанного достаточно, чтобы опровергнуть следующий аргумент Аристотеля. Он утверждает, что от большего или меньшего расстояния какого-либо тела нельзя заключать о большей или меньшей способности его к движению, которое он называет собственным или естественным движением тел. Но это не соответствует истине; нельзя утверждать, что собственное или естественное движение тела состоит в такой способности, которая ему не соответствует. Поэтому если части какого-либо тела, находясь за пределами известного расстояния от него, никогда не движутся к нему обратно, то нельзя утверждать, что для них было бы естественно подобного рода движение.

Эльпин. Кто над этим подумает, тот увидит, что все принципы Аристотеля противоречат истинным принципам природы. После этого он приводит следующее возражение: «Если движение простого тела естественно для него, то все простые тела, находящиеся в разных мирах и принадлежащие к одному и тому же виду, будут двигаться к одному и тому же центру или к одному и тому же краю».

Филотей. Вот этого ему никогда не удастся доказать, а именно будто бы все они должны двигаться к одному и тому же особенному и индивидуальному месту. Ибо из того, что тела принадлежат к одному и тому же виду, можно выводить лишь то, что они стремятся к месту того же самого вида и к центру того же самого вида, который является их собственным центром; но нельзя и не нужно отсюда выводить, что они стремятся к одному и тому же месту по числу.

Эльпин. Он как будто сам предчувствовал возможность этого ответа и поэтому изо всех сил стремится доказать, хотя и тщетно, что численное отличие не может быть причиной отличия мест.

Филотей. Вообще мы наблюдаем противоположное. Но скажите, каким образом он это доказывает?

Эльпин. Он говорит: если бы численное отличие тел было причиною различия мест, то каждая из частей этой земли, различных по числу и по тяжести, должна была бы стремиться в том же самом мире к своему собственному центру. Но это невозможно и не соответствует порядку природы, так как в таком случае Земля имела бы столько же центров, сколько существует индивидуумов и частей ее.

Филотей. Но посмотрите, что это за жалкое доказательство! Посмотрите, могут ли они вас хотя бы на йоту сдвинуть с противоположной позиции или, наоборот, они вас лишь укрепят в ней! Кто сомневается в том, что нельзя принять одного центра для всей массы, для всего тела и организма, к которому относятся все части, благодаря которому они объединяются и который служит их основанием; положительно возможны бесчисленные центры, соответственно бесчисленному множеству частей, в каждой из которых мы можем искать, получить или предполагать свой центр?

---

[233] В противоположность Аристотелю Сенека, например, считал, что коме ты не являются внезапно возникшим пламенем, а скорее постоянным созданием природы; если бы комета была пламенем, то она должна была бы менять свою форму.

Так, в человеке мы имеем один общий центр, который называется сердцем; кроме того, мы имеем множество других центров, согласно множеству частей, из которых сердце имеет свой центр, легкие — свой, печень — свой, голова, рука, нога, каждая кость, каждая вена, каждый орган и каждая частичка, составляющие различные органы и занимающие различные и определенные места, имеют свои центры как внутри целого организма, так и по отношению к отдельному члену его.

Эльпин. Обратите внимание, что его можно понять и таким образом, что он не хочет утверждать просто, будто каждая часть имеет свой центр, но что каждая часть имеет центр, к которому она движется.

Филотей. В конечном счете это сводится к одному и тому же; ибо не требуется, чтобы все части животного стремились к одному и тому же центру, — это невозможно и несообразно, — но лишь то, чтобы они соотносились с ним посредством единства частей и организации целого. Ибо жизнь и связь делимых частей состоят не в чем ином, как в надлежащем объединении частей, и последние всегда относятся к одному конечному пределу, который можно считать их серединой или центром. Части благодаря организации целого относятся к одному центру; благодаря же организации отдельного члена частички его относятся к своему частному центру; так, например, печень в такой же степени состоит из объединения своих частей, как легкие, голова, ухо, глаз и другие органы состоят из своих частей. Вот почему существование многих центров, согласно многим частям и частичкам частей, если тебе угодно, не только не представляет ничего несообразного, но вполне соответствует природе, ибо каждая из этих частей существует и организована благодаря существованию и организации других частей. Но, право, не стоит так долго заниматься таким пустым вздором, какой приводит этот философ.

Эльпин. Приходится им заниматься ввиду той репутации, которую он приобрел, правда, не столько благодаря тому, что его поняли, сколько благодаря тому, что его не поняли. Но, пожалуйста, посмотрите, как этот прекрасный человек доволен своей жалкой аргументацией! Посмотрите, с каким триумфом он заключает следующими словами: «Если, следовательно, противник не может противоречить этим речам и доводам, то отсюда с необходимостью вытекает, что есть только один центр и один горизонт».

Филотей. Прекрасно сказано, продолжайте дальше.

Эльпин. После этого он доказывает, что простые движения конечны и определены, ибо на этом было основано его утверждение, что есть только один мир и что простые движения имеют свое особое место. Он говорит: «Все движущееся движется от одного известного предела к другому известному пределу; и всегда бывает видовое отличие между пределом, откуда начинается всякое изменение, и пределом, где оно кончается, так как всякое изменение конечно; таковы болезнь и здоровье, малое и большое, туда и сюда; ибо то, что выздоравливает, стремится не куда угодно, а к здоровью. Земля, следовательно, и огонь не могут двигаться до бесконечности, но лишь к определенным пределам, отличным от тех мест, от которых они движутся; ибо движение вверх не есть движение вниз, а оба эти места образуют границы движений. Следовательно, прямолинейное движение определено. Не менее определено и круговое движение; ибо и оно движется от определенного предела к определенному пределу, от противоположного к противоположному, если будем рассматривать различие движения, заключающееся в диаметре окружности; ибо в движении всей окружности нет противоположности (поскольку оно заканчивается в той же точке, где начинается), но противоположность заключается в частях движения, поскольку оно совершается от одного конца диаметра к другому, противоположному ему».

Филотей. Нет никого, кто бы оспаривал или сомневался, что движение определено и конечно, согласно этим основаниям; но неверно то, что оно просто определено как движение кверху или книзу, как мы это уже говорили и доказывали несколько раз. Ибо всякая вещь движется безразлично туда или сюда, к месту своего самосохранения. Кладя в основу даже принципы Аристотеля и другие подобные, мы скажем: если бы ниже Земли было другое тело, то части Земли оставались бы там насильственно, а затем по своей природе подымались бы оттуда вверх. И Аристотель не будет отрицать, что если бы некоторые части огня находились над его собственной сферой, например, там, где, по его гипотезе, находится небо или купол Меркурия, то они по своей природе спускались бы вниз.

Вы видите, следовательно, насколько естественно определяются верх и низ, тяжесть и легкость, после того как вы убедились, что все тела, где бы они ни были и куда бы они ни двигались, стремятся по возможности к месту своего самосохранения, где и остаются. Однако хотя и верно, что всякая вещь движется к своей середине, от своего предела и к своему пределу и что всякое движение, прямолинейное или круговое, определено от противоположного к противоположному, отсюда все же не следует, что вселенная конечна по своей величине или что мир один; его бесконечность не нарушается простым движением всякого частного акта, в силу которого этот дух, как мы его назовем, входящий в этот состав, объединяет и оживляет его, может бесконечно переходить от одного тела к другому. Вполне возможно, следовательно, что всякое движение конечно (говоря о настоящем движении, но не в абсолютном и в простом смысле слова, о движении всех частей и в целом), но что миров бесконечное множество, причем каждый из этих бесчисленных миров конечен и имеет конечную область, каждый из них имеет определенные пределы как для своего движения, так и для движения своих частей.

Эльпин. Вы говорите хорошо. Ваши рассуждения не доставляют никаких затруднений для нас и ни в каком смысле не благоприятны для Аристотеля. Это доказывает он сам, говоря: «Что движение не может быть бесконечным, видно из того, что земля и огонь, чем больше они приближаются к своим сферам, тем скорее они движутся; поэтому если бы движение было бесконечным, то быстрота, легкость и тяжесть стали бы бесконечными».

Филотей. Вот тебе на!

Фракасторий. Да. Но мне это кажется проделками фокусника; ибо атомы имеют бесконечное движение, занимая последовательно различные места в различное время, притекая к одному месту и вытекая из другого, присоединяясь к тому или другому составу, образуя различные конфигурации в безмерном пространстве вселенной, и таким образом совершают бесконечное местное движение, пробегают бесконечное пространство и претерпевают бесконечные изменения. Но из этого не следует, что они приобретают бесконечную тяжесть, легкость или скорость.

Филотей. Не будем говорить о движении первых частей и элементов, а будем рассматривать движение только тех частей, которые принадлежат к определенному виду бытия, т.е. к субстанции, например, частей земли как земли. О них можно действительно сказать, что в тех мирах, в которых они существуют, в тех областях, в которых они вращаются, и в той форме, которую они имеют, они движутся от определенного предела к определенному пределу. Но заключение, что вселенная конечна, а мир один, вытекает отсюда с такой же необходимостью, с какою вытекают предложения вроде следующих: следовательно, обезьяны рождаются без хвоста, совы видят ночью без очков, летучие мыши прядут шерсть. Затем, когда мы говорим об этих частях, то нельзя делать и такое заключение: вселенная бесконечна, и существует бесконечное множество земель, следовательно, часть земли может двигаться бесконечно и должна иметь к бесконечно отдаленной земле бесконечный импульс и обладать бесконечной тяжестью. Такое заключение нельзя делать по двум причинам. Во-первых, так как вселенная состоит из противоположных тел и принципов, то такого перехода не может быть — такая часть не сумеет далеко пробежать через эфирную область, потому что вскоре она будет побеждена противоположностью и потеряет способность дальнейшего движения; такая субстанция не будет больше землей, ибо, будучи побеждена противоположностью, она изменит свой состав и облик. Во-вторых, мы видим вообще, что при бесконечном расстоянии тело не может быть стимулом к тяжести или легкости; как говорят, части не могут получить такого импульса, если они не находятся внутри области, принадлежащей к их собственному составу; если же они окажутся вне этой области, то они не будут больше двигаться, подобно тому как жидкие соки (которые в животном организме движутся от внешних частей к внутренним, от верхних к нижним, подымаясь и опускаясь и передвигаясь от одной части к другой), находящиеся за пределами своего собственного состава, теряют свои силы и естественный импульс, как бы близко они ни были расположены к нему.

Такое отношение имеет силу лишь в пределах того пространства, которое измеряется радиусом, проведенным от центра этой частной области к ее окружности; около ее окружности тяжесть тела будет наименьшая, а около центра наибольшая; в промежутках, в зависимости от разных степеней близости к центру или окружности, тяжесть будет больше или меньше. Я это разъясню следующим образом: пусть А обозначает центр той области, где, согласно обычному словоупотреблению, камень не будет ни тяжелым и ни легким; пусть В обозначает окружность той области, где он точно так же не будет ни тяжел и ни легок, а останется в покое (отсюда мы видим совпадение максимума и минимума, как это было доказано в конце книги «О причине, начале и едином»)[234]. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 обозначают различные промежуточные области:

В 9 не тяжелое, не легкое
8 наименее тяжелое, легчайшее
7 тяжелое в не столь малой степени, легкое в не столь большой степени
6 менее тяжелое, более легкое
5 тяжелое, легкое
4 более тяжелое, менее легкое
3 значительно более тяжелое, значительно менее легкое
2 самое тяжелое, легкое в наименьшей степени
А 1 не тяжелое, не легкое

Отсюда вы видите, сколь многого недостает для того, чтобы одна земля с необходимостью двигалась к другой, — даже части земли, находящиеся за пределами собственной окружности, не имеют такого импульса.

Э л ь п и н. Вы считаете, следовательно, что эта окружность определена?

Ф и л о т е й. Да, поскольку вопрос идет о наибольшей тяжести, которая может быть в наибольшей части или, если тебе угодно (ибо весь шар не тяжел и не легок), во всей Земле. Но что касается промежуточных различий тяжести и легкости, то я скажу, что они могут иметь столько же различных ступеней, сколь различны веса различных частей, находящихся между наиболее тяжелым и наименее тяжелым.

Э л ь п и н. Значит, эту лестницу надо принимать в особом смысле?

Ф и л о т е й. Каждый обладающий рассудком может сам понять, в каком смысле ее надо принимать. В общем сказано достаточно по поводу приведенных доводов Аристотеля. Теперь посмотрим, приведет ли он еще какие-либо другие, кроме разобранных выше.

Э л ь п и н. Позвольте этот вопрос обсудить в другой день, ибо меня ждет Альбертин, который хочет прийти к вам сюда завтра. Я думаю, он сумеет привести все наиболее смелые доводы в пользу противоположного мнения, так как он основательно изучил господствующую философию.

Ф и л о т е й. Как вам угодно.

Конец четвертого диалога

[234] *О причине, начале и едином* (с. 138-141 настоящего издания).

Диалог пятый

Альбертин[235]
(новый собеседник)

А л ь б е р т и н . Я хотел бы знать, какой призрак, какое неслыханное чудовище, какой ненормальный человек, какой необычайный ум вновь преподнес миру эти открытия, или, может быть, он принес для обновления уже отжившие старые вещи, срезанные корни которых должны дать в нашу эпоху новые ростки?

Э л ь п и н . Да, это срезанные корни, которые вновь произрастают, это старые вещи, которые снова возвращаются, это скрытые истины, которые вновь раскрываются, это новый свет, который после долгой ночи вновь восходит на горизонте нашего познания и мало-помалу приближается к меридиану нашего интеллекта.

А л ь б е р т и н . Если бы я не знал Эльпина, то я знал бы, что ему ответить.

Э л ь п и н . Говорите все, что вам угодно. Если вы обладаете такими же способностями, как я, то вы должны быть с ним согласны, так же как и я. Но если ваши способности лучше моих, то я уверен, что вы с ним согласитесь еще скорее и охотнее, чем я. Что же касается тех, для которых обыкновенная наука и вульгарная философия трудны и которые являются еще учениками и притом мало разбирающимися в философии (хотя они таковыми себя обычно не считают), то их трудно привлечь на нашу сторону, ибо они находятся под властью всеобщей веры и прославленных авторов, труды которых попали им в руки. Репутация толкователей и комментаторов этих авторов ставится ими также очень высоко.

Наоборот, те, для которых названная философия ясна, которые достигли того, что они больше не тратят остатка своей жизни для понимания того, что сказал другой, а имеют собственный разум и пользуются глазами своего собственного активного духа[236], для того чтобы проникнуть во все потайные углы и рассмотреть ее, обнаженную всеохватывающими глазами Аргуса, через тысячу дверей, — эти люди способны, приблизившись вплотную к предмету, проводить различие между тем, что составляет предмет веры и считается истинным только потому, что человек смотрит издали и следует силе привычки и ходячему мнению, и между тем, что истинно и признается достоверным вследствие его соответствия истинной сущности вещей. Едва ли, думаю я, эта философия может быть одобрена теми, кто не одарен природным умом и кто, по крайней мере, не получил хотя бы посредственного образования в различных отраслях науки и таким образом не способен пользоваться интеллектуальной рефлексией, позволяющей устанавливать различие между тем, что основано на вере, и тем, что установлено на основе очевидности истинных принципов, ибо некоторые предметы обычно основываются на таких принципах, которые, если их хорошо разобрать, приводят к невозможным и противоречащим природе выводам.

Оставим эти грязные и продажные головы, которые мало заботятся или совсем не заботятся об истине и довольствуются знанием того, что считается общепринятым, которые меньше всего являются друзьями подлинной науки, но жаждут славы и хорошей репутации, которые стремятся казаться учеными, но не быть таковыми. Очень плохо, говорю я, сделает свой выбор среди различных мнений и иногда противоречивых утверждений тот, кто не может составить себе твердое и правильное суждение относительно их.

---

[235] Относительно того, какое историческое лицо выведено под именем *Альбертина,* мнения расходятся. Вполне возможно, что это *Альберико Джентиле* — итальянский ученый, профессор юриспруденции в Оксфорде. Джентиле, автор книги «О праве войны», является предшественником Гуго Гроция и одним из основателей буржуазной теории международного права. Он был поклонником Томаса Мора и написал продолжение «Утопии» последнего. Считался превосходным знатоком Аристотеля. По настоянию Джентиле Бруно читал в Виттенберге лекции о логических сочинениях Аристотеля. Бруно познакомился с Джентиле еще в Англии; возможно, что в его лице он хотел показать просвещенного собеседника, который пытается отстаивать взгляды Аристотеля, но, убедившись в несостоятельности старой теории, пере ходит на сторону нового учения. В этом смысле Альбертин — противоположность Буркия, ограниченного педанта, разражающегося ругательствами в адрес представителей нового учения.

[236] Здесь имеется в виду учение Аристотеля об активном разуме.

И очень трудно иметь какое-либо суждение тому, кто не в состоянии сравнить между собой это и то, одно и другое. А сделать сравнение между различными вещами будет стоить громадного труда тому, кто не в состоянии установить различие, которое существует между одним и другим. Но различие довольно трудно понять и установить до тех пор, пока бытие и сущность каждой вещи скрыты. Бытие же и сущность не могут быть выявлены до тех пор, пока не вскрыты причины и начала, составляющие их основу. И только тогда, когда вы посмотрите очами разума и оцените правильным мышлением основы, принципы и причины, на которых базируются различные и противоположные философии, вы увидите, какова природа, сущность и особенность каждой из них; только взвесив их на весах разума, вы сможете установить, каково различие между одной и другой, сравнить, насколько истинна та или другая, и без колебаний сделать выбор и примкнуть к истинной философии.

Альбертин. Вести борьбу с нелепыми и глупыми воззрениями — это дело пустых и глупых людей, сказал князь философов Аристотель.

Эльпин. Хорошо сказано. Но если вы внимательно посмотрите, то увидите, что это мнение и совет могут быть применены также к его собственным воззрениям, которые оказываются глупыми и пустыми. Кто хочет правильно рассуждать, должен, как я сказал, уметь освободиться от привычки принимать все на веру, должен считать равно возможными противоречивые мнения и отказаться как от тех предубеждений, которые он впитал со дня рождения, так и от тех, которые он воспринял вследствие взаимного общения или же которые возрождаются при посредстве философии, — одним словом, он должен умереть для толпы и для тех ученых, которые считаются мудрыми большинством какой-либо эпохи. Я этим хочу сказать, что, для того чтобы вынести правильное суждение относительно споров ученых двух эпох, которые высоко чтятся большинством народа своего времени, следует вспомнить то, что сам Аристотель сказал, а именно: если мы не всесторонне рассматриваем вопрос, то нередко может случиться, что мы легкомысленно судим, а с другой стороны, сила привычки может укоренить в нашем сознании предубеждение, которое приведет к тому, что мы признаем необходимым то, что невозможно, и, наоборот, найдем невозможным то, что безусловно истинно и необходимо. И если это может иметь место относительно совершенно очевидных вещей, то что же мы должны сказать о таких проблемах, которые сами по себе сомнительны и зависят от того, насколько хороши и устойчивы лежащие в их основе принципы?

Альбертин. По мнению Аверроэса[237] и многих других комментаторов, нельзя знать ничего того, чего не знал Аристотель.

Эльпин. Аверроэс и его приверженцы имели, по-видимому, столь слабый разум и пребывали в столь глубокой темноте, что Аристотель казался им наиболее возвышенным и ясным умом. Поэтому, если бы этот философ и другие, делавшие аналогичные утверждения, хотели бы выразиться наиболее точно, то они должны были бы сказать, что Аристотель в их глазах — бог. Но этим самым они не столько возвеличили бы Аристотеля, сколько показали бы свое собственное ничтожество. Ибо их мнение имеет не больше ценности, чем мнение обезьяны, что ее дети — самые приятные создания на свете, а ее муж — самый красивый самец в мире.

Альбертин. «Мучаются родами горы...»[238]

Эльпин. Вы увидите, что родится не мышь.

Альбертин. Многие метали свои стрелы в Аристотеля и возводили против него укрепления; но их укрепления разрушены, их стрелы притупились, их луки сломались.

Эльпин. Возможно. Где одно ничтожество ведет войну с другими — одно из них может оказаться сильнее всех. Но от этого оно не перестает быть ничтожеством, и в конечном счете оно должно быть разоблачено и побеждено истиной.

Альбертин. Я утверждаю, что невозможно опровергнуть доводы Аристотеля.

Эльпин. Это слишком поспешное суждение.

---

[237] Об отношении Бруно к *Аверроэсу* см. примеч. 154 к диалогу «О причине, начале и едином».

[238] Изречение Горация, «мучаются родами горы, родится смешной мышонок» *{Гораций.* О поэтическом искусстве, 139) применяется в ироническом смысле к плохим поэтам, которые начинают весьма торжественно, но дают очень мало.

А л ь б е р т и н . Я это заявляю лишь после того, как очень основательно рассмотрел учение Аристотеля и достаточно в него углубился. Я не только не нашел ни одной ошибки, но, наоборот, убедился, что его учение полно божественной мудрости. Я уверен в том, что на всякого человека это учение должно произвести такое же впечатление, как на меня.

Э л ь п и н . Вы, следовательно, судите о желудках и мозгах других людей по аналогии с вашим желудком и мозгом, и то, что невозможно для вас, вы считаете невозможным и для других. На свете есть некоторые несчастные люди, которые помимо того, что они лишены всего хорошего, кроме того, по велению рока, сопровождаются еще в качестве вечных спутников эриниями и адскими фуриями, которые заставляют их добровольно набрасывать себе на глаза мрачное покрывало разъедающей зависти, для того чтобы они не видели своей собственной наготы, бедности и убожества и не заметили красоты, богатства и блаженства других; они скорее предпочитают гордо зачахнуть в грязной и надменной нужде и быть погребенными под мусором упрямого невежества, чем признать правоту нового учения и сознаться в своем прежнем невежестве.

А л ь б е р т и н . Итак, вы хотите, чтобы я, так сказать, стал учеником этого человека? Я, доктор, признанный многими академиями, читавший в качестве профессора публичные лекции в первых академиях мира, должен теперь отречься от Аристотеля и начать учиться философии у подобных субъектов!

Э л ь п и н . Что касается меня, то, будучи не доктором, а невеждой, я стремлюсь учиться. Не будучи тем, чем я должен был бы быть, а являясь тем, что я есть, я желал бы овладеть знаниями. Но я готов признать своим учителем не только этого человека, но и любого другого, которого боги для этого назначили, дав ему понимать то, чего я не понимаю.

А л ь б е р т и н . Итак, вы хотите сделать меня снова школьником?

Э л ь п и н . Наоборот, я хочу, чтобы вы были не школьником, а взрослым.

А л ь б е р т и н . Очень благодарен за ваше вежливое предложение содействовать моему продвижению вперед и привести меня в восторг от его ума, сделав меня слушателем этого беспокойного человека, который, как каждый знает, является противником общепризнанных доктрин, презираем в академиях, очень немногими хвалим, никем не признан и всеми преследуется.

Э л ь п и н . Всеми людьми преследуем — конечно, но что это за люди! Немногими хвалим — да, но лучшими и благороднейшими! Противник общепринятых доктрин, но не потому, что они доктрины, и не потому, что они всеми приняты, а потому, что они ложны. Академиями презираем — по той причине, что там, где есть расхождение во взглядах, там нет любви. Смутьян — ибо толпа ненавидит тех, кто от нее отделяется и над нею возвышается, и именно поэтому он является мишенью всеобщих нападок. Я вам лучше всего опишу состояние его ума, если скажу, что, поскольку речь идет о спекулятивных вопросах, он не столько стремится обучать, сколько обучаться, предпочитает узнавать новое и больше радуется, когда узнаёт, что вы хотите обучить его (ибо это дает ему надежду на успех его дела), чем если бы вы желали учиться у него; ибо он больше хочет учиться, чем учить, и чувствует себя более призванным к первому, чем ко второму. Да вот как раз идет и он сам вместе с Фракасторием.

А л ь б е р т и н . Добро пожаловать, Филотей.

Ф и л о т е й . Здравствуйте, в добрый час!

А л ь б е р т и н .

Я прежде жил в лесу и жвачки был ценитель,
Как лошадь, бык, баран, козел или осел.
Но, к лучшему стремясь, я к Вам сюда пришел,
Чтоб стать учеником у Вас, о мой учитель![239]

Ф р а к а с т о р и й . Добро пожаловать!

А л ь б е р т и н . До сих пор я считал вашу философскую позицию столь слабой, что полагал ниже своего достоинства даже выслушать ваши доводы, не то что возражать на них.

---

[239] Четверостишие из шуточного сонета неизвестного поэта.

Ф и л о т е й. Точно так же рассуждал я в первые годы, когда я занимался Аристотелем, но только до определенного момента. Теперь же, после того как я его лучше узнал и изучил и с более зрелым умом могу судить о предмете, возможно ли думать, что я растерял свои знания и свой разум? Однако, поскольку эта болезнь такова, что ее меньше всего чувствует сам больной, я, опасаясь, что перехожу от учености к незнанию, могу быть очень доволен, что нашел такого врача, который способен излечить меня от моей болезни.

А л ь б е р т и н.

Сама природа здесь и лекарь вместе с ней
Бессильны, коль болезнь проникла до костей[240].

Ф р а к а с т о р и й. Сделайте одолжение, синьор, пощупайте сначала его пульс и посмотрите его мочу, и если после того мы убедимся, что ничем не можем помочь, тогда составим консилиум.

А л ь б е р т и н. Наилучший способ проверить пульс — это посмотреть, как вы сможете справиться с теми отдельными аргументами, которые я вам приведу и из которых с необходимостью вытекает невозможность существования многих миров и их бесконечности.

Ф и л о т е й. Я буду вам немало обязан, если вы нам это докажете. Но если вам это не удастся, то я все же окажусь вашим должником за то, что вы тем самым будете содействовать укреплению моих собственных убеждений. Ибо я уверен, что благодаря вам я могу почувствовать всю силу противоположного мнения; поскольку вы сведущи в обычных науках, вы легко сможете мне показать значение ваших оснований и построений и в чем их отличие от наших принципов. Но, для того чтобы не прервать нити наших рассуждений и дать возможность каждому спокойно все объяснить, будьте любезны привести все доводы, которые вы считаете наиболее важными и основными и которые кажутся вам наиболее убедительными.

А л ь б е р т и н. Я готов это сделать[241]. Итак, во-первых, Аристотель доказал, что пространство и время немыслимы вне этого мира. Поэтому говорят, что на самом отдаленном расстоянии от нас имеется первое небо и первое тело, являющееся первым движимым; мы имеем обыкновение называть небом высший горизонт мира, где все вещи неподвижны, устойчивы и спокойны и где находятся движущие духи сфер. Если, следовательно, делить мир на небесные и элементарные тела, то последние надо считать ограниченными и объемлемыми, а первые — ограничивающими и объемлющими.

Строй вселенной таков, что, поднимаясь от более грубых тел к наиболее тонким, мы, выйдя за пределы огня, к которому прикреплены Солнце, Луна и другие звезды, достигаем пятой сущности. Но последняя не может быть бесконечной, ибо в таком случае невозможно было бы дойти до первого движимого, а первое движимое не могло бы действовать на другие элементы, как потому, что они были бы объемлющими, так и потому, что нетленное божественное тело в таком случае содержалось бы внутри тленных. А это является чем-то неподобающим, ибо божественной сущности приличествует форма и активность и, следовательно, способность быть объемлющей, охватывающей, ограничивающей, а не ограниченной, включенной и охватываемой материей.

---

[240] Стихи из «Неистового Роланда» Ариосто, песня 24.

[241] Аргументы, излагаемые Альбертином, были приведены Бруно и опровергнуты им в кн. VII его латинского сочинения «О безмерном и неисчислимом». Первый аргумент взят из сочинения Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 9; второй аргумент — из того же сочинения, кн. III, гл. 2, а также из «Метафизики» Аристотеля, кн. XII, гл. 8; третий аргумент — из сочинения Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 1 и 3; в книгах Аристотеля не имеется мест, соответствующих четвертому, пятому и шестому аргументам; седьмой аргумент Альбертина взят из сочинений Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 8. и «Метафизика», кн. XII, гл. 10; нет у Аристотеля также места, соответствующего восьмому аргументу; девятому и следующим трем аргументам не соответствуют какие-либо места в книгах Аристотеля, но можно предполагать, что они были выставлены некоторыми теологизирующими аристотеликами; тринадцатый аргумент приводится в сочинении Аристотеля «Физика», кн. III, гл. 6, и в его же сочинении «О небе», кн. I, гл. 1.

Вследствие этого я прихожу вместе с Аристотелем к следующему выводу: «Если вне этого неба имеется какое-либо тело, то оно либо простое, либо сложное; в том и другом случае я ставлю, далее, следующий вопрос: находится ли оно там на своем естественном месте или же оно попало туда случайно, насильственным путем? Мы можем доказать, что там не имеется простого тела, так как невозможно, чтобы сферическое тело переменило свое место; подобно тому как невозможно, чтобы оно переменило центр, точно так же невозможно, чтобы оно изменило положение; последнее может произойти только в результате внешнего принуждения, которое, однако, не может быть в нем ни активным, ни пассивным. Равным образом невозможно, чтобы вне неба было простое движущееся тело, имеющее прямолинейное движение. Будь оно тяжелым или легким телом, оно по своей природе не может быть там, принимая во внимание, что места этих простых тел отличаются от мест, находящихся вне мира. Но оно не может быть там и случайно, ибо тогда там должны были бы находиться другие тела, как в своих естественных местах. Но поскольку доказано, что нет других простых тел, кроме тех, которые входят в состав этого мира и которые движутся согласно трем видам местного движения, то из этого вытекает, что вне мира нет другого простого тела. Но если так, то невозможно также, чтобы там было какое-либо сложное тело, ибо таковое составляется из простых тел и на простые тела разлагается. Таким образом, совершенно очевидно, что не имеется многих миров, ибо небо единственно, совершенно и конечно и нет и не может быть другого неба, ему подобного. Отсюда вытекает, что вне этого тела не может быть ни пространства, ни полного, ни пустого, ни времени. Там не может быть пространства полного, ибо в таком случае оно должно было бы содержать либо простое тело, либо сложное; но мы уже сказали, что вне неба нет ни простого, ни сложного тела. Там не может быть пустоты, ибо согласно определению, которое гласит, что пустота есть пространство, в котором может находиться тело, там могли бы быть тела; между тем мы доказали, что вне неба не может быть тела. Там не может быть времени, ибо время есть число движения, движение же присуще только телу; но где нет тела, там нет движения, там нет ни числа, ни меры движения, а где нет последней, там нет и времени. А мы доказали, что вне мира нет тела, следовательно, нами также доказано, что там нет ни движения, ни времени. А если так, то там нет ни временного, ни подвижного и, следовательно, мир — один».

Во-вторых, из единства движущего начала главным образом выводится единство мира. Общепризнанно, что круговое движение есть действительно единое, однообразие без начала и конца. А если оно единое, то оно может быть лишь действием, проистекающим от единой причины. Но если есть только одно первое небо, под которым находятся и которому соподчинены все другие небеса, то необходимо, чтобы был единый правитель и двигатель. Этот последний, будучи нематериальным, не может быть численно умножен посредством материи. Но если двигатель один, и один двигатель может дать только одно движение, и одно движение (будь оно сложное или несложное) может быть присуще только одному подвижному телу — простому или сложному, — то отсюда вытекает, что подвижная вселенная — одна. Следовательно, нет больше миров.

В-третьих, преимущественно рассматривая места подвижных тел, мы приходим к заключению, что мир — один. Имеются три вида подвижных тел: тяжелые вообще, легкие вообще и нейтральные, т.е. земля и вода, воздух и огонь и небо. Точно так же существует три рода мест подвижных тел: низшее и срединное место, куда направляется наиболее тяжелое тело; высшее — наиболее отдаленное от низшего — и среднее место между низшим и высшим. Первое место — тяжелое, второе — не тяжелое, не легкое, третье — легкое. Первое принадлежит центру, второе — окружности, третье — пространству между тем и другим. Таким образом, есть нижнее место, к которому движутся все тяжелые тела, в каком бы мире они ни находились; есть высшее место, к которому устремляются все легкие тела, к какому бы миру они ни принадлежали. Следовательно, есть одно место, в котором движется небо какого бы то ни было мира. Но если есть одно такое место, то существует только один, а не много миров.

В-четвертых, предположим, что существует множество центров, к которым движутся тяжелые тела различных миров, и что имеется множество горизонтов, к которым устремляются легкие тела; предположим, что эти места различных миров отличаются не по виду, а только по числу.

Тогда отсюда будет следовать, что один центр будет более удален от другого центра, чем от горизонта. Но центры совпадают по своему виду, в то время как центр и горизонт противоположны. Следовательно, получится так, что местное расстояние между совпадающими по виду центрами будет больше, чем между противоположностями. А это противоречит природе противоположностей. Ибо когда говорится, что первые противоположности больше всего отдалены друг от друга, то под этим главным образом подразумевается пространственное удаление, которое должно иметь место между чувственно воспринимаемыми противоположностями. Итак, вы видите, что получается, когда мы допускаем множественность миров. Следовательно, такая гипотеза не только ложна, но даже невозможна.

В-пятых, если есть множество миров, сходных по виду, то они должны и в количественном отношении быть либо равны, либо пропорциональны (что сводится к одному и тому же). Но если так, то не может быть больше шести миров, смежных этому миру, ибо без взаимного проникновения могут граничить друг с другом не более шести шаров, точно так же как не более шести равных окружностей могут касаться друг друга без взаимного пересечения (рис. 2). Отсюда следует, что поскольку шесть внешних миров касаются нашего мира в шести пунктах, столько же будет и горизонтов вокруг одного общего центрального пункта. Но так как сила двух первых противоположностей должна быть одинакова, а при этом допущении получается неравенство, то вы должны будете признать высшие элементы более сильными, чем низшие. Но в таком случае высшие элементы победят низшие, и вся масса нашего мира разложится.

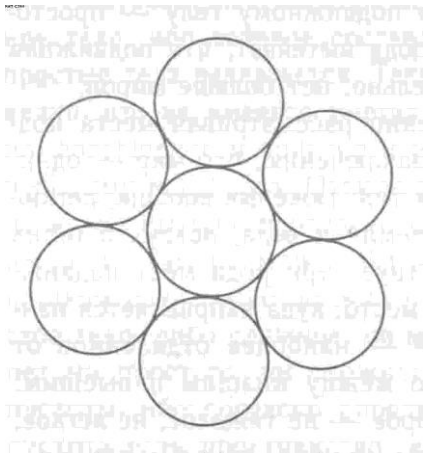


Рис. 2

В-шестых, поскольку круги различных миров касаются друг друга только в одной точке, то из этого с необходимостью вытекает, что между выпуклостями соседних кругов остается пространство. Это пространство либо заполнено чем-нибудь, либо ничем. Если там что-нибудь есть, то оно, конечно, не может иметь ту природу, которую имеет элемент, удаленный от выпуклости окружности, ибо, как это видно, такое пространство имеет форму треугольника, ограничено тремя дуговыми линиями, составляющими часть окружности трех миров; центр, как это вполне очевидно, более удален от частей, прилежащих к углам, и наиболее удален от углов. Чтобы заполнить то пространство, необходимо, следовательно, измыслить новые элементы и новый мир, отличающиеся по своей природе от элементов этого мира. Или же следует предположить пустоту, что мы считаем невозможным.

В-седьмых, если есть еще миры, они либо конечны, либо бесконечны. Если они бесконечны, то эта бесконечность должна быть актуальной, что по многим основаниям считается невозможным. Если же количество миров конечно, то должно быть определенное число миров, но тогда нужно исследовать, почему именно их столько, а не больше или меньше, почему нет еще других миров, что является причиною того, почему одних миров больше, чем других, равны они или не равны между собою и почему они отличаются между собой или почему вся эта материя, которая разделена на много миров, не сконцентрировалась в одном мире, ибо при прочих равных условиях единство ведь лучше множества; почему материя, которая распределена между четырьмя, шестью или десятью землями, не представляет собой одного большого, совершенного и единственного шара. Итак, подобно тому как, исходя из соображений о возможном и невозможном, необходимо признать скорее конечное число миров, чем бесконечное, так, исходя из принципов соответствия и несоответствия, более разумно и более соответствует природе единство, чем множество или многочисленность.

В-восьмых[242], мы видим, что природа соблюдает равновесие во всех явлениях.

---

[242] Бруно по рассеянности называет восьмой аргумент седьмым, а далее все последующие аргументы у него также перечисляются неправильно, и у него получается всего двенадцать аргументов, а не тринадцать;

Поэтому нигде мы не находим ни недостатка в необходимом, ни изобилия в отношении излишнего. Полагая, далее, что все может быть осуществлено в действительности посредством тех действий, которые имеют место в нашем мире, нет никаких оснований выдумывать, что существуют еще и другие миры.

В-девятых, если бы существовало бесконечное число миров или больше чем один, то это больше всего было бы потому, что бог может их создать, или же оттого, что они могут зависеть от бога. Но если это даже в высшей степени истинно, то из этого не следует, что именно так и было. Ибо помимо активной потенции бога необходима еще пассивная потенция вещей. И от абсолютной божественной потенции не зависит то, что может быть произведено природой. Не каждая активная потенция превращается в пассивную, а только та, которой соответствует пропорциональное страдательное начало, т.е. объект, способный воспринять всю активность действующего начала. И в таком случае нет соответствия между какой-либо причиненной вещью и первопричиной. Поскольку, следовательно, это зависит от природы мира, не может быть больше миров, чем один, хотя бог мог сделать больше, чем один мир.

В-десятых, множественность миров противоречит доводам разума еще и потому, что в этом случае не имела бы места гражданская добродетель, заключающаяся в гражданском общении. Создав много миров, боги поступили бы нехорошо, не давая возможности обитателям различных миров поддерживать взаимоотношения.

В-одиннадцатых, в случае множественности миров боги, или двигатели миров, мешали бы друг другу; ибо поскольку необходимо, чтобы сферы соприкасались в одном пункте, постольку получилось бы то, что одна сфера не могла бы двигаться против другой и богам было бы очень трудно управлять движением мира.

В-двенадцатых, от одного индивидуума может произойти множество индивидуумов только посредством такого действия, при котором природа умножается делением материи, а это есть не что иное, как порождение. Это утверждает Аристотель вместе со всеми перипатетиками. Множество индивидуумов одного и того же вида может произойти не иначе, как путем порождения. Но те, кто утверждает, что имеются еще миры той же самой материи и видовой формы, не говорят, что один превращается в другой или что один порождает другой.

В-тринадцатых, совершенство не терпит никакого добавления. Если, следовательно, этот мир совершенен, то, очевидно, не требуется, чтобы к нему был присоединен другой мир. Мир прежде всего совершенен как вид непрерывного, который не ограничивается другим видом непрерывного, ибо неделимая точка производит своим математическим движением линию, являющуюся определенным видом непрерывного, линия производит поверхность, которая является другим видом непрерывного, а поверхность производит тело — третий вид непрерывного. Тело уже не переходит в другой вид непрерывного, но если оно есть часть вселенной, то граничит с другим телом, а если оно есть сама вселенная, то оно совершенно и ограничивается самим собою. Следовательно, мир и вселенная — одно и то же, если мир должен быть совершенен.

Таковы те тринадцать аргументов, которые я счел нужным вам сейчас привести. Если вы мне дадите удовлетворительный ответ на эти вопросы, то я буду считать себя удовлетворенным во всех отношениях.

Ф и л о т е й. Само собою разумеется, мой Альбертин, что если кто-нибудь стремится защищать выдвигаемые им положения, то он должен прежде всего, если он не лишен ума, рассмотреть противополагаемые доводы, ибо глуп тот солдат, который, имея своей задачей защищать занимаемую им цитадель, не исследует обстоятельства и место, из которого может произойти нападение. Аргументы, которые вы приводите (если только это аргументы), достаточно известны и повторяются много раз. Все они могут быть решительно опровергнуты, если только, с одной стороны, рассмотреть их основания, а с другой стороны — характер наших утверждений.

точно так же и в ответах у него перечисляются двенадцать аргументов. Мы исправили неточность в нумерации аргументов.

Первое и второе вам станет ясно в порядке моих ответов, которые не будут многословны, если же понадобятся еще и дополнительные заявления, и пояснения, то я предоставляю сделать это Эльпину, который расскажет вам то, что он слышал от меня.

Альбертин. Но сумейте сначала убедить меня в том, что все то, что вы скажете, будет для меня полезно и принесет мне удовлетворение, что мне не будет неприятно выслушать сначала вас, а потом его.

Филотей. Образованным и рассудительным людям, к которым я вас причисляю, достаточно указать только основной пункт спора, и, исходя из него, они затем смогут сами составить себе более глубоко обоснованное суждение, если будут переходить от одного положения к другому, ему противоречащему или противоположному. Что касается вашего первого сомнения, то я по поводу него должен возразить, что все это сооружение рушится, как только мы отвергнем эти различия между шарами и небесами и примем, что звезды в этом безмерном эфирном пространстве движутся в силу внутреннего принципа вокруг собственных центров или вокруг центра какого-либо другого тела. Не существует первого движимого, которое действительно увлекает столько тел и заставляет их вращаться вокруг центра Земли; скорее, наоборот, этот шар является причиной кажущегося вращения. Все же доводы, обосновывающие это положение, вам приведет Эльпин.

Альбертин. Я их охотно выслушаю.

Филотей. Когда вы все выслушаете и поймете, что воззрения Аристотеля противоречат природе, наши же взгляды отвечают требованиям разума и поддаются чувственной и естественной проверке, то вы не станете утверждать, что имеется внешний край и предел тела вселенной и ее движения; вы будете считать мнение о существовании какого-то первого движимого и какого-то высшего и охватывающего все неба не более как пустой фантазией; вы тогда поймете, что имеется всеобщее лоно, в котором другие миры существуют наподобие этого земного шара в этом пространстве, где они окружены эфиром, не будучи пригвожденными или же прикрепленными к другому телу и не имея другого опорного пункта, кроме собственного центра. И когда станет ясно, что этот мир не может иметь иной природы, не находится в иных условиях и не обнаруживает других свойств, чем окружающие звезды, то не будет оснований считать, что скорее он, а не другие звезды, находится в центре вселенной и что скорее они вращаются вокруг него, чем он вокруг них. И, исходя, наконец, из единообразия природы, мы должны сделать вывод о несуществовании кругов-деферентов, о природе и силе движущей души, толкающей изнутри эти шары, об единообразии обширного пространства вселенной и о невозможности существования краев и определенных внешних очертаний последней.

Альбертин. Это действительно не противоречит природе и, может быть, даже в наибольшей мере ей соответствует. Но очень трудно привести доказательства, и требуется весьма большое остроумие, чтобы опровергнуть доводы противников.

Филотей. Нужно найти главную нить, и тогда уж очень легко распутать весь клубок. Вся трудность проистекает от одного неприемлемого предположения, а именно от мнения, что Земля обладает тяжестью и неподвижностью и что существует первое движимое наряду с другими — семью, восемью, девятью или больше — кругами, в которые помещены и включены звезды, на которых они насаждены, запечатлены, примазаны, пригвождены, привязаны, приклеены, изваяны скульптурой или изображены живописью; причем они не находятся в одном и том же пространстве со звездой, называемой нами Землей; но на самом деле, наоборот, Земля находится в той же области, имеет такую же форму, состоит из таких же элементов и движется таким же внутренним принципом, как и другие одушевленные и божественные звезды.

Альбертин. Конечно, как только я схвачу главную мысль, я легко пойму все другие положения, которые вы выдвинете; в то же время вы вырвете корни одной философии и посадите на ее место другую.

Филотей. Вы опровергнете разумом точку зрения вульгарного здравого смысла, который утверждает, что имеется горний, возвышеннейший и благороднейший горизонт, сопредельный с неподвижными божественными сущностями, движущими эти мнимые круги. Вместе с тем вы должны будете признать, по крайней мере, столь же вероятным то, что звезды, подобно Земле, суть живые существа, движущиеся и вращающиеся в силу внутреннего принципа.

Вы убедитесь также в том, что та точка зрения, согласно которой звезды приводятся в движение телом, не имеющим никакой стойкости и сопротивления и еще более тонким и разреженным, чем воздух, которым мы дышим, не может быть доказана опытом и является чистейшей фантазией. Наше же мнение соответствует упорядоченному опыту и основано на разуме. Вы также не будете больше считать правдоподобным то, что звезды прикреплены к воображаемым сферам с выпуклой и вогнутой поверхностями, вместе с которыми они движутся; вы найдете, что в соответствии с требованиями нашего разума и сообразно с природой одни звезды, не боясь упасть вниз в бесконечность или же подняться в бесконечную высь (ибо в безмерном пространстве нет различия верха и низа, правого и левого, переднего и заднего), совершают по отношению к другим круговые движения благодаря тому, что они одарены жизнью и обладают определенным составом, как вы узнаете в свое время. Вы увидите, что эта воображаемая поверхность неба может быть простым или сложным телом, движущимся прямолинейно; ибо, подобно частям нашего шара, части других тел также могут двигаться прямолинейно; ибо Земля составлена из таких же элементов, что и другие окружающие тела, и в такой же степени можно принять, что другие тела движутся вокруг Земли, как и то, что Земля движется вокруг них.

А л ь б е р т и н . Теперь я замечаю больше, чем когда-либо, как самая маленькая ошибка в начале рассуждения бывает причиною величайших расхождений, опасностей и ошибок в конце его; одно простое недоразумение мало-помалу размножается в бесчисленное множество других, подобно тому как маленький корень развивается в бесчисленное множество крупных ветвей. Но клянусь жизнью, Филотей, я бы очень желал, чтобы ты мне доказал те положения, которые ты выставил, и чтобы то, что я считаю ценным и правдоподобным, мне было доказано как истинное.

Ф и л о т е й . Я это сделаю, насколько мне позволят обстоятельства времени, предлагая на ваше рассмотрение вещи, которые до сих пор были скрыты от вас не вследствие вашей неспособности, а вследствие вашей неосведомленности.

А л ь б е р т и н . Приведите мне все в форме тезисов и умозаключений, ибо я знаю, что вы, прежде чем дошли до теперешних взглядов, имели возможность основательно изучить силы противников. Я уверен, что вам открыты тайны общепринятой философии в не меньшей степени, чем мне. Продолжайте.

Ф и л о т е й . Итак, совершенно не нужно допытываться, существуют ли вне неба пространство, пустота и время, потому что единым является всеобщее место, единым — безмерное пространство, которое мы можем свободно называть пустотой; в нем находится бесчисленное множество шаров, подобных тому, на котором мы живем и прозябаем. Это пространство мы называем бесконечным, потому что нет основания, расчета, возможности, смысла или природы, которые должны были бы его ограничить; в нем находится бесконечное множество миров, подобных нашему, не отличающихся от него по роду, так как нет основания и недостатка в силах природы, как в пассивной способности, так и в активной, благодаря которым их не было бы во всяком другом пространстве, не отличающемся от нашего по природе, подобно тому как они существуют в пространстве, окружающем нас.

А л ь б е р т и н . Если то, что вы говорили раньше, верно, то, ввиду того что оно не менее правдоподобно, чем противоположное ему допущение, оно вытекает с необходимостью.

Ф и л о т е й . За воображаемой окружностью и выпуклостью мира существует, следовательно, время, так как там есть мера и основание движения и существуют подвижные тела. Это возражение относится к первому положению, выставленному вами относительно единства мира.

Что касается вашего второго положения, то я утверждаю, что на самом деле существует первый и главный двигатель, но он является им не в том смысле, чтобы, спускаясь от него по ступеням, второй, третьей и следующим, можно было, считая, спуститься от него к среднему и последнему; я считаю, что таких двигателей нет и не может быть, ибо там, где существует бесконечное число, там нет ступеней и численного порядка, хотя бы и существовали известные степени и разряды, согласно отношению и достоинству, или различию родов и видов, или различию ступеней в том же роде и виде.

Существует, следовательно, бесконечное множество двигателей, точно так же как бесконечное множество душ этих сфер, которые являются формами и внутренними актами, и по отношению к ним существует властитель, от которого они все зависят, первый, который сообщает движущую силу духам, душам, богам, божествам, двигателям и сообщает движение материи, телу, одушевленному, низшей природе, подвижному. Существует, следовательно, бесконечное множество двигателей и движущихся тел, которые все сводятся к активному и пассивному принципу[243], подобно тому как всякое число сводится к единице; бесконечное число и единица совпадают, точно так же как совпадает в едином высшее активное начало, имеющее возможность делать все с тем, что может стать всем, как это было показано в конце книги «О причине, начале и едином». Согласно числу, следовательно, и множеству, существует бесконечное подвижное и бесконечное движущее; но, согласно единству и единичности, существует бесконечный подвижный двигатель, бесконечная неподвижная вселенная, и это бесконечное число и величина совпадают с бесконечной единицей и простотой в одно простейшее индивидуальное начало, истинное, сущее. Нет, таким образом, первого движимого, за которым в известном порядке следовало бы второе, а затем и последнее, и даже до бесконечности; но все подвижные тела одинаково близки к первому или же далеки от первого и всеобщего двигателя. Подобно этому, в логическом смысле все виды имеют одинаковое отношение к тому же роду, а все индивидуумы — к виду; таким образом, всеобщий бесконечный двигатель в бесконечном пространстве производит всеобщее бесконечное движение, от которого зависят бесконечные двигатели и движущиеся тела, из которых каждый имеет конечные размеры как по объему, так и по деятельности.

Что касается третьего аргумента, то я утверждаю, что в эфирном поле нет какого-либо определенного пункта, к которому как к середине двигались бы тяжелые тела и от которого удалялись бы легкие тела по направлению к окружности; ибо во вселенной нет середины и нет окружности; или, если хочешь, повсюду есть середина и каждую точку можно принимать за часть окружности по отношению к какой-либо другой середине или центру. Что касается нас, то мы называем тяжелым то, что от окружности этого шара движется к середине, легким же то, что движется в обратном направлении; и мы увидим, что на самом деле нет ничего тяжелого, что не было бы в то же время легким, так как все части Земли последовательно меняют свои место, положение и состав и в течение длинного ряда столетий всякая центральная часть перемещается к окружности, а всякая часть, находящаяся на окружности, перемещается к центру. Мы увидим, что тяжесть или легкость суть не что иное, как стремление частей тел к собственному месту, содержащему и сохраняющему их, где бы оно ни было, и что они перемещаются не вследствие различий в местоположении, но вследствие стремления к самосохранению, каковое в качестве внутреннего принципа толкает каждую вещь и ведет ее, если нет внешних препятствий, туда, где она лучше всего избегает противоположного и присоединяется к подходящему. Таким образом части, находящиеся на окружности Луны и других миров, подобных нашему по роду и виду, стремятся к середине шара, как будто вследствие силы тяжести, и, обратно, тонкие части удаляются к окружности, как будто вследствие силы легкости. Но на самом деле они удаляются от окружности или приближаются к ней не по этой причине; ибо если бы дело происходило таким образом, то чем больше части приближались бы к окружности, тем скорее и быстрее они убегали бы, и, обратно, чем больше они удалялись бы от нее, тем сильнее стремились бы к противоположному месту. Но мы наблюдаем противоположное этому явление, когда тела, находящиеся за пределами земной области, остаются свободно висеть в воздухе, не поднимаясь вверх и не спускаясь вниз, до тех пор, пока не приобретут большей тяжести вследствие присоединения частей или сгущения от холода, — и в таком случае они, раздвигая нижележащий воздух, возвращаются к своему составу, или же, разлагаясь и утончаясь от жары, рассыпаются в атомы.

А л ь б е р т и н. Я бы это понял еще лучше, если бы вы мне показали более подробно неотличимость звезд от этого земного шара.

---

[243] *Активные* принципы — теплое и холодное, *пассивные* — влажное и сухое.

Ф и л о т е й . Это вам легко объяснит Эльпин, соответственно тому, что он слышал от меня. И он вам покажет более подробно, что всякое тело является тяжелым или легким не по отношению к областям вселенной, но по отношению частей к своему целому, содержащему и сохраняющему их. Звезды, стремясь сохранить свое настоящее состояние, движутся в различных направлениях и соединяются друг с другом, подобно каплям в море, или же разъединяются, подобно всем жидкостям, под влиянием солнца или же других огней. Ибо всякое природное движение, которое происходит вследствие внутреннего принципа, существует лишь для того, чтобы удалиться от несоответствующего и противоположного и приблизиться к дружественному и соответствующему. Ибо ничто не движется со своего места, если только оно не изгоняется противоположным; и на своем месте ничто не бывает легким или тяжелым, но земля, поднятая в воздух, стремясь к своему месту, становится тяжелой и чувствует себя тяжелой. Таким же образом вода, поднятая в воздух, становится тяжелой, но она не имеет тяжести в своем собственном месте. Так, для тел, погруженных в воду, она не имеет тяжести, в то время как небольшая ваза, наполненная водой, будучи вытащена из воды, становится тяжелой. Голова не имеет тяжести по отношению к своему собственному туловищу, но голова другого, помещенная на нем, будет обладать тяжестью; причина этого та, что она будет находиться не на своем природном месте. Если, таким образом, тяжесть или легкость есть стремление к сохраняющему месту и бегство от противоположного, то ничто, помещенное в своем месте, не бывает тяжелым или легким; также ничто, удаленное от своего сохраняющего места или от противоположного ему, не становится тяжелым или легким до тех пор, пока не почувствует пользы от одного или отвращения к другому; но, если, чувствуя отвращение к одному, оно в то же время испытывает чувство смятения, смущения и нерешительности по отношению к противоположному, в таком случае оно побеждается первым.

А л ь б е р т и н . Вы обещаете великое, и вы большею частью выполняете обещанное.

Ф и л о т е й . Чтобы не повторять два раза то же самое, я предоставляю Эльпину объяснить вам остальное.

А л ь б е р т и н . Мне кажется, что я все понимаю, ибо одно сомнение возбуждает другое, одна истина доказывает другую; и я начинаю понимать больше, чем могу объяснить; до сих пор я считал достоверными многие вещи, в которых теперь начинаю сомневаться. Вот почему я чувствую, что все легче начинаю соглашаться с вами.

Ф и л о т е й . Когда вы меня поймете вполне, вы во всем со мною, согласитесь. Пока же держитесь вновь усвоенного или, по крайней мере, не поддерживайте столь решительно противоположного мнения, как вы это делали перед вступлением в спор. Ибо понемногу и по различным поводам мы объясним полностью все то, что относится к нашему предложению. Оно покоится на многих основаниях и причинах; ибо подобно тому как заблуждение влечет за собой другое заблуждение, так и новая истина следует за открытой истиной.

Что касается четвертого аргумента, то мы говорим, что поскольку существует столько центров, сколько существует индивидуумов, шаров, сфер, миров, то отсюда не следует, чтобы части какого-либо тела относились к другому центру, а не к своему собственному, или удалялись к другой окружности за пределами своей собственной. Таким образом, части этой Земли не стремятся к другому центру и не пытаются соединиться с другим шаром, подобно тому как соки и части животного имеют свои приливы и отливы в его собственном теле и не имеют никакого отношения к другому телу, отличному от него по числу.

Относительно того, что вы считаете неправильным, чтобы середина, которая согласуется с другой серединой по виду, была от нее дальше, чем середина и окружность, которые по своей природе противоположны, почему и должны быть наиболее удалены друг от друга, я вам отвечу, во-первых, что противоположности не должны быть наиболее удалены друг от друга, но лишь настолько, чтобы одна могла действовать на другую, а та претерпевать действие первой; так и на Солнце мы видим, что ближе всего к нам расположены те его земли, которые находятся на его окружности; да и порядок всей природы показывает, что одна противоположность существует, живет и питается другою, в то время как та претерпевает действие, изменяется, побеждается и превращается в другую.

Кроме того, мы недавно обсуждали с Эльпином вопрос о расположении четырех элементов, которые все необходимы для состава каждого шара в качестве частей, из коих одна расположена внутри другой или смешана с нею; но они не отличаются друг от друга, как объемлющее и объемлемое, ибо там, где имеется сухое, там же существует вода, воздух и огонь в явном или скрытом виде; таким образом, различие, которое мы делаем между шарами, из коих одни огненные, вроде Солнца, другие же водянистые, вроде Луны и Земли, происходит не оттого, что они состоят из простого элемента, а оттого, что один элемент преобладает в их составе.

А затем совершенно неправильно, будто бы противоположности наиболее удалены друг от друга, ибо во всех вещах они по своей природе связаны и объединены; и вселенная, как относительно своих главных частей, так и относительно второстепенных, состоит только из подобной связи и соединения противоположностей, так что нет ни одной части земли, которая не была бы самым тесным образом связана с водою, без которой нет плотности, соединения атомов и прочности. Кроме того, какое земное тело настолько плотно, чтобы оно не имело невидимых пор, без которых тела были бы неделимы и не проникал бы в них огонь или жар, являющиеся чувственными телами, отделяющимися от предметов? Где, следовательно, находятся части твоего холодного и сухого тела, которые не были бы соединены с теплым и влажным телом? Деление элементов, следовательно, носит чисто логический характер, а не реальный; если Солнце находится в области, отдаленной от земной области, то это не значит, что от него воздух, земля и вода более отдалены, чем от нашей Земли; потому что оно — такое же сложное тело, как и наша Земля, хотя из четырех элементов на Солнце преобладает один элемент, а у нас другой. Кроме того, если мы полагаем, что природа должна соответствовать этой логике, которая считает, что между противоположностями существует наибольшее расстояние, то отсюда следовало бы, что между твоим огнем, который легок, и Землей, которая тяжела, должно быть расположено твое небо, которое не тяжело и не легко. Если же ты скажешь, что это относится только к четырем основным элементам, то их пришлось бы расставить в другом порядке. Я хочу сказать, что вода должна была бы находиться в центре и быть местом, куда стремится все наиболее тяжелое, если огонь находится на окружности и является тем местом, куда стремится все наиболее легкое; потому что вода, которая холодна и влажна и в этом смысле противоположна огню, согласно обоим качествам должна быть наиболее удалена от горячего и сухого элемента; воздух же, теплый и влажный, должен быть наиболее удален от холодной и сухой земли. Вы видите, следовательно, насколько непоследовательно это предложение перипатетиков, все равно, будете ли вы его рассматривать по отношению к природе или же согласно их собственным принципам и основоположениям.

А л ь б е р т и н . Я это вижу и очень ясно.

Ф и л о т е й . Вы видите еще, что не противоречит разуму наша философия, которая все сводит к одному принципу и к одной цели и заставляет совпадать противоположности таким образом, что существует общий носитель обоих; мы считаем, что эта противоположность в конечном счете служит основанием божественного изречения, что противоположности существуют в противоположностях, откуда нетрудно узнать, каким образом каждая вещь происходит из каждой вещи; но это не сумели понять Аристотель и другие софисты.

А л ь б е р т и н . Я вас слушаю с удовольствием. Я знаю, что такие многочисленные и столь различные заключения не могут быть доказаны сразу и все вместе; но, после того как вы мне доказали трудности в делах, которые я считал правильными, я стал сомневаться во всех остальных, которые я считал верными по тем же соображениям. Вот почему я теперь готов выслушать внимательно и без возражений ваши основания, принципы и рассуждения.

Э л ь п и н . Вы увидите, что философия Аристотеля не являлась золотым веком ее. Теперь разрешаются возбужденные вами сомнения.

А л ь б е р т и н . Меня не очень интересуют остальные пункты, ибо я жажду понять основные принципы вашей доктрины; если я их пойму, то сумею разрешить остальные сомнения, возникающие из них.

Ф и л о т е й . Об этом мы будем рассуждать после. Что касается пятого аргумента, то вы должны обратить внимание, что если мы будем воображать бесконечное множество миров, расположенных согласно тем отношениям состава, которые вы воображаете, т.е. общепринятых четырех земных элементов, и еще будем воображать восемь, девять или десять других небес, составленных из другой материи и обладающих другой природой, окружающих эту Землю и быстро движущихся вокруг нее по кругам; если кроме этого мира, так устроенного, имеющего сферическую форму, будем принимать множество подобных же сферических и подвижных миров, то в таком случае мы должны будем ответить и вообразить, каким образом каждый из них является продолжением другого и соприкасается с ним; тогда мы сможем в своей фантазии представить, во скольких пунктах окружности может быть касание находящихся вокруг миров. Тогда вы увидите, что сколько бы ни было горизонтов вокруг одного мира, они уже не будут горизонтами одного мира, но каждый имел бы такое отношение к своей середине, какое другой имеет к своей, потому что они влияют лишь на те тела, вокруг которых они кружатся и вращаются. Подобно этому если бы несколько животных касались друг друга и были тесно прижаты один к другому, то из этого не вытекало бы, что члены одного принадлежат к членам другого и что каждое из них может обладать несколькими головами и туловищами. Но мы, благодарение богам, не должны в своих затруднениях искать подобного жалкого выхода; ибо вместо стольких небес и стольких подвижных тел, быстрых и медленных, движущихся по прямому и косому направлениям, к востоку и к западу, по оси мира и по оси зодиака, туда и сюда, уклоняющихся в той или иной степени, мы имеем одно небо, одно пространство, в котором движутся по своим собственным кругам и путям как та звезда, на которой мы обитаем, так и все другие звезды. Они и суть бесконечное множество миров, т.е. неисчислимое количество звезд; это и есть бесконечное пространство, т.е. небо, содержащее их и распростертое над ними. Уничтожается фантастическое представление о всеобщем движении всех небесных тел вокруг центра Земли, потому что становится ясным, что Земля вращается вокруг своего собственного центра и обозревает окружающие светила в двадцать четыре часа. Уничтожается окружающий нашу земную область ряд кругов-деферентов, к которым прикреплены звезды; но каждому солнцу присваивается свое собственное движение, которое мы называем эпициклическим, со своими различиями от движения других звезд; движутся же эти солнца в течение долгих веков, если не вечно, побуждаемые не внешним двигателем, а своей собственной душой, подобно тому как наше Солнце движется вокруг своего центра и вокруг элемента огня.

Вот каковы, следовательно, миры и вот каково небо, то самое небо, которое мы видим вокруг нашего шара, который не менее других является великолепной светящейся звездой. Миры же, как они нам кажутся, различаются по блеску и свету и расположены на известных расстояниях друг от друга; и ни один из них не ближе к другому, чем Луна к Земле или Земля к Солнцу; так что противоположность не разрушает другую, но питает ее, а подобное не мешает другому, но уступает ему место. Таким образом, в известных пропорциях, в известных промежутках времени этот наш наихолоднейший шар греется на Солнце той или иной стороной, тем или другим своим ликом; и с известными переменами он уступает место соседней земле, которую мы называем Луной, или заставляет ее уступить место ему, в то время как одно или другое из этих тел становится дальше от Солнца или ближе к нему, почему Тимей и другие пифагорейцы называли Луну противоземлей. На этих мирах обитают живые существа, которые возделывают их, сами же эти миры — самые первые и наиболее божественные живые существа вселенной; и каждый из них точно так же составлен из четырех элементов, как и тот мир, в котором мы находимся, с тем только отличием, что в одних преобладает одно активное качество, в других же — другое, почему одни чувствительны к воде, другие же к огню. Кроме четырех элементов, из которых составлены миры, существует еще эфирная область, как мы говорили, безмерная, в которой все движется, живет и прозябает. Этот эфир содержит всякую вещь и проникает в нее; поскольку он содержится внутри состава, т.е. составляет часть сложного, он называется обычно воздухом, который есть этот пар вокруг вод и внутри Земли, заключенный между высочайшими горами, способный образовать густые тучи и бурные южные и северные ветры.

Поскольку же он чист и не составляет части сложного, но есть то место, в котором содержатся и движутся мировые тела, он называется эфиром в собственном смысле слова, берущим свое наименование от движения[244]. Этот эфир, хотя он по своей сущности ничем не отличается от того, который находится внутри Земли, тем не менее носит другое название, подобно тому как тот, который окружает нас, называется воздухом; тот же, который в известном смысле составляет нашу часть, входя в состав нашего тела или находясь в легких, артериях и других углублениях, и порах, называется дыханием. Тот же эфир вокруг холодного тела сгущается в пар, вокруг же очень горячей звезды утончается как бы в пламя, которое невидимо, если не соединяется с плотным телом, зажженным от сильного жара звезды. Таким образом, эфир сам по себе и по своей собственной природе не имеет определенных качеств, но получает их все от соседних тел и переносит их от активных принципов в своем движении вдоль горизонта. Таким образом, мы показали, каковы миры и каково небо, и я думаю, что вы освободились не только от своих настоящих сомнений, но и от бесчисленного множества других и получили принцип для многих правильных умозаключений в области физики. Я предоставляю вам решить, не находите ли вы некоторые мои предположения недоказанными; однако я думаю, что если вы их беспристрастно рассмотрите, то вы найдете, что впредь до открытия абсолютно истинных, они все же гораздо более правдоподобны, чем противоположное мнение.

А л ь б е р т и н . Продолжай дальше, Филотей, я тебя слушаю.

Ф и л о т е й . Таким образом, мы ответили также на шестой аргумент, который по поводу касания различных миров в одной точке спрашивает, какая вещь могла бы заключаться в этих треугольных пространствах, которая не имела бы природы ни неба, ни элементов. Ибо мы имеем одно небо, в котором миры занимают свои пространства, области и расстояния; оно простирается по всему, проникает во все и содержит все, соприкасается со всем и не оставляет ни одного пустого места, если только то место, по которому движется все, и пространство, по которому пробегает все, тебе не угодно будет называть пустотой, как это делают многие, или же первым субстратом, который подразумевается в этой пустоте, поскольку он не занимает места ни в какой части (если тебе угодно будет отличать его разумом в чисто логическом или отрицательном смысле, — но не по природе и сущности, — от тела и бытия). Так что нет ничего, что не находилось бы в конечном или бесконечном месте, будь оно телесное или бестелесное, согласно своему целому или частям; это бесконечное место есть не что иное, как пространство, а пространство — не что иное, как пустота, которую, если мы желаем понимать ее как устойчивую вещь, мы называем эфирным полем, содержащим миры; если же мы желаем понимать ее как плотную вещь, называем пространством, содержащим эфирное поле и миры и не заключающимся в другом. Таким образом, нам нет нужды измышлять новые элементы и миры в противоположность тем людям, которые по малейшему поводу начинают измышлять круги-деференты, божественные материи, редкие и плотные части, обладающие небесной природой, пятые сущности и другие фантастические названия, лишенные всякого содержания и истины.

По поводу седьмого аргумента мы говорим, что бесконечная вселенная одна, непрерывна и составлена из эфирных областей и миров, но что имеется бесконечное множество миров, которые постигаются и находятся в различных областях вселенной, согласно тем же основаниям, по которым наш мир постигается и находится в ее определенной области. Об этом мы говорили недавно с Эльпином, доказывая и подтверждая то, что говорили Демокрит, Эпикур и многие другие, созерцавшие природу более открытыми глазами и не оставшиеся глухими к ее настойчивым голосам.

А потому перестань, лишь одной новизны устрашаясь,
Наше ученье умом отвергать, а сначала сужденьем
Острым исследуй его и взвесь; и, коль прав окажусь я,
Сдайся, а если неправ, то восстань и его опровергни.
Ведь, коль лежащему вне, за пределами нашего мира,

[244] Такое происхождение приписывает слову «эфир» Платон в своем диалоге «Кратил», а вслед за ним также и Аристотель в сочинении «О небе», кн. I, гл. 4. В действительности слово «эфир» происходит не от слова θεω — бежать, а от слова αιθω — *зажигать, гореть, пылать.*

Нет пространству границ, то стараемся мы доискаться,
Что же находится там, куда мысль устремляется наша
И улетает наш ум, подымаясь в паренье свободном.
Видим мы прежде всего, что повсюду, во всех направленьях
С той и другой стороны, и вверху и внизу у вселенной
Нет предела, как я доказал, как сама очевидность
Громко гласит и как ясно из самой природы пространства[245].

Мы протестуем против восьмого аргумента, утверждающего, что природа стремится сокращаться. Но на самом деле, поскольку простирается наш опыт относительно больших и малых миров, мы замечаем это не во всех, ибо наш глаз, не видя пределов, побеждается безмерным пространством, представляющимся ему; он смущается и подавляется количеством звезд, которое увеличивается все больше и больше, так что наши чувства остаются в нерешительности, в то время как разум принуждает нас присоединять пространство к пространству, область к области, мир к миру.

А потому уж никак невозможно считать вероятным,
Чтоб, когда всюду кругом бесконечно пространство зияет
И когда всячески тут семена в этой бездне несутся
В неисчислимом числе, гонимые вечным движеньем,
Чтобы лишь наша Земля создалась и одно наше небо...
Так что ты должен признать и за гранями этого мира
Существованье других скоплений материи, сходных
С этим, какое эфир заключает в объятиях жадных[246].

Очевидность протестует и против девятого аргумента, который предполагает, но не доказывает, что бесконечной активной способности не соответствует бесконечная пассивная способность, что не может быть бесконечной материи и бесконечного пространства; он утверждает, что вследствие этого не может быть никакого соотношения между творцом и действием и деятельностью, что деятель может развить бесконечную деятельность без того, чтобы она была сообщена природе, — но все это остается недоказанным и содержит в себе открытое противоречие. Хорошо поэтому сказал поэт:

Если же, кроме того, и материя есть в изобилье,
Если есть место и нет ни причины, ни вещи, какая
Ей бы мешала, должны из нее развиваться предметы.
Если к тому же семян количество столь изобильно,
Что и всей жизни никак не хватило б для их исчисленья,
Если вещей семена неизменно способна природа
Вместе повсюду сбивать, собирая их тем же порядком,
Как они сплочены здесь, — остается признать неизбежно,
Что во вселенной еще и другие имеются земли,
Да и людей племена и также различные звери[247].

На десятый аргумент мы возразим, что добрая, упорядоченная общность различных миров представляется столь же ненужной, как то, чтобы все люди стали одним человеком или чтобы все животные стали одним животным. Да и опыт показывает нам, что для обитателей этого мира оказалось лучше всего то, что природа разделила различные народы морями и горами; и когда благодаря человеческому искусству было установлено между ними общение, то это оказалось скорее злом, чем благом, так как благодаря этому пороки увеличились гораздо больше, чем добродетели. Об этом прекрасно пишет трагический поэт в своей жалобе:

---

[245] *Лукреций Кар.* О природе вещей /АН СССР. 1946, кн. II, 1040-1051.
[246] *Лукреций Кар.* О природе вещей, кн. II, 1052-1056, 1064-1066.
[247] *Лукреций Кар.* О природе вещей, кн. II, 1067-1076.

Хорошо разделенные мира концы
Воедино связал фессалийский корабль
И морю удары терпеть приказал.
И к прежним страхам прибавился страх
Пред пучиной морской[248].

На одиннадцатый аргумент мы ответим так же, как и на пятый; ведь каждый из миров занимает свое место в эфирном поле таким образом, что ни один не касается и не сталкивается с другим; но они пробегают свои пути и расположены друг от друга на таких расстояниях, что ни один из них не разрушает другого, но они взаимно подкрепляют друг друга.

Двенадцатый аргумент утверждает, что природа размножается и увеличивается лишь путем порождения таким способом, что один индивидуум в качестве родителя производит другого как сына. Мы ответим, что это не является истиной, применимой ко всем явлениям, ибо из одного лишь материала благодаря деятельности одного лишь творца получается множество различных ваз, имеющих бесконечно разнообразные формы и рисунки. Я уже не говорю о том, что при гибели и обновлении какого-либо мира животные, как совершенные, так и несовершенные, первоначально возникают благодаря могуществу сил самой природы, без всякого акта порождения.

Тринадцатый, и последний, аргумент утверждает, что если этот или какой-либо иной мир носит совершенный характер, то это исключает существование других миров. На это я отвечу, что, конечно, не требуется существования других миров для существования и совершенства этого мира, но для того чтобы вселенная сохранила свое существование и совершенствовалась, необходимо бесконечное множество миров. Следовательно, из совершенства одного из миров не следует, чтобы другие миры были менее совершенны; ибо этот мир, подобно другим мирам, и другие миры, подобно этому миру, состоят каждый из своих частей и каждый вместе со своими членами составляют единое целое.

Альбертин. Впредь, Филотей, ни голос толпы, ни негодование черни, ни ропот глупцов, ни презрение сатрапов, ни глупость сумасшедших, ни безумие безрассудных, ни доносы лжецов, ни жалобы злобствующих, ни клевета завистников не опорочат передо мной твой благородный лик и не заставят меня держаться вдали от твоей божественной беседы. Будь настойчив, мой Филотей, будь настойчив, не теряй мужества, не отступай, если даже огромный и важный сенат глупого невежества при помощи многих козней и ухищрений будет тебе угрожать и попытается разрушить твое божественное предприятие и высокий труд. Будь уверен, что впоследствии все увидят то, что я теперь вижу, и поймут, что так же легко каждому тебя хвалить, как трудно всем обучать тебя. Все, которые не до конца испорчены, с чистой совестью будут иметь о тебе благоприятное мнение, ибо в конце концов каждый бывает научен внутренним учителем души; ибо мы получаем благо духа не откуда-нибудь извне, а из своего собственного духа. И так как в душах у всех имеется известная природная нравственность, которая заседает в высоком трибунале разума и судит о добре и о зле, о свете и о тьме, то из собственных мыслей каждого восстанут в пользу твоего дела вернейшие и неподкупные свидетели и защитники. Те же, которые не станут твоими друзьями, но останутся равнодушными и, в качестве признанных софистов, будут защищать мрачное невежество и продолжать упорно преследовать тебя, почувствуют в своей собственной совести своего палача и мстителя за тебя; и чем больше они постараются спрятаться от него в тайниках своих мыслей, тем больше он будет их мучить. Подобно адскому червю, вышедшему из жестких волос эвменид, он, увидев, что его планы против тебя разбиты, с яростью кинется на руку или грудь своего собственного несправедливого творца, обрызнет его своим смертельным ядом и, укусив своими острыми зубами, приготовит ему мучительную смерть.

[248] Речь идет о трагике Сенеке; стихи приведены из его трагедии «Медея», 398-402.

Продолжай знакомить нас с тем, что такое на самом деле небо, что такое на самом деле планеты и другие звезды, чем отличаются одни от других бесконечные миры, каким образом бесконечное пространство не только не невозможно, но даже необходимо, каким образом бесконечное действие соответствует бесконечной причине, каковы истинная субстанция, материя, действие и действующая причина всего, каким образом всякая чувственная и сложная вещь составлена из тех же самых начал и элементов. Сделай для нас убедительным учение о бесконечной вселенной. Разрушь выпуклые и вогнутые поверхности, которые ограничивают изнутри и извне элементы и небеса. Сделай для нас смешными круги-деференты и прикрепленные звезды. Разбей и сбрось на Землю с шумом и громом посредством убедительных доводов эти, столь уважаемые слепой толпой, алмазные стены первого движимого и последней выпуклости. Уничтожь убеждение в том, что Земля является единственным центром. Уничтожь позорную веру в пятую сущность. Подари нам учение, что другие звезды и миры, которые мы видим, составлены точно так же, как и эта наша звезда и мир. Равным образом питай и питай нас своими исследованиями об устройстве бесконечно великих и обширных миров, а также и других бесконечно меньших. Разбей внешние двигатели вместе с пределами этих небес. Открой нам дверь, через которую мы могли бы видеть неотличимость нашей звезды от остальных звезд. Покажи нам, что в эфире существуют другие миры, подобные нашему. Сделай для нас ясным, что движение всех мировых тел происходит вследствие действия внутренней души, для того чтобы при свете этого созерцания мы могли верными шагами шествовать вперед по пути познания природы.

Ф и л о т е й. Что ты скажешь, Эльпин, по поводу того, что доктор Буркий не захотел с нами согласиться ни раньше, ни потом?

Э л ь п и н. Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать, для того чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять.

А л ь б е р т и н. Хотя мне до сих пор еще не удалось увидеть все тело светлой планеты[249], тем не менее я могу заметить по разливаемым им лучам, которые проникают через узкие отверстия закрытых окон моего ума, что его свет не подобен блеску искусственной и софистической лампы, или Луны, или другой меньшей звезды. Поэтому я готовлюсь в будущем лучше изучить его.

Ф и л о т е й. Ваша дружба мне будет очень приятна.

Э л ь п и н. А теперь пойдемте к вечерней трапезе.

Конец пяти диалогов о бесконечности, вселенной и мирах

[249] Под словами *тело светлой планеты* подразумевается душа философа. Согласно взглядам Бруно характерной чертой интеллекта, является то, что он одновременно и свет, освещающий предметы, и глаз, видящий их. Этот свет яснее для нашего сознания, чем весь блеск внешних предметов для наших глаз. Этот же образ дан в конце первого диалога, где Эльпин, обращаясь к Филотею, говорит; «Хотя я не понял полностью вашего духа, но из света, который он излучает, я замечаю, что он заключает внутри себя солнце или даже еще более крупное светило».

О безмерном и неисчислимом. *Выдержки из поэмы*

(DE IMMENSO ET INNUMERABILIBUS)

Некогда у египтян были разные басни, служившие для того, чтобы ум лучше воспринимал некоторые тайны, чтобы недоступное непосредственным чувствам лучше воспринималось при помощи знака или образа. Но затем... для народов была выдумана нелепая сказка, появилось варварство и начался преступный век, для которого знание считалось опасным, предметом благочестия стало нечестивое и жестокое, а религии вменялось в обязанность держать мир в состоянии раскола и ставить насилие выше права. Так место истины и справедливости заняла глупая басня, которая извратила разум и испортила жизнь.

* * *

Вселенная есть бесконечная субстанция, бесконечное тело в бесконечном пространстве, т.е. пустой и в то же время наполненной бесконечности. Поэтому вселенная одна, миры же бесчисленны. Хотя отдельные тела обладают конечной величиной, численность их бесконечна.

Все мерцающие звезды суть огни или солнца, вокруг которых с необходимостью вращаются многочисленные планеты.

[ДВАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ О ВСЕЛЕННОЙ]

1. Божественная сущность бесконечна.

2. Какова мера сущности, такова и мера могущества.

3. Какова мера могущества, такова и мера действия...

9. Необходимость и свобода есть одно и то же, а потому не надо бояться, что действующее в силу природной необходимости действует не свободно. Но скорее наоборот: оно не могло бы вовсе действовать свободно, если бы действовало иначе, чем этого требуют необходимость и природа, и даже скорее необходимость природы.

11. Подобно тому как существует мир в этом пространстве, возможно существование мира в пространстве, подобном этому, так что, не будь этого мира, мы могли бы постичь пространство, остающееся для этого мира и ему соразмерное.

12. Нет основания отвергать вне мира пространство, подобное тому пространству, в котором находится мир, и считать мир конечным.

13. Мир, находящийся вне этого мира, в подобном ему пространстве, не мог бы служить препятствием для существования этого мира, и нет больших оснований опасаться того, что наш мир может разрушить тот, чем того, что тот разрушит наш, так как, согласно истине вещей, в бесконечности центр существует везде, а направление вверх и вниз имеется лишь в соответствии с положением порядка каждого из них...

17. Так же как это пространство может вмещать этот мир и быть устроенным для него, точно так же, исходя из тех же оснований, всякое подобное пространство, неотличимое от него, может заключить в себе подобный же мир.

18. Совершенство одного мира в одном пространстве не может ни увеличить, ни уменьшить совершенства другого пространства или сделать его менее необходимым, так как он находится в полноте действующих вещей.

* * *

Ныне взываю к тебе, о благородный Коперник!
Светлым умом одарен, преклоненья и славы достоин,
Гений твой не был затронут бесчестием темного века,
Голос твой не заглушён ропотом шумным глупцов.

Взываю к тебе, прославленный своим достойным изумления умом, гениальности которого не коснулся позор невежественного века и чей голос не был заглушён шумным ропотом глупцов, о благородный Коперник, великие произведения которого волновали мой ум в нежном возрасте... И когда тысячи доводов освятили истинное суждение и легко была раскрыта природа, тогда только познание дало мне возможность воспринять твой гений и признать свою правоту. Я понял, что тебе доступен смысл Тимея, Гегесия, Никета и Пифагора. И ты уже не только отрицал, что Земля находится в середине, — это и другие могли видеть еще значительно раньше, — но утверждал и то, что она несется в годовом кругообороте вокруг Солнца и уже не остается места для этих семи концентрических сфер. Она стремительно вращается также вокруг своего собственного центра, и это движение внушает обманчивое представление о мировом движении, а отсюда возникает представление о множестве вращающихся сфер, открытых научным познанием.

Удивительно, о Коперник, что при такой слепоте нашего века, когда погашен весь свет философии... ты смог появиться и гораздо смелее возвестить то, что приглушенным голосом в предшествующий век возвещал Николай Кузанский в книге «Об ученом незнании».

Солнце и Земля — первые живые существа, первые виды вещей, образовавшиеся из первых элементов, заключают в себе архетип всех сложных явлений, в которых влажные частицы соединяются с сухими... То, чего нельзя увидеть в малом, легко можно заметить в большом; в целом открывается то, что скрыто в отдельной части. Надо понимать, что все находится во всем... ибо природа все создает из всего и творит все из глубин материи... Надо помнить о том, что миры, виды, которые находятся в мирах, — растения, камни, целые животные и их части состоят из одних и тех же элементов... поэтому растения и камни и вся громада Земли состоят из жил, нервов, мяса, костей и такого же жизненного дыхания, как и мы.

Не противоречит разуму также, чтобы вокруг этого солнца кружились еще другие земли, которые незаметны для нас.

* * *

[Эти отдаленные от нас светила] — не светляки, не лампады и не факелы, но огромные тела миров, намного большие, чем тот земной мир, который мы населяем.

Мы полагаем, что для живых существ нашего рода обитаемые места редки, однако не подобает считать, что есть часть мира без души, жизни, ощущения, а, следовательно, и без живых существ. Ведь глупо и нелепо считать, будто не могут существовать иные ощущения, иные виды разума, нежели те, что доступны нашим чувствам.

* * *

Миры, следовательно, также рождаются и умирают, и невозможно, чтобы они были вечны, коль скоро они изменяются и состоят из подверженных изменению частей.

Так возвысь же свой дух к другим звездам, я разумею, к иным мирам, чтобы увидеть там подобные друг другу виды; те же повсюду существуют материальные начала, та же действующая причина, та же активная и пассивная творческая способность, тот же порядок, обмен, движение... Ведь безрассудно было бы считать, что в бесконечном пространстве, в столь обширных, из единой материи возникающих сияющих мирах, многие из которых, как мы можем полагать, одарены лучшим жребием, нет ничего, кроме этого чувственно воспринимаемого света.

* * *

Перестань навязывать себе химеру бесконечного света, существующего бестелесно, созданного твоим воображением и ставшего священным благодаря мраку [невежества]. Знай, что сущность ничем не отличается от бытия. Бесконечное едино. Природа есть не что иное, как способность, присущая самим вещам. Это — закон, согласно которому совершается все существующее.

* * *

Грамматики — самая наглая порода. Нет такого суждения даже о самых трудных вещах, право на которое они бы не присвоили себе с полным основанием в силу своего умения хитро сплетать слова... Существует столько же разновидностей богословов, сколько мелких монет. Ценность этих медных монет уменьшается с каждым разом, изо дня в день и исчезает по мере того, как они становятся легче, и появляется из утробы гнуснейшее ханжество, злоба или какой-либо иной обман. Все эти недостатки чаще всего сочетаются в ком-нибудь из педантов.

Это — высокогремящие секретари, грамматики латинские, греческие, еврейские, сирийские, халдейские, а, следовательно, и теотоки. Как бы с высочайшего трибунала они выносят суждения о раздорах среди философов, вступают в академии, делают внушения, принимают решения без законного присутствия сторон, приговора и изложения предмета тяжбы, ибо все права и свет заключены в их святейшей груди архиучителей. Ждут приговора: он приходит.

* * *

Мы ведём борьбу не за лёгкое и ничтожное дело, но за дело, чрезвычайно трудное и достойное умозрения совершенного человека. Мы ищем слияния божества и природы, слияния с ним и приобщения к нему не по египетскому, сирийскому, греческому или римскому обряду, не в пище и питье, не в каком-нибудь жалком веществе, вместе с породой оглушенных людей мы не создаём вымыслов и не видим их во сне. Мы ищем это слияние в величественном царстве всемогущего, в беспредельном пространстве эфира, в бесконечном лоне природы, творящей всё и способной всё творить.

Из одной области в другую распространялись пороки, яды религии и извращенных законов, вызывающие раздоры и взаимное истребление, и были посеяны плевелы, удушающие всякие добрые плоды.

Прощальная речь

(ORATIO VALEDICTORIA)

ВИТТЕНБЕРГ, 15 СЕНТЯБРЯ 1588 ГОДА

[…]

На семи колоннах мудрость построила свой дворец среди людей.

Если взглянуть на то, что сохранилось в памяти людей, впервые этот дворец явился у египтян и ассирийцев в Халдее. Второй раз — у персов, в лице магов при Зороастре. В третий раз у индийцев, в лице гимнософистов. В четвертый раз — у фракийцев и одновременно у ливийцев при Орфее и Атланте. В пятый раз у греков — при Фалесе и остальных мудрецах. В шестой раз у италийцев при Архите, Горгии, Архимеде, Эмпедокле и Лукреции. В седьмой раз — у германцев в нашу эпоху.

Не думайте, ученейшие слушатели, будто я собираюсь льстить вам, если намерен ближе взглянуть на ваши сокровища, которые вы сами лицезреете лучше других... С того времени, как у вас создалась империя, у вас возникло много наук и появилось много гениальных людей, подобных которым не найдется нигде среди других народов. Кто в эпоху шваба Альберта Великого был ему подобен? И неужели не был он в течение долгого времени выше Аристотеля, к приверженцам которого недостойным образом отнесен, так как принадлежал к числу церковников по условиям того времени? Боже милостивый, а кто может сравниться с Кузанцем, который тем меньшему числу людей доступен, чем более сам велик? Если бы облачение священника не запятнало его гения, то неужели я не признал бы его равным Пифагору и даже значительно превосходящим его? Как вы расцениваете Коперника, который был не только математиком, но — что еще выше — и физиком? В этих двух головах заключалось больше понимания, чем в Аристотеле и всех перипатетиках, вместе взятых со всеми их размышлениями о природе. Разве не возвышенный ум, по вашему мнению, проявил Палингений в своей так неожиданно появившейся поэме? Удивительно, сколько истин, превосходящих понимание толпы, изложил он о протяжении вселенной, о субстанции звезд, о природе света, о населении земель и душе сфер. И неужели 50 его песен не превосходят по своему аттицизму и романтизму всех, кто сражался под знаменем перипатетиков, глупо болтая и еще глупее размышляя? Кто после Гиппократа сравнится с Парацельсом, почти чудотворным медиком?

Николай Коперник

Кто этот муж, которого я не могу обойти молчанием? Хотя тот [римский папа] был во всеоружии, с ключами и мечом, с коварством и силой, с обманом и насилием, с лицемерием и свирепостью, лисица и лев, наместник дьявольского тирана, отравивший человечество суеверным культом и более чем скотским невежеством под видом божественной мудрости и богоугодной простоты; хотя не было никого, кто осмелился бы выступить против этого прожорливейшего зверя, оказать ему сопротивление с целью вернуть к лучшему и более радостному состоянию наше поколение, опозоренное, ввергнутое в полную гибель...

Ты, Лютер, увидел свет, познал свет, созерцал свет, слышал глас вдохновившего тебя божественного духа, ты следовал его повелениям. Ты, безоружный, отважно выступил против врага, перед которым трепетали князья и цари.

Ты поражал, отражал его словом. Ты восстал, противостал, и одолел и совершил победное шествие к небесам, неся доспехи поверженного надменнейшего врага.

Что касается меня, то я был встречен вами с самого начала и принят в течение года с таким гостеприимством, с таким благоволением, как если бы я был вам родным или членом семьи. Ко мне относились в вашем доме как угодно, но толь ко не как к чужеземцу. Что же, добрые боги, должен я сделать? К музам, к самим музам воззвать, заклинать их, умолять, благодарить. Я верю, что именно они побудили вас поступить так, как бывает между государями, когда они обмениваются взаимными знаками благоволения и свидетельствуют об уважении к господам, проявляя не меньшее внимание к последним слугам и служителям.

Мартин Лютер

Именно так и вы приняли меня, принимаете и в высшей степени благосклонно относитесь вплоть до настоящего дня, хотя я не имею у вас никакого имени, славы или влияния, был изгнан из Франции волнениями, не был снабжен никакими рекомендациями от государей, не был украшен (что обычно подозрительно черни) никакими внешними знаками отличия и не был проверен в догматах вашей религии (для таких людей, в силу беспощадной строгости варваров и международного права предателей и по наглому их обычаю, должно быть заперто небо, а доступ на землю, существующую для всех людей и предназначенную для общего или социального пользования, запрещен или дозволяется только на позорных и тягчайших условиях). Меня даже не спрашивали о религии, а лишь просили о том, чтобы я проявлял и выражал дух, не враждебный, но спокойный и склонный ко всеобщему человеколюбию, и представил свидетельства о занятиях философией (которыми я в высшей степени горжусь и радуюсь, так как эта философия чужда расколов и раздоров и ни в коем случае не подчинена времени, месту и случайностям). Этого от меня требовали лишь для того, чтобы я был столпом дворца муз. Этого для вас оказалось достаточно, чтобы занести меня в книгу университета как достойного, как того, кого вы приняли с величайшей любезностью, чтобы он почитался в числе настолько благороднейших и ученейших мужей, как если бы был допущен не только к частной школе, не только к особому небольшому кружку, но ко всему университету. К этому надо добавить, что когда я (по складу своего ума) чрезмерно увлекался любовью к собственным мнениям и излагал на своих публичных лекциях такие взгляды, которые не только у вас не были одобрены, но также и в течение многих веков как бы захлестывали и опровергали философию, принятую повсеместно во всех странах, вы не устанавливали никаких границ для философии и предпочитали в этого рода учениях здравую умеренность, согласно которой иностранцы, еще не прослушанные, не должны увлекаться этими науками, допуская только тот вид физических и математических наук, который согласуется с известного рода благочестием и притом более соответствует тому христианскому простодушию, какое одобряется у вас. Вы увидели, что в вашей аудитории открыто излагается то, из-за чего в университетах Тулузы, Парижа и Оксфорда поднимался страшный шум.

По существу, эти мнения не противоречат никоим образом определенного рода богословию и религии, ибо я хорошо знаю, что более ученые люди являются моими сторонниками, но так как эти мнения новы и до сих пор еще не признаны, то на первый взгляд они кажутся чудовищными, странными и нелепыми. У вас, весьма склонных к благочестию, не рекомендуется философствовать и проявлять в этом любознательность и, по-видимому, считается не положенным для студентов долго задерживаться в философской аудитории, чтобы не случилось так, что они откажутся посещать храм одобряемого вами богословия или будут приходить туда с опозданием и неохотой. А это произойдет, если образованные люди ради изучения новейших наук начнут пренебрегать старыми науками, и ради исключительных и вовсе не обязательных наук заставят себя ждать у порога святилищ.

И при всем том вы, по обычаю некоторых мест, не морщили нос, не раздували ноздрей, не надували щек, не стучали крышками пюпитров, против меня не поднималась схоластическая ярость, но по своей гуманности и учености вы держали себя так, что мы все казались попеременно самыми учеными — и вы, и я и другие, и любой из нас.

Вы относились к чужому духу, как к больному, которого лечили искусством и терпением, так что я и сам в глубине души не одобрял того, чему вы не сочувствовали по своей склонности к древностям. Вы непоколебимо хранили в неприкосновенности свободу философии, вы не запятнали чистоты своего гостеприимства, соблюдали сияние гордости и чести университета, не нарушили старого обычая вести дела с достоинством. Вы сочли недопустимым запретить иностранцу, общественному изгнаннику вступать с вами в общение и разрешили ему вести у вас частные занятия и лекции, которые до сих пор всегда запрещались.

О тройном наименьшем и мере. *Выдержки*

(DE TRIPLICI MINIMO ET MENSURA)

[Наименьшее] определяется как такая часть, которая сама не имеет частей... Граница есть то, что не является частью чего-нибудь и само не имеет частей, но есть то, что простирается от одной крайности к другой или так, что часть касается части. Поэтому она различна сообразно характеру величины: иное дело линия по отношению к линии, плоскость по отношению к плоскости, тело по отношению к телу.

* * *

Наименьшие, поскольку они соединимы, вместе с тем и разъединимы, не проникают одно в другое, не смешиваются, но только соприкасаются. Поэтому без них не может быть никакого плотного тела, и поэтому же всё, кроме них, разлагается на составные части. Их разъединение не менее возможно, чем соединение.

* * *

Одно и то же не состоит из тех же самых частей, как только пройдет мгновение времени. Нет ничего постоянного в границах, которые не определяются атомом, так как все части предмета уносятся в постоянном приливе и отливе. Никто не найдет круга того же измерения, к которому однажды прикоснулся, никогда ты дважды не увидишь одного и того же потока или пламени лампы, ибо пламя ускользает быстрее мысли и, мгновенно превращаясь в дым, улетает в пространство.

К первичным элементам относятся... наименьшие, раздельные тельца, к которым ты, следуя Демокриту и Эпикуру, можешь свести все сложное.

* * *

[Материя считается субстанцией], поскольку обозначается количественное отношение, ибо это есть количественное начало телесных величин.

* * *

Что касается тел, то субстанцией всего является наименьшее тело или атом; что касается наименьшего на плоскости или линии, то это есть точка.

* * *

Нет ничего просто прямого, нет ничего круглого в сложности и ничего заполненного, кроме атомов. И нет ничего просто пустого, кроме пространства между тремя сближенными атомами на плоскости и четырьмя образующими плотное тело. Поэтому нет ничего просто непрерывного и единого, кроме атомов, всеобщего пространства и простой субстанции между телами.

Лучше всего отвечают представлению об атомах тельца, которые не покоятся, не стоят, не лежат, — когда мы наблюдаем их в солнечных лучах, проникающих через окна, даже при спокойном воздухе, — и они, словно под влиянием одинаковых толчков, несутся вверх, вниз, в разных направлениях, что как бы является следствием их внутреннего начала...

* * *

Субстанция вещей неизменна, бессмертна, никакое могущество не порождает ее и не уничтожает, не принижает, не уменьшает, не увеличивает, но поистине отсюда все рождается и сюда все возвращается.

* * *

Мы же полагаем, что разложение как природы, так и истинного искусства, не выходящее за пределы природы, ограничивается атомом как определенной величиной и числом.

Высказывания Джордано Бруно об обществе и человеке

Если бы от природы было известно различие между светом и мраком, то прекратилась бы древняя борьба мнений, в которой целый ряд поколений стремился истребить друг друга, причем люди, воздевая руки к небу, заявляли, что только они одни обладают истиной и веруют в бога, который, будучи отцом и подателем вечной жизни для одних людей, выступает против их противников как неумолимый, мстительный, карающий вечной смертью судия. Поэтому-то и происходит, что различные расы и секты человечества имеют свои, особые культы и учения и предъявляют претензии на первенство, проклиная культы и учения остальных. В этом причина войн и разрушения естественных связей. Люди, возвысившиеся посредством обмана, объявляют себя провозвестниками воли и посланниками бога. Поэтому мир страдает от бесчисленных бедствий, и, можно сказать, человек является большим врагом человека, чем всех остальных животных.

* * *

Мудрость и справедливость впервые начали покидать Землю, когда секты стали превращать мнения в источник доходов. Тогда за мнения партий начали бороться, словно за собственную жизнь или за жизнь своих детей, вплоть до окончательного истребления противников. При этих мрачных знамениях религия и философия попраны, а республики, государства и империи вместе с государями, знатными лицами и народом приходят в смятение и уничтожаются.

От полного невежества мы переходим к слепому усвоению привычных и вкоренившихся взглядов окружающей нас среды и научаемся так же презирать законы, обычаи, веру и нравы наших противников и иноземцев, как они презирают нас. Нас убеждают, что самая богоугодная жертва — подавлять, убивать, завоевывать, истреблять противников нашей веры, как и всех других людей, пока они не станут по вере похожими на нас.

Наши противники страстно благодарят своего творца за то, что он только им одним дал истинное откровение. На основании этого они надеются на вечную загробную жизнь, а мы в свою очередь благодарим того же творца за то, что не погружены в такой мрак и не слепы, как они. К этим предрассудкам религии и веры присоединяются предрассудки знания. От выбора моих родителей и учителей, от произвола и фантазии, от широко распространившейся славы какого-либо ученого зависит, во что превратится мое надменное и блаженное невежество; так судьба и годность или негодность необученного коня всецело зависят от того, попадет он в руки хорошего или плохого наездника.

Неужели вы не понимаете, какое могущественное влияние оказывает на нас воспитание в среде, пропитанной определенными предрассудками, как оно может помешать пониманию самых простых вещей и надевает духовные шоры на глаза. Здесь дело обстоит совершенно так же, как с людьми, постепенно привыкшими глотать некоторые яды. В конце концов они доходят до того, что их организм уже не ощущает вызываемого этим ядом вредного действия. Они уже не в силах обходиться без него. Яд становится для них непреодолимой потребностью. Противоядие даже может оказаться смертельным.

Господство над народом утверждают самые мрачные и кровожадные вожди. Человек в смертельном ужасе влачится по путям жизни и заслоняет от себя солнечный свет тенями ада.

Фантазия вооружает беспощадных богов громами, которыми непогрешимый судия мира якобы поражает ненавистный ему человеческий разум. Неукротимая ярость судии — такова сладостная мечта религиозной фантазии.

Что говорят догматы сикофантов? Гнев божий есть возмездие за высокомерие. И как только такое мнение овладевает душою, один народ начинает враждовать с другим, дети отвергают родителей, инаковерующего никто не приветствует.

* * *

...Большинство из них избегали свойственного людям труда и забот и соблазнились бездельем и пристрастием к жертве, и лишь очень немногие преследовали цель подлинной добродетели души. Поэтому, как видишь, они устранились от общения с людьми, занимающимися полезными делами. А если такие люди и появлялись в их среде, то на них набрасывалось преступное, грязное и завистливое большинство. Даже знаменитейшие среди них, их доктора, превратились в гнуснейших подонков, злоупотребляя бездельем, для человекоубийства и разрушения мирной жизни человечества. Стремясь к разрушению человеческой и гражданской солидарности, они учат людей бесстрашно совершать злодеяния и веровать в — невесть какие — самые грязные бредни... Я полагаю, что их, по справедливости, следовало бы истреблять, как бедствие нашего века, как гусениц и саранчу, или даже уничтожать дотла, подобно скорпионам и ядовитым змеям. И будущий век, когда мир слишком поздно поймет свое бедствие, позаботится о том, чтобы уничтожить, пользуясь этим средством как противоядием против отравы, людей, избалованных бездельем, жадностью и надменностью...

* * *

Признаки, которые подчиняют себе и связывают ум идиотов, глупцов, легковерных и суеверных людей, заслуживают насмешки и презрения со стороны здравого благородного и воспитанного ума, как пустые тени. Поэтому все операторы, маги, врачеватели или прорицатели ничего не в силах сделать, если им не обеспечено доверие... Богословы верят, признают и возвещают, что тот, кто будто бы мог совершать какие угодно чудеса, — Христос — бессилен был исцелить неверующих в него, и всецело относят его бессилие к воображению, которого он не в силах был преодолеть. Дело в том, что земляки, хорошо знавшие его жалкое происхождение и недостаток образования, презирали его и издевались над этим божественным врачевателем. Отсюда пошла поговорка: «Нет пророка в своем отечестве».

* * *

Демоны будто бы разнообразны и различны в соответствии с разнообразными и различными видами тела. Доказательством этому служит, что они обладают страстями, влечениями, гневом, заботами, подобными человеческим аффектам, и даже чувствами животных, обладающих более грубой чувствительной материей. Ими изобретены всякого рода жертвоприношения, заклание животных. Утверждают, будто они испытывают величайшее наслаждение от этих обрядов и воскурений. Предполагают, что они обладают устройством, очень сходным с нашим. Причем одни из них в особенности заботятся об определенных народах и нациях, а другие народы и нации ненавидят и проклинают. Некоторые из них имеют особые имена, прославлены, наделены могуществом, другие считаются плебейскими. Римляне называли их «пателлярными богами» и не воздавали определенных жертвоприношений и возлияний. Нельзя поверить, однако, что они нуждаются в таких кушаньях или считают их угодными, так как они сами могут промыслить себе все необходимое... Существуют и такие, которые получают большее удовольствие от курений и для которых издавна было достаточно служение ладаном, амброй и пахучими цветами.

Самыми благородными и выдающимися считаются те, которым угодны гимны, песнопения и игра на музыкальных инструментах.

Еще выше по своему положению те боги, которые, по своей природе, не нуждаются в нас, не трогаются нашими добродетелями и недоступны чувству гнева.

* * *

Хотя не существует никакого ада, тем не менее представление и воображение делают ад истинным и достоверным без всяких оснований истинности и достоверности. Ибо фантастический образ имеет реальность, а отсюда вытекает, что он реально действует и оказывает реальное и могущественнейшее принуждение на то, что способно ему подчиниться. Вместе с вечностью представления и уверенности [в существовании ада] оказывается вечным и мучение ада, — до такой степени, что даже душа, лишенная тела, сохраняет те же образы и пребывает с ними во веки несчастной, терзаемая слабее или сильнее за беспутство, удовольствия или усвоенные ею помыслы.

* * *

Доктора в своих наставлениях, обращенных к частным лицам и государству, учат людей пагубе, учат не страшиться злодеяний и верить в невесть какие грязные вымыслы. К их числу относится согласно их различным и противоречивым догматам, вера в Цереру и Вакха, которых они считают милостью богов, воздающих за добро и зло. Они делают это, чтобы повергнуть несчастные народы в первобытное варварство.

* * *

...Следует наблюдать, каким образом повсюду в телесном мире и в том, что находится в телах, добро смешано со злом и зло с добром, подобно тому, как нигде в физических вещах нет материи без формы и формы без материи, действия без могущества и могущества без действия, света без мрака и мрака без света. Добро есть единое, абсолютное над всем, обособленное от всего; поэтому нет зла без добра и добра без зла, и в планетах, и в знамениях, и во всех вообще видах. В самых сильных ядах заключается самое могущественное лекарство, в самых смертельных явлениях заложены немаловажные семена жизни, а следовательно, отсюда очевидно, что существует единство противоположных начал, единый корень, как мы показали на многих примерах в книге диалогов «О причине, начале и едином»... Так как нет ничего устойчивого и все неопределенно в кругообороте изменчивости или хотя бы в подобии круга, как мы указали в другом месте, то не дано высшего зла, как и высшего добра, которое бы выражалось в сколько-нибудь заметной их длительности. Отсюда изречение: «Хуже смерти сам страх смерти...»

Надменность, суетное честолюбие, тирания приводят к нужде, нужда приводит к заботе, забота порождает мастерство, мастерство — богатство, богатство — честолюбие и жажду славы, честолюбие и жажда славы — надменность и тиранию, отсюда — войны, отсюда опустошения, нищета; нищета опять приводит к заботам. Так из всего совершается переход ко всему, добро и зло относительны, как и основание добра и зла и конец злого и доброго. Такова изменчивость в порядке планет, совпадающая с изменчивостью царствований и судеб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент памятника Джордано Бруно
на Площади Цветов в Риме

Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно (Извлечения)

О ТОМ,
ЧТО БРАТ ДЖОРДАНО БРУНО
ДУМАЛ О СВЯТОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЕ,
ОСУЖДАЛ ЕЕ И ЕЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ

1. Джованни Мочениго, доносчик, в Венеции: Я несколько раз слышал от Джордано в моем доме, что ему не нравится никакая религия. Он высказывал намерение стать основателем новой секты под названием «Новая философия»[250]. Говорил, что наша католическая вера пре исполнена кощунствами против величия божия, что нужно прекратить диспуты и отнять доходы у монахов, ибо они оскверняют мир; что все они ослы, и что наши воз зрения — учения ослов; что у нас нет доказательств, угодна ли наша вера богу; и что он удивляется, как бог выносит столь многочисленные ереси католиков.

[250] Доносчики, свидетели обвинения и судьи считали философию Джордано Бруно ересью. В действительности философия Бруно, направленная на обоснование, развитие и распространение материализма, ничего общего не имела с религиозным сектантством.

Это могут под твердить святой службе книготорговцы Чотто и Джакомо Бертано; каковой Бертано беседовал со мной о нем и сказал, что он враг Христа и святой нашей веры, и высказывал при нем великие ереси.

2. Я слышал от него, что теперешний образ действий церкви — не тот, какой был в обычае у апостолов, ибо они обращали людей проповедями и примерами доброй жизни, а ныне кто не хочет быть католиком — подвергается карам и наказаниям, ибо действуют насилием, а не любовью; и что такое состояние мира не может далее продолжаться, ибо в нем царит одно лишь невежество и нет настоящей веры; что католическая нравится ему больше других, но и она нуждается в величайших исправлениях; что в мире неблагополучно и очень скоро он подвергнется всеобщим переменам, ибо невозможно, чтобы продолжалась такая испорченность и что он ожидал больших деяний от короля Наваррского; и поэтому он хотел поспешить выпустить в свет свои сочинения и таким путем приобрести влияние, ибо он собирался, когда придет время, стать капитаном, и что он не всегда будет бедняком, так как будет пользоваться чужими сокровищами.— Показал, что на его упреки [Джордано] отвечал, смеясь: «Дождитесь страшного суда, когда все воскреснут, получите тогда награды за свои добродетели!» И упрекал [Венецианскую] республику в том, что она оставляет монахам богатства, говоря, что нужно поступить с ними, как во Франции, где доходами монастырей пользуются дворяне; и что все монахи — ослы.

3. Он же, допрошенный[251], показал: Я слышал, что он слывет человеком, ни во что не верующим, и сразу, как он приехал в Венецию, стал замечать, что он еретик. Когда Патрици[252] поехал в Рим, Джордано говорил о его преосвященстве: «Этот папа — порядочный человек, так как он покровительствует философам[253], и я тоже могу надеяться на покровительство; я знаю, что Патрици — философ и ни во что не верует». А я ответил, что Патрици — добрый католик. Высказываясь о религии, Джордано говорил решительно и твердо. Он много говорил против веры, но походя. Он говорил, что вера католиков полна учения ослов и не может быть доказана. Эти слова, включенные в статью допроса (то есть о воскрешении мертвых, как указал выше в первом доносе), он говорил мне лично, смеясь и издеваясь над воскресением, о котором мы беседовали, когда я его осуждал.

4. Я не слышал от него, что он хотел учредить в Германии секту джорданистов, но он утверждал, что когда он закончит некоторые свои исследования[254], он станет известен, как великий человек. И что он надеется, что дела Наварры успешно пойдут во Франции, и что он вернется в Италию, и тогда сможет жить и говорить свободно. Когда Патрици поехал в Рим, он говорил, что надеется на милостивый прием папы, ибо он никого не оскорблял своим образом мыслей. Рассуждая о воскресении, он утверждал, что все будут спасены и добавил: «Увидите, чего добьетесь вашим воскресением!»

5. Спрошенный отвечал: Об этом стихе Ариосто, который выпал Бруно, я ничего не знаю и не припоминаю. — Далее, в другой части допроса, на пятый день, от себя показал: В тот раз я сказал, что не помню о стихе Ариосто, но потом вспомнил, что Джордано говорил мне об этом, когда мы с ним беседовали об английской королеве, которую он хвалил, а я сказал, что будучи еретичкой, она не достойна больших похвал. Мы заговорили о сектах, существующих в Германии и Англии. Он ругал Лютера и Кальвина, и других основателей ересей, и я ему сказал: «Какой же вы веры?» — так как принимал его за кальвиниста: «Или вы вообще неверующий?» И он, улыбаясь, ответил: «Я расскажу вам об одном забавном случае и рас смешу вас.

---

[251] Допрос Мочениго происходил в Риме в начале 1594 г.

[252] *Франческо Патрици* (1529—1597), философ-неоплатоник. В книге «Перипатетические дискуссии» (1571-1581) критиковал Аристотеля с идеалистических позиций. Бруно в диалоге «О причине, начале и едином» отрицательно отзывался об этом сочинении Патрици («Диалоги», с. 253). В книге «Новая философия вселенной» (1591) Патрици высказывает мысль об одушевленности вселенной и принимает учение Коперника. В марте 1592 г. Патрици находился в Венеции и мог встречаться с Бруно.

[253] Имеется в виду папа *Климент VIII,* пригласивший философа Патрици в Рим.

[254] Вероятно, Джордано Бруно продолжал в Венеции работу над сочинениями «О началах вещей», «О связях вообще» и другими вошедшими в рукописный так называемый «Московский кодекс», хранящийся ныне в Российской государственной библиотеке СССР. Возможно, речь идет также о не дошедшем до нас сочинении «Семь свободных искусств», упомянутом Бруно на допросах в венецианской инквизиции.

Когда я с некоторыми своими друзьями играл в предсказания, кому какой выпадет стих, мне выпал стих Ариосто, который гласит: «Враг всякого закона, всякой веры»[255]. И он расхохотался. Припомнив, я хотел добавить это к своим показаниям.

6. Ругал Венецианскую республику за то, что она позволяет монахам пользоваться имуществами.

7. Джованни Баттиста Чотто, допрошенный в Венеции: Слышал от других во Франкфурте, что Джордано слывет человеком неверующим[256].

10. Джакомо Бертано, допрошенный в Венеции[257]: Слышал от приора кармелитов во Франкфурте, что, по его мнению, это человек неверующий. Кроме того, он говорил, что знает больше, чем апостолы, и что если он только за хочет, то сможет добиться того, чтобы весь мир придерживался одной веры. — Сей свидетель повторно не допрошен.

11. Брат Челестино, капуцин, сосед Джордано по камере в Венеции[258], на допросе показал: В тюрьме он высказывал великое множество ересей и говорил серьезно, стараясь в разговоре убедить собеседника. Он рассказывал, что в гостях у одного вице-короля некий врач сказал ему: «Как видно, синьор Джордано, вы ни во что не веруете», а Джордано ответил: «А вы верите во все на свете?» И, бахвалясь этим, он рассказал, что однажды в игре ему выпал стих Ариосто: «Враг всякого закона, всякой веры», что ему нравилось, ибо находилось в согласии с его природой. Он уверял, что своим образом жизни он никого не оскорблял.

12. Франческо Грациано[259], сосед по камере в Венеции: Казалось, что он противился всему католическому, о чем шла речь, но он еще постоянно уверял в этом и сделал своим занятием высказывания против всякой веры и введение новой секты и говорил, что в Германии [его последователи] назывались джорданистами[260]. Он рассказы вал, что однажды, то ли в Германии, то ли в Англии, при гаданиях по книге предсказаний, каждому выпадал какой-нибудь стих Ариосто, и ему выпал такой стих: «Враг всякого закона, всякой веры», чем он весьма бахвалился, говоря, что ему выпал стих, согласный с его природой.

---

[255] Поэма великого итальянского поэта *Лодовико Ариосто* (1474—1533) «Неистовый Роланд», песнь XXVIII, октава 99.

[256] Первый допрос *Чотто* происходил в Венеции 26 мая 1592 г., второй — в Риме в начале 1594 г.

[257] Допрос *Бертано* происходил в Венеции 26 мая 1592 г.

[258] *Джованни Антонио ди Латтанци Арригони* из Вероны, клирик и субдиакон ордена капуцинов (монашеское имя — брат *Челестино* из Вероны). В 1587 г. находился под следствием в римской инквизиции по обвинению в ереси. Находился в одной камере с Бруно в венецианской тюрьме с сентября 1592 г. до выдачи его римской инквизиции в феврале 1593 г.

Летом 1593 г. Челестино подал донос на Джордано Бруно. Донос Челестино, последующие показания его и других соседей Бруно по камере в венецианской тюрьме дали инквизиторам дополнительный материал, тогда как до этого в их распоряжении были только доносы Мочениго, не подтвержденные показаниями других свидетелей.

[259] *Франческо Грациано,* родом из Удине, проживал в 80-х годах в Венеции, где занимался переводами, перепиской книг (в том числе и запрещенных церковью) и частными уроками. В 1584 г. был арестован венецианской инквизицией и обвинен в ереси; после отречения 4 апреля 1585 г. был освобожден, но впоследствии арестован как «вновь впавший» в ересь. Находился в одной камере с Джордано Бруно в 1592-1593 гг. 27 марта 1593 г. был приговорен к пожизненному заключению. Был вызван в Рим для дачи показаний по делу Бруно и дважды допрошен (в конце 1593 и в начале 1594 г.) Показания Грациано, лучше других свидетелей, соседей Бруно по камере, разбиравшегося в богословских вопросах, наряду с доносами и показаниями Мочениго и Челестино дали инквизиции основной материал против Бруно. В феврале 1598 г. Грациано был освобожден из заключения.

[260] Под «джорданистами», очевидно, следует понимать учеников Джордано Бруно. Некоторые из них известны: *Жан Эннекен* (Геннекен), выступавший в 1586 г. на диспуте в коллеже Камбрэ с тезисами Бруно против Аристотеля; *Иоганн Генрих Альштед,* опубликовавший в 1612 г. ряд сочинений Бруно; *Иоганн Ностиц,* выпустивший в свет в 1615 г. лекции Бруно о «великом искусстве» Раймунда Дуллия; *Иоганн Генрих Гайнцель фон Дегерштейн,* принимавший Бруно в своем замке в Цюрихе в 1591 г.; *Рафаэль Эглин* (впоследствии профессор Марбургского университета), опубликовавший в 1595 г. «Свод метафизических терминов» Бруно; *Иероним Бесслер,* сопровождавший Бруно в странствиях по Германии в 1590-1591 гг. и прибывший с ним в Падую, откуда ему пришлось уехать в Нюрнберг вскоре после ареста учителя. Бесслером были переписаны произведения Джордано Бруно, вошедшие в «Московский кодекс».

13. Он же, повторно допрошенный: Он [Бруно] говорил, что католическая вера полна кощунств. Однажды, когда Маттео Дзаго[261] пел псалом «Вступись, господи, в тяжбу с тяжущимися со мною»[262], он стал говорить, что это величайшее кощунство, и укорять его. В том же роде он высказывался также и в других случаях. Он утверждал, что наша вера не угодна богу, и хвалился, что с детства стал врагом католической веры, и что видеть не мог образов святых, а почитал лишь изображение Христа, но потом отказался также и от него. И что он сделался монахом потому, что услышал диспут в монастыре св. Доминика в Неаполе. И сказал так: «Вы боги, и сыны всевышнего все вы», но потом открыл, что все они — ослы и невежды. Он говорил, что церковь управляется невеждами и ослами. Много раз он говорил, что в Германии в прошлые годы высоко ценились сочинения Лютера, но что теперь их больше не признают, ибо после того, как отведали его [Бруно] сочинений, не желают ничего иного. И что он основал в Германии новую секту, и, если его выпустят из тюрьмы, он вернется туда, чтобы учредить и оформить ее наилучшим образом, и хочет, чтобы она называлась сектой джорданистов. Когда же он попытался и меня также вовлечь в свою секту, я ответил ему, что не хочу быть ни джорданистом, ни органистом. Он рассказывал, что однажды в игре ему выпал по жребию стих «Враг всякого закона, всякой веры» и что это очень подходило к его природе, чем он гордился и похвалялся. Насколько я знаю, он дурно отзывался о Лютере и Кальвине и о всякой иной секте, желая жить по-своему, ибо, говорил он, живя и думая, как ему угодно, он никого этим не оскорблял. Говоря о святой службе, он сказал: «Какое дело этой службе до моей души!»

14. Он [Бруно] говорил, что в Англии, Германии и во Франции, где он бывал, его считали врагом католической веры и других сект и покровительствовали ему как философу, обучающему истине, и что если бы он не был монахом, то перед ним бы преклонялись.

17.Брат Джордано, обвиняемый, на четвертом допросе[263] показал, что никогда не разговаривал с еретиками о вещах, относящихся к вере, — так что они скорее считали меня неверующим, чем верующим в то, чего придерживались они. Они приходили к такому выводу, ибо знали, что я бывал в разных странах, не приобщившись и не приняв религии ни одной из них.

18. Спрошенный, отрицал, что говорил, что католическая вера преисполнена кощунств и не угодна богу. Отрицал, что с осуждением высказывался о монахах и, в частности, об их богатствах. — Я говорил, что апостолы больше сделали своими проповедями, доброй жизнью, примерами и чудесами, чем можно достичь теперь насилием, не отрицая, однако, какого бы то ни было средства, которое употребляет святая церковь против еретиков и дурных христиан.

19. Отрицал, что говорил такие слова: «Дождитесь страшного суда, увидите тогда награды за ваши добродетели!», говоря, что из его книг явствует, что он этого не думал.

20. Отрицал, что осуждал христианскую веру.

21. Он же на девятом допросе: Однажды, в бытность мою послушником, я гадал в шутку, как это обычно делается, по книге Ариосто, и мне выпали по жребию такие стихи Ариосто: «Враг всякого закона, всякой веры». Я упоминал об этом иногда в разговоре в связи с довода ми, которые приводили некоторые монахи, ставя под сомнение мою веру, клеветали на меня, приводя в качестве аргумента этот поступок, совершенный в присутствии многих послушников. — Отрицал, что похвалялся этим.

22. Отрицал все, что касается секты джорданистов, и что когда-либо имел и тем более высказывал намерение основать новую религиозную секту.

23. На тринадцатом допросе отрицал, что осуждал католическую веру и дурно думал о ней.

---

[261] Сосед Джордано Бруно по камере в венецианской тюрьме.

[262] Псалом XXXIV.

[263] Допросы Джордано Бруно с первого по седьмой происходили в Венеции с 26 мая по 30 июля 1592 г., с восьмого по шестнадцатый — в Риме в 1594 г., семнадцатый — в конце марта 1597 г.

ОТНОСИТЕЛЬНО ТРОИЦЫ, БОЖЕСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ И ВОПЛОЩЕНИЯ[264]

24. Джованни Мочениго, доносчик, в Венеции: Я слышал несколько раз от Джордано в моем доме, что нет различия лиц в боге, что это свидетельствовало бы о несовершенстве бога.

25. Он говорил мне также (в связи с тем, что не знает другого такого времени, когда в мире процветало бы боль шее невежество, чем теперь), что некоторые похваляются, будто обладают величайшим знанием, какое только когда-либо существовало, ибо уверяют, что знают то, чего сами не понимают, а именно, что бог един и вместе с тем троичен; и что это — нелепость, невежество и величайшее по ношение величия божия. А когда я велел ему замолчать, он ответил: «О, увидите, чего вы достигнете с вашей верой!»

26. Он же, допрошенный: Дважды, беседуя со мной, он [Бруно] говорил, что в боге нет троицы, и великое невежество и богохульство утверждать, что бог троичен и един. Он сказал это в связи со своими уверениями, что теперешний мир погряз в величайшем невежестве, чем когда бы то ни было, ибо похваляется знанием того, чего не понимает, то есть троицы, так как в боге нет трех лиц, и безумие — утверждать это.

28. Обвиняемый, на третьем допросе: Вместе с богословами и величайшими философами я полагаю, что в божестве все атрибуты представляют собой одно и то же. Под тремя атрибутами я понимаю могущество, мудрость и благость, или же ум, интеллект и любовь. Благодаря им вещи получают, во-первых, существование (благодаря уму), затем упорядоченное и разграниченное существование (благодаря интеллекту) и, в-третьих, согласие и симметрию (благодаря любви), которая, я полагаю, присутствует во всем и над всем. Подобно тому как никакая вещь не существует без причастности бытия, и бытие невозможно без сущности, как ни один предмет не может быть прекрасен без присутствия в нем красоты, так и ни одна вещь не может быть обособлена от божественного присутствия. Таким образом я считаю, что различия в божестве возникают вследствие разума, а не вследствие субстанциальной истины. Далее, что касается принадлежащего вере, рассуждая не философски, чтобы прийти к отдельным лицам божества, то этой мудрости, этого сына ума, философами именуемого интеллектом, а богословами — словом, о котором надлежит веровать, что оно воплотилось в человеке, я, оставаясь в границах философии, не понимал и сомневался или же придерживался с неустойчивой верой. Однако я не припоминаю, чтобы я хоть как-то выразил это в своих сочинениях или разговорах. Разве только если кто-либо, как и в других вопросах, сможет прийти к такому выводу, основываясь на духе и убеждении, относящемся к тому, что можно доказать путем разума и заключить на основании естественного света. Что же касается духа божия как третьего лица, то я не мог его понять в согласии с тем, как надлежит веровать, но понимал согласно пифагорейскому взгляду, соответствующему тому, как понимал его Соломон, а именно, как душу вселенной или присутствующую во вселенной, как сказано в Премудрости Соломона: «Дух господень наполнил круг земной и то, что объемлет все»[265]. Это, как кажется, вполне согласуется с пифагорейским учением, изложенным Вергилием в шестой песни «Энеиды»: «Твердь изначала и землю, и вод текучих просторы...» и т.д.[266]. Далее, от этого духа, называемого жизнью вселенной, происходит, согласно моей философии, жизнь и душа, и всякая вещь, имеющая душу; и жизнь, и т.д.

---

[264] Догмату о троице — одному из основных в христианской религии — инквизиторы уделяли большое внимание, это был один из центральных вопросов следствия. Следует учитывать, что, излагая свои взгляды перед инквизиционным трибуналом, Бруно использует богословскую терминологию и аргументацию.

[265] Книга премудрости Соломона, 1, 7.

[266] Джордано Бруно имеет в виду следующее место из «Энеиды» Вергилия:

> Твердь изначала и землю, и вод текучих просторы, И
> лучезарный шар Луны, и светила Титана Дух изнутри
> питает, и всею, разлитый по членам, Движет громадою Ум
> и с великим сливается телом.
>
> (Энеида. Пер. В. Брюсова и С. Соловьева. М.-Л. Academia, 1933. с. 176)

29. Спрошенный относительно троицы отвечал: Говоря по-христиански и в соответствии с богословием и тем, во что должен веровать каждый истинный христианин и католик, я действительно сомневался относительно лица сына божия и святого духа, не понимая, как эти два лица могут быть отличным от отца, если не таким образом, о котором я говорил выше, рассуждая философски и называя интеллект отца сыном, а любовь святым духом, не признавая этого слова «лицо», о котором святой Августин говорил, что оно не древнее, а новое, возникшее в его время[267]. Такого взгляда я придерживался с восемнадцатилетнего возраста до сих пор. Но я действительно никогда это свое отрицание не высказывал и не писал о нем, а только сомневался наедине с собой, как говорил[268].

31. Спрошенный, отвечал: Что касается первого лица, то я говорил, что считал его по своей сущности одним и тем же с первым и третьим. Будучи неразделимы по своей сущности, они не могут терпеть неравенства, ибо все атрибуты, подобающие отцу, подобают также сыну и святому духу. Я только сомневался, каким образом это второе лицо могло воплотиться и пострадать, как я говорил об этом выше. Однако я никогда этого не отрицал и не учил противному. Если же я говорил что-либо о втором лице, то лишь излагая чужие взгляды, например, Ария, Савеллия и их последователей[269]. Я скажу то, что, должно быть, говорил, и что могло послужить соблазном и что было, как я подозреваю, отмечено на первом процессе, происходившем в Неаполе, о чем я уже говорил на первом допросе. Я утверждал, что взгляды Ария менее опасны, чем их понимали и оценивали обычно. Обычно полагают, что Арий считал слово первым творением отца. Я же заявлял, что Арий считал слово не творцом и не творением, а посредником между творцом и творением, подобно тому, как слово является посредником между говорящим и сказанным. Поэтому оно было названо первородным, существующим раньше всех творений. Не им, а посредством его были сотворены все вещи. Не к нему, а посредством его все вещи относятся и возвращаются к своему последнему пределу, то есть к отцу. Горячо настаивая на этом, я был взят под подозрение и предан суду, помимо всех прочих вещей, вероятно, и за это. Мой же взгляд таков, как я его изложил. Я припоминаю, что и здесь, в Венеции, я тоже говорил, что Арий не имел намерения сказать, что Христос, то есть слово, был сотворен, а считал его посредником в том смысле, как я сказал. Но я не помню, в каком точно месте я это говорил — то ли в аптеке, то ли в книжной лавке, знаю только, что говорил в одной из этих лавок, беседуя с некими священниками-богословами, которых я не знаю. Однако я лишь просто пересказывал то, что считал мнением Ария.

33. Спрошенный, отвечал: Для полного разъяснения я заявляю: я считал и веровал, что существует один бог, различный в отце, слове и любви, то есть святом духе. Все три являются, в сущности, одним богом, но я не мог понять и сомневался, можно ли к этим трем приложить название лица, ибо мне кажется, термин «лицо» не может быть прилагаем к божеству. В этом мнении меня укрепляли слова св. Августина: «С ужасом произносим это имя «лицо», когда говорим о божественном, и пользуемся им лишь вынуждаемые необходимостью»[270]. Кроме того, ни в Ветхом, ни в Новом завете я не нашел и не читал этого слова и выражения.

34. Спрошенный, отвечал: Я полагал, что божественная сущность слова присутствовала в человеческой сущности Христа личным образом, но не мог представить себе, что здесь имело место соединение, подобное соединению души и тела. Я полагал, что здесь было такое присутствие, благодаря которому воистину можно было бы сказать об этом человеке, что он — бог, и об этом божестве, что оно — человек.

---

[267] В сочинении «О троице» Августин (354-430) писал: «В писании мы нигде не находим упоминания о трех лицах».

[268] На полях: «Об этих словах спрошен на семнадцатом допросе, и ответы совпали с этим».

[269] *Савеллий* из Птолемаиды в Сирии (111 в.) отрицал разделение лиц троицы. Александрийский священник Арий (ум. в 336 г.) выступил против учения о единосущности троицы, принятого впоследствии Никейским собором (325 г.).

[270] Джордано Бруно цитирует по памяти. Вероятно, он имеет в виду следующее место из сочинения Августина «О троице»: «Можно, в случае необходимости высказываний и споров, говорить о трех лицах. Итак, что же нам остается, как не признать, что произносим эти слова, вынуждаемые необходимостью, когда дело касается обильных рассуждений, направленных против нападок или заблуждений еретиков».

Причина этого заключается в том, что между бесконечной и божественной сущностью и конечной человеческой нет такого соотношения, как между душой и телом или какими бы то ни было двумя предметами, которые могут образовать единую сущность. Я полагаю, что именно по этой причине св. Августин боялся в данном случае произнести это слово «лицо». Не помню сейчас, в каком месте св. Августин говорит об этом. Таким образом — в заключение — что касается сомнения в воплощении, я считаю, что я колебался относительно его непостижимого характера, но не выступал против авторитета священного писания, которое говорит: «И слово стало плотью», и против символа веры: «И воплотился».

35. Спрошенный, отвечал: Сомнение, которое у меня было относительно воплощения, заключалось в том, что мне казалось теологически неверным утверждать, будто божество могло соединиться с человеческой природой в иной форме, чем в форме соприсутствия, как я уже говорил. Из этого я не делал выводов против божественной ипостаси, называющейся Христом.

37. Он же на пятом допросе от себя сказал: Чтобы облегчить свою совесть, я рассказал о своих сомнениях относительно воплощения. Так как в этом вопросе меня плохо поняли, или я не сумел хорошо объяснить, вернусь к нему снова. А именно: поскольку божественная природа бесконечна, а человеческая природа конечна, первая вечна, а вторая смертна, мне казалось, что между ними нет такого соотношения, которое образовывало бы единую ипостась, чтобы человеческая природа так соединялась с божественной для образования одного существа, как человеческая душа с телом. И вообще говоря о вечной троице, выражаясь проще и понятней, эту человеческую сущность я понимал как нечто дополнительное, как бы четвертую составную часть, как это понимал, мне кажется, аббат Иоахим[271]. Затем я полагаюсь на то, во что верует святая матерь церковь, и таким образом считаю, что божественная сущность соприсутствовала в человеческой сущности Христа, и не вывожу вслед за аббатом Иоахимом четверицу, ибо мне кажется недостойным счислять конечное с бесконечным.

30. Он же на восьмом допросе показал: Что касается способа соединения божественной природы с человеческой, то я не мог его понять и сомневался. Не то чтобы я сомневался в этом вопросе явно или скрытно, обладает ли лицо постоянной божественной и человеческой природой в силу своей сущности или акцидентально. Это сомнение происходило от того, что три лица святей шей троицы вечны, а человеческая природа смертна и является творением и постольку не может быть сопричислена к ним, по сущности, как вещь субстанциальная. Поэтому я не приходил вместе с аббатом Иоахимом к утверждению четверицы, ибо нет ни соответствия, ни ряда между творением и несотворимым. Так что акцидентально я считал человеческую природу соединенной с божественной, хотя это единение в величайшей степени необъяснимо.

40. Спрошенный, отвечал: В соответствии с учением святых докторов апостолической католической римской церкви, и особенно святого Фомы, в учении коего я был воспитан, верую, что господь наш Иисус Христос — бог. — И сказал: Верую в бога, единого в троице и троичного в единстве, отца и сына, и святого духа, в котором лицо сына является истинным богом и человеком, соединенными непостижимым образом.

[271] Имеется в виду аббат *Иоахим ди Фьоре,* автор вышедшей в 1527 г. книги «Пророчества о мужах апостольских». Он присоединял к троице обособленную человеческую сущность Христа в качестве «четвертого лица».

ОТНОСИТЕЛЬНО ХРИСТА

41. Джованни Мочениго, доносчик: Я слышал от Джордано много раз в моем доме, что Христос был злодеем, и что ему легко было предсказать, что его повесят, раз он совершал скверные дела, совращая народы. И что Христос творил лишь мнимые чудеса и был магом, как и апостолы. И что он сам мог бы совершить столько же и даже больше. Что Христос проявил нежелание умирать и избежал бы смерти, если бы только сумел.

42. Он же, допрошенный: Я помню, как он говорил, что апостолы проявили большую твердость духа, чем Христос, ибо они показали себя готовыми к смерти, а Христос молился о том, чтобы смерть его миновала. Тог даже, когда говорил о чудесах Христа, он сказал, что сам сумел бы совершить большие дела, чем апостолы, но я не помню, называл ли он их магами.

43. Брат Челестино, капуцин, сосед по камере в Венеции, донес: Джордано говорил, что Христос не был распят на кресте, а был подвешен на столбе с перекладиной, в форме костыля, который тогда употребляли, называя виселицей.

44. Он же, допрошенный, показал: Рассуждая о кресте в камере, в присутствии вышеназванных и по именованных свидетелей, а также Франческо Грациано, он утверждал, что крест, который мы теперь держим в церквах, — не тот и не той формы, как крест, на котором умер Христос, ибо Христос был подвешен на некоем столбе с перекладиной, вроде виселицы, как тогда имели обыкновение вешать преступников.

48. Франческо Грациано, повторно допрошенный: Видя, как я и другие осеняли себя крестным знамением, он сказал, что не следует этого делать, ибо Христос не был распят на кресте, а был пригвожден к столбу с перекладиной, на каком тогда обычно вешали осужденных; и что крест в той форме, как ныне держат над алтарем, есть знак, изображенный на груди богини Изиды; этому знаку всегда поклонялись древние, а христиане украли его у древних, лживо утверждая, что такова была форма столба, на котором был распят Христос. Насколько я помню, это слышали Франческо Вайа и брат Джулио, остальных не помню. Когда же я ему сказал, что ведь надпись: «Иисус Назареянин, царь иудейский» была прикреплена к верхней части креста, он мне ответил, что это неправда, так как сверху был положен добавочный брус, и к нему-то и была приделана эта надпись.

51. Обвиняемый на четвертом допросе, спрошенный относительно чудес Христа, показал: Я говорил, что чудеса являются свидетельством божественности, но, по-моему, большим свидетельством, чем они, является евангельский закон, так как господь сказал о чудесах: «И больше сих сотворят»[272]. В связи с этим мне случалось еще говорить, что хотя и другие, апостолы например, творили чудеса — они совершали их силой Христа. Так что, хотя по внешнему результату чудеса Христа и апостола или святого кажутся одинаковыми, однако Христос творил чудо благодаря собственной, а апостол или святой — благодаря чужой силе. Все же я считал, что чудеса Христа были божественными, истинными, действительными, а не мнимыми. Я никогда не думал, не верил, не говорил, чего- либо противного этому.

52. Спрошенный, отрицал, что осуждал Христа.

53. Отрицал, что говорил или думал, будто чудеса Христа и апостолов были мнимыми и магическими.

54. На десятом допросе сказал, что он всегда веровал в Христа, его страдания и смерть: Правда, я говорил, что крест не имел четырех равных концов, как его принято изображать, и что его священное значение было взято у древних. Ибо в древности иным способом наказывали преступников. К кресту Христа четвертый конец, то есть верхний брус, был приставлен для удобства прикрепления к нему надписи. Признавая, что знак креста символизирует смерть на нем господа нашего, я излагал то, что, мне кажется, прочитал у Марсилио Фичино[273]. А именно, что значение этого знака и преклонение перед ним восходят к эпохе гораздо более древней, чем время воплощения господа нашего.

---

[272] Евангелие от Иоанна, XIV, 12.

[273] *Марсилио Фичино* (1433—1499), философ-неоплатоник, основатель Платоновской академии во Флоренции. Бруно имеет в виду его трактат «О сравнении жизни небес».

Крест почитался со времени, когда процветала религия египтян, примерно во времена Моисея. Знак креста запечатлен на груди Сераписа. Планеты и их влияния, помимо начала, тогда имеют больше силы и основания, когда вначале имеются главные знаки, где планеты пересекают эклиптику или зодиак под прямым углом, от чего из двух таким образом пересекающихся кругов получается форма этого знака. Четыре главных знака — это два равноденствия и два солнцестояния, к которым всегда относили и близ которых всегда праздновали смерть, рождество и воплощение господа нашего.

55. Спрошенный, отвечал: Крест мог походить на молоток или костыль, а что касается обычного его изображения, то скажу, что можно показать тысячи крестов, в которых нет продолжения тела креста в виде верхнего конца, но вместо него я видел форму стержня или палки, на которой прикрепляли надпись. Не говоря о том, что не всегда и в церкви он изображен, как повсюду, в соответствии с обычной формой орудия казни, с четырьмя равными концами.

56. Отрицал, что называл крест виселицей, что говорил: «Кто правит этим миром — предатель». Отрицал, что говорил оскорбительно о смерти Христа и что дурно думал об учении Христа.

ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЯ И СВЯТОЙ ОБЕДНИ[274]

65. Джованни Мочениго, доносчик: Я не сколько раз слышал от Джордано Бруно в моем доме, что католики допускают величайшее богохульство, говоря, что хлеб пресуществляется в тело; и что он — враг обедни.

66. Он же, допрошенный: Когда мне иной раз случалось спросить его, был ли он у обедни, он, издеваясь, отвечал: «Что обедня! Моя служба — в искусстве любви!» А о пресуществлении говорил мне, когда рассуждал о троице, что хлеб не может превратиться в плоть, и что утверждать это — глупость, богохульство и идолопоклонство.

69. Обвиняемый на втором допросе показал, что, когда был в Париже, ему предложили читать ординарные лекции; он отказался, ибо ординарные лекторы этого города обязаны посещать обедню и другие богослужения,— а я всегда избегал этого[275], зная, что отлучен от церкви за выход из ордена и снятие монашеского одеяния. Когда же в Тулузе я читал ординарные лекции, я не был обязан посещать обедню. Затем король поручил мне экстраординарные лекции, и так я читал в течение пяти лет. Затем я поехал в Англию, где прожил два с полови ной года у посла его величества[276], но и в это время я не посещал обедню, когда ее служили в доме и вне его, как и проповедей — по указанной выше причине.

70. Он же на четвертом допросе, спрошенный относительно обедни и пресуществления, отвечал: Я не посещал обедню, так как мне препятствовало отлучение за то, что я был отступником. Однако я присутствовал на вечернях и проповедях, и в последнюю четыредесятницу я посетил церковь. Хотя многие годы я имел дело с кальвинистами, лютеранами и другими еретиками, однако я не усомнился ни в этом, ни в других таинствах. С еретиками я всегда обсуждал философские вопросы и никогда не допускал, чтобы со мной говорили о другом. За это ко мне хорошо относились еретики, ибо они считали меня философом и видели, что я не касаюсь их взглядов. Они скорее считали меня неверующим, чем думали, что я верую в то, чего придерживались они.

---

[274] Пресуществление освященного хлеба и вина в тело и кровь Христа — одна из основных догм христианской религии. Тридентский собор (1545-1563) вынес специальное постановление «О святом таинстве евхаристии». «Если кто скажет, что в святом таинстве евхаристии сохраняется сущность хлеба и вина вместе с телом и кровью господа нашего Иисуса Христа, или будет отрицать чудесное и исключительное превращение всей сущности хлеба в тело и всей сущности вина в кровь, при сохранении лишь внешнего вида хлеба и вина, каковое превращение католическая церковь подобающим образом называет пресуществлением — да будет анафема».

[275] *Гийом Котэн,* библиотекарь аббатства Сен-Виктор в Париже, с которым Джордано Бруно часто беседовал в 1585 г., отмечает в своем дневнике, что Бруно с презрением высказывался о тонкостях схоластов, о таинствах и даже об евхаристии, о которой, как он говорит, святые Петр и Павел не имели представления, а только знали, что «это — тело мое» (Memoires de la Societe de l'histoire de Paris et de l'Ile-de- France, vol. XXVII. Paris, 1901, p. 295, 296).

[276] *Мишель де Кастельно, синьор де Мовисьер* (1520—1592) — посол короля Генриха III при дворе английской королевы Елизаветы. Был врагом Католической лиги, сторонником веротерпимости. Джордано Бруно жил в его доме во время пребывания в Лондоне с лета 1583 до октября 1585 г. Ему посвящены диалоги Бруно «Пир на пепле», «О причине, начале и едином» и «О бесконечности, вселенной и мирах» и одно латинское сочинение.

СУЩЕСТВУЕТ МНОЖЕСТВО МИРОВ

82. Джованни Мочениго, доносчик: Я слышал несколько раз в моем доме от Джордано, что существуют бесконечные миры, и что бог постоянно создает бесконечные миры, ибо сказано, что он хочет все, что может.

83. Он же, допрошенный: Он много раз утверждал, что мир вечен и что существует множество миров. Еще он говорил, что все звезды — это миры, и что это утверждается в изданных им книгах[277]. Однажды, рассуждая об этом предмете, он сказал, что бог столь же нуждается в мире, как и мир в боге, и что бог был бы ничем, если бы не существовало мира, и что бог поэтому только и де лает, что создает новые миры.

86. Брат Джулио, о коем выше: Я слышал от него, что все — мир, что всякая звезда — мир, и что сверху и снизу существует много миров. — Повторно не допрошен.

88. Франческо Грациано, сосед по камере в Венеции: В своих беседах он утверждал, что существуют многие миры; что этот мир — звезда, и другим мирам кажется звездой, подобно тому, как светила, являющиеся мирами, светят нам, как звезды. А когда я ему возражал, он ответил, что рассуждает, как философ, ибо кроме него нет других философов, и в Германии, кроме его философии, никакой другой не признают.

90. Маттео де Сильвестрис, сосед по камере: Далее он говорил, что мир вечен, и что существуют тысячи миров, и что все звезды, сколько их видно, — это миры.

92. Обвиняемый, на третьем допросе[278]: В моих книгах, в частности, можно обнаружить взгляды, которые в целом заключаются в следующем. Я полагаю вселенную бесконечной, то есть созданием бесконечного божественного могущества. Ибо я считаю недостойным божественной благости и могущества, чтобы бог, обладая способностью создать помимо этого мира другой и другие бесконечные миры, создал конечный мир. Таким образом, я заявлял, что существуют бесконечные миры, подобные миру земли, которую я вместе с Пифагором считаю светилом, подобным луне, планетам и иным звездам, число которых бесконечно. Я считаю, что все эти тела суть миры, без числа, образующие бесконечную совокупность в бесконечном пространстве, называющуюся бесконечной вселен ной, в которой находятся бесконечные миры. Отсюда косвенно следует, что истина находится в противоречии с верой. В этой вселенной я полагаю всеобщее провидение, благодаря которому всякая вещь живет, растет, движется и совершенствуется в мире. Оно находится в мире подобно тому, как душа в теле, все во всем и все в какой угодно части, и это я называю природой, тенью и одеянием божества. Это я понимаю также и так, что бог по существу, присутствию и могуществу неизреченным способом находится во всем и над всем: не как часть, не как душа, но необъяснимым образом.

93. На двенадцатом допросе: Из всех моих сочинений и высказываний, которые могли бы быть сообщены сведущими и достойными доверия людьми, видно следующее: я считаю, что этот мир, и миры, и совокупность миров рождаются и уничтожаются. И этот мир, то есть земной шар, имел начало и может иметь конец, подобно другим светилам, которые являются такими же мирами, как и этот мир, возможно, лучшими или даже худшими; они — такие же светила, как и этот мир. Все они рождаются и умирают, как живые существа, состоящие из противоположных, начал. Таково мое мнение относительно всеобщих и частных созданий, и я считаю, что по всему своему бытию они зависят от бога.

94. На четырнадцатом допросе, по существу, отвечал в том же роде относительно множества миров и сказал, что существуют бесконечные миры в бесконечном пустом пространстве, и приводил доказательства.

---

[277] Свои космологические взгляды Джордано Бруно изложил в диалогах «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности, все ленной и мирах», в философской поэме «О безмерном и неисчислимом», в тезисах «Камераценского акротизма» и в ряде других произведений.

[278] На полях: «Относительно этого ответа опрошен на семнадцатом допросе, но не ответил удовлетворительно, ибо вернулся к тем же показаниям».

95. Спрошенный, отвечал: Я говорю, что в каждом мире с необходимостью имеются четыре элемента, как и на земле, то есть имеются моря, реки, горы, пропасти, огонь, животные и растения. Что же касается людей, то есть разумных созданий, являющихся, подобно нам, телесными существами, то я предоставляю судить об этом тем, кто хочет так их называть. Однако следует полагать, что там имеются разумные животные. Что же касается, далее, их тела, то есть смертно оно, как наше, или нет, то наука не дает на это ответа. Раввины и святые Нового завета верили, что существуют живые существа, бессмертные по милости божией. Их имеют в виду, когда говорят о земле живущих и месте блаженных, по псалму: «Верую, что увижу благость господа на земле живых»[279], откуда нисходят ангелы в виде света и пламени. Так толковал святой Василий следующий стих: «Ты творишь ангелами твоими духов, служителями твоими — огонь пылающий»[280], полагая, что ангелы телесны, и святой Фома говорил, что не составляет вопроса веры, телесны ангелы или нет. Основываясь на этих, я считаю для себя допустимым мнение, что в этих мирах имеются разумные существа, живые и бессмертные, которых вследствие этого следует скорее называть ангелами, чем людьми. Как философы-платоники, так и христианские богословы, воспитанные в учении Платона, определяют их как разумных бессмертных существ, в высшей степени отличающихся от нас, людей.

96. Спрошенный, отвечал: Не исключено, что они питаются подобно животным, едят и пьют соответствующим их природе образом, но если они не умирают, то наверняка и не размножаются.

97. Спрошенный, видит ли он различие в том, что живые существа этого мира смертны, живые же существа иных миров бессмертны, отвечал: Я исхожу из авторитета священного писания, которое не помещает смертных людей на небе и вокруг этого мира, а говорит о земле живущих. Кроме того, если бы не первородный грех, то и в этом мире существовали бы еще подобные людям разумные живые существа, которые обладали бы бессмертием, несмотря на то, что ели и питались. Причина этого бессмертия не в природе, ибо эти существа состояли бы из противоположных элементов, а в милости божией.

Таким именно образом бог создал бессмертным нашего прародителя с его родом, который, питаясь от древа жизни, имел возможность не только питаться, но и восстанавливать всю свою сущность и полностью сохранять природные элементы и начала.

---

[279] Псалом XXVI, 13.

[280] Псалом CIII, 4.

ОТНОСИТЕЛЬНО ПОКЛОНЕНИЯ ВОЛХВОВ

98. Франческо Грациано на допросе показал: О стихе: «Цари Фарса и островов поднесут ему дань, цари Аравии и Савы принесут дары[281]»,— он говорил: неправда, что цари поклонялись Христу, ему поклонялись только пастухи и простой народ, эти же слова о царях относятся к Соломону, а не к Христу.

99. Обвиняемый показал, что он беседовал с кем-то, но не помнит с кем; если это было в Венеции, то с Франческо Грациано, если же в Риме, то с Виалардо[282], сказавшими ему, что три волхва не были царями. Они некоторым образом смеялись над тем, что волхвов изображают, как царей; им казалось, что это пророчество «Цари Фарсиса...» и т.д. не оправдалось. На что он им ответил, что это пророчество буквально относится к Соломону. — И мною по этому поводу ничего не было добавлено против величия Христа. Я никогда не говорил и не считал, что не подобает фигурально относить эти слова к Христу. Я помню, как я говорил, что пророчество о поднесении золота, ладана и т.д. в большей степени исполнилось и осуществилось по отношению к Христу, которому не только при жизни, как волхвы, но также и после смерти и воскресения все цари земные приносили не только названные вещи, но еще большие дары души.

---

[281] Псалом LXX1, 10.

[282] *Франческо Мария Виаларди* (Виалардо) (ок. 1540—1613), писатель, поэт, автор ряда политических и философских произведений. В 1592 г. по обвинению в сочувствии Генриху Наваррскому был арестован инквизицией и содержался в римской тюрьме до июня 1597 г., хотя уже в 1595 г. папская власть признала Генриха IV католиком. Находясь в заключении, всячески подчеркивал свои заслуги в борьбе с еретиками. Некоторое время находился в одной камере с Джордано Бруно.

ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕЧНОСТИ МИРА[283]

101. Джованни Мочениго, доносчик: Я слышал несколько раз от Джордано в моем доме, что мир вечен.

104. Брат Джулио де Сало, сосед Джордано по камере, показал: Он утверждал, что бог не был творцом мира, ибо мир столь же вечен, как бог[284]. Я ему сказал, что это противоречит книге Бытия: «В начале бог создал...» и т.д., а он ответил, что я не понимаю, о чем он говорит.

108. Обвиняемый, на третьем допросе: Считая далее, что мир имеет причину и сотворен, я полагал, что по своему бытию он зависит от первопричины. Таким образом я не отвергаю понятия творения, как это, по моему мнению, выразил также и Аристотель, говоря: «Существует бог, от которого зависит мир и вся природа». Точно так же, согласно толкованию святого Фомы, мир, существует ли он вечно или ограничен во времени, по всему своему бытию зависит от первопричины, и в нем нет ничего, существующего независимо.

---

[283] Признание вечности мира несовместимо с церковным тезисом о сотворении мира богом. Бессильные логически доказать этот тезис, богословы объявляют акт творения вопросом веры, а не познания. «Столп» католического богословия Фома Аквинский пишет: «Что мир имел начало — этого следует придерживаться на основании одной лишь веры. Нельзя познать этого с помощью доказательств, однако, в высшей мере подобает веровать в это» (Summa ex universa sacrae Theologiae. Ant-verpiae, 1583, p. I, qu. XLVI. art. II).

[284] Это высказывание Джордано Бруно прямо направлено против одного из основных положений богословия. Фома Аквинский утверждает: «Несомненно, что ничто не может быть равно богу. Но если бы мир существовал всегда, он был бы равен богу по длительности своего существования, следовательно, достоверно то, что мир существовал не всегда» (Summa Theologiae, p. I, qu. XLVI, art. II).

ПРОТИВ МОИСЕЯ

117. Брат Челестино, капуцин, сосед Джордано по камере в Венеции, донес: Джордано говорил, что Моисей был коварнейшим магом и легко победил магов фараона, будучи более опытным в магическом искусстве. И что он лгал, будто бы говорил с богом на горе Синай, и что данный им еврейскому народу закон был выдуман и измышлен им самим. — Сослался на свидетелей соседей по камере брата Джулио де Сало, Франческо Вайа, Маттео де Орио.

122. Обвиняемый на десятом допросе отрицал, что осуждал Моисея и его закон: Я говорил, что в магии и тех науках, которыми обладали маги фараона, он был опытнее других. Я считаю, что насколько они умели действовать магически, настолько умел также и он. Равным образом, Моисей был опытен во всех науках египтян. Я полагаю, что все это я говорил без оскорбления, со всяческой похвалой. А что он превзошел науку египетских магов — тут я лишь передавал то, что всем известно относительно силы созерцания в одиночестве в течение сорока лет. Неправда, будто я оскорбительно думал или высказывался о нем или его законе.

123. Спрошенный, отвечал: Я полагаю, что, возможно, еще до того, как беседовал с богом, он [Моисей] мог действовать магически, как опытнейший в магии. Ведь магия сама по себе не запретна, будучи основана на силах природы, посредством наблюдения за погодой и разными положениями неба, приложения одной материи к другой и соотношения этих низших пассивных начал с высшими активными началами. Так маги обычно с легкостью преуспевают в создании несовершенных животных, как мухи, лягушки, змеи, мыши и другие им подобные, но никогда не было смысла в создании совершенных животных. В этом смысле я думаю, что Моисей мог и умел действовать наравне с возможностями магов фараона и даже мог действовать магически лучше их, будучи более великим магом, чем они сами. Я считаю, что такие действия являются чисто физическими; и совершают ли их демоны или люди, они могут действовать, лишь основываясь на естественных началах. Я нахожу, что магию можно считать недопустимой, только если она применяется в злодейских целях или для похвальбы божественным могуществом, чтобы под этим предлогом обманывать мир. Магия же, как Моисеева, так и абсолютная магия, есть не что иное, как познание тайн природы путем подражания природе в ее творении и создания вещей, удивительных для глаз толпы. Что же касается математической и суеверной магии, то я считаю ее чуждой Моисею и всем почитаемым умам[285].

[285] Джордано Бруно подразделяет магию на три вида: естественную, математическую и церемониальную или религиозную (суеверную). Математическая магия ничего общего не имеет с математикой, кроме названия: она изучает образы, фигуры, знаки, буквы, рассматриваемые в качестве средств общения с «высшими» существами.

ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕВСТВЕННОСТИ СВЯТОЙ ДЕВЫ

155. Джованни Мочениго на допросе показал: Когда Джордано говорил мне о величайшем невежестве, царящем в мире, и относительно троицы, он высказывался также и о девственности Марии и сказал, что невозможно, чтобы дева родила, смеясь и издеваясь над этим верованием людей.

156. Обвиняемый отрицал, что высказывался о девственности: Да поможет мне бог, я даже считаю, что дева может зачать физически, хотя и придерживаюсь того, что святая дева зачала не физически, а чудесным образом от святого духа. — И пустился в рассуждения о том, каким образом дева может физически зачать.

ОТНОСИТЕЛЬНО ДУШ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ

178. Джованни Мочениго, доносчик: Я слышал несколько раз от Джордано в моем доме, что души, созданные природой, переходят от одного животного к другому, и что люди после потопа рождаются в разврате, подобно грубым животным.

179. Он же, допрошенный, показал: Однажды я пришел к нему, когда он был в постели, и найдя рядом с ним паука, убил его. А он сказал мне, что я дурно поступил, и стал рассуждать о том, что в этих животных могла быть душа какого-нибудь из его друзей, ибо души после смерти тела переходят из одного тела в другое. Он утверждал, что прежде уже был в этом мире и много раз возвращался после смерти в тело человека или животного. Я смеялся над этим, а он порицал меня за то, что я смеюсь над такими вещами.

180. Брат Челестино, капуцин, сосед Джордано по камере в Венеции, донес: Джордано говорил, что после смерти души переселяются из одного мира в другой, в один из многих миров и из одного тела в другое. — Сослался на свидетелей, соседей по камере, брата Джулио де Сало, Франческо Вайа и Маттео де Орио.

181. Он же, допрошенный, показал: Рассуждая о множественности миров, он сказал, что душа переходит из одного мира в другой, из одного тела в другое, и что он помнит, что прежде уже был в этом мире; и что когда он был ребенком, к нему приползла змея, напугавшая его, и мать его защитила[286].

185. Обвиняемый на четвертом допросе: Я считал, что души бессмертны и являются самостоятельными сущностями, то есть интеллектуальными душами, и что, говоря католически, они не переходят из одного тела в другое, но идут в рай, чистилище или ад. Но я рассуждал, следуя философским основаниям, что поскольку душа может обладать бытием без тела и небытием в теле, она может таким же образом, как она находилась в одном теле, находиться и в другом, переходя из одного тела в другое. Таков, если и не верный, то во всяком случае правдоподобный взгляд Пифагора.

186. Он же на пятом допросе, спрошенный, каких взглядов придерживался относительно сотворения души и размножения людей и считал ли, что люди рождаются в разврате, отвечал: Я полагаю, что таково мнение Лукреция, и я читал о нем и слышал, как о нем говорят, и пересказывал его, но никогда не выдавал за свое мнение, не придерживался его и не признавал. Когда я беседовал на эту тему или читал лекции, то ссылался при этом на мнение Лукреция, Эпикура и других им подобных[287]. Это мнение не может быть выведено из моей философии.

187. На одиннадцатом допросе: Рассуждая философски и естественным образом, я полагаю, что душа, подобно тому, как она находится в одном теле и является самостоятельной сущностью вне этого тела, имея отличное от органического тела существование — в чем я вы ступаю против Аристотеля и других, считающих ее качеством и формой тела, неотделимой от него, — таким же образом может находиться и в другом теле, и придать другому телу, имеющему пассивные свойства, бессмертную природу.

188. По существу он считает, что душа одного человека может переселяться из одного тела в другое.

---

[286] Этот эпизод из раннего детства Джордано Бруно рассказан им в сочинении «Печать печатей».

[287] Джордано Бруно, вероятно, имеет в виду следующее место из поэмы Лукреция «О природе вещей»:

> Семени мы, наконец, небесного все порожденья,
> Общий родитель наш тот, от которого все зачинает, —
> Мать всеблагая, земля, дождевой орошенная влагой,
> И порождает хлеба наливные и рощи густые,
> И человеческий род, и всяких зверей производит,
> Всем доставляя им корм, которым они, насыщаясь,
> Все беззаботно живут и свое производят потомство,
> Матери имя земля справедливо поэтому носит.
>
> (Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Кн. II, стихи 991-998/
> Пер. Ф.А. Петровского. М., 1946. С. 131).

По представлении ему многочисленных возражений относительно несообразностей, вытекающих из его положений, он все же отвечал и настаивал, что к этим несообразностям приходят те, кто считает переселение душ фактическим, а я считаю его только возможным, о чем пустился в пространные рассуждения.

ОТНОСИТЕЛЬНО ИСКУССТВА ПРОРИЦАНИЯ

190. Джованни Мочениго, доносчик: Джордано говорил, что он хотел заняться искусством прорицания и заставить следовать за собой весь мир. Когда я держал его под замком, чтобы донести на него, он просил меня дать ему копию книжки заклинаний, которую я нашел среди некоторых его рукописей.

191. Он же, допрошенный: Когда он был заключен в тюрьму, среди его имущества была найдена книжка, полная букв, которую я передал инквизиции.

194. Обвиняемый на пятом допросе сказал, что он всегда презирал книги заклинаний: Я высказывал и имел намерение изучать юдициарную астрологию, чтобы увидеть, содержится ли в ней какая-либо истина и пригодна ли она к чему-нибудь[288]. Спрошенный, отрицал, что он говорил, будто деятельность мира управляется судьбой. Всегда говорил и веровал в провидение божие.

195. В Падуе я велел переписать книгу «О печатях Гермеса»[289]. Не знаю, есть ли в ней что-нибудь запрещенное, кроме естественного предсказания. Я хотел воспользоваться ею в изучении юдициарной астрологии, но так и не прочитал ее.

196. На пятнадцатом допросе, спрошенный, от кого получил книгу, отмеченную литерой «А», и с какой целью переписал ее, отвечал: Эта книга переписана с другой, имевшейся у одного моего служителя в Нюрнберге. Он переписал ее по моему приказанию, из-за прославленности ее древних авторов, упоминаемых Альбертом Великим, святым Фомой и другими[290].

197. Спрошенный, отвечал: Я уверен, что в этой книге не написано ничего в поношение господа нашего, ибо авторы ее люди серьезные и основываются на силе небесных синодов и других расположений светил и на низших началах, хотя я знаю, что никому не дозволено обладать этой книгой и этой наукой из-за злоупотреблений, которые могут последовать, если они попадут в руки сведущих и злобных людей. Ибо такова действенность этого искусства, обещанная в заглавии книги. Поэтому я признаю, что я незаконно и без разрешения владел названной книгой, полагая, что мне можно исследовать науку и знание, какими бы они ни были. Ибо святой Фома говорит: «Всякое знание — благо»[291]. И эта наука, по моему мнению, из числа благородных. Но она должна находиться в руках людей святых и справедливых. Ибо она подобна шпаге, опасной в руках преступника и полезной в руке человека, имеющего страх божий и способного иметь суждение о допустимых и недопустимых последствиях: от каких начал они происходят и в какой форме осуществляются, в силу ли расположения светил и воздействия изображений и букв, от действий сведущих людей или демонов. Каковые все сходятся на том, что с помощью знамений времени и обрядового обращения с низшей материей осуществляются удивительные вещи во вред и на пользу людям. Я никогда не имел намерения распространять эту науку и сообщать кому-либо содержание этой книги. Я только хотел иметь ее при себе, чтобы познакомиться с формой и теорией этой науки. Ибо практическая ее сторона никогда меня не привлекала, за исключением части, относящейся к медицине, которой эта наука преимущественно содействует. Гиппократ и Гален много раз заявляли, что врачи не знают астрологии, именно в таком ее применении.

---

[288] Астрология подразделялась на «натуральную», изучавшую воздействие, которое якобы оказывают движения созвездий на природные явления, изменения погоды и т.п., и «юдициарную», рассматривавшую «влияние» небесных тел на судьбы людей и всего человечества. Интерес Бруно к астрологии несомненен и подтвержден им самим на допросах в инквизиции; однако нет никаких данных о том, что он соглашался с представлениями астрологов. Более того, в комедии «Подсвечник» он зло высмеивает астрологов и людей, верящих их предсказаниям.

[289] Популярный в средние века сборник магическо-астрологического характера неизвестного автора II в. до н. э.

[290] Вероятно, речь идет о трактате «О математической магии», содержащем цитаты из нескольких книг, вышедших в XVI в., и из трактата Альберта Великого «О чудесных деяниях природы». Это сочинение было переписано учеником Джордано Бруно Иеронимом Бесслером («служителем из Нюрнберга», как называет его Бруно) и вошло в состав «Московского кодекса».

[291] Мысль эта принадлежит Аристотелю и лишь была повторена Фомой Аквинским, о чем Джордано Бруно говорит в трактате «О магии».

Она подобна острейшему мечу в руке безумца, случайно поражающего самого себя.

О ТОМ, ЧТО НЕТ НАКАЗАНИЯ ЗА ГРЕХИ

198. Джованни Мочениго, доносчик: Я несколько раз слышал от Джордано в моем доме, что нет наказания за грехи. Еще он говорил, что для добродетельной жизни достаточно не делать другим того, чего не желаешь себе самому.

200. Обвиняемый на четвертом допросе показал, что он всегда веровал в необходимость добрых дел для спасения, — как это видно из моей книги «О бесконечной вселенной...», лист 19[292].

О ТОМ, ЧТО БЫВАЛ В АНГЛИИ, ЖЕНЕВЕ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЕРЕТИКОВ, ГДЕ ПРИСУТСТВОВАЛ НА ИХ СБОРИЩАХ

208. Джамбаттиста Чотто, на допросе: Я слышал от разных лиц, что читал он лекции в Париже, Англии и Саксонии; я с ним познакомился в Германии.

209. Брат Челестино, капуцин, сосед Джордано по камере в Венеции, на допросе показал: Он рассказы вал, что когда он был доминиканским монахом, и против него было начато следствие, он, семнадцать лет назад, сбросил монашеское одеяние и жил в Англии, Женеве и других еретических странах.

210. Обвиняемый на втором допросе показал, что он был в Женеве, где остановился в гостинице. Немного погодя, маркиз де Вико[293], неаполитанец, находившийся там, спросил меня, кто я. Я, рассказав ему о себе и о причинах, по которым вышел из ордена, сказал, что не намерен исповедовать религию этого города, так как не знаю, что это за религия, и что поэтому я желаю остаться здесь, чтобы жить на свободе и в безопасности, а не в иных целях. Маркиз и другие итальянцы позаботились о предоставлении мне работы по корректуре книг, чтобы я мог содержать себя. В этом занятии прошло около двух месяцев. Иногда я посещал проповеди и чтения как итальянцев, так и французов, которые читали и проповедовали в этом городе. Среди других я много раз слушал чтения и проповеди лукканца Никколо Бальбани[294], который читал о посланиях святого Павла и проповедовал о Евангелии. Но когда мне сказали, что я не могу там оставаться длительное время, если не решу принять религию этого города, а иначе я не получу от них никакой поддержки, я решил уехать. Я направился в Лион, где пробыл один месяц, и переехал в Тулузу. — И рассказал, что в течение пяти лет читал лекции в Париже. — С письмом, короля Генриха III переехал в Англию, где остановился у посла его величества Мишеля де Кастельно, синьора Мовисьер. В Англии находился два с половиной года, а затем вернулся в Париж, где пробыл год. Потом переехал в Германию, в Майнц, иначе Магонцу, где пробыл 12 дней, а оттуда отправился в Виттенберг, в Саксонию. Там я застал две партии, одну — философов-кальвинистов, а другую — богословов-лютеран. Некий доктор прав Альбериго Джентиле[295] из Марки, с которым я познакомился еще в Англии, помог мне получить курс лекций по «Органону» Аристотеля. Эти и другие лекции по философии я читал в течение двух лет.

---

[292] *Гийом Котэн* (см. примеч. 275) пишет в своем дневнике о Бруно: «Он в высшей степени питает отвращение к еретикам Франции и Англии за то, что они презирают добрые дела» (Memoires de la Societe de l'histoire de Paris, vol. XXVII. Paris, 1901, p. 296).

[293] *Галеаццо Караччоли, маркиз де Вико* (1516—1586), возглавлял итальянскую реформатскую общину в Женеве.

[294] *Никколо Бальбани,* доктор церковного права, с 1551 по 1587 г. был настоятелем итальянской реформатской церкви в Женеве.

[295] *Альбериго Джентиле* (1512—1603), уроженец Анконы, автор труда «Право войны», принадлежал к итальянской реформатской эмиграции. Во время пребывания Джордано Бруно в Англии преподавал юриспруденцию в Оксфордском университете. В Саксонию А. Джентиле при был с английским посольством.

Когда старому герцогу, который был лютеранином, наследовал его сын, кальвинист, он стал покровительствовать партии, враждебной той, которая оказывала покровительство мне. Из-за этого я уехал в Прагу. Там я пробыл шесть месяцев и напечатал книгу по геометрии, за которую император дал мне в награду 300 талеров. Уехав из Праги, я пробыл год в Юлианской академии в Брауншвейге. После смерти герцога, который был еретиком, я в соревновании с другими составил речь на его погребение, за которую его сын выдал мне в награду 80 скуди. Потом я направился во Франкфурт, чтобы напечатать книгу «О минимуме» и другую «О числе»[296]. Там я прожил шесть месяцев в монастыре братьев-кармелитов.

211. Он же на пятом допросе показал, что он присутствовал на собраниях и диспутах еретиков из любопытства и отрицал, что когда-либо разделял трапезу еретиков.

212. Признался, что восхвалял многих еретиков, и особенно государей, за моральные добродетели. В своей книге «О причине, начале и едином» я восхваляю королеву Англии и называю ее божественной не в значении религиозного атрибута. Я сознаю, что впал в заблуждение. Я не знаю короля Наваррского. Я говорил о нем, что он стал еретиком лишь из-за государственной необходимости. Я никогда не восхвалял его за то, что он принадлежал к еретикам.

ОТНОСИТЕЛЬНО ЧТЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ КНИГ

215. Обвиняемый на четвертом допросе: Я читал книги Меланхтона, Лютера, Кальвина и других северных еретиков[297], но не для того, чтобы усвоить их доктрину, не для того, чтобы извлечь из них пользу, ибо я считал их невеждами по сравнению со мною. Я читал их из любознательности. Этих книг я никогда не держал у себя, ибо видел, что в них речь идет о вещах, враждебных католической вере. Имел же я при себе книги таких запрещенных авторов, как Раймунд Луллий и другие, в которых речь шла о философии.

О ТОМ, ЧТО ПРОТИВ НЕГО РАНЕЕ УЖЕ ВОЗБУЖДАЛОСЬ СЛЕДСТВИЕ В СВЯТОЙ СЛУЖБЕ

216. Джованни Мочениго, доносчик: Он говорил мне, что раньше в Риме ему было инквизицией предъявлено обвинение по 130 пунктам. Он бежал, пока велось следствие, так как ему приписывали, что он бросил в Тибр своего обвинителя или того, кого считал своим обвинителем перед инквизицией.

217. Обвиняемый на пятом допросе показал, что против него уже возбуждалось следствие, как сказано выше в главе о святых образах: В 1576 году мне сообщили, что против меня возбуждается следствие по обвинению в ереси. Я не мог представить себе, по каким статьям меня обвиняли. Разве что по такому поводу. Однажды я беседовал с братом Монтальчино[298]. Он сказал, что еретики невежды и не знакомы со схоластически ми понятиями. Я ответил, что, хотя они и не рассуждали схоластически в своих высказываниях, однако излагали свои взгляды вполне понятно, как поступали и древние отцы святой церкви. В качестве примера я привел ересь Ария, о котором схоласты говорили, что он рассматривал рождение сына как акт природы, а не как акт воли.

---

[296] Во Франкфурте в 1591 г. Джордано Бруно опубликовал три философские поэмы, которые, наряду с итальянскими диалогами, составляют основную часть его философского наследия: «О безмерном и неисчислимом», «О монаде, числе и фигуре» и «О тройном наименьшем и мере».

[297] Постановлением Тридентского собора (XVI в.) были запрещены все сочинения Лютера, Кальвина, Цвингли и других деятелей Реформации.

[298] *Агостино Монтальчино* — один из самых реакционных итальянских богословов XVI в., не раз приезжал в монастырь св. Доминика, где находился Джордано Бруно, для устройства теологических диспутов, сводившихся к доказательству того или иного положения из «Суммы богословия» Фомы Аквинского.

То же самое можно выразить в отнюдь не схоластических понятиях, приведенных святым Августином, то есть что он не единосущен отцу, а, будучи творением, происходит от воли отца. На это упомянутый священник и другие ста ли говорить, что я защищаю еретиков и считаю их учены ми людьми. Я не знаю и не могу представить себе, в чем еще меня могли обвинить. Я никогда не представал перед святой службой кроме как в этот раз и никогда не отрекался[299].

ПОКАЗАНИЯ БРАТА ДЖОРДАНО БРУНО СВЕРХ ТОГО, ЧТО СОДЕРЖИТСЯ В ВЫШЕПИСАННЫХ ГЛАВАХ

226. Обвиняемый на первом допросе, в мае месяце 1592 г. в Венеции, показал, что ему часто угрожали донести на него святой службе, но он смеялся над этим. Показал, что когда в 1591 г. находился во Франкфурте, получил письменное приглашение от Джованни Мочениго приехать в Венецию для обучения его искусству памяти и изобретения. С этой целью он приехал в Венецию и обучал оного Мочениго названным искусствам. Когда же затем хотел вернуться во Франкфурт для печатания некоторых сочинений, Мочениго, боясь, как бы он не обучил других названным искусствам, не позволил ему уехать, жалуясь, что он не всему его научил. Когда же обвиняемый все же вознамерился уехать, Мочениго заключил его в собственном доме, обещая, однако, освободить его, если пожелает обучить его наукам; в противном случае угрожал повредить ему. Далее показал, что, по его мнению, заключение его в святой службе — дело рук Мочениго, который подал на него какой-нибудь донос. Показал, что ему сорок четыре года и назвал имя, родину и родителей, рассказал о своей жизни. Когда ему было четырнадцать или пятнадцать лет, он принял облачение ордена святого Доминика в городе Неаполе, где после годичного испытания был допущен к монашескому обету. Затем был посвящен в сан священника. В этом ордене пробыл до 1576 года, когда отправился в Рим в монастырь святой Марии делла Минерва, где против него велось следствие относительно предполагаемого пренебрежения к святым иконам и за то, что упрекал некоего послушника в чтении «Истории семи радостей» и по пунктам, ему неизвестным. Из-за этого он вышел из ордена и, сняв монашеское облачение, пошел в Ноли, в Генуэзской области, где находился четыре или пять лет и обучал грамматике детей.

227. На втором допросе: Оттуда я переехал в Савойю, в Турин и направился в Венецию, где напечатал книгу «О знамениях времени». Оттуда уехал в Падую, где встретил нескольких монахов, убедивших меня вновь надеть монашеское одеяние. — Так переехал в Бергамо, где снова надел облачение, и оттуда хотел поехать в Лион. — Когда я был в Шамбери, в монастыре, где со мной обращались весьма холодно, один итальянский священник сказал мне, что если я пойду дальше, то встречу еще худший прием; я повернул в сторону Женевы, где сбросил монашеское облачение, запасшись парой штанов и другой одеждой. Маркиз де Вико и другие итальянцы дали мне плащ, шляпу и другую необходимую одежду. — Оттуда направился в Лион и Тулузу, где читал о сфере и философии в течение шести месяцев, и затем был допущен к ординарным лекциям и в течение двух лет читал публичные лекции по книге Аристотеля «О душе» и по философии. А затем из-за войны переехал в Париж, где читал тридцать экстраординарных лекций. Показал, что король Генрих III спросил его, обладает ли он такой памятью от природы или приобрел ее с помощью магического искусства. Он ему отвечал, что развил память с помощью науки. Показал, что в это время напечатал книгу о памяти под названием «О тенях идей», и за это Генрих разрешил ему чтение экстраординарных лекций. Он читал их в продолжение пяти лет. Признал, что бывал в различных еретических странах, как сказано в своем месте. Сообщив о многих напечатанных им книгах, прибавил, что хотел вернуться во Франкфурт — чтобы напечатать другие мои сочинения, и в частности книгу «О семи свободных

[299] Вопрос о том, отрекался ли Джордано Бруно ранее от своих «еретических» взглядов, имел большое юридическое значение. Еретик, однажды уже представавший перед судом инквизиции и отрекшийся, а затем «вновь впавший» в ересь, подлежал более суровому наказанию.

искусствах»[300], с намерением собрать эти и другие напечатанные мной книги, которые я одобряю (ибо некоторых я не одобряю), и повергнуть их к ногам его святейшества, который, как я считал, любит способных людей, рассказать ему о своем деле и получить отпущение грехов, и жить в духовном облачении вне ордена. Об этом я говорил в здешнем капитуле с некоторыми священниками, — каковых назвал[301].

228. Спрошенный, отвечал: В некоторых сочи нениях я говорил и рассуждал чрезмерно философски, нечестиво и не вполне как добрый христианин. В частности, я рассуждал о вещах, относящихся к могуществу, мудрости и благости бога, согласно христианской вере, основываясь на разуме и чувстве, а не на вере. Но при этом я не припоминаю отдельных пунктов или отдельной теории.

229. На третьем допросе привел перечень всех книг, им напечатанных и печатающихся, и признал все книги, упомянутые в составленном им списке, за исключением книги «О печатях Гермеса и Птолемея». Пока зал, что книги, на которых указано «Венеция», в действительности были напечатаны в Англии, но издатель хотел указать Венецию, чтобы книги лучше продавались. Другие книги тоже были напечатаны в Англии, хотя указано: «в Париже». Сказал, что в этих книгах речь идет о философии, и что намеренно ничего не писал в них против религии.

230. Спрошенный, отрицал, что в своих лекциях выступал против католической религии.

231. На четвертом допросе: Я думаю, что в моих книгах содержатся многие вещи, враждебные католической вере, и что равным образом, в разговорах, я мог высказать мысли, которые могли ввести в соблазн, однако я говорил и писал это не с намерением прямо нападать на католическую веру, но основываясь только на философских принципах, либо излагая взгляды еретиков.

232. На пятом допросе изложил все ереси и сомнения, которых придерживался.

233. На шестом допросе подтвердил сказанное на предшествующих допросах и сказал, что Джованни Мочениго и его слуги — враги ему.

234. Список книг брата Джордано.

235. На седьмом допросе признал, что дал немалое основание для подозрения в ереси благодаря своим заблуждениям. Но сказал, что всегда испытывал угрызения совести и имел намерение добиться прощения за свое отступничество.

236. Отрицал, что в Венеции обучал еретическим догматам и доктринам. Полагает, что его обвинитель — Мочениго, ибо кроме него никто не мог бы обвинить его в распространении ложных учений.

237. Просил прощения за все свои заблуждения, говоря: Если мне будет дарована жизнь, обещаю значительно исправить мой образ жизни, дабы искупить вызванный мною соблазн.

238. Статьи обвинения, представленные фискальным прокуратором, извлеченные из допросов свидетелей и показаний брата Джордано.

239. Некие разъяснения, написанные рукой брата Джордано.

240. Брат Джордано получил копию всего обвинительного процесса.

241. Замечания, сделанные на ответы и книги брата Джордано.

---

[300] Содержание этого произведения Джордано Бруно не известно.

[301] Имеется в виду священник *Доменико да Ночера,* учитель Бруно, пре подававший философию Фомы Аквинского в монастырской школе в Неаполе в 1572-1574 гг., с которым Джордано Бруно встречался в Венеции незадолго до ареста, он подтвердил это показание Бруно во время допроса в инквизиции.

ЗАЩИТА ПРОТИВ СВИДЕТЕЛЕЙ ОБВИНЕНИЯ

242. Джованни Мочениго, доносчик: От метил себе все пункты, относительно которых донес на Джордано, и опасаясь после этого его побега, запер его в комнате для передачи инквизиторам; считал его одержимым.

243. В тот день, когда я его запер, я спросил его: если он не хочет обучить меня за все любезности и подарки, сделает ли он это, чтобы я не обвинил его в стольких преступных словах против Христа и католической церкви. Он ответил мне, что не боится инквизиции, ибо никого не оскорблял своим образом жизни, и что он не по мнит, чтобы говорил мне что-нибудь дурное, а если и говорил, то мне одному, и поэтому не боится, что я ему поврежу. И я ему сказал, что хотя он не сдержал слова, данного мне, и вел себя столь неблагодарно за хорошее отношение к нему, я хочу быть ему другом. И он мне сказал, что, если я его отпущу на свободу, он выучит меня всему, что знает. Я прошу прощения у вашего преосвященства за свою ошибку, что я откладывал это обвинение, учитывая мои благие намерения и то, что я не мог сразу раскрыть все обстоятельства. Кроме того, я узнал всю его порочность только после того, как он прожил в моем доме, вероятно, в течение двух месяцев.

244. Отмечено, что Джованни Мочениго донес инквизиции обо всех обстоятельствах в трех письмах и впоследствии подтвердил все содержащееся в двух из указанных писем, но не подтвердил содержания треть его письма.

245. Затем был формально допрошен и жаловался, что был обманут указанным Джордано, о чем по существу выше.

246. Джамбаттиста Чотто сказал, что Мочениго до ареста Джордано жаловался ему, что тот многому обещал научить и получил от него в счет этого деньги и одежду; и я [говорил Мочениго] не могу добиться от него выполнения обещаний.

247. Брат Челестино из Вероны, капуцин, показал, что он донес на Джордано, ибо подозревал, что тот клеветнически донесет на него самого. Донес все против Джордано в письменном виде.

248. Затем, допрошенный, показал: Между нами бывали споры, так что однажды он даже дал мне пощечину, но я его простил.

249. Отмечено, что Франческо Вайа, указанный в качестве свидетеля братом Челестино, обо многом и по большей части показал, что ничего не знает.

250. Маттео де Сильвестрис осужден на галеры на двенадцать лет.

251. Обвиняемый на двенадцатом допросе указал не значительные причины вражды с соседями по камере в Венеции.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОТВЕТОВ БРАТА ДЖОРДАНО НА ЗАМЕЧАНИЯ, СДЕЛАННЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, ИЗВЛЕЧЕННЫХ ИЗ ЕГО КНИГ[302]

252. Относительно происхождения вещей показал: Имеется два реальных вечных начала существования, от коих произошли все вещи. Это — душа мира и первая материя[303]. — Спрошенный, распространяется ли вечность этих начал только на будущее или также и на прошлое их существование, отвечал: — Они сотворены богом и согласно всему своему бытию, зависят от бога и вечны. Таким образом я считаю их вечными в смысле будущего, а не прошлого существования, в соответствии с разумом и с тем, каким образом существуют и понимаются (то есть всеобщим образом и полностью) начала: духовная сущность, которая находится внутри и вне всех одушевленных или неодушевленных вещей, и телесная, которая находится и проникает все составные вещи. Каковые начала и элементы прежде существовали сами по себе, нежели в соединении, как полагает Моисей[304].

253. Относительно следующего положения, а именно, что природа бога конечна, если не производит бесконечного, или же бесконечна, отвечал в следующих словах: Я говорю, основываясь на исходных положениях и выводах моей философии, что могущество бога, будучи бесконечным, производит бесконечные вещи; конечный же результат во всяком случае предполагает конечную потенцию в силу неоспоримого закона соотношений, которые, по-моему, должны быть во всяком случае равны. При моем же мнении, что результат бесконечен, божественное могущество и бесконечное деяние не будут ущемлены и поколеблены. Те же, что считают результат конечным, сталкиваются с такими несообразностями, трудностями и попадают в ложное положение, пытаясь согласовать эти два несогласующиеся отношения, и рассуждая таким образом, следуют еретическим воззрениям и т.д. — После чего по главному вопросу: — Я говорю, что тот, кто считает результат конечным, может лишь с натяжкой, с трудом и запинаясь вывести его из бесконечной причины. Вследствие этого в затруднительном положении оказываюсь не я, а тот, кто тратит силы на рассуждения с этими хромыми соотношениями. В целом, я говорю, что исходное положение столь же хорошо, сколь и необходимо; тот же, кто считает, что бог производит конечные результаты, представляет его не иначе, как конечной причиной и конечной способностью.

254. Относительно способа творения человеческой души сказал такими словами: Поскольку из этого вселенского и всеобщего начала выводится всякая частность, как из всеобщности воды выходит и от нее зависит частность той или иной воды, и та или иная земля, находящаяся во мне, и в тебе, и в нем, происходит из этой всеобщей земли и воз вращается в нее, так и дух, который есть во мне, и в тебе, и в нем, происходит от бога и возвращается к богу: «Возвратится к богу, который дал его»[305].

---

[302] С марта 1595 по декабрь 1597 г. инквизиторы изучали философские произведения Джордано Бруно с целью извлечения из них «еретических» положений. К этому времени в распоряжении инквизиции имелись все основные сочинения Бруно. Приведенные далее положения извлечены из итальянских диалогов «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах», а также из латинских поэм «О монаде, числе и фигуре» и «О тройном наименьшем и мере».

[303] Эти положения извлечены из диалога «О причине, начале и едином», а также из поэм «О монаде, числе и фигуре» и «О тройном наименьшем и мере».

[304] В данном случае Бруно имеет в виду второй стих I главы книги Бытия: «Дух господень пребывал на водах». Перевод, который дает Бруно, отличается от латинского перевода Вульгаты и от русского синодального перевода: «Дух божий носился над водою» и, по мнению Л. Фирпо, более того передает древнееврейский текст (L. Firpo. Il pro- cesso di Giordano Bruno. Napoli, 1949, p. 77-84). Толкование этого места Бруно дает в диалоге «О причине, начале и едином» («Диалоги», с. 295).

[305] Екклезиаст, XII, 7.

Таким образом, душа создана несотворенным духом; и сотворенный дух, частный и новый, уже созданный и тот, что будет создан завтра, делает эту душу творением сегодняшним, а ту душу завтрашним творением, но всеобщий дух — это тот, что, будучи сотворенным, равным образом всегда остается таковым[306].

255. Относительно следующего положения, а именно: в мире ничто не рождается и не уничтожается по сущности, если мы не захотим таким образом именовать изменение; произведенное же, каково бы ни было это изменение, по сущности всегда остается тем же[307], — с к а з а л так:

— Во-первых, что касается рода и вида, т.е. духа, воды, земли и света, из которых состоят все вещи, то они не могут быть ничем иным, как тем, чем они были, и не будут иным, нежели тем, чем они являются. К их величине или сущности никогда не прибавляется и не убавляется ни единой точки, а происходит только разделение, или соединение, или составление, или расчленение, или перемещение из одного места в другое. Я полагаю, что универсальные начала такого рода не изменяются по своей сущности.

Что же касается индивидуальных частностей, как говорит евангелист Иоанн, согласный с вышеуказанным текстом[308], подобно тому, как тело уничтожается не по своей сущности, а лишь по единению, расположению, строению, ибо что в нем является водой, всегда было и будет водой; что в нем является землей, всегда было и будет землей, и сущность света всегда была и будет таковой, так и дух всегда был и будет духом, так что уничтожается или умирает не то, что мы можем назвать сущностью, а производное от сущности, т.е. первого вида сущего.

И далее: Как Соломон не впадает в противоречие с самим собой, то говоря: «Род проходит, и род приходит», а то — несколько дальше — «Что было, то и будет... ничего нового под солнцем»[309], — то есть в теле земля, бывшая в нем и влага, и все другие вещи.

Дух же, как я отвечал, что касается его частной и индивидуальной сущности, как считают и я считаю, воспроизводится как бы от одного огромного зеркала, которое является жизнью и отражает образ; и форма, путем разделения и умножения связанных частей становится множеством форм, так что сколько имеется частей зеркала, столько получается и полных форм в каждой из них так же, как было в целом, каковые формы не терпят разделения или отделения, как тело, но где они находятся, там они находятся целиком, как голоса и т.д.

Таким вот образом, как душа в разуме вселенной, и дух истинной субстанции, истинного сущего и творения был, есть и будет в разуме отдельного индивидуума, и его души; тот, кто является Иоанном, не был им, а является им, пока живет Иоанн, и будет, после смерти Иоанна.

Это преимущество есть у человеческой души, ибо частность своего бытия, получаемого в теле, она удерживает и после отделения от тела, в отличие от душ животных, которые возвращаются к всеобщности духа, подобно тем, о которых говорит псалом: «Да исчезнут, как вода протекающая»[310]; как если бы многие части зеркала объединялись в старой форме зеркала. Образы, которые были в каждом, уничтожаются, но остается стекло, сущность, которая была и пребудет.

---

[306] Взгляды Джордано Бруно на сущность «души мира» и всеобщей одушевленности природы и материи изложены в диалогах «О причине, начале и едином» и «О бесконечности, вселенной и мирах» («Диалоги», с. 230, 240-241, 352 и др.).

[307] Эти положения извлечены из диалогов «О причине, начале и едином» и «Пир на пепле»: «Никакая вещь не уничтожается и не теряет бытия, но лишь случайную внешнюю и материальную форму...»; «И когда мы видим нечто, как говорится, умирающим, то мы должны верить не столько в его смерть, сколько в изменение и в прекращение его случайного состава и построения, так как вещества, которые в него входят, всегда остаются бессмертными» («Диалоги», с. 138, 260, 261).

[308] Очевидно, в разъяснениях Джордано Бруно приводились какие-то цитаты из библии, опущенные составителем «Краткого изложения». Что касается евангелиста Иоанна, то Бруно имеет в виду ссылку на 17-й стих I главы «Откровения Иоанна», содержащуюся в его диалоге «О причине, начале и едином» («Диалоги», с. 274).

[309] Екклезиаст, I, 4 и I, 9. В синодальном издании библии слова Екклезиаста I, 9 гласят: «что было, то и будет... И нет ничего нового под солнцем».

[310] Псалом LVII, 8.

Отсюда я не делаю вывода, что остается душа того или иного животного, но остается сущность души того или иного животного, которая была, и есть, и будет, ибо этот дух существовал раньше, чем было это тело, и принадлежит своей всеобщности. Ибо бог, благодаря могуществу той же воли, с которой он хранит другие души, хранит и эти; как благодаря влечению собственного духа к самому себе, может извлечь частную сущность из всех духовных вещей, и душ, в соответствии с тем, что говорит псалом: «Бог стал в сонме богов... Я сказал: вы — боги, и сыны всевышнего — все вы; но вы умрете, как человеки»[311]. И та, и другая власть создает все бессмертные души по милости бога.

256. Относительно движения Земли[312] сказал так: Прежде всего я говорю в целом, что сам факт и характер движения Земли и неподвижности небесного свода или неба выведен мной оснований или авторитетов, которые верны и не наносят ущерба авторитету священного писания, как каждый, кто обладает подлинным пониманием того и другого, будет в конце концов вынужден допустить и признать.

На текст священного писания: «Земля же стоит вечно», и в другом месте: «Восходит солнце, и заходит солнце»[313],

— отвечал, что здесь подразумевается не пространственное движение или стояние, а рождение и уничтожение, т.е. земля всегда пребывает, не становится ни новой, ни старой.

— Что же касается солнца, то скажу, что оно не восходит и не заходит, а нам кажется, что оно восходит и заходит, ибо Земля вращается вокруг своего центра, и считают, что оно восходит и заходит, ибо Солнце совершает воображаемый путь по небосводу в сопровождении всех звезд.

И на возражение, что это его положение противоречит авторитету святых отцов, отвечал, что это противоречит их авторитету не постольку, поскольку они являются благими и святыми примерами, а постольку, поскольку они в меньшей степени были практическими философами и были менее внимательны к явлениям природы.

257. Также сказал, что звезды суть ангелы[314], в таких словах: Звезды являются также ангелами, одушевленными разумными телами, и в то время, как хвалят господа и возвещают его могущество и величие, через каковой свет и письмена, высеченные на небосводе, «небеса проповедуют славу божию»[315]. Слово «ангелы» означает не что иное, как вестники и глашатаи голоса бога и природы, и эти ангелы ощутимы, видны, в отличие от других, невидимых и неощутимых.

258. Также говорил, что земля одушевлена, обладает не только чувствующей, но и разумной душой, и бог явно присваивает ей душу, когда говорит: «Производит земля душу живую», то есть подобно тому, как она образует тела животных из своих телесных частей, так из своего все общего духа одушевляет всякую их часть, приобщая их духу своему. Поэтому она в действительности должна быть в гораздо большей степени одушевленной, нежели произведенные ею животные, ибо она содержит в себе океан всех начал и элементов отдельных животных.

Что Земля — разумное животное — это ясно из ее разумного и интеллектуального действия, которое видно в правильности ее движения вокруг собственного центра, и вокруг Солнца, и вокруг оси своих полюсов, каковая правильность невозможна без интеллекта скорее внутреннего и собственного, чем внешнего и чуждого, ибо если собственный дух находится в муравьях, пчелах и змеях, и в человеке, то он с гораздо большим основанием должен находиться в материи; и не следует приписывать ей внешнего, толкающего и вращающего ее воздействия. — И т.д., растолковывая то же самое.

---

[311] Псалом LXXI, 1,6,7.

[312] Пропаганде гелиоцентрической системы и философских выводов из нее посвящен диалог Джордано Бруно «Пир на пепле». Девятая глава третьей книги поэмы «О безмерном и неисчислимом» называется «О свете Николая Коперника».

[313] Екклезиаст, I, 4, 5. Синодальный перевод этого текста соответствует толкованию, которое дает Джордано Бруно: земля не «стоит», а «пребывает» вовеки.

[314] Речь идет о метафорическом стиле сочинений Джордано Бруно. В диалоге «Пир на пепле» он говорит о звездах: «Эти пылающие тела суть посланники, извещающие о превосходстве славы и величия божия» («Диалоги», с. 85). В ответе на замечания инквизиторов Бруно пытается дать приемлемое для богословов объяснение этого поэтического образа.

[315] Псалом XVIII, 2.

259. Он же с к а з а л, что интеллектуальная душа не есть форма[316], такими словами: Я считаю, в соответствии с моей философской системой, что душа есть не форма (и ни одно место священного писания ее так не называет), но дух, который находится в теле, как жилец в своем доме, как поселенец в странствии, как человек внутренний в человеке внешнем, как пленник в тюрьме: «Имею желание разрешиться и быть со Христом»[317]; подобно тому, как человек в своей одежде: «Кожею и плотию одел меня» и т.д.[318], и тысячью других способов это сказано как в священном писании, так и в толкованиях отцов, что душа находится в теле иным образом, нежели это понимает и говорит Аристотель, каковыми всеми способами подтверждается то, что я сказал.

260. Также о т р и ц а л, что действительно существуют индивидуальные вещи, но что они — суета, как сказано у Соломона: «Видел все, что делается под солнцем, и все — суета»[319]. Истинные же сущности суть виды первой природы, которые действительно являются тем, что они есть.

261. Также с ч и т а е т, что существует множество миров, множество солнц, в которых с необходимостью имеются вещи, подобные в роде и виде тем, что имеются в этом мире, и даже люди, как сказано выше в длинном отступлении[320].

---

[316] Отрицание принятого схоластами и богословами аристотелевского понимания человеческой души как формы рассматривалось церковью в качестве ереси. Относительно этого положения инквизиторы 24 августа 1599 г., по докладу кардинала Беллармина, вновь потребовали объяснения от Джордано Бруно.

[317] Послание к филиппийцам, I, 23.

[318] Книга Иова, X, II.

[319] Екклезиаст, I, 14. В синодальном издании библии указанное место гласит: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!»

[320] См. статьи 82-97 «Краткого изложения...». В данном случае составитель не счел нужным приводить новые объяснения и доказательства, представленные Джордано Бруно, так как они полностью совпадали с содержанием его философских произведений и прежних показаний на процессе. В этом основном вопросе своей философии, явившемся главным пунктом обвинения, Джордано Бруно не отступил ни на шаг.

Приговор

«Мы, Лодовико Мадруцци, епископ Сабинский; Джу-лио Антонио Сантори, епископ Палестринский или Сан-северинский; Пьетро Деза (титул св. Лаврентия в Лучине); Доменико Пинелли (титул св. Златоуста); брат Джеронимо Бернерио (титул св. Марии «sopra la Minerva d'Ascoli); Паоло Сфондрато (титул св. Цецилии); Лючио Сассо (титул св. Кирика и Иулиты); Камилло Боргезе (титул св. Иоанна и Павла); Помпео Аригони (титул св. Бальбины); Роберто Беллармино (титул св. Марии «in Via») — наименованные, по милосердию божию, священниками кардиналами святой римской церкви, генеральные инквизиторы всего христианского государства против еретических преступлений, особо уполномоченные святым престолом.

Ты, брат Джордано Бруно, сын покойного Джованни Бруно, из Нолы, возраста же твоего около 52 лет, еще восемь лет назад был привлечен к суду святой службы Венеции за то, что объявлял величайшей нелепостью говорить, будто хлеб пресуществлялся в тело и т.д.

Эти положения были предъявлены тебе 18 января 1599 года в конгрегации прелатов, заседавшей в святой службе, и был предоставлен тебе шестидневный срок для размышления, чтобы затем ты ответил, намерен ли отречься от этих положений, или нет. Затем, 25-го числа того же месяца та же конгрегация вновь заседала в установленном месте, и ты ответил, что готов взять назад свои утверждения, если апостольский престол и его святейшество наш владыка, признают эти восемь положений окончательно еретическими, или если его святейшество признает их таковыми, или по наитию святого духа определит их как таковые.

И немедленно же вслед за тем ты представил письменное заявление, обращенное к его святейшеству и к нам, которое, как ты говорил, содержит твои оправдания. И затем, 4 февраля 1599 года, было постановлено снова предъявить тебе указанные восемь положений. И действительно, они были предъявлены тебе 15-го числа того же месяца с тем, чтобы, если ты признаешь их еретическими и пожелаешь отречься, тебя приняли в покаяние. В противном случае тебе было бы предоставлено сорок дней, чтобы покаяться. Ты заявил, что признаешь эти восемь положений еретическими, готов проклясть их и отречься от них в том месте и в то время, когда будет угодно святой службе, и не только от этих положений, но сказал, что готов проявить всяческое послушание относительно других положений, предъявленных тебе раньше.

Но затем ты представил другое заявление, находящееся в делах святой службы, обращенное к его святейшеству и к нам. Из него с совершенной очевидностью обнаруживается, что ты упорно держишься этих своих заблуждений.

Кроме того, получены были сведения о поступлении в святую службу в Верчеллах донесения о том, что тебя признавали атеистом, когда ты находился в Англии, и что ты написал книгу о «Торжествующем звере».

10 сентября 1599 года тебе был предоставлен сорокадневный срок для покаяния, после чего с тобою должны были поступить так, как приказывают и повелевают святые каноны.

Несмотря на это, ты не покаялся и упорно держался своих заблуждений и ересей. Посему были уполномочены брат Ипполито Мария Беккария, генерал, и брат Паоло Исарезио делла Мирандола, прокуратор ордена твоего братства, чтобы они убеждали и увещевали тебя признать свои тягчайшие заблуждения и ереси. Несмотря на это, ты оставался настойчивым, упорным, непреклонным в упомянутых своих лживых и еретических мнениях.

Посему после того как были рассмотрены и обсуждены ведущийся против тебя процесс и собственные твои признания в заблуждениях и ересях, твое упорство и непреклонность, ибо ты отрицал, что они являются заблуждениями и ересями, как и все остальные предметы, подлежащие рассмотрению и обсуждению, — дело твое было сперва поставлено на рассмотрение нашей генеральной конгрегации, происходившей в присутствии его святейшества нашего владыки 20 января сего года, и после голосования и обсуждения мы пришли к нижеследующему приговору.

Призвав имя господа нашего Иисуса Христа и его преславной матери приснодевы Марии, на основании сего дела и ранее обсуждавшихся в сей святой службе дел, — Джулио Монтеренцио, доктор прав, прокуратор-фискал указанной святой службы, с одной стороны, и ты, вышеназванный брат Джордано Бруно, преступник, состоящий под судом инквизиции, изобличенный, тягчайший, непокаявшийся, непреклонный и упорный, — с другой стороны: в силу этого нашего окончательного приговора согласно совету отцов магистров святого богословия и докторов обоего (гражданского и церковного) права, наших советников, излагаем в письменной форме следующее:

Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаявшимся, упорным и непреклонным еретиком. Посему ты подлежишь всем осуждениям церкви и карам, согласно святым канонам, законам и установлениям, как общим, так и частным, относящимся к подобным явным, нераскаянным, упорным и непреклонным еретикам. И как такового мы тебя извергаем словесно из духовного сана и объявляем, чтобы ты и в действительности был, согласно нашему приказанию и повелению, лишен всякого великого и малого церковного сана, в каком бы ни находился доныне, согласно установлениям святых канонов. Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем от нашего церковного сонма и от нашей святой и непорочной церкви, милосердия которой ты оказался недостойным. Ты должен быть предан светскому суду, и мы предаем тебя суду монсиньора губернатора Рима, здесь присутствующего, дабы он тебя покарал подобающей казнью, причем усиленно молим, да будет ему угодно смягчить суровость законов, относящихся к казни над твоею личностью, и да будет она без опасности смерти и членовредительства.

Сверх того, осуждаем, порицаем и запрещаем все вышеуказанные и иные твои книги, и писания, как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения. Повелеваем, чтобы отныне все твои книги, какие находятся в святой службе и в будущем попадут в ее руки, были публично разрываемы и сжигаемы на площади св. Петра перед ступенями и как таковые были внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы повелели.

Так мы говорим, возвещаем, приговариваем, объявляем, извергаем из сана, приказываем и повелеваем, отлучаем, передаем и молимся, поступая в этом и во всем остальном несравненно более мягким образом, нежели с полным основанием могли бы и должны были бы.

Сие провозглашаем мы, кардиналы генеральные инквизиторы, поименованные ниже.

Кард. Лодовико Мадруцци
Кард. Джулио Антонио Сансеверина
Кард. Пьетро Деза
Кард Д[оменико] Пинелли
Кард. Джеронимо Аскулано
Кард. Лючио Сассо
Кард. Камилло Боргезе
Кард. Помпео Аригони
Кард. Роберто Беллармино»

Даты жизни Джордано Бруно

1548 — в поселке Сан-Джованни-ди-Ческо близ г. Нолы в семье Джованни Бруно и Фраулисы Саволина родился сын Филиппо, получивший при пострижении в монахи имя Джордано.

J559 — переезд в Неаполь, обучение в частной гуманистической школе.

1565, 15 июня — вступление в послушники монастыря Сан Доминико Маджори в Неаполе.

1566, 16 июня — был пострижен в монахи под именем Джордано.
В том же году был привлечен к суду монастыря по обвинениям в неуважении к образам святых и в кощунстве над богоматерью. По молодости лет прощен до заключительного обвинения.

1566-1575 — учился в монастырской школе.

1571, октябрь — был приглашен папой Пием V в Рим для демонстрации возможностей памяти.

1572 — рукоположен в сан священника, назначен в приходскую церковь монастыря Сан Бартоломе в Кампанье.

1576, начало — получил степень «публичного» доктора — высшую степень, утвержденную для школ доминиканского ордена.

1576, март — вызван в Рим инквизицией ордена доминиканцев по обвинению в еретических мнениях.

1576, 15 апреля — после бегства из Рима Джордано прибыл в Геную.

1576, май — переехал в г. Ноли, в Генуэзской республике.

1576, сентябрь-1579 — скитания Дж. Бруно по Италии.

1577 — издание в Венеции первой книги Джордано Бруно «О знамениях времени» (не сохранилась).

1579, апрель — приезд Джордано Бруно в Женеву.

1579, июль—август — заключение в женевской тюрьме по обвинению в «мятеже против бога и святой реформации».

1579, 13-27 августа — суд над Джордано Бруно в женевской консистории — органе кальвинистской инквизиции, отлучение от церкви.

1579, 27 августа — снятие отлучения и освобождение из-под стражи. Отъезд из Женевы.

1579, октябрь — приезд Джордано Бруно в Тулузу, где он занял должность ординарного профессора философии в Тулузском университете.

1581, лето — Джордано Бруно переезжает в Париж.

1581-1582 — в Париже изданы «Песнь Цирцеи», «О тенях идей», «Искусство Луллия» и комедия «Подсвечник».

1581-начало 1583 — назначен экстраординарным профессором в Сорбонну, где прочел курс из 30 лекций. Работает над «Печатью печатей».

1583, весна-1585, октябрь — пребывание в Англии, участие в диспутах в Оксфордском университете, запрет преподавания. Издание книги «Новое и полное искусство памяти» («Песнь Цирцеи», «Толкование тридцати печатей», «Печать печатей»).

1584 — издание книг «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах», «Изгнание торжествующего зверя».

1585 — издание книг «Тайна Пегаса», «О героическом энтузиазме».

/585, *ноябрь* — возвращение Джордано вместе с послом М. Кастельно во Францию, пребывание в Париже.

1586, июнь — издание диалогов о математической теории Морденте, «О тридцати печатях», «Сто двадцать положений о природе и вселенной против перипатетиков» и др.

/*586*, 25-29 *мая* — диспут в Парижском университете об основных положениях Аристотеля. Отъезд из Парижа.

1586, июнь-1591, лето — пребывание в Германии: Майнц, Магдебург, Виттенберг и др.

/*586, 20 августа-1588, осень* — было разрешено чтение лекций в университете Виттенберга. Издание книг «Искусство убеждать», «О движении вперед и ловчем светильнике логиков» (1587), «Камераценский акротизм» (1588).

/*585*, 5 *марта* — «Прощальная речь» в Виттенберге. /555, *лето* — переезд Джордано Бруно в Прагу.

/*585, осень-1589, январь* — издание в Праге книг «Об исследовании видов и комбинаторной лампаде Раймунда Луллия», «Сто шестьдесят тезисов против математиков и философов нашего времени».

1589, январь — переезд в Гельмштедт (герцогство Брауншвейг). Разрешение Джордано Бруно вести вольные семинары в университете.

/*589, 3 мая* — смерть герцога Юлия Брауншвейгского. «Утешительная речь» Джордано Бруно при погребении.

1590, апрель-июнь — отъезд из Гельмштедта, переезд во Франкфурт.

1590, декабрь — издание в издательстве Вехеля книг «О безмерном и неисчислимом», «О тройном наименьшем и мере», «О монаде, числе и фигуре», «О сочетании образов, знамений и идей», «О малейшем, величайшем и мере» и др.

1591, январь-сентябрь — Джордано Бруно в Цюрихе. Подготовка к печати «Свода метафизических терминов».

1591, октябрь-декабрь — Джордано Бруно в Падуе.

1592, январь — переезд по приглашению Джованни Мочениго в Венецию.

1592, апрель-май — Джордано Бруно живет в доме Мочениго.

1592, 22 мая — Джордано Бруно предательски арестован Джованни Мочениго.

1592, 23 мая — по доносу Мочениго заключен в тюрьму венецианской инквизиции.

1592, 26 мая — 4 июня — первый—шестой допросы трибуналом святой инквизиции в Венеции.

1592, 30 июля — седьмой допрос.

1592, 7 января — постановление правительства Венеции о выдаче Джордано Бруно Риму по требованию папы Климента VIII.

1593, 19 февраля — Джордано Бруно отправлен под охраной из Венеции в Рим.

/593, *27 февраля* — заключен в тюрьму римской инквизиции.

1599, 21 декабря — постановлением конгрегации Джордано Бруно был передан в руки палачей доминиканского ордена, «дабы он признал свои заблуждения, исправился и склонился к отречению».

1600, 20 января — был вынесен смертный приговор в постановлении конгрегации инквизиторов о передаче Джордано Бруно в руки светских властей.

1600, 25 января — инквизиция вынесла приговор об осуждении сочинений Джордано Бруно.

1600, 8 февраля — состоялся обряд отлучения от церкви и проклятия осужденных Джордано Бруно и Чинриано Кручиферо, переданных в руки светского правосудия.

1600, 17 февраля, утро — Джордано Бруно вместе с его книгами сожжен в Риме на Кампо ди Фьоре (Площади Цветов).